ДБ
200
П-30
т. 4-5
штемпель

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

и

ПОЛЬСКИМИ КОНФЕДЕРАТАМИ.

съ 1769—1774 годъ.

Составлено, преимущественно, по неизвѣстнымъ до настоящаго времени рукописнымъ матеріаламъ.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Полковникомъ А. Петровымъ

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія А. Траншеля, Стремянная, д. № 12.

1874.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
572056
IV

ПОГАШЕНО
315-4-5

БИБЛІОТЕКА ГЛАВНАГО ШТАБА

СОДЕРЖАНІЕ

IV ТОМА.

КАМПАНІЯ 1772 ГОДА.

ГЛАВА I. Прибытіе Віомениля въ Польшу, и дѣйствія Конфедератовъ въ 1772 году.—Состояніе конфедератовъ и ихъ сила, въ сентябрѣ 1771 г.—Занятіе Кракова 22 января (2 февраля) 1772 года —Описаніе Краковскаго замка.—Осада Краковскаго замка Суворовымъ. — Капитуляція Шуази. — Дѣйствія противъ конфедератовъ. — Переговоры о раздѣлѣ Польши. — Опроверженіе мнѣнія что Россіи принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши.—Вопросъ о таможняхъ, по отношенію къ интересамъ Россіи и Пруссіи.—Принцъ Генрихъ въ Петербургѣ.—[illegible] 1764 года.—1-е сношеніе гр. Румянцева съ визиремъ въ 17[illegible] году.—Посредничество Австріи и Пруссіи. — Мирныя условія Россіи.—Кордоны Австріи и Пруссіи въ Польшѣ. Занятіе Ципса.—Переписка по поводу раздѣла Польши.—Московскій договоръ 1686 года.—Секретный договоръ Австріи съ Турціей 25 іюня (6 іюля) 1771 г. года. — Соглашеніе между Пруссіей и Россіей на случай войны съ Австріей. — Отвѣтъ гр. Панина на предложеніе Фридриха. — Договоръ Россіи съ Пруссіей о раздѣлѣ Польши. Вѣнскій дворъ присоединяется къ договору.—Политика Франціи и Англіи по отношенію къ Россіи и къ раздѣлу Польши.—Договаривающіяся державы занимаютъ Польскія владѣнія, въ началѣ мая 1772 года. — Собраніе сейма въ Варшавѣ и переговоры по поводу раздѣла. — Манифестъ о раздѣлѣ Польши.—Начало и ходъ переговоровъ по поводу мира съ Турціей.—Необходимость перемирія для обѣихъ сторонъ въ 1772 году. — Прибытіе въ Журжу уполномоченныхъ Россіи и Турціи 9 (20) апрѣля 1772 года.—Затрудненія въ ходѣ переговоровъ въ Журжѣ и причины того . . . . . 1—103 стр.

ГЛАВА II. Продолженіе переговоровъ о раздѣлѣ Польши и о заключеніи перемирія съ Турціей.—Заключеніе перемирія въ Журжѣ 19 (30) мая

1772 года.—Открытіе конгресса въ Фокшанахъ, для заключенія мира.—Несогласія, возникшія по поводу независимости татаръ и закрытіе конгресса.—Возобновленіе переговоровъ съ гр. Румянцевымъ о продолженіи перемирія.—Открытіе новаго конгресса въ Бухарестѣ, въ октябрѣ 1772 года.—Прекращеніе переговоровъ въ Бухарестѣ . . . . . 104—133.

ГЛАВА III. Дѣйствія въ Польшѣ въ 1772 г. и окончательныя соглашенія Россіи, Пруссіи и Австріи, относительно раздѣла Польши.—Инструкція Штакельбергу и его декларація по поводу раздѣла Польши.—Протестъ Польши, и отвѣтъ на него союзныхъ державъ.—Обзоръ правъ, побудившихъ Россію принять участіе въ раздѣла Польши. 133—150.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ 1772 ГОДУ № 1 — 37 . . . . . 151—234.

КАМПАНІЯ 1773 ГОДА.

ГЛАВА I. Прекращеніе переговоровъ въ Бухарестѣ. Приготовленіе обѣихъ сторонъ къ продолженію войны въ 1773 году.—Планъ кампаніи, высказанный Императрицей Екатериной и затрудненія къ его выполненію.—Числительность арміи гр. Румянцева къ марту 1773 г. и расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ.—Планъ кампаніи по предположеніямъ гр. Румянцева.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ мартѣ мѣсяцѣ: дѣла близъ Силистріи, Турно и Рущука.—Мнѣнія русскихъ военно-начальниковъ, касательно переправы за Дунай . . . . . .

ГЛАВА II. Военныя дѣйствія въ апрѣлѣ при Силистріи [illegible] друг.—Наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ Полковника Кличко на Карассу.—Дѣло при [illegible] апрѣля.—Дѣла при Карамуратѣ 19 и Карассу 20 апрѣля.—Сдача Карагурмана.—Попытка турокъ противъ Журжи, въ ночь на 20 апрѣля . . . . . 17—29.

ГЛАВА III. Нападеніе Суворова на Туртукай съ 9 по 10 мая.—Дѣла при Турно 13-го и при Мавродинѣ 15 мая . . . . . 29—41.

ГЛАВА IV. Выступленіе главной арміи изъ Фокшанъ. Начало рѣшительныхъ дѣйствій.—Поискъ г.-м. Вейсмана на Карасу и сраженіе 27 мая 1773 года.—Дѣло при Гуробалѣ 7 іюня и переправа въ этомъ пунктѣ главной арміи черезъ Дунай 9 іюня . . . . . 41—51.

ГЛАВА V. Дѣйствія Румянцева подъ Силистріей 12—18 іюня.—Дѣйствія гр. Салтыкова на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ.—Второй поискъ на Туртукай, въ ночь съ 16 на 17 іюня.—Продолженіе военныхъ дѣйствій главной арміи подъ Силистріей . . . 52—71.

ГЛАВА VI. Сраженіе при Кучукъ Кайнарджи 22 іюня. Смерть Вейсмана.—Отступленіе главной арміи на лѣвый берегъ Дуная.—Общее наступательное движеніе турокъ черезъ Дунай.—Расположеніе главной ар-

міи, по переходѣ ея на лѣвый берегъ Дуная.—Дѣло у Гирсова 30-го іюля . . . . . 71—83.

ГЛАВА VII. Движеніе ген.-пор. Унгерна къ Бабадагу въ началѣ августа.—Поискъ полковника Уварова противъ Орсовы 1-го іюня.—Предпріятіе Турокъ для овладѣнія Журжей.—Попытка турокъ противъ Журживъ ночь на 12 августа.—Планъ Суворова о наступательныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ.—Дѣйствія турокъ противъ Гирсова 3-го сентября и пораженіе ихъ Суворовымъ.—Предположеніе гр. Румянцева относительно Турно.—Дѣйствія гр. Салтыкова противъ Турно. Дѣло 16 сентября . . . . . 83—104.

ГЛАВА VIII. Дѣйствія на нижнимъ Дунаѣ. Дѣло при Танграверді 30 сентября. Наступательное движеніе отрядовъ Унгерна, Суворова и князя Долгорукова.—Сраженіе при Карасу 17 сентября.—Дѣло у Базарджика 23 октября.—Дѣло при Силистріи 24 октября.—Дѣйствія гр. Салтыкова противъ Рущука.—Демонстраціи противъ Варны и Шумлы.—Неудачный штурмъ Варны 30-го октября.—Отступленіе отрядовъ Унгерна и кн. Долгорукова къ Карасу.—Очищеніе праваго берега Дуная.—Расположеніе арміи гр. Румянцева на зимнія квартиры . . 103—120.

ГЛАВА IX. Дѣйствія гр. Салтыкова.—Дѣло у Мавродина 3-го ноября.—Отступленіе корпусовъ Унгерна и кн. Долгорукова.—Дѣло у Черноводъ 10-го ноября.—Дѣло близъ Туртукая 12-го ноября.—Вопросъ о новомъ наступленіи къ Шумлѣ и невозможность выполненія его.—Зимнія квартиры.—Дѣло при дер. Кодыкіой, 18 ноября, которымъ закончилась кампанія 1773 года.—Переправа гр. Салтыкова на лѣвый берегъ Дуная. . . . . 120—134.

[illegible] ГОДА. №№ 1— . . . . . 135—.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ IV томѣ.

1772 годъ.

Страница.	Строка. сверху.	Строка. снизу.	Напечатано:	Читать:
20	„	13	къ возстановленіи.	возстановленію
32	„	1	Долгорукой	Долгоруковъ
67	4	„	получивъ	получилъ
129	1	„	просить	проситъ
142	„	9	Польшу	Польши
169	„	9	qulconque	quelconque

Примѣчаніе. Встрѣчающіяся въ текстѣ слѣдующія имена нужно читать: Обрѣсковъ, Симолинъ, Еникале.

1773 годъ.

Страница.	Строка. сверху.	Строка. снизу.	Напечатано:	Читать:
25	„	5	Дашетанли	Дагестанли
28	14	„	у Караси	у Карасу
94	10	„	карре *N*	карре *M*
96	14	„	Кюстеножи	Кюстенджи
104	„	17	полки	посты
107	16	„	имѣя	имѣлъ
120	4	„	Питшты.	Питешты.
142	„	17	просии	просили

КАМПАНІЯ 1772 ГОДА.

ГЛАВА I.

Блистательныя побѣды гр. Румянцева и его славныхъ сподвижниковъ, въ предшествовавшіе годы войны съ Турціей, понудили наконецъ султана Мустафу III, искать примиренія съ Россіей.

Весь 1772 годъ прошелъ въ переговорахъ съ Турціей о мирѣ, и военныя дѣйствія на Дунаѣ проявлялись только втеченіе зимы, да и то были совершенно незначительны, ограничиваясь столкновеніями небольшихъ партій.

Другое событіе, несравненно большей важности, опредѣлило собою эпоху 1772 года—мы говоримъ о первомъ раздѣлѣ Польши.

Намъ предстоитъ важная задача: изложить этотъ знаменитый историческій фактъ, въ его настоящемъ значеніи; вывести истину на свѣтъ и разузнать тѣ предубѣжденія и ошибки, въ которыя впали историки, бывшіе свидѣтелями послѣдовавшаго раздѣла Польши, и доводы которыхъ по нынѣ повторяются людьми, враждебно относящимися къ политикѣ Россіи.

Мы увидимъ какую роль играла Россія въ этомъ дѣлѣ, и что было сдѣлано Австріей и Франціей, которыхъ поляки считали своими друзьями.

Можно навѣрное сказать, что безъ этихъ друзей, Польша не испытала бы того политическаго перерожденія, которое стало необходимостью, и было слѣдствіемъ современнаго состоянія ея.

Австрія, во все время войны Россіи съ Турціей, давала польскимъ конфедератамъ надежду на свою помощь, и тѣмъ возбуждала ихъ энергію для продолженія враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Когда же безплодныя усилія конфедератовъ привели Польшу къ крайнему разстройству,—Австрія первая воспользовалась этимъ для удовлетворенія своихъ притязаній на часть польской территоріи.

Франція, по отдаленности своей отъ театра дѣйствій въ Польшѣ, и руководимая единственнымъ желаніемъ вредить Россіи, поддерживала конфедератовъ болѣе возбужденіями, чѣмъ существенною пользою, которую оказать она не хотѣла и не могла, по разстройству своихъ финансовъ. Такимъ образомъ, она возбудила для поддержанія конфедератовъ войну Россіи съ Турціей; давала конфедератамъ надежду на свою помощь, препятствовала намѣренію Россіи примириться съ ними, на чрезвычайно выгодныхъ для нихъ условіяхъ, въ которыхъ не было и рѣчи объ отдѣленіи отъ Польши части ея владѣній, на которыя Россія имѣла свои права.

Мы видѣли уже, что для поддержки конфедератовъ Франція отправила къ нимъ Дюмурье, который, послѣ пораженія при Ландскронѣ, осужденъ былъ на полное бездѣйствіе, и вскорѣ возвратился во Францію. На его-же мѣсто отправленъ былъ генералъ Віоменіль, который также ничего не могъ сдѣлать въ пользу конфедератовъ.

Прибытіе Віоменіля въ Польшу, и дѣйствія конфедератовъ въ 1771 году.

Здѣсь мы разсмотримъ ходъ военныхъ событій въ Польшѣ, со времени прибытія туда Віоменіля.

Въ сентябрѣ 1771 г. Віоменіль прибылъ въ Бялу, имѣя при себѣ нѣсколько французскихъ офицеровъ, и принялъ отъ Дюмурье денежную сумму, которая была назначена въ помощь конфедератамъ, но изъ которой почти ничего не было для нихъ истрачено.

Состояніе конфедератовъ и ихъ сила, въ сентябрѣ 1771 года.

Віоменіль нашелъ конфедератскія ополченія—«разстроенными и недисциплированными. У нихъ было для своего обезпеченія нѣ-

сколько дурно укрѣпленныхъ пунктовъ, защищаемыхъ слабыми гарнизонами. Солдаты не получали никакого жалованья, почти нагіе, голодные и дурно вооруженные, а еще хуже обученные».

Въ распоряженіи его было всего до 1,000 чел. пѣхоты, набранной съ чрезвычайными затрудненіями, и до 800 чел. конницы; сверхъ того было 250 чел. пѣхоты и 200 конницы, изъ остатковъ партіи Радзивилла, которые стояли въ окрестностяхъ Освичима, и частью въ краковскомъ воеводствѣ, занимая укрѣпленныя мѣста Тынецъ, Освичимъ и Бобрекъ. Конфедераты были расположены слѣдующимъ образомъ.

До 400 чел. пѣхоты Пулавскаго стояло въ Ченстоховѣ. Конница его, до 1,200 чел., занимала часть сандомирскаго уѣзда, имѣя правый флангъ у Бобрека, а лѣвый у Велюна. Коссаговскій, съ 1,500 чел. литовской конницы, занималъ Кемпенсъ, Остроговъ, Островъ и Одоляновъ, соединяясь правымъ флангомъ съ Пулавскимъ, а лѣвымъ съ Заремобою.

Отрядъ Заремобы изъ 2,500 чел. конницы и 200 вновь собранной пѣхоты занималъ правымъ флангомъ Виндаву, (на лѣвомъ берегу Варты) а лѣвымъ Піотрковъ. Отдѣльные посты его были въ Сирадзѣ, Кашинѣ, Шено, Фрауенштадтѣ и Касіанѣ. Такимъ образомъ, отрядъ Заремобы соединялся съ Коссаговскимъ, котораго лѣвый флангъ былъ у Ксіадза на Вартѣ. Слѣдовательно, конфедераты, въ числѣ до 7,200 чел. конницы и 1,800 пѣхоты, занимали линію отъ венгерскихъ границъ у Новиторга, до р. Варты, нѣсколько ниже Позена (*).

Русскія войска, занимавшія въ это время Польшу, доходили до 10,500 чел. пѣхоты, съ кавалеріей; до 5,000 чел. королевскихъ коронныхъ войскъ должны были дѣйствовать совокупно съ нашими войсками; но кромѣ небольшаго отряда Браницкаго, они не оказали намъ никакой помощи. Сверхъ того, къ числу русскихъ войскъ, нужно присоединить еще до 3,000 чел. волонтеровъ, въ числѣ которыхъ, большею частью, были литовцы и казаки.

Віомениль хотѣлъ согласить свои дѣйствія съ конфедераціею,

(*) Lettres particulières du baron Vioménil p. 158 et. 159.

готовившеюся въ Литвѣ, и которая готова была открыться, какъ только Огинскій объявитъ себя за конфедерацію.

Съ этою цѣлью, какъ мы видѣли уже изъ описанія дѣйствій въ минувшемъ году, Коссаговскій проникъ въ Литву и готовъ былъ соединиться съ Огинскимъ.

Пораженіе Огинскаго при Столовичахъ, парализовало дѣйствія конфедератовъ на всѣхъ пунктахъ, такъ что втеченіи всего 1771 г., конфедераты въ Великой и Малой Польшѣ ничего не могли предпринять рѣшительнаго.

Занятіе Кракова 22 января (2 февраля) 1772 года.

Въ концѣ 1771 года, Віоменилъ принялъ намѣреніе сдѣлать попытку овладѣть Краковымъ. Не рискуя на открытое нападеніе, онъ прибѣгнулъ къ другому средству.

Подполковникъ французской службы Шуази, занимавшій съ 800 чел. мѣстечко Тынецъ, въ одной милѣ отъ Кракова, получилъ отъ Віоменила приказаніе вступить въ тайныя сношенія съ жителями Кракова. Шуази долженъ былъ пріобрѣсть себѣ между ними сторонниковъ, которые, въ извѣстное время, открыли бы ворота и всѣ другіе ходы, ведущіе въ городъ и замокъ краковскій.

Съ этою цѣлью, еще въ началѣ декабря 1771 г., Шуази купилъ у одного частнаго семейства небольшой домъ съ садомъ, прилегавшимъ къ замку.

Отсюда, втеченіи мѣсяца, велись подземныя работы, производимыя съ большою тайною, съ цѣлью открыть потайной ходъ, для сообщенія съ главнѣйшими краковскими жителями. Работы эти велись прежними владѣтелями купленнаго дома; а въ залогъ ихъ вѣрности, старшій членъ семейства былъ взятъ въ Тынецъ.

Шуази пріобрѣлъ также сторонника, который обѣщалъ открыть въ нужное время небольшія ворота, ведущія въ замокъ, которыя были завалены съ внутренней стороны, камнемъ, и у которыхъ, по оплошности, не было поставлено часовыхъ.

Многіе изъ жителей Кракова были въ соглашеніи съ Шуази; въ особенности онъ могъ разсчитывать на монаховъ кармелитскаго мо-

настыря. Слабый и непредусмотрительный комендантъ Кракова и замка, полковникъ Штакельбергъ, уступилъ просьбамъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ заговорщиковъ, и ничего не подозрѣвая, согласился на снятіе часовыхъ съ главнѣйшихъ постовъ; предлогомъ къ этому служили жалобы, что окликъ часовыхъ во время ночи нарушаетъ спокойствіе жителей. Такимъ образомъ, все было подготовлено для нечаяннаго нападенія.

Въ часъ ночи съ 21 на 22 января (съ 1 на 2 февраля по нов. ст.), Шуази, оставивъ въ Тынцѣ до 200 чел., посадилъ остальныхъ 600 чел. на суда, и съ помощью шестовъ, переправился черезъ Вислу, имѣя въ виду напасть на краковскій замокъ.

Съ возможною тишиною Шуази подошелъ къ стѣнамъ замка, прилегавшимъ къ саду кармелитскаго монастыря.

Здѣсь онъ раздѣлилъ свой отрядъ на части, придавъ къ каждой изъ нихъ по надежному проводнику.

Планъ нападенія состоялъ въ томъ, что одна часть должна была проникнуть въ замокъ по трубѣ, которая выходила изъ внутренности замка, и назначалась для стока нечистотъ.

При этой части былъ самъ Шуази. Вторая часть направлена была къ отверстію, бывшему въ стѣнѣ замка, черезъ которое, какъ думалъ Шуази, могли пройти разомъ 4 человѣка.

Слѣдуя съ своею частью, къ подземной трубѣ, Шуази растерялъ въ темнотѣ ночи почти весь свой отрядъ, такъ что при немъ находилось всего нѣсколько человѣкъ. А между тѣмъ было уже половина пятаго часа, и скоро долженъ былъ начаться разсвѣтъ, такъ что разсчетъ на неожиданность нападенія казался очень сомнительнымъ. Но вскорѣ разсѣянные солдаты успѣли собраться и Шуази вошелъ съ ними въ трубу, по которой нужно было двигаться не иначе какъ на колѣнахъ, и по одному человѣку.

Было уже болѣе пяти часовъ; а для того чтобы весь отрядъ успѣлъ пролезть по трубѣ, требовалось до трехъ часовъ. Сверхъ того, Шуази, находившійся впереди своихъ войскъ, приблизясь къ тому концу трубы, который начинался у внутренности замка, увидѣлъ, къ удивленію, что выходъ изъ трубы былъ задѣланъ камнемъ и обѣщаніе, данное ему, открыть этотъ выходъ за часъ до аттаки, не было исполнено. Положеніе его было тѣмъ болѣе затруднитель-

но, что нечѣмъ было сломать каменную ограду, заграждавшую выходъ.

При такихъ обстоятельствахъ, Шуази долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ, и возвратился въ Тынецъ, опасаясь, чтобы въ его отсутствіе это укрѣпленіе, оставленное почти безъ защиты; не подверглось опасности.

Едва Шуази отошелъ отъ Кракова версты на три, какъ съ этой стороны раздалась сильная пушечная и ружейная пальба, показывавшая, что другая часть нападающихъ завязала дѣло. Шуази считалъ уже эту часть погибшею, и возвратился въ Тынецъ въ 8 часовъ утра 22 января (2 февраля) «болѣе мертвымъ чѣмъ живымъ» (*).

Между тѣмъ отрядъ, вступившій въ дѣло, былъ счастливѣе чѣмъ Шуази.

Отрядъ этотъ раздѣлился на три части, по 100 чел. въ каждой, которыми командовали французскіе офицеры. Одна изъ этихъ частей, при капитанѣ Віоменилѣ, должна была пройти по трубѣ, устроенной при отхожихъ мѣстахъ въ замкѣ. Другая, при капитанѣ Сейланѣ, назначалась для аттаки городскихъ воротъ, ближайшихъ къ замку.

Віомениль, пройдя трубою (2 аршина въ вышину и ширину), проникъ въ замокъ. Отрядъ его задушилъ пять часовыхъ, и занялъ замокъ, въ которомъ было 120 чел. гарнизону, и въ томъ числѣ 80 русскихъ гренадеръ, не успѣвшихъ изготовиться къ бою.

Въ тоже время колонна Сейлана, обходя стѣну замка, нашла въ ней небольшое отверстіе, чрезъ которое вступила во внутрь, и соединилась съ Віоменилемъ.

Собравшіяся на скоро наши войска, открывъ по непріятелю сильный огонь, два раза бросались въ штыки, въ намѣреніи снова занять замокъ, но всѣ ихъ попытки остались безуспѣшны. Перестрѣлка въ замкѣ продолжалась до 12 часовъ утра 22 января (2 февраля), и дала знать Шуази, что та часть его войскъ, которую онъ считалъ погибшею, занимаетъ замокъ.

Тогда Шуази снова двинулся къ Кракову съ 400 чел. пѣхоты

(*) Lettre de M. de Choisi, à M. le baron de Vioménil. 2 Février 1772 г. н. ст. изъ краковскаго замка.

и 100 кавалеріи, которая прибыла въ это время въ Тынецъ, при Вишневскомъ изъ Бѣлицъ. Опрокинувъ русскія войска, намѣревавшіяся заградить ему путь, Шуази вступилъ въ замокъ, безъ всякаго затрудненія, черезъ отворенныя ему ворота.

Такимъ образомъ былъ занятъ непріятелемъ краковскій замокъ, въ которомъ оставлено было 20 бочекъ пороху и много свинцу; 800 четвертей овса, множество сѣна; 20 кусковъ сукна, которое было такъ необходимо конфедератамъ.

Утвердясь въ замкѣ, Шуази писалъ генералу Віоменилю (*), что если онъ пришлетъ ему 300 чел. въ подкрѣпленіе, то онъ надѣется овладѣть богатыми соляными копями въ Величкѣ и Бохніи.

По полученіи этого донесенія, Віоменилъ приказалъ собрать въ Тынцѣ до 300 чел. пѣхоты при 2 пушкахъ съ частью кавалеріи, и ввѣривъ ихъ французскому офицеру Галиберту, приказалъ ему слѣдовать въ краковскій замокъ, для усиленія его гарнизона.

Въ часъ ночи съ 24 января (4 февраля), Галибертъ отправился изъ Тынца къ Кракову, куда, по предписанію, долженъ былъ прибыть къ 4 часамъ по полуночи; къ отряду его присоединилось еще до 400 чел. конныхъ конфедератовъ.

На пути слѣдованія этихъ войскъ къ Кракову, нужно было проходить черезъ два узкіе моста, изъ которыхъ ближайшій къ Тынцу не былъ охраняемъ русскими войсками и потому пройденъ безпрепятственно. Но когда Галибертъ подошелъ на 20 шаговъ къ другому мосту, то встрѣченъ былъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ двухъ орудій.

Эта неожиданность, при ночной темнотѣ, озадачила противника, который тотчасъ свернулъ съ дороги, и разсѣялся по сторонамъ ея. Съ трудомъ можно было собрать эти войска, которыя однако двинуты были въ аттаку моста, но были отбиты. Послѣ этой неудачи, Галибертъ, ставъ съ прочими офицерами впереди, вступилъ на мостъ и увлекъ за собою нѣкоторую часть отряда. Русскій отрядъ, защищавшій мостъ, отступилъ къ Кракову, откуда открылась по непріятелю пушечная пальба.

(*) Въ ночь съ 22 на 23 января (2 на 3 февраля).

Слѣдуя за отступавшимъ отрядомъ, Галибертъ потерялъ его вскорѣ изъ виду, и только тогда, когда пушечные выстрѣлы освѣщали мѣстность, онъ могъ замѣтить этотъ отрядъ, отступавшій къ городу. Ошибочно полагая, что это были войска, высланныя изъ замка для соединенія съ нимъ, Галибертъ продолжалъ слѣдовать за нашимъ отрядомъ. Когда же начался разсвѣтъ, то, къ изумленію своему, онъ увидѣлъ себя не передъ замкомъ, куда долженъ былъ вступить, но тыломъ къ нему, и подъ перекрестнымъ огнемъ двухъ башень, на городской стѣнѣ. Увидѣвъ свою ошибку, Галибертъ поспѣшно отступилъ подъ выстрѣлами, и вступилъ, въ 6 часовъ утра 24 января (4 февраля), въ замокъ, имѣя при себѣ всего 207 человѣкъ (*); что можетъ служить доказательствомъ, какъ велика была его потеря. Лошади при орудіяхъ были перебиты, такъ что одна пушка была привезена въ замокъ людьми, а другая брошена въ ровъ, по невозможности спасти ее. Конница конфедератовъ не принимала никакого почти участія въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, Шуази приготовилъ уже все для экспедиціи къ солянымъ копямъ Велички; такъ что едва Галибертъ вступилъ въ замокъ, какъ тотчасъ получилъ въ команду 400 чел. для занятія Велички. Впередъ выслано было 20 лучшихъ чел. пѣхоты, а за ними 100 чел. конницы. Остальная часть отряда слѣдовала сзади. Но едва отрядъ этотъ выступилъ изъ замка, какъ пушечный и ружейный огонь, открытый изъ города, обратилъ въ бѣгство непріятельскую конницу, которая смяла пѣхоту, и принудила ее возвратиться въ замокъ.

Тѣмъ и кончилась попытка овладѣть Величкою. Этого и нужно было ожидать; трудно сказать, что могло подать мысль о занятіи Велички, находящейся на правомъ берегу Вислы, отрядомъ изъ краковскаго замка, который находился на лѣвомъ берегу этой рѣки, и переправа черезъ которую находится въ Тынцѣ. Не лучше ли было выслать въ Величку отрядъ прямо изъ Тынца?

Съ этого времени, конфедераты не рѣшались уже выступать изъ замка, и должны были прекратить всякое сношеніе съ окрестностями. Въ числѣ запасовъ, которые они нашли въ замкѣ, хотя и

(*) Journal du siége de Cracovie, 1772.

довольно было хлѣба въ зернѣ, но мало въ мукѣ, и потому приходилось молоть рожь ручными жерновами. Было также много пороху, но не было ядеръ, и не найдено ни одного ружейнаго кремня, отчего впослѣдствіи нельзя было стрѣлять изъ ружей.

Эти обстоятельства дали себя чувствовать съ первыхъ же дней занятія замка. Такъ, что начиная съ 25 января (5 февраля), войскамъ начали выдавать уменьшенныя порціи, и особенно ощущался недостатокъ въ мясѣ.

Описаніе краковскаго замка.

Краковскій замокъ лежитъ на холмѣ, при самомъ берегу Вислы, на лѣвой сторонѣ ея, и примыкаетъ, съ одной стороны, къ городу Кракову и предмѣстью Казимиръ, надъ которыми онъ командуетъ. Высокая каменная стѣна окружаетъ замокъ, внутри котораго находилось до 300 домовъ, частью деревянныхъ, частью каменныхъ, и старый, полуразрушенный королевскій дворецъ.

Вѣсть о занятіи непріятелями замка быстро стала извѣстна.

Суворовъ прибылъ въ Краковъ съ частью своего отряда, втеченіи 24 и 25 января (4 и 5 февраля), и соединясь съ отрядомъ, находившимся въ Краковѣ, приступилъ къ осадѣ замка. Число его войскъ, можно считать отъ 3,000 до 4,000 чел. Не имѣя осадной артиллеріи, Суворовъ расположилъ свои полевыя орудія въ верхнихъ этажахъ домовъ, чтобы лучше разбить стѣну, окружавшую замокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устроенъ былъ пловучій мостъ на Вислѣ, 27 января (7 февраля), для сообщенія между Величкою и предмѣстьемъ Звиржиницемъ.

Осада краковскаго замка Суворовымъ.

Непріятель, запертый въ замкѣ, претерпѣвалъ значительную потерю, отъ постоянной пальбы нашихъ орудій. Не имѣя никакихъ медицинскихъ пособій, каждый раненый былъ почти обреченъ на смерть. Поэтому Шуази отправилъ къ Суворову просьбу снабдить

его медицинскими запасами; Суворовъ отказалъ въ этомъ, и вмѣсто того, прислалъ французскимъ офицерамъ 12 фунтовъ табаку, сказавши при томъ, что онъ охотно приметъ къ себѣ раненыхъ офицеровъ, подъ условіемъ, чтобы они по выздоровленіи, дали слово не дѣйствовать враждебно, ни противъ Россіи, ни противъ польскаго короля (*).

Видя трудность образовать брешь въ каменной стѣнѣ замка, безъ чего опасно было идти на приступъ, Суворовъ хотѣлъ обмануть противника, и выманить его изъ замка въ поле.

Съ этою цѣлью, въ ночь съ 1 на 2 (12 на 13) февраля, Суворовъ отправилъ по вновь устроенному на Вислѣ мосту небольшой отрядъ войскъ на правый берегъ рѣки, и приказалъ ему открыть учащенную пальбу. Этимъ онъ хотѣлъ заставить Шуази думать, что конфедераты отъ Тынца аттаковали наше прикрытіе у моста, на Вислѣ, и что для поддержанія ихъ Шуази вышлетъ изъ замка отрядъ. Тогда отрядъ этотъ былъ бы отрѣзанъ отъ замка и уничтоженъ.

Но Шуази имѣлъ уже случай убѣдиться въ опасности выходить изъ замка, и потому избѣжалъ ошибки.

Спустя нѣсколько дней, именно 8 (19) февраля, Суворовъ употребилъ ту же хитрость. Въ ночь опять открылась пальба на устроенномъ черезъ Вислу мосту, и слышны были крики «ура!». Потомъ русскія войска, какъ бы отбитыя мнимымъ непріятелемъ, бѣжали въ безпорядкѣ по направленію къ замку, и устроившись въ виду его, снова шли къ мосту, и вторично отъ него бѣжали въ безпорядкѣ.

Шуази выставилъ на колокольнѣ нѣсколькихъ офицеровъ, для наблюденія хода дѣла, и оттуда замѣчена была, поставленная у городскихъ воротъ, колонна русскихъ войскъ, готовая отрѣзать отъ замка непріятельскій отрядъ, если бы онъ высланъ былъ къ мосту. Такъ и на этотъ разъ хитрость не удалась.

Тѣмъ не менѣе, Суворовъ пріобрѣлъ ту выгоду, что пріучалъ противника къ ложнымъ тревогамъ, и тѣмъ разсчитывалъ на большій успѣхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Съ этою же цѣлью, было сдѣлано еще нѣсколько ложныхъ ночныхъ тревогъ, и наконецъ, 18 (29)

(*) Journal du siége de Cracovie.

февраля, Суворовъ предпринялъ общее нападеніе на краковскій замокъ.

Въ 2 часа по полуночи на 18 (29) февраля, Суворовъ приказалъ войскамъ идти на приступъ, направляясь къ тремъ воротамъ въ крѣпостной стѣнѣ, которыя задѣланы были палисадомъ.

Одна колонна въ 800 чел., а двѣ другія по 500 чел. каждая, подошли къ воротамъ, и приставили петарды для разбитія ихъ,—но усилія эти оказались безуспѣшными. Тогда войска наши начали прорубать ворота, и образовали въ нихъ отверстія, черезъ которыя могли пройти одновременно 4 человѣка.

Непріятель направилъ противъ каждыхъ воротъ по одной пушкѣ и поставилъ при нихъ стрѣлковъ, которые поражали огнемъ и штыкомъ каждаго, кто показывался въ прорубкѣ воротъ.

Въ тоже время, мѣстные жители Кракова, по приказанію Суворова, были высланы впередъ съ лѣстницами для эскалады. До 40 лѣстницъ было приставлено къ стѣнѣ, и войска двинулись на приступъ со всѣхъ сторонъ, съ чрезвычайною неустрашимостію, о которой свидѣтельствуетъ самъ Шуази. «Не смотря на страшный огонь, доносилъ Шуази объ этомъ дѣлѣ, русскіе лѣзли по 3 человѣка въ рядъ, въ мои амбразуры, въ которыхъ стояли пушки».

Шуази спѣшилъ своихъ кавалеристовъ, и поставилъ ихъ на вершинѣ холма, съ котораго они, навѣсно, поражали аттакующаго камнями, препятствовали постановкѣ тяжелыхъ лѣстницъ, и вмѣстѣ, съ стрѣлками, наносили смертельные удары тѣмъ, которые показывались на верху стѣны.

Послѣ четырехчасовыхъ усилій, войска наши принуждены были отступить, въ 6 часовъ утра 18 (29) февраля, понеся значительную потерю, но у защищавшихся были переранены почти всѣ офицеры.

Кромѣ большаго числа раненыхъ и больныхъ, страдавшихъ безъ всякихъ медицинскихъ пособій, положеніе гарнизона замка становилось съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе, затруднительнымъ, отъ недостатка продовольствія.

«Я вамъ ничего не скажу о нашихъ нуждахъ, писалъ Шуази къ Віоменилю, потому что вы не можете мнѣ помочь въ этомъ; но наши лица очень вытянутся, если съ нами не произойдетъ никакой перемѣны втеченіи 8 дней. Я велѣлъ убить всѣхъ нашихъ лошадей,

по требованію гарнизона, ибо, съ того времени какъ занятъ замокъ, солдаты не имѣли ни мяса, ни масла, и ничего жирнаго.

Сухой хлѣбъ, каша (готовившаяся изъ зерна ржи), и наша храбрость суть единственная пища для офицеровъ и солдатъ. У меня много больныхъ» (*).

Шуази могъ бы прибавить еще, что у него каждый день оказывались дезертеры, число которыхъ, въ день, доходило иногда до 40 человѣкъ и болѣе; и что раненые офицеры дорого платили за битыхъ воронъ и воробьевъ, (воробей по 2 соль, ворона по 4 ливра), которыхъ употребляли въ пищу (**).

Такое положеніе дѣлъ едва не взбунтовало гарнизона. 11 (22) марта, открытъ былъ заговоръ между солдатами, числомъ до 40 ч., которые хотѣли сдать замокъ. Виновные были разстрѣляны, но положеніе гарнизона все ухудшалось! (***).

А между тѣмъ Суворовъ, съ 4 по 6 (15 по 17) апрѣля, открылъ бомбардированіе и успѣлъ разрушить часть крѣпостной стѣны, въ которой образовалась брешь, а 11 (22) апрѣля, была пробита еще одна брешь, и почти разрушенъ кафедральный соборъ.

Капитуляція Шуази.

Не получая никакой помощи, и не видя болѣе средствъ къ сопротивленію, Шуази вступилъ съ Суворовымъ въ переговоры, и заключилъ съ нимъ, 12 (23) апрѣля, слѣдующія условія:

1) Черезъ три дня, весь гарнизонъ сдается военноплѣннымъ и выйдетъ ровно въ полдень 15 (26) апрѣля изъ замка, безъ оружія и раздѣленный по сотнямъ.

2) До подписанія капитуляціи, пальба, и всѣ военныя работы, будутъ прекращены съ обѣихъ сторонъ.

3) Если гарнизонъ начнетъ военныя дѣйствія до опредѣленнаго въ конвенціи срока, то условія конвенціи уничтожаются сами собою.

(*) Lettre de M. de Choisi á M. le baron de Vioménil 29 (18) Fevrier 1772.
(**) Journal du siége de Cracovie (du 8 au 15 mars).
(***) Тоже (du 15 au 22 m.).

4) Весь гарнизонъ сохраняетъ свое частное имущество.

5) Все имущество замка, принадлежащее польскому королю, и республикѣ польской, а также военный экипажъ и церковное имущество, оставляется неприкосновеннымъ, для наблюденія чего будутъ назначены особые коммисары.

6) Втеченіе трехъ дней перемирія, генералъ Суворовъ будетъ имѣть въ замкѣ своихъ коммисаровъ, и никто изъ замка не можетъ выходить.

7) Французскимъ офицерамъ, во время препровожденія гарнизона, будутъ даны телѣги для ихъ имущества, и лошади для тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ.

8) По выходѣ гарнизона изъ замка, магазины всѣхъ родовъ будутъ сданы генералу Суворову, въ томъ видѣ, въ какомъ состоятъ нынѣ.

9) Чиновники, медики, лакеи и другія не военныя лица, которымъ долженъ быть составленъ точный списокъ, съ вѣрнымъ обозначеніемъ ихъ должностей, получаютъ право отправиться куда захотятъ. При этомъ поставлено условіе, чтобы въ число не военныхъ лицъ не были включены люди военнаго званія.

10) Офицеры могутъ имѣть число лошадей, сообразно своимъ чинамъ.

11) Больные и плѣнные, которые не будутъ въ состояніи слѣдовать, получатъ всю возможную помощь.

12) Такъ какъ гарнизонъ долженъ сдать замокъ въ полдень воскресенья, 15 (26) апрѣля, то за полчаса до выхода, главныя или семинарскія ворота замка должны быть отворены, для вступленія въ замокъ войскъ Ея Императорскаго Величества.

13) Всѣ эти условія, по подписаніи ихъ, будутъ свято исполнены съ обѣихъ сторонъ.

Въ назначенный день и часъ, Суворовъ занялъ краковскій замокъ.

Во все время описанныхъ дѣйствій подъ Краковымъ, конфедераты въ Польшѣ ограничивались безуспѣшными предпріятіями отвлечь войска Суворова отъ Кракова и обратить вниманіе Русскихъ на другіе пункты.

Около 20 февраля по н. ст., отряды Пулавскаго, Коссаговскаго

и Зарембы должны были подвинуться ближе къ Варшавѣ, разбить отдѣльные русскіе отряды, и потомъ стараться пробраться въ Литву.

Дѣйствія прочихъ конфедератовъ.

Въ то же время литовскій отрядъ Зиберга, бывшій въ Ландскронѣ, Сапѣги, Валевскаго и Огинскаго (который на занятыя въ Голландіи 50,000 дукатовъ сформировалъ себѣ отрядъ отъ 3,000 до 4,000 чел.) Віоменилъ намѣренъ былъ соединить и аттаковать ими съ поля войска Суворова, осаждавшія краковскій замокъ.

Состояніе конфедератовъ Зиберга было такъ плохо, что Віоменилъ не могъ на нихъ разсчитывать. Прочіе же три отряда, собравшись въ Тынцѣ, выступили, 2 (13) марта, по обоимъ берегамъ Вислы къ Кракову, имѣя при себѣ 100 быковъ для осажденныхъ.

Но русскія войска, встрѣтивъ непріятеля, разбили его съ равнымъ успѣхомъ на обоихъ берегахъ, и принудили поспѣшно укрыться въ Тынцѣ. Суворовъ лично предводительствовалъ войсками противъ конфедератовъ, слѣдовавшихъ по лѣвому берегу Вислы.

Дѣйствія Пулавскаго и Коссаговскаго въ Великой Польшѣ не были удачнѣе. Встрѣчая вездѣ отряды Древича, стоявшаго по лѣвому берегу верхней Вислы, и Лапушина, занимавшаго Піотрковъ, оба конфедератскіе отряда, принуждены были отказаться отъ попытокъ дѣйствовать на наши сообщенія, и пробраться въ Литву, почему и возвратились въ Ченстоховъ 19 февраля (2 марта).

Отрядъ Зарембы, отступая передъ прусскими войсками, вступившими въ Великую Польшу, прибылъ 17 (28) февраля въ 3 дни, и оттуда направился къ Сираджу. Положеніе конфедератовъ въ Великой Польшѣ вообще было крайне затруднительно.

Лишенные самаго необходимаго, отряды Зарембы, Пулавскаго и Коссаговскаго, вездѣ прѣслѣдуемые и стѣсняемые русскими войсками, не могли долѣе оставаться въ Великой Польшѣ.

«Чтобы дать имъ какую нибудь возможность дѣйствовать въ настоящую кампанію, общее управленіе конфедераціи приказало имъ соединить всѣ свои силы, и аттаковать отряды Древича и Лапушина;

оставить немедленно Ченстоховъ, предоставивъ его собственнымъ средствамъ, перейти Вислу, и направиться къ Замосцю, чтобы перенести дѣйствія къ сторонѣ Люблина, гдѣ конфедераты могутъ найти болѣе средствъ продовольствія». «Все это, пишетъ Віомениль, не могло быть исполнено безъ большаго риску и случайностей, но при настоящемъ, отчаянномъ положеніи, нужно было рѣшиться на что нибудь отважное» (*).

Рѣшась на такую крайность, общее управленіе конфедераціею дало инструкцію Пулавскому, Коссаговскому и Зарембѣ.

Въ этой инструкціи представлялась невозможность держаться въ Великой Польшѣ, гдѣ 2,000 отрядъ Лапушина занималъ Піотрковъ; а Древичъ стоялъ въ Пилицѣ, съ 1,400 чел., высылая партіи къ Ченстохову, не допуская конфедератовъ проникнуть на правый берегъ р. Варты, для сбора продовольствія. Сверхъ того, прусскія войска, занявъ Познанское герцогство, стѣсняли конфедератовъ съ этой стороны. По этому, сказано въ инструкціи: — „не имѣя возможности серіезно сопротивляться пруссакамъ, опасаясь постоянно совершеннаго разстройства конфедератовъ въ Великой Польшѣ, и приведенія ихъ въ невозможность сражаться, управленіе конфедераціей, желая предупредить эти опасенія, и въ надеждѣ подвергнуть русскія войска какой нибудь невыгодной для нихъ случайности,— приказываетъ господамъ: Зарембѣ, Пулавскому и Коссаговскому немедленно соединить, съ величайшимъ секретомъ, свои силы въ окрестностяхъ Вилюня, неожиданно перейти р. Варту, и совокупно направиться къ Піоткову. Если Лапушинъ будетъ застигнутъ въ расплохъ, то подвергнется всѣмъ невыгодамъ своего положенія. Если же онъ будетъ готовъ къ бою, на выгодной позиціи, то принудить его оставить ее, и направить не менѣе 600 чел. конницы на его сообщенія съ Равой и Варшавой. Въ то же время, неотступно преслѣдуя Лапушина, стараться настигнуть его, въ невыгодномъ положеніи, разбить, или по крайней мѣрѣ, отбросить къ Варшавѣ.

3,000 лучшихъ войскъ конфедератовъ, предводимыхъ способными и рѣшительными начальниками, должны ручаться за первый успѣхъ».

(*) Lettre du baron de Vioménil le 7 (18) Mars 1772.

Пулавскій долженъ былъ отправить часть своего отряда къ Пилицѣ, для наблюденія за Древичемъ. Если послѣдній, узнавъ о направленіи конфедератовъ къ Піоткову, пойдетъ вслѣдъ за ними, для дѣйствія въ тылу, то Пулавскій, соединясь съ Зарембою, обращается на Древича, и смѣло аттакуетъ его, если Древичъ будетъ намѣренъ принять бой; если же онъ отступитъ къ Кракову, то отрядивъ за нимъ небольшой отрядъ для наблюденія, отбросить Лапушина за Варту, и потомъ, всѣмъ вмѣстѣ возвратиться въ Ченстоховъ. Оставивъ въ Ченстоховѣ небольшой гарнизонъ, при искусномъ офицерѣ, всѣ три поименованные отряда должны были перейти, у Бобрека, на правый берегъ Вислы, выславъ при томъ, для прикрытія пути и наблюденія за Древичемъ, небольшой отрядъ.

Этотъ послѣдній, направляясь на Леловъ и Влодовичъ, долженъ былъ наблюдать пути, ведущіе къ Кракову, и остановиться на позиціи у Липовича, для прикрытія переправы Зарембы, Коссаговскаго и Пулавскаго у Бобрека. Послѣ чего, наблюдательный отрядъ долженъ былъ самъ перейти Вислу, вбродъ, у Бобрека, и соединиться у Освичима съ главными своими силами, гдѣ конфедераты должны были ожидать новыхъ приказаній (*).

Если бы конфедераты, соединивъ свои силы, предприняли что-нибудь рѣшительное, то, можетъ быть, они заставили бы, по крайней мѣрѣ, отдѣлить противъ нихъ часть войскъ, осаждавшихъ краковскій замокъ, или даже могли бы одержать нѣкоторые успѣхи надъ разбросанными нашими небольшими отрядами въ Великой Польшѣ.

Но на этотъ разъ, конфедераты доказали снова свою неспособность дѣйствовать съ единствомъ.

Заремба прежде всѣхъ возсталъ противъ предписанныхъ въ инструкціи дѣйствій, доказывая, что дурное состояніе дорогъ, препятствуя двигаться быстро, дѣлаетъ неожиданность нападенія невозможною.

Тѣмъ не менѣе, онъ одинъ, съ кавалерійскимъ отрядомъ своимъ, до 900 чел. гусаръ, выступилъ 11 (22) марта къ Піоткову,

---

(*) L'instruction que la Généralité a envoyée aux M. M. Pulawsky, Kossagowky et Zaremba, le 18 Mars. 1772.

и къ ночи того же числа, остановился тамъ на позиціи, въ четверти версты отъ города.

Лапушинъ, имѣя въ это время въ Піотрковѣ до 1,600 чел., не зналъ совершенно о приходѣ Заремы. Если бы послѣдній не медленно аттаковалъ Піотрковъ, то могъ бы достигнуть значительныхъ результатовъ. Но войска его были крайне изнурены, послѣ перехода въ 40 верстъ, и потому Заремба не рѣшался начать аттаку, и напротивъ, отступилъ къ Роспржѣ, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Лапушинъ узналъ о близкомъ присутствіи Заремы, и потому немедленно двинулся противъ него. Передовые посты конфедератовъ, выставленные на высотахъ при Милковѣ, были сбиты. Заремба поддерживалъ ихъ всѣми своими силами. Завязалось упорное, кавалерійское дѣло, продолжавшееся три четверти часа, въ которомъ Заремба былъ совершенно разбитъ, и потерялъ до 500 ч. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Остатки его отряда перешли обратно на лѣвый берегъ Варты, а Лапушинъ снова занялъ Піотрковъ.

Здѣсь 16 (27) марта, онъ уничтожилъ отрядъ 400 драгунъ, которые, подъ начальствомъ Мазовецкаго, были открыты близъ Піоткова.

Не болѣе счастливъ былъ и Пулавскій. Во время слѣдованія своего къ Піоткову, онъ отрядилъ 500 ч. конницы, для наблюденія за Древичемъ, что, какъ мы видѣли, было приказано ему по инструкціи. Отрядъ этотъ былъ неожиданно настигнутъ 11 (22) марта Древичемъ, разбитъ имъ, и совершенно разсѣянъ.

Когда же получено было извѣстіе о пораженіи Заремы, то предположенное нападеніе на Піотрковъ было оставлено, и Пулавскій возвратился въ Ченстоховъ (*).

Равнымъ образомъ, Коссаговскій, уклонясь уже отъ общаго плана дѣйствій, намѣревался пройти къ Замосцью, и далѣе въ Литву. Не успѣвъ въ томъ, онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ только избавился отъ пораженія.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи находились дѣла конфедератовъ, когда, къ довершенію ихъ бѣдствій, прусскія войска открыли противъ нихъ враждебныя дѣйствія.

(*) Lettre du baron de Vioménil; Téschen 28 mars (8 avril) 1772.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу, началось еще гораздо ранѣе, что заставило конфедератовъ обратиться къ ближайшимъ начальникамъ прусскихъ войскъ, съ требованіемъ объясненій.

Прусскій генералъ Четричь отвѣтилъ на это Сиражевскому, одному изъ начальниковъ конфедератовъ, отряда Зарембы, слѣдующимъ письмомъ отъ 11 (22) марта: «Его Величество, имѣя намѣреніе подвинуть прусскія войска къ Вартѣ, поручилъ мнѣ увѣдомить конфедератовъ, чтобы они отступили отъ Фрауенштадта, Лиссы, Равига, Ждуни и другихъ мѣстъ. Это есть воля Его Величества, моего короля, о которой, прошу васъ, сообщить маршалу Зарембѣ; надѣюсь, что для избѣжанія гибельныхъ послѣдствій, въ которыхъ конфедераты будутъ сами единственными виновниками, они не замедлятъ очистить тотчасъ же требуемыя мѣста».

Но какъ конфедераты не намѣрены были уступить, то войска Зарембы были выбиты пруссаками 2 и 3 чиселъ апрѣля (22 и 23 марта), изъ Фрауенштадта, Лежно и Ждуни, и заняли позицію на р. Вартѣ, до силезскихъ границъ.

Эти дѣйствія прусскихъ войскъ были рѣшительнымъ заявленіемъ, составленнаго между Пруссіею, Австріею и Россіею тайнаго договора о раздѣленіи Польши.

Переговоры о раздѣлѣ Польши.—Опроверженіе мнѣнія что Россіи принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши.—Вопросъ о таможняхъ, по отношенію къ интересамъ Россіи и Пруссіи.

Обратимся къ изложенію этого замѣчательнаго историческаго факта.

Почти всѣ иностранные историки приписываютъ Россіи инціативу въ раздѣлѣ Польши, и стараются доказать это положеніе фактами, которые не могутъ быть приняты въ доказательство.

Такъ Шлецеръ (*), состоявшій въ Петербургѣ при прусскомъ

(*) Friedrich der Grosse und Catherina die Zweite, von Kurd von Schlözer. Berlin 1859—p. 160.

посольствѣ, указываетъ на то, что еще въ декабрѣ 1763 г., графъ Панинъ старался заключить тайный договоръ, между Россіей и Пруссіей, и что въ договорѣ этомъ имѣлись важные виды на Польшу.

Шлецеръ приводитъ выписку изъ депеши прусскаго посланника гр. Сольмса въ Петербургѣ къ Фридриху Великому, въ которой Сольмсъ такъ передаетъ результатъ своихъ переговоровъ съ гр. Панинымъ:

«Панинъ прибавилъ, что Ваше Величество не будете сожалѣть, если примете предложеніе его двора, потому что если, сверхъ всякаго ожиданія, дѣла примутъ крайній оборотъ, то Панинъ ручался мнѣ, что Ваше Величество *будете также вознаграждены за свои труды какъ и Россія*».

И такъ, въ этой послѣдней фразѣ, Шлецеръ видитъ аргументъ, не допускающій сомнѣнія въ томъ, что Россіи принадлежитъ мысль раздѣленія Польши.

При сомнительности понятій, настоящій ихъ смыслъ опредѣляется анализомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя даютъ ему истинное значеніе.

Въ 1762 г., Императрица Екатерина только что вступила на престолъ и сосредоточила все свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Мы видѣли, что диссиденты громко жаловались на свое угнетеніе и просили помощи у иностранныхъ державъ; что, наконецъ, былъ вопросъ о избраніи польскаго короля.

Естественно, что Россія, желая имѣть значеніе въ дѣлахъ Польши, настаивала на избраніи въ короли Станислава Понятовскаго, на котораго Императрица Екатерина имѣла большое личное вліяніе. Съ другой стороны, внутренніе раздоры Польши, какъ сосѣдней намъ державы, не могли не отражаться на интересахъ Россіи.

Приведенныя слова относятся къ избранію Понятовскаго а не къ раздѣлу Польши, хотя Россія, болѣе другихъ державъ могла бы найти къ тому поводовъ.

Противно заключенному между Россіей и Польшей договору въ 1686 и 1705 гг., польскіе паны, не признавая надъ собою ничьей власти, учредили на границахъ съ Россіей, въ помѣстьяхъ

своихъ, таможни, и изъ личныхъ выгодъ стѣсняли торговые обороты Польши и Россіи.

Также противузаконно и съ такимъ же ущербомъ для прусской торговли, учреждены были въ Польшѣ таможни на прусской границѣ.

Вотъ одна изъ причинъ, которая заставила Пруссію и Россію, искать сближенія, для утвержденія въ Польшѣ законнаго правительства, которое могло бы обуздать произволъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій. Къ тому же, какъ державы не католическія, Пруссія и Россія не могли оставить безъ вниманія притѣсненія диссидентовъ.

На этихъ именно основаніяхъ и былъ составленъ тайный договоръ 31 марта (11 апрѣля) 1764 г., по которому Пруссія и Россія согласились поддерживать избраніе на польскій престолъ Станислава-Августа и вытребовать диссидентамъ законныя ихъ права.

Договоръ этотъ былъ возобновленъ 1 (12) октября 1769 г. Пруссія обязалась выставить въ помощь Россіи 20,000 чел., въ томъ случаѣ, еслибы возникъ вопросъ о низложеніи Станислава Понятовскаго съ престола; такъ какъ эти державы гарантировали его избраніе.

Равнымъ образомъ, по тайному договору между обѣими державами, заключенному 12 (23) апрѣля 1767 года, Пруссія обязывалась объявить, вмѣстѣ съ Россіей, войну Австріи, еслибы послѣдняя воспротивилась къ возстановленію правъ диссидентовъ въ Польшѣ.

Понятно, что обѣ державы одинаково выигрывали въ своихъ интересахъ отъ утвержденія въ Польшѣ законнаго порядка, и что обѣ онѣ были бы, такимъ образомъ, *одинаково вознаграждены за свой труды*.

О раздѣлѣ же Польши въ это время не могло быть и рѣчи. Просимъ обратить вниманіе на слова въ приведенной депешѣ Сольмса: «что если, сверхъ всякаго ожиданія, дѣла примутъ крайній оборотъ»; они прямо говорятъ, что рѣчь идетъ не объ раздѣлѣ.

Пруссія, окончивъ, въ 1763 г., успѣшную для нея, но тѣмъ не менѣе крайне разорительную и тяжелую семилѣтнюю войну, была въ са-

момъ разстроенномъ состояніи, и не могла, тотчасъ же, начать новую войну.

А можно ли было предположить, что европейскія державы равнодушно отнесутся къ такому факту какъ раздѣлъ Польши, и что это не поведетъ къ войнѣ?

Говоря объ интригахъ Франціи въ Турціи, въ первомъ томѣ нашего сочиненія, мы видѣли, какъ старалась Франція доказать, что усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ будетъ гибельно для Турціи; что Польша есть естественная союзница Порты, и что ослабленіе первой прямо вредитъ интересамъ послѣдней.

Мы не соглашаемся со Смитомъ, который говоритъ (*), что только побѣды при Ларгѣ, Кагулѣ и Чесмѣ, въ 1770 и 1771 г., сдѣлали Россію опасною, въ глазахъ европейскихъ державъ, и что до этого времени она никому не внушала опасеній.

Напротивъ того, въ нотѣ де-Вержена къ министру Порты, въ іюлѣ 1768 г. прямо говорится: «Россія всегда имѣла иниціативу нападенія; но однако, она всегда старалась казаться вынужденною начать войну». Опасенія Екатерины, что въ Европѣ приписываютъ ей завоевательные планы, высказываются въ рескриптѣ къ графу П. Панину, отъ 2 апрѣля 1770 года. Наконецъ, при свиданіи Кауница съ Фридрихомъ, въ Ништадтѣ, австрійскій министръ, желая отклонить Пруссію отъ согласія съ Россіей сказалъ: «что обширныя предпріятія Россіи приведутъ Европу въ смятеніе» и постоянно указывалъ на честолюбіе петербургскаго двора (**).

По этому можно было полагать что Турція не захочетъ усиленія Россіи на счетъ Польши, и что это поведетъ къ войнѣ, въ которой Пруссія должна была бы принять участіе, и вмѣсто *сверхъ всякихъ ожиданій* войны—нужно было ожидать ее *навѣрное*.

Съ другой стороны, могла ли Россія находить для себя выгоднымъ раздѣлить Польшу съ Пруссіей? Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ раздѣлъ всегда былъ выгоднѣе для послѣдней, чѣмъ для Россіи, у которой и безъ того, было довольно земли; тогда какъ Пруссія

(*) Supplément aux «Fréderie II, Catherine et le partage de la Pologne» p. 28 et. 29.

(**) Ferrand, par Ostrowski. Les trois démembrements de la Pologne. T. 1, p. 72.

уничтожала чрезполосность своихъ владѣній, и пріобрѣтала значительную часть, къ увеличенію небольшой своей территоріи.

Напротивъ того, какъ Россія, такъ и другія европейскія державы должны были опасаться усиленія Пруссіи, показавшей, втеченіи только что оконченной войны, свою силу и геній Фридриха. Фридрихъ понималъ это очень хорошо, и потому, въ отвѣтъ на депеши Сольмса, писалъ ему, чтобы онъ «былъ остороженъ, и ни словомъ, ни дѣйствіями, не высказывалъ болѣе, чѣмъ того желаетъ король, и что могло бы ввергнуть Европу въ волненіе».

Еще менѣе основательно мнѣніе Шлецера, что Фридрихъ Великій потому отвергнулъ предложеніе, сдѣланное его брату, принцу Генриху, относительно избранія его на польскій престолъ — что тогда онъ только что заключилъ съ Россіей договоръ о раздѣлѣ Польши (Schlözer, p. 165).

Эперьешская конфедерація объявила Станислава-Августа лишеннымъ престола въ концѣ 1770 г. Макрановскій, отъ лица конфедераціи, прибылъ въ Берлинъ съ предложеніемъ польской короны принцу Генриху и получилъ отъ Фридриха Великаго отказъ вслѣдствіе условія, составленнаго Пруссіею съ Россіей, еще въ 1764 г., по которому на престолъ Польши могъ быть выбранъ только *природный полякъ*. Къ тому же, Фридрихъ самъ гарантировалъ избраніе Станислава-Августа, и потому не могъ представить кандидата на его мѣсто.

Такимъ образомъ, вопросъ о принцѣ Генрихѣ былъ въ зависимости отъ условій, заключенныхъ Фридрихомъ съ Екатериною еще въ 1764 г., и вовсе не былъ слѣдствіемъ договора о раздѣлѣ Польши, который вообще долго не одобрялся политикою гр. Панина.

Взглядъ гр. Панина относительно цѣлости польской республики въ 1763 г. ясно выражается въ депешѣ Беранже, изъ Петербурга въ Праслинъ, отъ 9-го (20-го) ноября 1763 года: «Въ настоящее время вопросъ о раздѣлѣ Польши не существуетъ. Я разсуждалъ объ этомъ предметѣ съ г. вице-канцлеромъ (княземъ Голицынымъ), который сказалъ, что въ интересахъ Россіи, она не потерпитъ,

чтобы какая бы то ни было держава усилилась на счетъ Польши и что послѣдняя должна остаться въ своихъ границахъ» (*).

Во второмъ томѣ нашего сочиненія, мы имѣли случай видѣть взглядъ Императрицы Екатерины II относительно увеличенія территоріи Россіи внѣшними пріобрѣтеніями.

Въ рескриптѣ Ея къ гр. Петру Панину, отъ 2-го апрѣля 1770 г., относительно переговоровъ съ татарами и о полуостровѣ Крымѣ, она прямо говоритъ, что «не желаетъ увеличенія своихъ владѣній, потому что этимъ возбудилась бы общая и не безосновательная зависть и подозрѣніе о безпредѣльномъ намѣреніи умноженія областей, скипетру нашему подверженныхъ, отчего, однако же, предостерегаться благоразуміе научаетъ».

Не такъ думалъ Фридрихъ Великій, пролившій столько крови для полученія Силезіи. Могъ ли онъ спокойно смотрѣть на часть польскихъ владѣній, носившихъ даже названіе прусской Польши, и которыя своимъ положеніемъ лежали посреди нѣ прусскихъ земель, разобщая ихъ между собою?

Шлоцеръ справедливо говоритъ, что Фридрихъ составилъ планъ относительно пріобрѣтенія частей польскихъ владѣній еще прежде чѣмъ Россія начала войну съ Турціей, и что эта мысль глубоко таилась въ его душѣ. Онъ зналъ, что осуществленіе этой мысли можетъ дорого ему стоить и потому шелъ осторожно, но твердо, къ своей цѣли, выжидая удобнаго времени.

Естественно было предполагать, что Польша найдетъ въ этомъ случаѣ заступничество со стороны Франціи и Турціи. Этимъ объясняется, почему Фридрихъ выжидалъ момента для осуществленія своего плана. Но слабость Франціи, ея уклончивая политика по дѣламъ Польши, наконецъ, самая отдаленность, убѣдили Фридриха, что Франція не опасна въ видахъ его на Польшу. Затѣмъ постоянныя пораженія, претерпѣваемыя турками въ войнѣ съ Россіей, а также критическое положеніе самой Польши, могли показать Фридриху, что наступила давно ожидаемая минута приступить къ осуществленію его затаеннаго желанія.

Въ 1770 г., послѣ пораженія турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ и

(*) St. Priest. Etudes diplomatiques. VI, p. 72.

послѣ уничтоженія турецкаго флота при Чесмѣ, перевѣсъ войны видимо перешелъ на сторону Россіи.

Принцъ Генрихъ въ Петербургѣ.

Почти вслѣдъ за этими побѣдами, Фридрихъ Великій отправляетъ своего брата, принца Генриха въ Стокгольмъ. При всей расчетливости своей, онъ даетъ ему на путевыя издержки 8,000 экю, чего прежде никогда не дѣлалъ.

Уже это обстоятельство заставляетъ предполагать, что поѣздка принца Генриха имѣла важное политическое значеніе. Дѣла въ Стокгольмѣ не представляли никакой важности, но Фридрихъ зналъ, что личное знакомство Екатерины съ принцемъ Генрихомъ и ихъ хорошія отношенія заставятъ Императрицу пригласить прусскаго принца въ Петербургъ.

Разчетъ оказался вѣренъ и принцъ Генрихъ прибылъ въ Петербургъ 1-го октября 1770 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ отъ Фридриха письмо, въ которомъ король писалъ ему: «я полагаюсь на вашъ умъ, и что вы воспользуетесь всѣми обстоятельствами которыя вамъ представятся въ Петербургѣ».

Императрица Екатерина приняла принца Генриха съ радушіемъ, какъ стараго знакомаго, и расположеніемъ къ нему хотѣла показать дружбу къ самой Пруссіи. Балы и празднества въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ въ честь принца Генриха продолжались непрерывно. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь представленное въ современныхъ газетахъ описаніе одного фейерверка, который былъ данъ 29-го октября въ Царскомъ Селѣ; эмблематическое его значеніе изображало взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи. Изображенъ былъ курящійся жертвенникъ (дружба); предъ нимъ обнимаются двѣ женщины (Россія и Пруссія), попирая ногами змѣю (зависть) и кинжалъ (вражда и злоба). Когда дымъ разсѣялся, надъ жертвенникомъ показался рогъ изобилія, изъ котораго падали цвѣты и плоды на прусскій и русскій гербы, связанные вмѣстѣ. Россія была увѣнчана побѣднымъ лавровымъ вѣнкомъ и держала въ рукѣ русское знамя; у ногъ ея лежали турецкія трофеи.

Противъ нея стоялъ Марсъ подъ пальмою (Фридрихъ), упирающійся на трофеи и держащій въ одной рукѣ прусское знамя, а другою лавровый вѣнецъ надъ вензелемъ принца Генриха. Между Россіею и Марсомъ находились надписи: «Carpent et posteri fructus» (и потомство пожнетъ плоды побѣды); потомъ: «Pro patriee et amicis» (за отечество и друзей) и, наконецъ, въ сторонѣ Россіи: «Hanc meruit armis» (заслужилъ на браняхъ).

Марсъ, стоящій подъ пальмою возлѣ побѣдоносной Россіи, наглядно выражаетъ Фридриха, какъ примирителя, роль котораго онъ хотѣлъ взять на себя; а надпись на сторонѣ Россіи: «заслужилъ на браняхъ», вѣроятно выражала, что Россія имѣетъ право на вознагражденіе и должна воспользоваться своими побѣдами.

Договоръ 1764 года.

Фридрихъ дѣйствительно желалъ чтобы Россія прекратила войну съ Турціей, потому что, по взаимному секретному договору въ 1764 г., Пруссія должна была платить Россіи въ годъ по 480,000 талеровъ, если Россія начнетъ съ кѣмъ нибудь внѣшнюю войну. Съ другой стороны, понимая затруднительное положеніе Турціи, вовлеченной въ эту несчастную для нея войну происками польскихъ конфедератовъ, Фридрихъ надѣялся, что Турція будетъ очень довольна, если удовлетвореніе Россіи за военныя издержки падетъ не на ея долю, а на польскія провинціи. Поэтому можно было ожидать, что именно въ настоящее время Турція будетъ равнодушна къ дѣламъ Польши, заботясь болѣе о своихъ интересахъ; а это дастъ возможность Пруссіи осуществить и свои виды на Польшу.

Но Императрица Екатерина не желала въ настоящей войнѣ посредничества ни Пруссіи, ни Австріи. Она понимала, что какъ та, такъ и другая, будутъ преслѣдовать свои личные интересы, и только помѣшаютъ переговорамъ.

1-е сношеніе гр. Румянцева съ визиремъ въ 1770 г.

Поэтому, гр. Румянцевъ получилъ приказаніе снестись съ визиремъ о мирныхъ условіяхъ, что и было сдѣлано еще въ 1770 г. (См. т. II, стр. 187, настоящаго сочиненія.

Визирь отвѣчалъ гр. Румянцеву слѣдующимъ письмомъ: «существовавшій между Блистательною Портою и Россійскимъ дворомъ вѣчный миръ былъ нарушенъ извѣстными обстоятельствами. Вы, какъ главнокомандующій россійскими войсками, сожалѣя о несчастіи столь многихъ бѣдныхъ подданныхъ, изволили прислать намъ, съ маіоромъ Петромъ Ивановичемъ, письмо, въ которомъ, равно какъ въ переводѣ съ онаго, вы увѣдомляете объ искреннемъ расположеніи вашемъ къ миру, объ освобожденіи министра вашего, резидента Обрѣскова и объ отправленіи его въ вашъ лагерь. Въ письмѣ говорится также, что Ея Императорское Величество, Императрица Всероссійская, по врожденному Ей милосердію, весьма желаетъ прекратить войну, и установить между обѣими державами доброе согласіе и вѣчную дружбу для доставленія общаго благосостоянія подданныхъ обѣихъ Имперій. Но какъ упомянутый министръ вашъ былъ арестованъ въ силу нашихъ законовъ и древнихъ учрежденій, то относительно освобожденія его, равно какъ и о сдѣланномъ вами заявленіи въ пользу мира, я счелъ нужнымъ донести Его Высокому Величеству, Величайшему и Страшнѣйшему Императору, моему Самодержцу и Государю, который изливаетъ на весь свѣтъ свои милости, щедроты и милосердіе, и который есть величайшій между государями, дабы увѣдомить о томъ его добрую и высокую волю. Поэтому я тотчасъ же писалъ къ славнѣйшему подножію Его высокаго Величества. Ожидая вскорѣ высокихъ повелѣній Его, я не замедлю сообщить вамъ о послѣдствіяхъ. Да хранитъ васъ Богъ». Письмо это давало слабую надежду на успѣхъ переговоровъ.

Императрица Екатерина, прежде всего, требовала освобожденія Обрѣскова: «Je demande, писала она Фридриху отъ 1 октября 1770 г. que mon ministre me soit rendu sans conditions; et si au moment où

ils me le rendront, ils veulent convenir d'un congrès, j'en convinedrai avec eux» (*).

И такъ, только при условіи безотлагательнаго освобожденія Обрѣскова, возможно было составленіе конгресса для дальнѣйшихъ переговоровъ. Но турецкое правительство не рѣшалось освободить нашего посла, на томъ основаніи, что войска турецкія, увидя его свободнымъ, подумаютъ, что уже заключенъ миръ и разойдутся подомамъ.

Поэтому отвѣтъ султана былъ проникнутъ тою неопредѣленностью, которая обыкновенно служитъ признакомъ нежеланія говорить о дѣлѣ прямо и обнаруживаетъ заднюю мысль или постороннее вліяніе, которое заставляетъ колебаться въ рѣшеніи. Султанъ дѣйствительно былъ жертвою происковъ иностранныхъ посланниковъ при константинопольскомъ дворѣ, которые представляли ему на видъ, что миръ съ Россіей, безъ посредничества другихъ державъ, будетъ очень тягостнымъ для Турціи.

Такъ С. При, французскій посланникъ въ Турціи, употреблялъ всѣ усилія не допустить ее до замиренія. «Онъ говорилъ о недостаткѣ денегъ въ Петербургѣ, о разныхъ заговорахъ и волненіяхъ въ Россіи». «Это его боевые коньки, писалъ Сальдернъ, къ которымъ онъ еще прибавляетъ обѣщаніе чудесъ, которыя надѣлаютъ конфедераты въ Польшѣ, которые, какъ онъ увѣряетъ, будутъ поддержаны денежными ссудами изъ Франціи и храбрыми офицерами.

Резидентъ вѣнскаго двора, не видя возможнымъ сдержать сдѣланныхъ Портѣ обѣщаній, касательно обезпеченія за нею покоренныхъ Россіею земель, говоритъ почти тоже, чтобы побудить Порту предпринять четвертую кампанію, или, по крайней мѣрѣ, показывать къ тому готовность. Къ несчастію, совѣты эти совпадаютъ съ личными интересами султана, который, при всемъ желаніи мира, долженъ опасаться его, какъ величайшаго зла для своей короны и, можетъ быть, жизни, если послѣдуетъ постыдный для него миръ, а такой миръ неизбѣженъ» (**).

Австрію тревожило занятіе русскими Молдавіи и Валахіи, которыя могли бы отойти къ Россіи; Кауницъ далъ даже понять, что

(*) Польскія дѣла съ 1769 по 1772 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

(**) Сальдернъ гр. Панину 3 (14), октября 1771 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

если русскіе перейдутъ Дунай, то это озаботитъ Австрію, и можетъ породить важныя послѣдствія. Пруссія, наконецъ, преслѣдовала свои виды на Польшу, которыхъ нельзя было бы осуществить, если бы Россія, не касаясь Польши, заключила миръ съ Турціей.

Султанъ объявилъ, что хотя онъ и не отказывается отъ мира, но не намѣренъ вступать въ мирные переговоры съ Россіей, безъ посредства иностранныхъ державъ. Онъ надѣялся на помощь Франціи и Австріи, которыя обѣщали ему, въ случаѣ крайности, свое рѣшительное содѣйствіе.

Князь Голицынъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ, уклоняясь отъ посредничества Австріи въ дѣлѣ заключенія мира съ Турціей, имѣлъ, 16 (27) февраля 1771 г., разговоръ съ министромъ Кауницомъ, и объявилъ ему, въ общихъ чертахъ, требованія Россіи отъ Турціи. Кауницъ, какъ доноситъ кн. Голицынъ, объявилъ на это: «1) Признательность за откровенность. 2) Австрія войдетъ въ переговоры о посредничествѣ тогда только, когда будетъ приглашена къ тому Россіей, по примѣру приглашенія, сдѣланнаго Турціей, объявившей, что она не вступитъ въ переговоры безъ содѣйствія Австріи и Пруссіи. Но какъ Императрица, напротивъ, проситъ Австрію отказаться отъ посредничества, то о немъ и рѣчи быть не можетъ; но Австріи неотказывается отъ дружескихъ услугъ къ установленію мира и жалѣетъ, что не знаетъ всѣхъ кондицій его, и что по полученіи ихъ, *тогда только*, она можетъ изъясниться положительнымъ образомъ. Теперь-же, Кауницъ сказалъ, что онъ увѣренъ, что Императрица не будетъ желать увеличенія областей своихъ, будетъ искать мира, не сообразно своимъ побѣдамъ, а только въ видахъ вознагражденія понесенныхъ убытковъ, во вниманіе къ правамъ человѣчества, и въ видахъ безопасности границъ своихъ, и не разойдется съ интересами Австріи. Что, наконецъ, Императрица Екатерина проявитъ безкорыстіе и умѣренность, сообразно величію своей души и высокихъ ея познаній» (*).

Въ разговорѣ съ Роде, прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Кауницъ старался возбудить въ немъ опасенія на счетъ нарушенія равновѣсія, „если Россіи дать волю“.—„Если бы Россія, прибавилъ

(*) Турецкія дѣла за 1771 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

онъ, не иначе захотѣла окончить эту войну, какъ съ большими для себя выгодами, то было бы справедливо, чтобы Императрица-Королева и прусскій Король получили бы столько же, для сохраненія равновѣсія между тремя державами“ (*).

Вообще Императрица Екатерина не полагалась на расположеніе Австріи, и, напротивъ того, довѣрялась Пруссіи. Еще 1 октября 1770 г. она писала Фридриху: «Ma confiance ira, pas-à-pas, à l'abri de celle de votre Majesté». Упоминая же объ Австріи, она говоритъ, что сношенія ея съ Франціею не позволяютъ, пока, быть съ нею откровенной (**).

Но высказывая довѣріе къ Фридриху, Императрица и его далеко не посвящала во всѣ свои виды, касательно мира съ Турціей. Тѣмъ не менѣе, она объявила ему, тогда же, что намѣрена требовать отъ Турціи уступки Большой и Малой Кабарды и г. Азова съ его землями, которыя принадлежатъ Россіи (qui appartiennent incontestablement à la Russie). Сверхъ того, она изъявляла желаніе получить о. Родосъ, отъ чего Турція и Италія имѣли бы выгоду, покупая тамъ изъ первыхъ рукъ продукты сѣвера.

Король Фридрихъ, съ своей стороны, увѣрялъ Императрицу въ своей искренности и расположеніи. Онъ прислалъ принцу Генриху три ордена Большаго Орла, украшенные брилліантами, для передачи—Его Высочеству Наслѣднику, графу Н. И. Панину и графу Григорію Орлову; а для Императрицы богатый фарфоровый сервизъ, нарочно заказанный на королевской фабрикѣ, съ украшеніями, въ честь побѣдъ русскаго оружія въ послѣднюю войну.

А между тѣмъ, поступки Фридриха въ Польшѣ казались загадочными. Въ октябрѣ 1771 г. прусскія войска, какъ мы видѣли, заняли Познань, и занятія этого нельзя было объяснить иначе какъ въ видахъ демонстраціи противъ Россіи. «По истинѣ, писалъ по этому поводу Фридрихъ гр. Сольмсу отъ 9 (20) октября 1771 г., предвижу я, что сей поступокъ надѣлаетъ шуму: но я постараюсь смягчить его и оправдать наилучшими, возможными предлогами, относительно вѣнскаго двора». Въ томъ же письмѣ, говоря о Рос-

---

(*) Тоже. Донесеніе кн. Голицына. 1771 г.

(**) Турецкія дѣла за 1770 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.

сіи, онъ прибавляетъ: «не слѣдуетъ, сразу, запугивать турокъ большими требованіями, но лучше *позолотить пилюлю*, и мало по малу склонить Порту проглотить ее, и принять тѣ условія, на которыя хотятъ, чтобы она согласилась. Впрочемъ, все это не что иное, какъ совѣтъ, и вы старайтесь, чтобы оно и принято было за совѣтъ» (*).

Посредничество Австріи и Пруссіи.

Когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе о послѣдствіяхъ негоціаціи съ визиремъ и объ отвѣтѣ султана, то не желая упустить возможности заключенія мира, графъ Н. Панинъ, управлявшій иностранными дѣлами, подалъ мнѣніе въ пользу принятія посредничества Австріи и Пруссіи, которыхъ политика не расходилась такъ рѣзко съ нашими интересами, какъ политика Франціи. Напротивъ того, графъ Григорій Орловъ, вице-канцлеръ князь Гагаринъ, князья Захарій и Иванъ Чернышевы, энергически возстали, не только противъ иностраннаго посредничества съ Турціей, но и противъ заявленій готовности со стороны Россіи, приступить къ дальнѣйшимъ мирнымъ переговорамъ. Они утверждали, что честь націи требуетъ продолженія войны, до тѣхъ поръ, пока Турція сама не попроситъ мира.

Принцъ Генрихъ долго находился въ крайнемъ недоумѣніи, не зная какой оборотъ примутъ въ Петербургѣ предложенія о мирѣ, и какія будутъ его условія. Чтобы разъяснить, по возможности, этотъ вопросъ, онъ прибѣгнулъ къ помощи гр. Сольмса, прусскаго посланника въ Петербургѣ.

Послѣ обоюдныхъ совѣщаній, гр. Сольмсъ подалъ въ ноябрѣ, 1770 г., гр. Панину ноту, въ которой выражался такъ: «Дружба Его Величества Прусскаго Короля къ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской снова подтверждается порученіемъ, даннымъ Его Высочеству принцу Генриху, выразить то участіе, которое прусскій Король принимаетъ въ благоденствіи Россіи и ея истинныхъ

(*) Польскія дѣла за 1771 г.

политическихъ интересахъ. Но если Ея Величество отлагаетъ сообщеніе прусскому Королю предположенныхъ Ею условій мира, то Его Величество, можетъ отнести это къ недовѣрію.

Его Высочество принцъ Генрихъ, съ своей стороны, находится въ большомъ затрудненіи, предполагая, что такая неоткровенность, ни на чемъ не основанная, можетъ быть причиною охлажденія другъ къ другу обоихъ дворовъ».

Мирныя условія Россіи.

Вскорѣ послѣ этой ноты, 10 (21) декабря 1770 г., Панинъ вручилъ принцу Генриху проектъ условій, на которыхъ Россія соглашалась на миръ.

Условія эти, главнымъ образомъ, состояли въ трехъ положеніяхъ: 1) лишить на будущее время Турцію возможности вести наступательную войну противъ Россіи; 2) доставить Россіи справедливое удовлетвореніе за военныя издержки, и 3) предоставить Россіи свободную торговлю и сношенія русскихъ подданныхъ съ Турціей (*).

Поэтому, по 1-й статьѣ требовалось, чтобы a) Турція уступила Россіи обѣ Кабарды; b) чтобы Турція оставила границы отъ Кабарды чрезъ кубанскія степи до Азовскаго моря въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились до начала войны; c) требовалась уступка Россіи г. Азова по силѣ трактата 1700 г., по которому Азовъ принадлежалъ Россіи, съ землями по Азовскому морю, до рѣки Большой Берды (**); d) независимость татаръ съ сохраненіемъ ими всѣхъ нынѣ занимаемыхъ земель; e) оставленіе грузинскимъ вла-

---

(*) Рескриптъ къ графу Алексѣю Орлову отъ 22 марта 1771 г. Рукопись военно-ученаго Архива.

(**) Азовъ и его земли составляли старинное владѣніе Россіи, на которое турки „имѣли только право вторженія и владѣнія силою, когда Россія была въ затруднительномъ положеніи“, говорится въ запискѣ министерства иностр. дѣлъ (Гос. Арх. въ Москвѣ). Въ 1700 году Азовъ и его земли были утверждены за Россіею. Потомъ Россія, занятая войною со Швеціею, временно лишилась Азова, а въ 1739 г. опять получила его по миру этого года, со всѣми землями, которыя должны были составить оплотъ ея со стороны Турціи.

дѣтелямъ собственныхъ ихъ земель и городовъ, которые оружіемъ русскихъ возвращены имъ, какъ неправильно отнятые Турціей; f) полная амнистія христіанскимъ и магометанскимъ народамъ, участвовавшимъ въ настоящей войнѣ и предоставленіе свободы религій какъ въ Турціи, такъ и въ Россіи.

Касательно вознагражденія Россіи за военныя издержки, сумма ихъ, не считая людей, опредѣлена по меньшей мѣрѣ въ 25 милліоновъ рублей. Такъ какъ Турція не могла единовременно выплатить этой суммы, то Императрица требовала, чтобы занятыя нашими войсками княжества Молдавія и Валахія оставались бы въ залогъ и были въ распоряженіи Россіи 25 лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока означенная сумма не будетъ выплачена изъ доходовъ этихъ княжествъ. Дружественныя съ Россіею державы должны были гарантировать возвращеніе этихъ княжествъ по истеченіи этого срока. Съ своей стороны, Россія обязывалась не дѣлать въ обоихъ княжествахъ никакихъ перемѣнъ, и ограничиваться только сборомъ доходовъ.

Относительно развитія нашей морской торговли, Императрица Екатерина требовала предоставленія русскому флоту всѣхъ правъ и привилегій, которыя даны Турціею другимъ дружественнымъ державамъ. Полная свобода плаванія русскихъ кораблей по Черному и Средиземному морямъ, на послѣднемъ изъ коихъ долженъ быть уступленъ, въ пользу Россіи, какой нибудь островъ.

Принцъ Генрихъ переслалъ эти условія Фридриху, который отвѣчалъ ему отъ 22 декабря 1770 (2 января 1771 г.): «у меня на головѣ выросли рога, когда я получилъ условія мира, которыхъ требуетъ Россія». Онъ отказывался предложить ихъ Турціи и Австріи, и утверждалъ что послѣдняя, ни въ какомъ случаѣ, не согласится на занятіе русскими войсками сосѣднихъ съ нею княжествъ. Въ заключеніе же онъ сказалъ, что если Россія не согласится измѣнить эти условія, то онъ отказывается отъ всякаго посредничества, потому что убѣжденъ, что Австрія объявитъ, въ такомъ случаѣ, войну Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали извѣстны частыя аудіенціи Фридриха съ Ванъ-Свитеномъ, австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, о чемъ доносилъ князь Долгорукой, русскій посолъ при берлинскомъ

дворѣ. Въ донесеніи этомъ, отъ 5 (16) февраля 1771 г., князь Долгоруковъ говоритъ, «что такъ какъ прусское министерство ничего не говоритъ объ этихъ сношеніяхъ съ Австріей, и по сіе время не мало ко мнѣ не отзывается, въ разсужденіи, можетъ быть, что примѣчаютъ, что мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества никакого, по происходящимъ дѣламъ, наставленія не дается; или по причинѣ, что хотятъ отъ насъ о сей негоціаціи таить, то я буду стараться быть осторожнымъ и разузнавать». (*).

Но Австрія была занята въ это время другими соображеніями. По мѣрѣ того, какъ Россія занимала Молдавію и Валахію своими побѣдоносными войсками, Австрія, съ своей стороны, придвигала войска къ границамъ, со стороны дунайскихъ княжествъ и Польши.

Еще въ началѣ 1769 г. австрійскія войска окружили кордономъ герцогство Ципсъ, которое было уступлено Австріею Польшѣ и отъ котораго вѣнскій дворъ положительно отказался по Питшинскому трактату въ 1589 г.

Кордоны Австріи и Пруссіи въ Польшѣ.

Мы видѣли, что въ это же время и прусскія войска стояли кордономъ по польскимъ границамъ подъ предлогомъ охраненія прусскихъ владѣній отъ вторженія конфедератскихъ партій и для предупрежденія возможности занесенія изъ Польши заразительной болѣзни въ предѣлы Пруссіи.

Слѣдовательно, Пруссія и Австрія одинаково себя держали относительно Польши, съ тою только разницею, что послѣдняя оказывала въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы покровительство конфедератамъ. Она дозволяла имъ собираться въ Тешенѣ и Эперьешѣ, и конфедератскія партіи постоянно скрывались за австрійскими границами отъ преслѣдованія русскихъ.

(*) Донесеніе кн. Долгорукова отъ 22 января (2 февраля) 1771 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.

Занятіе Ципса. Переписка по поводу раздѣла Польши.

Но въ концѣ 1770 г. австрійскія войска неожиданно вступили въ герцогство Ципское, заняли 13 городовъ его и Новый Сандекъ, объявивъ претензію на эти земли. Предлогомъ занятія польскихъ земель служило то, что Польша не уплатила Австріи государственнаго долга. «Вѣнскій дворъ нашелъ удобный случай имѣть возможность заплатить себѣ собственными руками за то фаворитствованіе, которое оказывалъ онъ какъ Портѣ, такъ и конфедератамъ; и не прикрываясь никакимъ правомъ или предлогомъ своихъ поступковъ, вступилъ онъ во владѣніе земли Ципсъ» (*). Австрійское правительство не долго задумывалось въ пріисканіи предлога, и 28-го ноября (9-го декабря) 1770 г. выдало декретъ, по которому занятыя земли объявлены были навсегда присоединенными къ австрійской территоріи, и въ тоже время было учреждено правительство для административнаго управленія занятыхъ земель.

Близорукій взглядъ герцога Эгильона на политику не могъ выяснить ему истиннаго смысла поступковъ Австріи и Пруссіи.

«Нѣтъ сомнѣнія, писалъ онъ Жерару отъ 10-го января (н. ст.), 1771 г. (**), что занятіе австрійцами польской территоріи причиняетъ временное неудобство. Но они (конфедераты) должны считать себя счастливыми, если эта мѣра со стороны Австріи есть заявленіе желанія вмѣшаться въ дѣла республики. Вы видѣли изъ прошлаго, что поборы, дѣлаемые пруссаками подъ разными предлогами, не доказываютъ какихъ либо существенныхъ видовъ берлинскаго двора относительно польской республики».

Фридрихъ иначе взглянулъ на занятіе Австріею польскихъ земель и съ своей стороны подвинулъ впередъ прусскіе кордоны, стоявшіе по р. Нетцѣ и занялъ новую линію въ Самогитіи.

Вѣсть о занятіи Австріею польскихъ владѣній стала извѣстна въ Петербургѣ въ концѣ 1770 года.

(*) Изъ инструкціи Штакельбергу отъ 11-го авг. 1772 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.
(**) Гос. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

Принцъ Генрихъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, возвратился въ Петербургъ 26-го декабря 1770 г. (6-го января 1771 г.;) черезъ два дня послѣ своего пріѣзда онъ былъ на вечерѣ въ домашнемъ кружкѣ, собранномъ у Императрицы. Когда разговоръ принялъ политическое направленіе, Императрица, говоря о занятіи Австріею польскихъ земель и не признавая такого занятія законнымъ, сказала: «Вѣдь тоже самое и всѣ бы могли сдѣлать». Рюльеръ даетъ этой фразѣ другую форму и говоритъ, что Императрица сказала: «Въ Польшѣ стоитъ только нагнуться, чтобы поднять что нибудь». Принцъ Генрихъ, понимая въ словахъ Императрицы намекъ на то, что прусскія войска, стоявшія по границамъ Польши, забирали въ ней часто безденежно продовольственные припасы или платили за нихъ мелковѣсною монетою, сказалъ при этомъ: «хотя прусскія войска и занимаютъ въ Польшѣ кордонъ, но не завладѣваютъ ея провинціями».

«А почему бы и не такъ?» смѣясь прибавила Императрица. Въ это время гр. Чернышевъ (военный министръ), желая просто вмѣшаться въ разговоръ, обратился къ принцу Генриху съ слѣдующими словами: «Да почему бы вамъ не овладѣть епископствомъ Вормскимъ? Пусть же, если такъ, каждый получитъ что нибудь».

Происходилъ-ли этотъ разговоръ дѣйствительно въ такомъ родѣ, положительно сказать нельзя, потому что изъ присутствующихъ только принцъ Генрихъ далъ ему письменную форму. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько словъ, сказанныхъ въ шуточномъ тонѣ, еще ничего не доказываютъ. Самъ Генрихъ писалъ объ этомъ Фридриху слѣдующее: «Хотя все это было не болѣе какъ шутка, но она не лишена значенія, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы можете извлечь изъ нея пользу».

Вотъ, и все на чемъ основывается положеніе, будто бы мысль о раздѣлѣ Польши родилась въ Петербургѣ. Принцъ Генрихъ, на другой день послѣ описаннаго разговора, отправился къ гр. Панину, который былъ вообще почитателемъ Фридриха, и завелъ рѣчь о раздѣлѣ. Панинъ прямо отвѣчалъ ему, «что онъ не станетъ содѣйствовать Пруссіи къ овладѣнію землями, на которыя она не имѣетъ права». Этотъ отвѣтъ ясно показываетъ, какой смыслъ нужно было придать словамъ Императрицы.

Не такъ отнесся Фридрихъ къ этому вопросу, давно занимавшему его. По полученіи письма отъ принца Генриха, изъ котораго мы привели нѣсколько словъ, Фридрихъ составилъ проэктъ и писалъ принцу Генриху: «что пріобрѣтеніе епископства Вормскаго есть игра, не стоющая свѣчъ, и что онъ не дастъ шести су для его пріобрѣтенія»; далѣе: «это такой тощій кусочекъ, что онъ не воз наградитъ тѣхъ нареканій, которыя возбудитъ.» «Дѣло другое прусская Польша, продолжалъ Фридрихъ; она стоитъ того, чтобы о ней позаботиться, если даже не включать въ нее Данцига, потому что мы владѣли бы тогда Вислой и имѣли бы свободное сообщеніе съ королевствомъ — что весьма важно. Если для этого нужно тратить деньги, то дѣло стоитъ того, чтобы на него не скупиться. Но если гоняться за бездѣлицей, то это будетъ имѣть видъ алчности, а я не хотѣлъ бы, чтобы ее мнѣ приписывали, тѣмъ болѣе что въ Европѣ и безъ того уже такъ обо мнѣ думаютъ». Принцъ Генрихъ встрѣтилъ въ Петербургѣ такое сопротивленіе касательно видовъ прусскаго короля, что уѣхалъ 6-го (17-го) февраля въ Берлинъ очень недовольнымъ.

«Мнѣ сообщаютъ, писалъ Жераръ къ герцогу Эгильону отъ 4-го (15-го) февраля 1771 г. (*), что принцъ Генрихъ уѣхалъ изъ Петербурга очень недовольнымъ, вслѣдствіе того, что Екатерина, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, обратилась съ объясненіями къ вѣнскому двору, чтобы выйти изъ затруднительнаго своего положенія».

Это затруднительное положеніе состояло въ томъ, что Россія, отказывая Фридриху на его предложеніе, рисковала потерять его дружбу, о чемъ намекалъ и принцъ Генрихъ. Онъ давалъ понять, «что многіе стараются отвлечь прусскаго короля отъ Императрицы Екатерины и для достиженія цѣли предлагаютъ ему важныя выгоды».

Съ своей стороны Фридрихъ также вступилъ въ переговоры съ австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, о польскомъ вопросѣ.

«Посланникъ вѣнскаго двора, писалъ Эссенъ отъ 11-го (22-го) февраля 1771 г., имѣлъ частныя конференціи съ министрами

(*) Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись (Тургеневская).

прусскими, а 14-го числа онъ былъ въ Потсдамѣ, гдѣ провелъ цѣлый день въ совѣщаніяхъ съ королемъ, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія принца Генриха и приказалъ передать ему, чтобы онъ по прибытіи немедленно пріѣхалъ въ Потсдамъ.

«Полагаютъ, что предметомъ совѣщаній было раздѣленіе Польши и что лучшая часть прусской Польши отойдетъ къ Пруссіи» (*).

Понятно, что Фридрихъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія принца Генриха чтобы узнать отъ него о настроеніи правительственной среды въ Петербургѣ.

Говоря откровенно, принцъ Генрихъ долженъ былъ передать королю, что въ Петербургѣ существуетъ, между главнѣйшими государственными сановниками, двѣ партіи — pro и contra предполагаемаго раздѣла Польши. Лица, имѣвшія наиболѣе значенія, какъ гр. Н. Панинъ, управлявшій политикою Россіи, его правая рука Сальдернъ и вице-канцлеръ кн. Голицынъ, были противъ раздѣла.

Военный министръ Чернышевъ и другія менѣе вліятельныя лица были въ пользу раздѣла. Впрочемъ, вопросъ ограничивался сперва только тѣмъ, чтобы Пруссія присоединила къ себѣ одно епископство Вормское для возстановленія равновѣсія между ею и Австріею, которой нельзя было, при современныхъ обстоятельствахъ, воспрепятствовать въ сдѣланныхъ ею присоединеніяхъ.

Черезъ два дня послѣ свиданія съ принцемъ Генрихомъ, Фридрихъ приказалъ, 8-го (19-го) февраля, президенту палаты восточной Пруссіи—Домгардту, доставить ему секретныя свѣденія о доходахъ епископства Вормсъ, а вслѣдъ затѣмъ велѣлъ составить приблизительный отчетъ о продуктахъ, производимыхъ въ Кульмѣ, Маріенбургѣ и Помераніи.

Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ отправилъ къ гр. Сольмсу, для его личнаго руководства, письмо отъ 10-го (21-го) февраля 1771 г. (**), въ которомъ излагаетъ ему свои мысли по поводу занятія австрійцами владѣній польской республики. Отвергая жалобы поляковъ и признавая древнія права Австріи на занятыя ею земли, такъ какъ вѣнскій дворъ обѣщалъ представить свои документы по замиренiи

(*) Hermann, p. 587.

(**) Письмо это приведено у Шлоцера на 257 стран.

Польши, Фридрихъ продолжаетъ: «Я не сомнѣваюсь, что въ Петербургѣ уже извѣстна большая часть этихъ обстоятельствъ.

Мнѣ помнится, что при первомъ извѣстіи о занятіи австрійцами польскихъ земель, многія лица при петербургскомъ дворѣ возымѣли мысль, что всѣ сосѣди Польши, произвели такое же увеличеніе своихъ владѣній; хотя я видѣлъ изъ вашихъ донесеній, что *эта мысль не была общею*», (одни Чернышевы высказались въ пользу ея), и, продолжаетъ Фридрихъ, если многое можно сказать въ опроверженіе доводовъ Австріи, но какъ она твердо рѣшилась поддерживать свои права, то «ставя вопросъ на настоящую его точку, теперь *дѣло уже не въ томъ, чтобы сохранить цѣлость Польши*, ибо австрійцы хотятъ отдѣлить часть ея владѣній;—но въ томъ, чтобы это отдѣленіе не нарушало политическаго равновѣсія между Австріею и Пруссіею, что чрезвычайно важно для меня, и даже для самой Россіи.

«Я не вижу другаго средства къ сохраненію этого равновѣсія, какъ также объявить свои древнія права, на основаніи имѣющихся у меня, въ архивахъ, документовъ, и также завладѣть нѣкоторыми польскими провинціями, съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ, если австрійцы откажутся отъ своихъ притязаній, или оставить ихъ за собою, если они будутъ настаивать на своихъ правахъ».

Объясняя такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, свои виды на Польшу, Фридрихъ отправилъ вслѣдъ затѣмъ, гр. Сольмсу другое письмо.

«Я счелъ нужнымъ, говоритъ онъ, сообщить вамъ, для вашего личнаго свѣденія, что изъ всѣхъ пріобрѣтеній, которыя могутъ мнѣ достаться, наиболѣе для меня выгодными, были бы земли пограничныя съ Пруссіей, Новой Мархіей, Силезіей или Помераніей. Онѣ послужили бы къ округленію моихъ владѣній, и потому были бы, преимущественно, для меня важны».

Предвидя возможность сопротивленія, со стороны Россіи, къ достиженію своей цѣли, Фридрихъ прибавилъ: «Предполагая, что Россія найдетъ затрудненія въ выполненіи моихъ желаній, я удовольствовался бы Кульмскимъ палатинатомъ, или же вмѣсто него, Маріенбургскими землями и епископствомъ Вормсъ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, гр. Сольмсъ получилъ отъ Фрид-

риха другое отъ 19 февраля (2 марта) 1771 г., въ которомъ еще осязательнѣе были высказаны мысли о раздѣлѣ Польши. Въ немъ Фридрихъ говорилъ, что такъ какъ Австрія присоединила къ себѣ часть польской территоріи, то «лучше всего будетъ, если Россія и я одинаково воспользуемся этимъ обстоятельствомъ, и, подражая примѣру вѣнскаго двора, мы также позаботимся о нашихъ интересахъ, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ выгодъ.

«Мнѣ кажется, для Россіи рѣшительно все равно, откуда бы она ни получила вознагражденіе за военныя издержки, на что она имѣетъ право. И какъ эта война возникла единственно по дѣламъ Польши, то я не понимаю, почему бы ей *не вознаградить себя на счетъ пограничныхъ земель этой республики*».

«Что касается до меня, продолжаетъ Фридрихъ, то для поддержанія равновѣсія съ Австріею, почему я не могу, также какъ и она, *пріобрѣсть часть Польши*? Это послужило бы мнѣ вознагражденіемъ какъ за денежныя субсидіи (которыя выдавались Россіи по условію 1764 г.), такъ и за потери и убытки, которыя я понесъ отъ этой войны».

И такъ, вотъ откуда произошла иниціатива по раздѣлу Польши, выраженная въ первый разъ, въ опредѣленной формѣ.

«Я до сихъ поръ, писалъ Фридрихъ въ томъ же письмѣ, ничего не сообщалъ вѣнскому двору, о мирныхъ условіяхъ Россіи. Это было бы съ моей стороны нарушеніемъ довѣрія, которое оказала мнѣ Ея Величество, и я ничего не сообщу объ этомъ до тѣхъ поръ, пока она сама того не пожелаетъ».

Какъ же послѣ этого повѣрить Феррану, который говоритъ, что когда принцъ Генрихъ сообщилъ Фридриху нѣкоторыя подробности о раздѣлѣ Польши, то Фридрихъ сказалъ: «что это поведетъ къ войнѣ, которой онъ хочетъ избѣжать» (р. 102); и потомъ (р. 103), что при первомъ свиданіи короля съ принцемъ Генрихомъ, возвратившимся изъ Петербурга, «Фридрихъ былъ удивленъ, видѣлъ въ предложеніяхъ Россіи обманъ, горько упрекалъ Генриха въ томъ, что тотъ позволилъ такъ обмануть себя, и приказавъ ему молчать, сказалъ съ презрѣніемъ и грубостью—что это химерическая идея, столько же опасная какъ и дерзкая».

Ферранъ не зналъ, конечно, о перепискѣ Фридриха съ графомъ

Сольмсъ, на которую мы указали; и потому вообще старается разъяснить вопросъ съ своей точки зрѣнія, относясь вообще съ большимъ пристрастіемъ къ Россіи. Но всѣ его доводы, равно какъ и указанія Рюльера, не имѣя историческойдосто вѣрности, уничтожаются сами собою предъ непреложностію фактовъ.

Фридрихъ вообще старался показать, что дорожитъ довѣріемъ, оказаннымъ ему предпочтительно предъ Австріею, и съ своей стороны, хотѣлъ доказать, что онъ заслуживаетъ это довѣріе, и что напротивъ, Россія не можетъ много полагаться на расположеніе вѣнскаго двора.

«Когда Е. В. прусскій король, находился, въ 1770 г., въ Нейштадтѣ, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ, вѣнскій дворъ былъ тогда хорошо расположенъ къ Россіи». Такъ писалъ гр. Сольмсъ къ гр. Панину, какъ нужно думать, вскорѣ по полученіи приведеннаго нами письма Фридриха.

«Тогда, продолжаетъ гр. Сольмсъ, Австрія опасалась могущества Порты; но несчастная для Турціи, настоящая война, внушаетъ теперь Австріи одно лишь презрѣніе къ Портѣ: она не видитъ въ ней болѣе опаснаго сосѣда и напротивъ того, въ ней пробудилась зависть къ Россіи, такъ что Его Величество полагаетъ, что Австрія никогда не согласится, чтобы Молдавія и Валахія были отторгнуты отъ Турціи.

«Онъ полагаетъ, что пріобрѣтеніе Азова и то, что Россія выговариваетъ для своей торговли, не встрѣтятъ никакого сопротивленія.

«Онъ думаетъ также, что вопросъ о татарахъ будетъ рѣшенъ по желанію Россіи.

«Все это Его Величество заключаетъ изъ объясненій, которыя онъ имѣлъ съ вѣнскимъ дворомъ, и потому полагаетъ, что для вознагражденія Россіи за военныя издержки, она должна получить часть польскихъ владѣній, по своему выбору, и можетъ быть можно будетъ побудить Турцію, прибавить къ этому нѣкоторую сумму денегъ».

Переходя потомъ снова къ изъявленію расположенія Пруссіи къ Россіи, гр. Сольмсъ замѣчаетъ: «Австрія болѣе опасается Россіи, чѣмъ Турціи. Его Величество король прусскій, напротивъ того, предлагаетъ увеличеніе русскихъ владѣній, приближая ихъ къ своимъ границамъ.

Если Россія желаетъ вознаградить себя на счетъ Польши, Его Величество ручается ей, что это пріобрѣтеніе исполнится безъ пролитія крови.

Въ заключеніе своего письма, гр. Сольмсъ совѣтуетъ гр. Панину вступить съ Австріею въ переговоры относительно мира съ Турціей, отказаться отъ занятія дунайскихъ княжествъ, и «согласиться съ Пруссіей на счетъ обоюдныхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ. Вѣнскій дворъ не будетъ этому препятствовать, не страшась опаснаго сосѣдства».

Гр. Панинъ, какъ было уже замѣчено, былъ противъ раздѣла Польши,—и это объясняется современнымъ положеніемъ дѣлъ. Россія имѣла вообще сильное вліяніе на политику Польши, и могла направлять ее къ своимъ интересамъ. Допуская увеличеніе другихъ державъ на счетъ Польши, Россія, съ одной стороны, теряла выгоды, которыя могла отъ нее имѣть, а съ другой усиливала державы, которыя легко могли стать когда нибудь ея врагами.

Вотъ почему Панинъ долго не соглашался съ доводами прусскаго министра, и наконецъ, принужденный передъ нимъ высказаться, объявилъ, «что петербургскій дворъ не можетъ рѣшиться на что нибудь положительное, касательно проэкта о раздѣлѣ, предлагаемаго прусскимъ королемъ, пока не будетъ извѣстно, какъ отнесется къ этому вопросу Австрія» (*).

Хотя отвѣтъ Панина по польскому вопросу былъ, какъ мы видимъ, очень неопредѣлителенъ, но Фридрихъ былъ доволенъ и этимъ. Онъ видѣлъ, что исходъ дѣла зависитъ теперь исключительно отъ Австріи. Если послѣдняя вмѣстѣ съ Пруссіей будетъ въ пользу раздѣла — Россія по необходимости должна будетъ на него согласиться; воспрепятствовать условію, установленному между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, она не будетъ имѣть средствъ, а съ другой стороны, не захочетъ предоставить имъ однимъ выгоды, которыя они могутъ извлечь изъ Польши,—и сама приметъ участіе въ раздѣлѣ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Фридрихъ началъ совѣ-

(*) Этотъ отвѣтъ приведенъ у Смитта, въ его Supplément aux "Frédéric II, Catherine etc".—p. 51.

щанія съ австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ—Ванъ-Свитеномъ, и объявилъ ему: «что не желая противиться вступленію австрійцевъ въ Польшу, петербургскій и берлинскій кабинеты намѣрены также послѣдовать примѣру Австріи, и равнымъ образомъ занять нѣкоторыя польскія провинціи».

Ванъ-Свитенъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему двору.

Откуда взялъ Фридрихъ заявленіе насчетъ рѣшенія петербургскаго кабинета, послѣдовать примѣру Австріи—онъ ничего не сказалъ, потому что послѣдній отвѣтъ гр. Панина вовсе не допускалъ такихъ заключеній.

Понятно, что объясняясь въ первый разъ съ австрійскимъ посланникомъ, по вопросу о раздѣлѣ Польши, Фридриху необходимо было показать, что Россія и Пруссія уже согласны между собою, хотя соглашенія еще не было никакого.

Когда принцъ Генрихъ находился еще въ Петербургѣ, и началъ намекать, что Австрія старается отклонить Фридриха отъ союза съ Россіей,—Императрица Екатерина сказала только: «Я боюсь, чтобы онъ (Фридрихъ) не оставилъ меня, и я желала бы, для большей увѣренности въ немъ, доставить ему нѣкоторую выгоду, которая вознаградила бы его за издержки» (*).

Что тутъ не заключался еще вопросъ о раздѣлѣ Польши, могутъ служить слова посланника нашего въ Варшавѣ — Сальдерна, который былъ другомъ гр. Панина.

Во время свиданія съ принцемъ Генрихомъ, въ разговорѣ о мирѣ съ Турціей, при посредствѣ Австріи и Пруссіи,—Генрихъ сказалъ, «что нужно отвлечь Австрію отъ сближенія съ Турціей, и что отъ этого выиграютъ всѣ три державы». «Очень хорошо, возразилъ на это Сальдернъ, только бы этотъ выигрышъ не былъ на счетъ Польши (**).

При свиданіи же принца Генриха съ Ванъ-Свитеномъ, Генрихъ, желая склонить Австрію на сторону союзныхъ державъ, сказалъ, что вѣнскій дворъ могъ бы за это получить значительную территорію.—«Гдѣ же? спросилъ Ванъ-Свитенъ».—«Вы знаете также

(*) Ferrand. T. I p. 101.

(**) Ferrand. T. I. p. 100.

какъ и я, отвѣчалъ Генрихъ, что вашъ дворъ можетъ получить, и что во власти Россіи и Пруссіи устроить это дѣло».

Фридрихъ хотѣлъ отклонить отъ себя иниціативу раздѣла, выставляя вездѣ впередъ петербургскій кабинетъ, и въ этомъ отношеніи такъ ловко велъ свои дѣла, что и въ наше время Россіи приписывается первая мысль о раздѣлѣ Польши.

Мало того, Феррань утверждаетъ, будто бы Фридрихъ представлялъ опасенія, что дѣло о раздѣлѣ Польши не можетъ быть оправдано передъ Европой.

«Я беру на себя всѣ нареканія», сказала, по словамъ Феррана, Екатерина; и будто бы, спустя года 2 или 3 послѣ того, Фридрихъ упрекалъ Императрицу Екатерину за то, что она *пожелала* раздѣлить Польшу (*).

Такимъ образомъ, вездѣ выставляется мысль, будто бы Россія не только предложила, но и настояла на раздѣлѣ, и это мнѣніе до сихъ поръ раздѣляется многими.

Но это происходило единственно оттого, что русскіе писатели мало касались этого вопроса. Г. Смиттъ правильно замѣтилъ, что заблужденіе это потому существовало и существуетъ, «что Россія до сихъ поръ молчала».

Мы будемъ ссылаться на непреложные факты, которые лучше всего будутъ говорить сами за себя.

Хитрый Кауницъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, могъ достойно соперничать съ Фридрихомъ въ политической тактикѣ.

Получивъ увѣдомленіе о разговорѣ Фридриха и Генриха съ Ванъ-Свитеномъ, Кауницъ показалъ видъ удивленія, хотя хорошо зналъ, что поступокъ Австріи не могъ остаться безъ послѣдствій и что другія державы, по такимъ же старинным правамъ, могутъ занять нѣкоторыя части польскихъ владѣній. Онъ сказалъ, что не понимаетъ, почему, «если Австрія заняла нѣкоторыя принадлежащія ей земли, долженъ быть вопросъ о раздѣлѣ Польши, съ которымъ связано много затрудненій и опасностей и который произведетъ безчисленныя столкновенія съ остальною Европою». Если такъ, то

(*) Тоже р. 106.

развѣ такой человѣкъ, какъ Кауницъ, не могъ предвидѣть, что занятіе Австріею польскихъ владѣній должно было произвесть такія же затрудненія, опасности и замѣшательства, если дѣло не кончится общимъ согласіемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ державъ. Онъ зналъ, что Австрія упирается на свои древнія права, отъ которыхъ отказалась по миру 1589 г. и что Пруссія и особенно Россія имѣютъ болѣе ея правъ на польскія провинціи.

Московскій договоръ 1686 года.

По VII параграфу Московскаго договора 1686 г. границы между Россіей и Польшей не были окончательно опредѣлены въ видахъ ускоренія мира. Пространство по правому берегу Днѣпра издревле принадлежавшее Россіи съ городами: Ржиновъ, Трехтомировъ, Каневъ, Сокольня, Черкасы, Воронковъ, Крыловъ и др., не было окончательно оставлено за Польшей. Объ немъ въ московскомъ договорѣ именно сказано, что условленная граница остается дѣйствительной только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новаго разграниченія по обоюдному соглашенію между Россіей и Польшей.

Слѣдовательно если Австрія рѣшилась предъявить свои права на польскія провинціи, то имѣла въ виду навсегда присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ. При этомъ нужно было ожидать, что Россія и Пруссія или воспротивятся такому поступку Австріи, или согласятся на него. Въ первомъ случаѣ была бы неизбѣжная война, а Австрія знала, что значитъ имѣть дѣло съ Фридрихомъ и потому начинать войну изъ-за 13-ти незначительныхъ ципскихъ городовъ было для нея невыгодно. Зная въ тоже время что Фридрихъ не потерпитъ малѣйшаго усиленія Австріи иначе какъ съ возможностью своего собственнаго усиленія,—представлялся единственный исходъ мирнаго рѣшенія вопроса въ раздѣлѣ Польши.

Поэтому предложенія, сдѣланныя Фридрихомъ, не должны были казаться Кауницу чѣмъ-то поразительнымъ; онъ долженъ былъ этого ожидать.

Тѣмъ не менѣе, желая скрыть свои виды, Кауницъ совѣтовалъ Фридриху «отказаться отъ своего плана и присовокуплялъ

при томъ, что Австрія согласится очистить занятыя земли, если Россія и Пруссія выведутъ свои войска изъ Польши.»

Но Россія не могла вывести оттуда свои войска, потому что вела войну съ конфедератами; а Фридрихъ не для того держалъ почти два года свои войска въ Польшѣ, чтобы послушаться Кауница. Австрійскій министръ зналъ навѣрное, что предложеніе его не будетъ исполнено и что отобранныя отъ Польши земли останутся за Австріей. Да и къ чему было занимать ихъ и вводить въ нихъ новую администрацію, если такъ легко можно было согласиться ихъ оставить?

Ясно, что и Кауницъ хотѣлъ показать, что Австрія не была причиною раздѣла Польши, а была принуждена къ тому только обстоятельствами.

Фридрихъ имѣлъ слишкомъ много проницательности, чтобы не понять Кауница и, съ другой стороны, не думалъ отказываться отъ своихъ плановъ. Онъ зналъ, что ежели удастся склонить Россію къ согласію, тогда объ Австріи нечего и думать — онъ былъ увѣренъ въ ней.

Чѣмъ ближе Фридрихъ и Кауницъ приближались къ одной и той же цѣли, тѣмъ они болѣе, казалось, расходились между собою.

Однако, Фридрихъ не сообщилъ гр. Сольмсу полученнаго отъ Кауница отвѣта, изъ опасенія, чтобы русскій министръ не отказался рѣшительно отъ мысли о раздѣлѣ. Поэтому король писалъ отъ 7 (18) апрѣля: «Австрія объявляетъ, что она заняла только свои старыя владѣнія, и выставляетъ свои притязанія и права». «Тутъ дѣло ясно, заключилъ Фридрихъ, намъ даютъ примѣръ, по которому Россія и я имѣемъ право сдѣлать тоже».

Но не смотря на всѣ доводы гр. Сольмса, Панинъ не рѣшался дать согласіе на раздѣлъ Польши. Тогда Фридрихъ прибѣгнулъ къ другому, болѣе дѣйствительному средству — онъ началъ угрожать Россіи, которая, какъ извѣстно, вела въ это время трудную войну съ Турціей и польскими конфедератами.

Прусскій посланникъ подалъ гр. Панину ноту отъ 5 (16) мая, тонъ которой рѣзко отличается отъ предыдущихъ. «Дѣло это (касательно раздѣла), писалъ гр. Сольмсъ, проникло въ сердце ко-

роля; онъ не откажется отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему вскорѣ положительныя увѣренія относительно общихъ его съ Россіей интересовъ, то я подвергнусь жесточайшимъ упрекамъ съ его стороны, и *не ручаюсь за то, на что рѣшится король по своему собственному разсужденію.*

«Его величество полагаетъ, что если дѣло состоитъ въ томъ, чтобы послѣдовать примѣру другихъ, то не слѣдуетъ его откладывать. Я умоляю ваше сіятельство не замедлить сообщеніемъ рѣшенія здѣшняго двора, чтобы не истощить нашего терпѣнія».

Письмо это было подано Панину за три дня до передачи имъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, князю Лобковичу, мирныхъ условій, которыя Россія требовала отъ Турціи.

Гр. Сольмсъ имѣлъ вѣроятно въ виду, что русскій министръ сообщая кн. Лобковичу проэктъ своихъ мирныхъ условій, коснется вмѣстѣ съ тѣмъ польскаго вопроса. Но Панинъ ничего не сказалъ Лобковичу на счетъ раздѣла Польши. Въ тоже время гр. Сольмсъ вступилъ въ частыя совѣщанія съ кн. Лобковичемъ и вѣроятно наводилъ разговоръ на польскія дѣла.

По крайней мѣрѣ этотъ выводъ можно сдѣлать изъ письма гр. Сольмса къ Панину отъ 8 (13) мая, т. е. того самаго дня, въ который были переданы Лобковичу мирныя условія Россіи.

Въ этомъ письмѣ гр. Сольмсъ сообщаетъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ кн. Лобковичемъ, который сказалъ, между прочимъ, «что Австрія не будетъ въ претензіи, если король прусскій займетъ Данцигъ».

Вообще нужно полагать, что въ это время Австрія уже положительно сознавала необходимость раздѣла Польши, хотя и не на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ былъ произведенъ впослѣдствіи.

Въ томъ же письмѣ гр. Сольмса высказывается мысль австрійскаго посланника объ отдѣленіи отъ Турціи Молдавіи и Валахіи. Кн. Лобковичъ, какъ бы къ случаю, намекнулъ, «что хотя Австріи и было бы выгодно возстановить свои древнія права на часть Валахіи до р. Ольты, но что Австрія этого не дѣлаетъ». Потомъ кн. Лобковичъ сказалъ прусскому посланнику, «что Молдавія и Валахія были бы не дурны и для принца Генриха».—Сольмсъ отвѣчалъ, что

этого сдѣлать нельзя, потому что Турція призвала Фридриха къ охраненію ея интересовъ.

И такъ, и Пруссія, и Австрія, повидимому не заботились объ увеличеніи своихъ интересовъ на счетъ Турціи; тѣмъ не менѣе, кн. Лобковичъ замѣтилъ, «что онъ находитъ вполнѣ сообразнымъ не оставлять дунайскихъ княжествъ за Турціей, но не знаетъ только, кому отдать ихъ, потому что онѣ слишкомъ велики, чтобы достаться Польшѣ (вѣроятно въ вознагражденіе за отдѣленныя отъ нея земли)».

Дѣло просто состояло въ томъ, что Австрія хотѣла воспользоваться и на счетъ Польши, и на счетъ Турціи, которымъ изъявлялась въ дружбѣ. Ежели вѣнскій дворъ былъ того мнѣнія, что дунайскія княжества должны быть отдѣлены отъ Турціи и дѣло останавливалось только за тѣмъ, кому ихъ передать, то проще всего было раздѣлить ихъ съ Россіей, подобно тому какъ была раздѣлена Польша, а Пруссіи дать большую часть земель польской республики, такъ какъ ея владѣнія не граничатъ съ дунайскими княжествами.

Совѣщанія посланниковъ Пруссіи и Австріи въ Петербургѣ продолжались, и какъ обѣ эти державы имѣли одну и ту же цѣль, то начали болѣе и болѣе сходиться на счетъ Польши. Петербургскій кабинетъ находился между тѣмъ какъ бы въ сторонѣ. Наконецъ, замѣтивъ видимое соглашеніе между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами по польскому вопросу и неотступно побуждаемая гр. Сольмсомъ, «Императрица Екатерина рѣшилась заключить формальный договоръ съ Пруссіей о раздѣлѣ Польши и просила Фридриха прислать ей планъ дальнѣйшаго хода этого дѣла» (*).

Фридрихъ до того былъ доволенъ рѣшеніемъ Россіи принять участіе въ раздѣлѣ Польши, что не зная, какъ выразить свое расположеніе Императрицѣ Екатеринѣ, велѣлъ сдѣлать изъ лучшаго янтаря изящный храмъ въ небольшомъ видѣ и посвятилъ его Екатеринѣ.

Пользуясь предложеніемъ представить предварительныя соображенія касательно раздѣла, онъ писалъ гр. Сольмсу отъ 3 (14) іюня 1771 г.: «что касается до меня, то можно бы предложить пе-

(*) Донесеніе гр. Сольмса Фридриху отъ 21 мая (1 іюня) 1771 г., у Шлецера, стран. 266.

тербургскому кабинету предоставить мнѣ Померанію, исключая г. Данцига; а вмѣсто него староства Кульмъ и Маріенбургъ; если же это встрѣтитъ затрудненія, то вмѣсто Помераніи — Вормсъ, Эльбингъ, Маріенбургъ и Кульмъ; но первое предложеніе было бы для меня выгоднѣе, если бы это можно было устроить, потому что иначе мои области все-таки будутъ разобщены польскими владѣніями». Впослѣдствіи Фридрихъ дополнилъ свои требованія нѣкоторыми объясненіями, «Чтобы не затруднять Россію, писалъ онъ гр. Сольмсу 10 (21) іюля 1771 г., на счетъ моей части въ Польшѣ, я охотно откажусь отъ г. Торна, если за мною оставятъ Эльбингъ. Эта бездѣлица Россіи будетъ стоить одного почерка пера».

Петербургскій кабинетъ не былъ сильно заинтересованъ тою частью земель, которыя должны были достаться на его долю. Это доказывается тѣмъ, что Императрица Екатерина просила Фридриха сдѣлать проектъ раздѣла, не упоминая при томъ о своихъ требованіяхъ по этому дѣлу.

Фридрихъ, не опасаясь чрезмѣрныхъ требованій Россіи, писалъ въ томъ же письмѣ къ гр. Сольмсу: «Я не указываю того, что должно отойти къ Россіи, оставляя ей свободное поле дѣйствій, чтобы она могла устроить свои интересы по собственному ея желанію».

«Если Австрія найдетъ, что занятыя ею польскія земли очень незначительны въ сравненіи съ тѣми, которыя мы себѣ присоединимъ, то, для удовлетворенія ея, можно предложить ей занять ту пограничную часть венеціанскихъ владѣній, которая отдѣляетъ ее отъ Тріеста. Въ случаѣ даже если бы Австрія приняла враждебное настроеніе, я отвѣчаю головою, что прочное соединеніе наше съ Россіею заставитъ австрійцевъ сдѣлать все по нашему желанію».

Но Фридрихъ ошибочно полагалъ, что Австрія будетъ такъ сговорчива. Хитрый Кауницъ держалъ себя въ загадочномъ положеніи и лавировалъ между Россіей, Пруссіей и Турціей. Опасаясь, чтобы союзъ двухъ первыхъ державъ не былъ опасенъ для Австріи, Кауницъ началъ помышлять о сближеніи съ Турціей и потому «былъ нѣмъ какъ рыба» (такъ выразился Фридрихъ въ письмѣ къ гр. Сольмсу отъ 19 (30) іюня 1771 г.) касательно мирныхъ условій, требуемыхъ Россіей.

Фридрихъ полагалъ, что это загадочное поведеніе, котораго держался Кауницъ, происходитъ отъ опасенія Австріи, чтобы дунайскія княжества не были заняты русскими, ибо еще въ Нейштадтѣ Кауницъ сказалъ: «мы не хотимъ, чтобы русскіе были нашими сосѣдями».

Поэтому, чтобы вывести Австрію изъ ея опасенія, Фридрихъ предлагалъ отдать оба дунайскія княжества Польшѣ. Гр. Сольмсъ писалъ по этому случаю къ гр. Панину отъ 13 (24) іюня 1771 г. «Его величество, во второй разъ, возвращается къ своей мысли уступить Молдавію и Валахію Польшѣ, въ вознагражденіе за тѣ провинціи, которыя отъ нее отдѣляются. Онъ видитъ въ этомъ средство, чтобы всѣ были довольны».

Для Россіи это средство было бы выгодно, потому что ослабляло Турцію; а это было въ видахъ Императрицы Екатерины, желавшей обезпечить свои границы съ этой стороны.

Австрія, какъ мы видѣли изъ разговора кн. Лобковича съ гр. Сольмсомъ, также высказывалась въ пользу отдѣленія отъ Турціи дунайскихъ княжествъ; чрезъ это она, также какъ и Турція, могла бы присоединить къ себѣ большія части отъ Польши.

«Присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Польшѣ, писалъ вслѣдъ за симъ Фридрихъ къ гр. Сольмсу отъ 22 іюня (3 іюля) 1771 г., не должно вызвать сопротивленія со стороны Австріи, потому что Польша не сдѣлается чрезъ это сильнѣе и не пріобрѣтетъ болѣе того, что мы отъ нея отдѣлимъ».

Съ своей стороны, Польша была бы довольна тѣмъ, что ея потери вознаграждаются. Сверхъ того, Фридрихъ надѣялся отвлечь этимъ Австрію отъ сближенія съ Турціей.

Но было уже поздно. По полученіи мирныхъ условій, требуемыхъ Россіей отъ Турціи, Кауницъ вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ константинопольскимъ кабинетомъ, давая ему понять, что безъ рѣшительнаго содѣйствія Австріи, Порта должна будетъ принять тяжелыя для нея условія мира.

Здѣсь мы должны разсмотрѣть характеръ политическихъ партій при вѣнскомъ дворѣ, которыя расходились между собою во взглядахъ насчетъ отношеній къ Портѣ. Когда, по окончаніи семилѣтней войны, возстановилось согласіе между Россіей и Пруссіей, поли-

тика Кауница начала тяготѣть къ Константинополю. Но партія его рѣзко расходилась въ этомъ отношеніи съ противниками сближенія съ Турціей, во главѣ которыхъ стоялъ императоръ Іосифъ. Марія-Терезія, находясь уже въ преклонныхъ годахъ, болѣе задавалась религіозными соображеніями и потому также находила, что союзъ католической Австріи съ магометанской Портой есть дѣло невозможное.

Іосифъ, видя въ Кауницѣ сильнаго противника своихъ идей и зная неограниченное вліяніе этого министра на Марію-Терезію, началъ льстить непомѣрной гордости Кауница и вскорѣ, при помощи генерала Ласси, склонилъ его на свою сторону.

Ласси составилъ проэктъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы; для чего Австрія должна была составить союзъ съ Россіей.

Но личная вражда Маріи-Терезіи къ Екатеринѣ не позволяла надѣяться, чтобы этотъ союзъ могъ составиться въ ея царствованіе. Кауницъ зналъ это хорошо и потому, маскируясь предъ Іосифомъ, онъ условился со Штакельбергомъ и Бендеромъ, противиться всѣми силами сближенію Австріи съ Россіей и изгнанію турокъ.

Каждый изъ этихъ трехъ сановниковъ имѣлъ большое вліяніе на Марію-Терезію и потому оппозиція была сильна. Кауницъ полагалъ, что, при распаденіи Турціи, Греція и славянскіе народы, связанные съ Россіей религіей, должны будутъ вступить въ составъ этой Имперіи, и что это присоединеніе будетъ для Австріи вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ сосѣдство слабой Турціи.

Но не желая навлечь на себя нерасположеніе Іосифа, Кауницъ старался отклонить его отъ проэкта насчетъ изгнанія турокъ, дѣйствуя чрезъ Штакельберга и Бендера и внушая опасенія Маріи-Терезіи.

Это часто служило поводомъ горячихъ споровъ между матерью и сыномъ, такъ что Іосифъ намѣренъ былъ даже оставить Вѣну.

Боясь разсориться съ сыномъ и подчиняясь, съ другой стороны, внушеніямъ Кауница, Марія-Терезія рѣшилась собрать государственный совѣтъ для опредѣленія настоящей политики Австріи въ отношеніи къ Портѣ.

Въ этомъ совѣтѣ были разсмотрѣны слѣдующіе вопросы:

1) Если предоставить Турцію ея собственнымъ средствамъ, то при дурномъ состояніи ея войскъ можетъ ли она сопротивляться непріятелю, одержавшему столько побѣдъ?

2) Допуская, что Турція можетъ выйти изъ своего критическаго положенія, не поведетъ ли это, однако, къ ея раздѣлу? И тогда что предприметъ Россія, присоединивъ къ своимъ колоссальнымъ владѣніямъ вновь покоренныя провинціи?

3) Если помочь Турціи выйти изъ ея затруднительнаго положенія, то послужитъ ли ей это урокомъ, и усилившись потомъ, не будетъ ли она, какъ и прежде, причинять Австріи частыя безпокойства?

4) Если отказаться отъ посредничества, котораго просятъ турки, то будетъ ли это согласно съ политическою ролью великой державы и не дастъ ли это Россіи возможность безгранично распространять свои завоеванія?

5) Соединеніе съ Россіей противъ Турціи не произведетъ ли въ Европѣ общаго упрека въ несправедливости и не будетъ ли причиною разрушенія системы европейскихъ союзовъ?

6) Въ этомъ случаѣ не достанутся ли Россіи лучшія турецкія провинціи, которыя она уже и теперь занимаетъ и на которыя она изъявитъ претензію въ видахъ вознагражденія за продолжительную войну?

7) Не послужитъ ли, въ этомъ случаѣ, вопросъ о раздѣлѣ предлогомъ къ войнѣ между Австріей и Россіей?

8) Наконецъ, допуская, что раздѣлъ произойдетъ мирно: сосѣдство Россіи, вновь усиленной, не доставитъ ли Австріи болѣе неудобствъ, чѣмъ сколько она можетъ найти выгодъ въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ?

Въ совѣтѣ возникли пренія. Марія-Терезія заботилась только о избѣжаніи войны и потому была того мнѣнія, что нужно сблизиться съ Франціей и вмѣстѣ съ нею способствовать заключенію мира между Россіей и Турціей.

Кауницъ настаивалъ на союзѣ съ Турціей въ видахъ ограниченія могущества Россіи и избѣжанія ея сосѣдства.

Императоръ Іосифъ доказывалъ, напротивъ, что Турція такъ слаба, что союзъ съ нею будетъ безполезенъ и что онъ не хочетъ, чтобы дождались того, когда русскіе явятся подъ Бѣлградомъ; онъ хотѣлъ тамъ быть прежде, и предупредить русскихъ въ занятіи всѣхъ провинцій и городовъ, которымъ естественнѣе быть за Австріей, чѣмъ за Россіей.

Кауницъ, чтобы согласить всѣхъ, представилъ проэктъ тайнаго договора Австріи съ константинопольскимъ кабинетомъ, по которому Австрія обязалась содѣйствовать Турціи въ заключеніи мира съ Россіей на болѣе выгодныхъ для Порты условіяхъ, чѣмъ которыя она могла получить при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ сущности это значило, что Кауницъ хотѣлъ только воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Порты и потому, естественно, не желалъ ея успокоенія. Сверхъ того, онъ руководился и другими соображеніями, которыя возникли изъ непосредственности отношеній европейскихъ дворовъ между собою.

Съ одной стороны, онъ хотѣлъ пріобрѣсть себѣ союзника изъ опасенія, чтобы Пруссія и Россія не приняли враждебнаго положенія противъ Австріи. Кауницъ не зналъ еще тогда, въ чемъ именно состояли секретныя условія, которыя связывали петербургскій и берлинскій кабинеты, и потому могъ всего ожидать со стороны Фридриха. Съ другой стороны, Кауницъ требовалъ отъ Турціи такого вознагражденія за услугу Австріи, какого она не могла бы получить, если бы требованія Россіи не казались султану невыносимыми. Сверхъ того, пока не объяснятся настоящія намѣренія Пруссіи, Кауницъ не могъ желать примиренія Россіи съ Турціей, потому что ежели Фридрихъ и Екатерина намѣрены дѣйствовать противъ Австріи, послѣдняя подвергалась большой опасности.

Секретный договоръ Австріи съ Турціей 25 іюня (6 іюля) 1771 года.

По этимъ соображеніямъ, Кауницъ старался отклонить Турцію отъ заключенія мира съ Россіей; не призналъ требуемыхъ Екатериною условій и заключилъ съ Турціей секретный договоръ 25 іюня (6 іюля) 1771 г., котораго сущность состояла въ томъ, что Австрія ручалась за возвращеніе Турціи всѣхъ земель, занятыхъ во время войны русскими войсками.

Для достиженія этой цѣли, Австрія приметъ вооруженное положеніе, не объявляя, однако, войны Россіи, пока не представится въ томъ надобность.

Турція обязывается уплатить Австріи единовременно 2,000 мѣшковъ (около 24,000,000) франковъ на покрытіе ея расходовъ по вооруженію; сверхъ того, по замиреніи, Австрія получаетъ за свое посредничество часть Валахіи до праваго берега р. Ольты.

Австрія получала право на свободу торговли во всѣхъ моряхъ принадлежащихъ Турціи; и сверхъ того, Порта обязалась удовлетворить всѣ претензіи Австріи по спорамъ о трансильванскихъ границахъ.

Чтобы болѣе оказать вліянія на Россію своимъ вооруженнымъ положеніемъ, Австрія дѣйствительно начала сосредоточивать у Песта значительную армію и даже часть войскъ, бывшихъ въ Италіи, была вызвана въ Венгрію. Стали извѣстны секретныя сношенія Австріи съ Пруссіей и Франціей, «которую вѣнскій кабинетъ старался склонить къ войнѣ» (*).

Дѣлался заемъ въ Генуѣ и Амстердамѣ и сверхъ того, Австрія выпустила новыхъ облигацій на 12 милліоновъ флориновъ.

Все это давало видъ, что Австрія намѣрена была дѣйствовать враждебно противъ Россіи, съ цѣлью заставить ее уменьшить свои требованія относительно Турціи. «Огромныя приготовленія, дѣлаемыя съ поспѣшностью со стороны Австріи, должны поддержать надежды поляковъ, которые могутъ ожидать перемѣны въ своей судьбѣ и помощи со стороны иностранныхъ державъ,» такъ писалъ герцогъ Эгильонъ къ Жерару. И потомъ: «вы знаете, что слухъ объ ухудшеніи отношеній конфедератовъ къ Австріи не имѣетъ основаній. Австрія попрежнему продолжаетъ оказывать имъ разумное покровительство безъ особеннаго расположенія или презрѣнія» (**). Даже Фридрихъ принялъ демонстрацію Австріи за дѣйствительное намѣреніе ея объявить войну Россіи и потому писамъ къ гр. Сольмсу отъ 25 іюля (5 августа) 1771 г. «Я начинаю убѣждаться, что дѣла болѣе запутаны, чѣмъ о томъ думаютъ, и я очень опасаюсь, чтобы въ будущемъ году не вспыхнула война». И потомъ отъ 30 іюля (10 августа): «Турціи стоитъ только отдать Австріи Бѣлградъ — и она имѣетъ союзника противъ Россіи».

(*) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 18 (29) августа 1771 г.
(**) Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

«Мнѣ кажется, что для избѣжанія общей войны, Россія должна пожертвовать чѣмъ нибудь изъ своихъ завоеваній въ Турціи и вознаградить себя насчетъ Польши.» Въ заключеніе пишетъ Фридрихъ: «я долженъ вамъ сказать, что, по извѣстіямъ изъ Вѣны, слухъ объ успѣхахъ русскихъ надъ татарами (*) произвелъ чрезвычайное впечатлѣніе на австрійскихъ министровъ, и что они находятся въ такомъ затрудненіи, что даже громко не говорятъ объ этомъ».

Это послѣднее обстоятельство ставило Турцію въ большее еще затрудненіе и безъ поддержки Австріи, она принуждена была бы принять всѣ условія мира, которыя только потребуетъ Россія.

Но это же самое, еще болѣе заставляло Австрію опасаться на счетъ занятія русскими дунайскихъ княжествъ, которыхъ Россія никогда не намѣревалась присоединить къ своимъ владѣніямъ, а желала только временнаго ихъ занятія, до уплаты требуемой отъ Турціи суммы.

Соглашеніе между Пруссіей и Россіей, на случай войны съ Австріей.

Вѣря въ возможность войны съ Австріей, предусмотрительный Фридрихъ изложилъ, по этому случаю, свои мысли въ письмѣ гр. Сольмсу отъ 30 августа (10 сентября) 1771 г.

«Если Австрія объявитъ войну Россіи, писалъ онъ, то вѣроятно вступитъ въ княжества, чтобы вмѣстѣ съ турками, вытѣснить оттуда гр. Румянцева. При этомъ нужно ожидать общей конфедераціи въ Польшѣ, и даже нападенія конфедератовъ на границы Россіи. Если Пруссія будетъ при этомъ въ союзѣ съ Россіей, то она привлечетъ на себя всѣ силы Австріи и германскихъ князей, что можетъ составить до 200,000 чел.

Пруссія въ настоящее время, послѣ двухлѣтнихъ неурожаевъ, не можетъ выслать за свои границы болѣе 10,000 чел. Слѣдовательно, положеніе дѣлъ можетъ быть очень опасно.

Здѣсь Фридрихъ видимо преувеличивалъ, желая представить

(*) Дѣло идетъ о покореніи Крыма кн. Долгоруковымъ въ 1771 г.

опасность болѣе чѣмъ она была. Во всякомъ случаѣ, онъ не хотѣлъ войны съ Австріей и потому настаивалъ на томъ, чтобы Россія вовсе отказалась отъ своихъ требованій касательно дунайскихъ княжествъ и увѣрялъ, что тогда миръ будетъ заключенъ скоро. Онъ не зналъ еще о тайномъ договорѣ вѣнскаго двора съ Турціей, по которому Австрія должна была заставить Россію отказаться отъ всѣхъ завоеванныхъ ею земель, слѣдовательно вопросъ о Крымѣ и кавказскихъ земляхъ былъ еще большимъ препятствіемъ къ миру, чѣмъ дунайскія княжества.

«Но, писалъ Фридрихъ, въ томъ же письмѣ, если Австрія и за симъ (по устраненіи вопроса о княжествахъ) не приступитъ къ соглашенію, тогда вся отвѣтственность падетъ на нее, и тогда начнемъ войну, потому что нельзя будетъ избѣжать ея».

Чтобы быть всегда на готовѣ встрѣтить опасность, Фридрихъ совѣтовалъ усилить армію гр. Румянцева и кн. Долгорукова и удвоить число войскъ въ Польшѣ, доведя ихъ до 50,000 ч. Тогда немедленно нужно было приступить къ очищенію Литвы отъ конфедератовъ, которыхъ Огинскій началъ собирать вокругъ себя (*). Потомъ Фридрихъ совѣтовалъ двинуться къ Вислѣ и занять позицію между Сандоміромъ и Краковымъ, откуда польская армія могла угрожать границамъ Венгріи и тѣмъ заставить австрійцевъ не переходить границъ Трансильваніи и ограничиться прикрытіемъ венгерскихъ границъ.

Въ то время, когда австрійскія войска вступятъ въ княжества, русская армія въ Польшѣ должна была двинуться имъ въ тылъ, а прусскія войска произведутъ сильную диверсію въ Моравію и къ Дунаю; сверхъ того, Фридрихъ имѣлъ въ виду отрядить часть своихъ войскъ въ Богемію.

Такими дѣйствіями Фридрихъ надѣялся заставить Австрію склониться къ миру.

Были даже опредѣлены пути, по которымъ обѣ союзныя арміи должны были двинуться къ границамъ Венгріи. Одинъ путь предназначался отъ Кракова къ Освичиму, на Бѣлицъ, Розенбергъ и

(*) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ (14) 25 сентября 1771 г.

Нейсоль; другой—отъ Сандоміра на Сандекъ, Полотцы, Подолинцы и Лейтшау.

Въ вознагражденіе за военныя издержки, въ случаѣ войны съ Австріею, Фридрихъ требовалъ увеличить свою часть, отходящую отъ Польши, городомъ Данцигомъ, который, безъ большихъ неудобствъ, не можетъ быть отдѣленъ отъ этой части.

«Если Россія, писалъ при этомъ Фридрихъ, захочетъ увеличить свою часть въ Польшѣ, сообразно съ тѣмъ, что могу я выиграть пріобрѣтеніемъ Данцига, я нахожу это очень справедливымъ и соглашусь на все, безъ всякихъ затрудненій».

Не теряя времени, Фридрихъ началъ приготовляться къ войнѣ. Въ Польшу были посланы ремонтеры, для закупки 7,200 лошадей; на границахъ и въ самой Польшѣ собирались продовольственные запасы, частью даромъ, частью на деньги, уменьшенныя въ своемъ достоинствѣ. Въ Польшу вводилось все больше и больше прусскихъ войскъ.

«Два полка прусскихъ драгунъ и четыре—гусаръ, писалъ Жераръ отъ 19 (30) октября 1771 г., вступили въ Польшу и заняли Кульмъ, Шлѣхау, Грауденцъ, Мевесвецъ—(Meweswetz), Нейбургъ Диршау. Данцигу также угрожаетъ опасность; впрочемъ, въ немъ до 1,400 гарнизона пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи, до 100 пушекъ при 200 артиллеристахъ и до 6,000 ч. милиціи, которымъ я совѣтовалъ быть на всякій случай въ готовности, чтобы не допустить пруссаковъ легко овладѣть Данцигомъ»; и потомъ отъ 24 октября (4 ноября): «Сейчасъ я получилъ извѣстіе, основанное на письмѣ прусскаго министра (Horst) Горста, что 23,000 чел. прусской пѣхоты и кавалеріи находятся въ движеніи изъ Помераніи въ Польшу, а еще 6 полковъ ожидаютъ въ Кюстринѣ приказанія выступить туда же».

Прусскія войска въ Польшѣ, вели себя какъ въ завоеванной странѣ. Они собирали контрибуцію и дѣлали большіе налоги на города. Для укрѣпленій нѣкоторыхъ пунктовъ, напримѣръ Позена, жители сгонялись на работы за 7 и 8 миль. Для ослабленія торговли Данцига и направленія ея на Кенигсбергъ,—всѣ товары, проходящіе черезъ Данцигъ, должны были простоять шесть недѣль въ прусской таможнѣ, подъ видомъ предосторожности отъ занесенія

заразы изъ Польши. Но тѣ же товары, слѣдовавшіе въ Пруссію черезъ Кенигсбергъ, пропускались безъ карантина.

«Съ нѣкотораго времени, писалъ Жераръ отъ 12 (23) ноября къ Эгильону, прусскій король надѣлалъ Польшѣ больше зла, чѣмъ русскіе въ 4 года. Вотъ его письмо къ генеральшѣ Скуржевской, которое очень распространено по рукамъ: «Я получилъ ваше письмо отъ 20 сего мѣсяца и все, что я могу сказать вамъ въ отвѣтъ на жалобы ваши, касательно несчастій отягчающихъ ваше отечество— это, что они произошли отъ поведенія конфедератовъ, и были слѣдствіемъ того, что я вамъ предсказывалъ, какъ вы можете припомнить; и если конфедераты будутъ упорствовать въ намѣреніи лишить короля престола, то будутъ уже имѣть дѣло съ державами, гарантировавшими его избраніе. И такъ, если конфедераты не измѣнятъ своихъ намѣреній, то довершатъ только несчастія, которыя тяготѣютъ надъ Польшей. Я жалѣю васъ, графиня, и всѣхъ честныхъ людей Польши, но я ни чѣмъ не могу помочь».

Магистратъ города Данцига обратился къ начальнику прусскихъ пограничныхъ войскъ, генералу Беллингу, съ жалобою, что выпущенная въ обращеніе прусская монета, низшаго противъ цѣны достоинства, подрываетъ торговлю.

«На это, пишетъ Жераръ, Беллингъ отвѣчалъ: «что сильный даетъ слабому законы». Ему представляли, что купцы возвысятъ цѣны на все и что монета эта не будетъ имѣть хода за границей. Беллингъ и на это сказалъ: «что онъ удивляется смѣлости, съ которою какой-нибудь магистратъ позволяетъ себѣ разсуждать и оспаривать то, что постановлено монархомъ». Но купцы твердо объявили, что не станутъ принимать выпущенной монеты, за что Беллингъ обѣщалъ арестовать каждаго, кто посмѣетъ это сдѣлать. 36 флориновъ этой монеты принимаются теперь за 1 дукатъ. Солдаты и офицеры расплачиваются дукатами и не принимаютъ сдачи новою монетою. Купцы хотѣли закрыть лавки, но пруссаки запретили это».

Князь Долгоруковъ доносилъ гр. Панину отъ 22 января (2 февраля 1771 года: «графъ Унру, во главѣ польскихъ депутатовъ, былъ въ Потсдамѣ у Фридриха, просить о томъ, что-бы войска прусскія не обижали жителей. Фридрихъ не принялъ его а напи-

салъ письмо, объяснилъ все необходимостью, и только имѣнія Унру было приказано Беллингу щадить» (*).

Но не смотря на всѣ подобныя дѣйствія прусскихъ войскъ въ Польшѣ, прямо показывавшія, что Фридрихъ смотритъ на занятую имъ часть Польши, какъ на страну покоренную — Эгильонъ продолжалъ заблуждаться.

«Вступленіе (**) прусскихъ войскъ въ Польшу, писалъ онъ, съ перваго раза наводило на мысль о выполненіи проэкта, составленнаго между Пруссіей и Россіей, которая, съ своей стороны, выслала въ Польшу болѣе войскъ, чѣмъ сколько тамъ было, съ начала войны. Но впрочемъ, это можетъ быть не болѣе какъ повтореніе тѣхъ же дѣйствій прусскаго двора въ Польшѣ, которыя извѣстны уже втеченіи 12 лѣтъ».

И потомъ отъ 13 (24), того же мѣсяца: «Мы (***) сомнѣваемся, чтобы вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу могло имѣть какое нибудь серьозное значеніе».

Между тѣмъ Фридрихъ надѣялся приготовить все, для *открытія войны въ іюлѣ* или августѣ мѣсяцѣ 1772 г., если бы обстоятельства потребовали военныхъ дѣйствій противъ Австріи.

Фридрихъ полагалъ, что Австрія не можетъ начать войны ранѣе, потому что въ Валахіи она будетъ дѣйствовать не иначе, какъ вмѣстѣ съ турками, которые никогда не начинаютъ кампаніи ранѣе августа.

Преслѣдуя мысль о пріобрѣтеніи Данцига, Фридрихъ старался доказать необходимость этой мѣры, для пополненія своихъ расходовъ въ случаѣ войны, которой вѣроятность онъ преувеличивалъ.

Приготовляясь къ кампаніи, писалъ Фридрихъ гр. Сольмсу отъ 25 сентября (6 октября) 1771 г.: «Для снабженія магазиновъ продовольственными припасами, фуражемъ и боевыми принадлежностями, мнѣ нужно тратить ежегодно 11 милліоновъ ефимковъ. Надобно, сверхъ того, нанять гессенскія и другія войска для закрытія герцогства Клевскаго, въ случаѣ нападенія на него французовъ.

(*) Госуд. Арх. въ Москвѣ. Польскія дѣла за 1771 г.

(**) Fontainebleau 6 (17) novembre 1771 г. Госуд. Арх. Рукопись.

(***) Versailles 13 (24) novembre 1771 г. iddem.

Для этого нужно не менѣе 1,200,000 экю и для содержанія этихъ войскъ 1,400,000 экю. Такъ что весь расходъ ежегодно будетъ простираться до 13,700,000 экю.

Вотъ что заставляетъ меня настаивать на полученіи Данцига. Этотъ городъ богатъ; въ немъ найдутся и деньги для займа, и разные продукты, что облегчило бы тяжесть издержекъ, которыя падутъ на мою долю».

«Чтобы не сочли, продолжаетъ Фридрихъ, что мои опасенія на счетъ Франціи преувеличены, я долженъ сказать о томъ, что мнѣ пишутъ изъ Парижа: «Вѣнскій посланникъ, по прибытіи въ Парижъ нарочнаго курьера отъ своего двора, потребовалъ аудіенціи у короля, при чемъ присутствовалъ и герцогъ Эгильонъ.

«Австрійскій посланникъ, какъ увѣряютъ, имѣетъ порученіе предложить Франціи препятствовать, вмѣстѣ съ Австріей, отдѣленію отъ Турціи ея владѣній, за что Порта обязывается уплатить Франціи такую же сумму денегъ, какую она выдала Австріи. Неизвѣстно однако, какой данъ отвѣтъ австрійскому посланнику».

«Было бы стыдно мнѣ, заключаетъ Фридрихъ, еслибы, послѣ долголѣтней опытности въ дѣлахъ, я не предвидѣлъ во время, что можетъ или должно произойти, и если бы я заблаговременно не приготовился къ сопротивленію противъ моихъ враговъ. Все это стоитъ денегъ; но если нужно вести войну, то не слѣдуетъ жалѣть ихъ».

Но военныя издержки Фридриха, въ случаѣ войны, далеко не такъ дорого ему стоили, благодаря системѣ, по которой онъ дѣлалъ свои приготовленія.

«Если (*) Фридрихъ начнетъ открытую войну, писалъ Жераръ, то онъ будетъ имѣть готовые магазины, которые ему почти ничего не стоютъ; ибо онъ ничего не покупаетъ; а если иногда и покупаетъ, то платитъ монетой, которая ходитъ на 55° ниже своего курса. На эту монету требуется поставка 15,000 ластовъ ржи изъ прусской Польши. Однѣ земли Данцига поставили уже по сіе время хлѣбомъ и деньгами до 484,000 ливровъ, тогда какъ тѣ же

(*) Dantzig 25 Janvier (5 Février) 1772 г. Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

земли не доставляли прежде городу болѣе какъ на 55 т. ливровъ ежегодно».

Какъ видно, Фридрихъ особенно старался эксплуатировать Данцигъ, какъ потому, что этотъ городъ могъ доставить ему болѣе, чѣмъ всякій другой, такъ и съ цѣлью ослабить его торговлю, ибо Фридрихъ не былъ увѣренъ, что Данцигъ достанется ему по раздѣлу.

Магистратъ города просилъ Жерара о заступничествѣ, но тотъ отвѣчалъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Сенаторы прусской Польши принесли жалобу Фридриху на насилія прусскихъ войскъ, дѣлаемыя его именемъ—но и это не послужило ни къ чему.

По словамъ ихъ, втеченіи года одни аббатства Олива и Пепласъ заплатили болѣе 13,000 дукатовъ деньгами и разными сборами, а монахини монастыря св. Якова, за неимѣніемъ средствъ къ существованію, оставили монастырь и живутъ подаяніемъ.

Фридрихъ отвѣчалъ отъ 9 февраля: «Я получилъ письмо, писанное мнѣ отъ 31 января, въ которомъ вы жалуетесь на требованія генералами Тоддеемъ и Беллингомъ разныхъ запасовъ съ края. Хотя я сомнѣваюсь и думаю, что вамъ не такъ передали обстоятельства, о которыхъ вы говорите; но я постараюсь изслѣдовать ваши жалобы и помочь вамъ относительно требованій моихъ войскъ, ограничиваясь необходимымъ.»

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1771 г. Фридрихъ снова повторилъ свои притязанія насчетъ Данцига, стараясь въ то же время убѣдить Россію въ необходимости отказаться отъ Молдавіи и Валахіи. Онъ прибавилъ при этомъ, что Австрія не только не согласится, чтобы княжества эти были, хотя бы даже временно, заняты русскими; но что для предупрежденія неизбѣжной войны, нужно вовсе отложить мысль объ отдѣленіи ихъ отъ Турціи и образованія изъ нихъ особаго независимаго государства, чего желала Россія. Если же Австрія будетъ препятствовать независимости татаръ и свободному плаванію русскихъ кораблей по Черному Морю, то Пруссія, «не колеблясь, тотчасъ же вступаетъ въ открытый союзъ съ Россіей и принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ обязательствъ по составленнымъ между обѣими державами секретнымъ условіямъ.»

Между тѣмъ петербургскій кабинетъ все еще не давалъ категорическаго отвѣта на всѣ заявленія Пруссіи относительно поль-

скаго вопроса и касательно предположеній въ случаѣ войны съ Австріей.

Только 11 (22) ноября гр. Панинъ вручилъ прусскому посланнику замѣчанія, служившія отвѣтомъ на всѣ представленія Фридриха, которыя гр. Панинъ сводилъ въ три слѣдующіе пункта:

Отвѣтъ гр. Панина на предложеніе Фридриха.

1) Чтобы Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи.

2) Касательно принятія мѣръ въ случаѣ объявленія Австріей войны, и

3) Вопросъ о вознагражденіи Пруссіи, если предполагаемая война дѣйствительно начнется.

По первому пункту гр. Панинъ отвѣчалъ, что хотя оставленіе христіанскихъ княжествъ подъ игомъ магометанъ очень огорчаетъ Императрицу, но она соглашается на то по совѣту прусскаго короля, чтобы предупредить могущія произойти въ противномъ случаѣ, бѣдствія.

Для вознагражденія же Россіи, Турція должна уступить ей Бендеры, покореніе которыхъ стоило столько крови; или же, вмѣсто Бендеръ, Турція должна уступить Очаковъ, или, по меньшей мѣрѣ, Кинбурнъ, что совершенно необходимо для наблюденія за татарами. Сверхъ того, Турція уплатитъ Россіи незначительную сумму денегъ, что послужитъ къ пріобрѣтенію въ самой Портѣ сторонниковъ мира и можетъ облегчить его заключеніе.

Ссылаясь на секретный трактатъ съ Пруссіей, заключенный 31 марта (11 апрѣля) 1764 г., по которому, въ случаѣ войны, Пруссія обѣщала выставить въ пользу Россіи 20,000 чел. вспомогательнаго войска,—гр. Панинъ требовалъ, что ежели Австрія объявитъ войну Россіи, то чтобы 20,000 прусскихъ войскъ было присоединено къ 50,000 русской арміи, которая будетъ собрана въ Польшѣ втеченіи зимы.

Ежели Австрія будетъ сохранять только вооруженное положеніе, но не начнетъ враждебныхъ дѣйствій, союзныя арміи должны сохранить настоящее свое положеніе, а русская армія въ Польшѣ все-таки будетъ доведена до 50,000 состава.

Если же австрійцы откроютъ дѣйствія противъ русскихъ въ турецкихъ провинціяхъ, тогда союзныя арміи въ Польшѣ начнутъ совокупныя дѣйствія противъ Австріи.

Въ случаѣ же вступленія австрійцевъ въ Польшу, союзныя войска отбросятъ ихъ къ венгерскимъ границамъ; кромѣ того, гр. Панинъ требовалъ, чтобы Фридрихъ оказалъ въ этомъ случаѣ содѣйствіе всѣми своими силами и произвелъ диверсію въ самую Австрію.

Съ своей стороны, Россія обѣщала выслать особый корпусъ изъ 6000 ч. пѣхоты и 4000 казаковъ (число это должно быть удвоено при первой возможности), въ помощь Пруссіи, если австрійцы направятъ противъ нея главныя свои дѣйствія. Когда же миръ съ Турціей будетъ уже заключенъ, то вся русская армія будетъ обращена на помощь Пруссіи, при чемъ 50000 ч. русскихъ войскъ вступятъ въ Венгрію.

Что касается до вознагражденія Пруссіи за убытки въ случаѣ войны съ Австріей, то гр. Панинъ вполнѣ признавалъ за нею это право, но только не соглашался на уступку Данцига, котораго независимость была гарантирована Россіей. „Всѣ морскія державы, отвѣчалъ на это гр. Панинъ, желаютъ сохранить этотъ городъ въ настоящемъ его положеніи. Россія, въ разное время и даже въ царствованіе Императрицы Екатерины, гарантировала Данцигу его привилегію и независимость“. Вознагражденіе же Пруссіи, по предположенію гр. Панина, должно было послѣдовать на счетъ Австріи, если она начнетъ войну. При чемъ Россія обѣщала не прекращать войны, пока Австрія не будетъ принуждена вознаградить Пруссію.

Фридрихъ, получивъ этотъ отвѣтъ петербургскаго двора на всѣ его предложенія, былъ очень доволенъ рѣшеніемъ Россіи касательно дунайскихъ княжествъ и, съ своей стороны, соглашался отказаться отъ притязанія на Данцигъ, который, будто бы, требовалъ только потому, что онъ составляетъ часть Помераніи.

«Но достаточно было только узнать, писалъ Фридрихъ, что Ея Величество видитъ въ этомъ вопросѣ противное своимъ интересамъ и обязательствамъ, чтобы отказаться отъ Данцига».

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, Фридрихъ требовалъ полной независимости Данцига и отдѣленія его отъ Польши, основываясь на

двухъ положеніяхъ. 1) Такъ какъ этотъ городъ всегда зависѣлъ отъ Помераніи и прусской Польши; и 2) при раздѣлѣ Польши, Данцигъ будетъ имѣть совершенно отдѣльное положеніе. Если допустить покровительство Польши надъ Данцигомъ, то это послужитъ только поводомъ къ безпрастеннымъ столкновеніямъ между ею и Пруссіею.

Не зная намѣреній Россіи по этому предмету, Фридрихъ сдѣлалъ сперва какъ бы легкій намекъ на то, что для нея все равно откуда бы ни получить вознагражденіе за военныя издержки и указывалъ на справедливость пополнить эти издержки на счетъ Польши, которая была причиною настоящей войны; сверхъ того, этимъ облегчалась возможность заключенія мира съ Турціей. Когда Россія была въ нерѣшительности, онъ ловко бросилъ тѣнь на опасенія Австріи и недоброжелательство ея къ Россіи; и наконецъ, чтобы ускорить рѣшеніе петербургскаго двора, началъ угрожать ему и дѣлать намекъ на то, что онъ можетъ пристать къ его недоброжелателямъ.

Получивъ согласіе Россіи на раздѣлъ Польши, Фридрихъ все еще старался держать дѣло въ тайнѣ, сомнѣваясь на счетъ рѣшенія Австріи по этому вопросу. Когда же были составлены тайныя условія между Россіей и Пруссіей на случай войны съ Австріей, Фридрихъ, не опасаясь болѣе ничего, рѣшился приступить къ занятію польскихъ провинцій, указывая на то, что дѣло о раздѣлѣ Польши не составляетъ болѣе секрета и что объ этомъ всѣ уже говорятъ въ Польшѣ, Вѣнѣ и Константинополѣ.

Нужно думать, что этотъ слухъ разошелся въ Польшѣ и далѣе не безъ участія Фридриха, потому что о немъ прежде всѣхъ заговорили въ прусскихъ войскахъ, занимавшихъ Польшу.

Упираясь главнымъ образомъ на распространеніе слуха о раздѣлѣ, Фридрихъ предлагалъ Россіи объявить, единовременно съ нимъ, о рѣшеніи раздѣлить Польшу и потомъ уже вступить въ сношеніе съ Австріей по этому дѣлу. «Австрія, писалъ Фридрихъ, согласится на это и предпочтетъ вѣрный выигрышъ опасности и случайностямъ войны. Тогда и ропотъ польской націи прекратится самъ собою, ибо она увидитъ, что дѣло рѣшено по согласію Турціи и съ содѣйствіемъ Австріи.

Сверхъ того, если приступить къ раздѣлу Польши по замиреніи съ Портой и держать дѣло до тѣхъ поръ въ секретѣ, то это можетъ послужить поводомъ къ новой войнѣ съ Турціей, которая, вовсякомъ случаѣ, будетъ тяготиться заключенными условіями мира.

Если же раздѣлъ будетъ объявленъ немедленно, то Турція пойметъ, что часть вознагражденія, которое она должна была бы дать Россіи, отнесется на счетъ Польши, и потому не станетъ препятствовать ея раздѣлу.

По этимъ соображеніямъ, Фридрихъ предлагалъ приступить къ занятію польскихъ владѣній не позже будущаго мая, когда 50000 русская армія соберется въ Польшу и когда, слѣдовательно, будетъ возможность дѣйствовать противъ австрійцевъ, если бы они объявили войну.

При этомъ Фридрихъ снова коснулся предложенныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ и отказывался отъ нѣкоторыхъ условій, которыя самъ предложилъ, чтобы побудить Россію соединиться съ нимъ противъ Австріи. Когда цѣль эта была достигнута, Фридрихъ представилъ невозможность выслать вспомогательный корпусъ прусскихъ войскъ въ дунайскія княжества. Корпусъ этотъ, по затруднительности его продовольствія, могъ отойти отъ прусскихъ границъ не далѣе 60 или 70 миль, и если австрійскія войска направятъ свои главныя дѣйствія противъ Пруссіи, то долженъ былъ-бы возвратиться къ своимъ границамъ. Если же дѣйствія Австріи потребуютъ энергическихъ мѣръ, то Пруссія обѣщала употребить противъ нея всѣ свои силы и сдѣлать сильную диверсію въ Австрію.

Хотя наступательный и оборонительный союзъ Россіи и Пруссіи не былъ еще объявленъ, но о тѣсномъ сближеніи между обоими дворами не могли не знать въ Европѣ. Проэктъ о раздѣлѣ Польши также не былъ тайной. Только одна Франція, казалось, не хотѣла видѣть политическихъ комбинацій, въ ихъ настоящемъ значеніи.

«Говорятъ, писалъ Жераръ отъ 28 марта (8 апрѣля) 1771 г., что къ Вильно дожидается 40000 русскихъ», и потомъ: «въ особенности странно то, что русскіе думаютъ, что будутъ драться

противъ австрійцевъ, а пруссаки воображаютъ, что русскіе на всякій случай берутъ противъ нихъ эти предосторожности».

«Польскія газеты, писалъ Жераръ (*), и нѣкоторыя иностранныя, объявляютъ о раздѣлѣ Польши. Россія, поддерживая это мнѣніе, выставляетъ виновницею въ томъ Австрію. Я увѣряю поляковъ, что все это одни пустые слухи.

«Мнѣ кажется, что насилія Сальдерна до того взволновали умы, что при небольшомъ вниманіи и съ помощью болѣе положительныхъ дѣйствій, замыслы Россіи противъ Польши могутъ быть уничтожены безвозвратно, и что наше вліяніе въ Польшѣ безъ всякихъ усилій утвердится на самыхъ прочныхъ основаніяхъ».

Какъ мало знала и предвидѣла Франція, какъ составлялись и могли составляться соглашенія иностранныхъ дворовъ между собою, видно изъ слѣдующихъ словъ Жерара (**): «Русскіе стараются навести подозрѣніе на вѣнскій дворъ и утвердить слухъ о существованіи общаго согласія Россіи и Пруссіи, касательно раздѣла Польши и объ условіяхъ мира. Но ложность этого слуха, безъ сомнѣнія, скоро объяснится. Нужно полагать, что Австрія, въ видахъ своихъ и нашихъ интересовъ, отвергла предложеніе Царицы.

«Вопросъ о раздѣлѣ Польши, появился въ утрехтской газетѣ и меня увѣдомили, что статья распространена въ Польшѣ довольно страннымъ образомъ. Что всего страннѣе, такъ это то, что въ Пруссіи говорятъ о раздѣлѣ Польши, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ и смотрятъ на Данцигъ, какъ на часть владѣнія, переходящаго къ Пруссіи. Я знаю хорошо, что подобные слухи не заслуживаютъ вниманія, но счелъ нужнымъ указать на нихъ».

Тѣмъ не менѣе, Эгильонъ смутно сознавалъ, что въ Европѣ слагаются какія то чрезвычайныя обстоятельства, но никакъ не могъ себѣ ихъ выяснить. То онъ надѣялся, что Австрія объявитъ войну Россіи, то видѣлъ, что та же Австрія имѣетъ секретныя сношенія съ Пруссіей, которой дружба къ Россіи была всѣмъ извѣстна.

(*) Dantzig 10 juillet (29 juin) 1771 г. Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

(**) Тоже отъ 20 (31) juillet 1771.

Послѣ долгихъ соображеній, онъ пришелъ къ тому заключенію, которое всего меньше подходило къ дѣлу.

«Намѣренія Австріи, писалъ онъ Жерару отъ 17 (28) іюля 1771 г., теперь уже не подлежатъ сомнѣнію. Содѣйствіе ея къ примиренію конфедератовъ должно служить блистательнымъ доказательствомъ того, что она держится политики—дѣлать что можно для конфедератовъ и не разрывать мирныхъ отношеній съ Россіей».

Тѣсная дружба Россіи съ Пруссіей заставила Кауница призадуматься. Онъ видѣлъ, что дѣйствовать враждебно противъ Россіи, значитъ вооружить противъ себя Пруссію. Сверхъ того, въ концѣ 1771 г., въ Вѣну дошелъ слухъ о рѣшительномъ пораженіи турокъ подъ Бухарестомъ и это не мало удивило Кауница, который представлялъ себѣ положеніе нашей дунайской арміи въ крайне плохомъ состояніи.

Приходилось сдѣлать рѣзкій поворотъ въ политикѣ. Войны нужно было болѣе опасаться, нежели угрожать ею, и вѣнскій дворъ началъ приговариваться на счетъ своей части въ Польшѣ.

«Императрица-королева и Императоръ, писалъ къ Фридриху Роде, прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, намекаютъ, что и они желаютъ получить свою часть въ Польшѣ, въ случаѣ ея раздѣла (*)».

Намеки были необходимы, потому что окончательное пораженіе турокъ въ октябрѣ должно было разсѣять мнѣніе о дурномъ состояніи дунайской нашей арміи. Чтобы имѣть о ней болѣе подробныя свѣденія, Австрія воспользовалась случаемъ и поручила своимъ офицерамъ, сопровождавшимъ освобожденнаго Обрѣскова къ арміи гр. Румянцева, развѣдать о состояніи русскихъ войскъ.

Австрійскіе офицеры, встрѣчая только небольшіе русскіе отряды, ибо въ это время войска гр. Румянцева стояли уже по квартирамъ, заключили, что русская армія находится въ самомъ печальномъ состояніи.

Это, конечно, обрадовало Кауница и онъ вскорѣ принялъ свой прежній тонъ.

Связанный съ Турціей обязательствомъ гарантировать ей всѣ

(*) Донесеніе Роде къ Фридриху отъ 23 ноября (4 декабря) 1771 г.

ея владѣнія, занятыя втеченіи войны русскими, Кауницъ возсталъ противъ отдѣленія отъ Турціи Крыма, татаръ и кавказскихъ племенъ.

6 (17) ноября, кн. Лобковичъ получивъ изъ Вѣны лаконическую депешу и 8 (19) числа, представилъ ее гр. Панину.

«Такъ какъ Порта находитъ требуемыя отъ нея условія мира неудобопріемлемыми, сказано было въ нотѣ, и какъ послѣ такого заявленія нельзя трактовать о мирѣ, котораго такъ желаютъ Ихъ Величества, Императрица и Императоръ, то они совѣтуютъ Россіи предложить другія условія».

Отвергая требованіе Россіи на всѣ занятыя ею турецкія земли, Кауницъ соглашался, такимъ образомъ, только на тѣ условія, которыя не могли принести ей никакой почти пользы.

Равнымъ образомъ, въ вопросѣ о раздѣлѣ Польши, Кауницъ хотѣлъ принять первенствующее значеніе. Его самолюбіе и достоинство Австріи не позволяли быть на второмъ планѣ въ дѣлѣ такой важности.

Съ другой стороны, желая постоянно выдвинуть Россію впередъ, по вопросу о раздѣлѣ, Фридрихъ поручилъ гр. Сольмсу, въ письмѣ отъ 28 ноября (8 декабря) 1771 г., передать гр. Панину: «прилично ли такой державѣ какъ Россія, доказывать передъ трибуналомъ враговъ, при вѣнскомъ дворѣ, свои права на Польшу?»

«Я думаю, продолжаетъ Фридрихъ, что было бы достаточно ограничиться простымъ объявленіемъ, что такія то польскія провинціи взяты отъ Польши потому-то и тому-то. Было бы больше достоинства въ такомъ поведеніи, и твердый тонъ ихъ подѣйствовалъ бы на вѣнскій дворъ; я готовъ прозакладывать голову, что это не привело бы къ войнѣ».

Гр. Панинъ, и безъ этого внушенія, отвѣчалъ Кауницу отъ 6 (17) декабря, что Россія не намѣрена настаивать на отдѣленіи отъ Турціи дунайскихъ княжествъ; что же касается освобожденія татаръ и нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, то рѣшеніе Россіи по этому предмету неизмѣнно и что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

При этомъ гр. Панинъ, секретно и въ первый разъ, сдѣлалъ Кауницу предложеніе вступить въ переговоры по раздѣлу Польши.

Отказъ Австріи въ признаніи мирныхъ условій, требуемыхъ Россіей отъ Турціи, показался натяжкою для аббата Понятовскаго, который говоритъ въ письмѣ своемъ къ Огинскому (*): «Я вамъ писалъ, что вѣнскій дворъ отвергъ условія предложенныя Россіей; онъ возвратилъ ихъ въ Петербургъ, чтобы составить еще болѣе умѣренныя условія. Ясно, что Австрія только тянетъ время, потому что довольно было бы прямо сказать, чего она хочетъ; но вѣроятно она желаетъ затяжкою дѣла ослабить Россію и потомъ продиктовать условія мира, въ ущербъ Польшѣ. Сальдернъ ни въ чемъ не сомнѣвается; онъ поступаетъ хорошо, но не владѣетъ собою. Бенуа все говоритъ что теперь дѣла идутъ хорошо—то онъ порицаетъ Сальдерна, то одобряетъ: судите, въ какомъ мы находимся лабиринтѣ. Король, однако, не падаетъ духомъ: у него есть поддержка».

Фридрихъ, съ своей стороны, высказалъ Кауницу свое намѣреніе поддерживать требованія Россіи и совѣтовалъ ему лучше позаботиться „о своихъ собственныхъ интересахъ“ (**).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Панинъ «съ твердостью предложилъ князю Кауницу, чрезъ князя Голицына, что дворъ его, который претендуетъ удовлетворить самого себя, не можетъ воспрепятствовать сдѣлать тоже державамъ, имѣющимъ, равно какъ и онъ, явныя права на ту же республику; и если найдетъ онъ за приличное для него вступить въ согласіе съ Россіей и ея союзникомъ, для сличенія, разбора и удовлетворенія правъ трехъ державъ, то Россія будетъ стараться склонить къ этому Пруссію» (***).

Послѣ такихъ заявленій, Кауницъ сталъ откровеннѣе по польскому вопросу и сговорчивѣе на требованія Россіи, какъ относительно Турціи такъ и Польши. До сихъ поръ онъ сильно противился въ вопросѣ объ освобожденіи татаръ и занятія Россіею дунайскихъ княжествъ втеченіи 25 лѣтъ; обѣщалъ Турціи поддерживать ея требованія и содѣйствовать ея примиренію, «но съ точ-

---

(*) Приложеніе къ письму Жерара изъ Данцига, отъ 3 (14) августа 1771 г. Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

(**) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 21 января (1 февраля) 1772 г.

(***) Изъ инструкціи Штакельбергу 11 (22) августа, 1772 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

нымъ условіемъ, чтобы Россія отнюдь не помышляла о раздробленіи польскихъ владѣній, когда собственный его дворъ призналъ заблаго, отобрать себѣ 13 городовъ Ципскаго графства» (*). Теперь же Кауницъ поспѣшилъ сообщить Тугуту, чтобы онъ старался склонить Порту къ переговорамъ, на основаніи условій требуемыхъ Россіей и обѣщать ей, что державы, принявшія на себя посредничество, будутъ поддерживать благоразумныя ея требованія.

Эгильонъ такъ мало ожидалъ возможности сближенія вѣнскаго и петербургскаго кабинетовъ, что когда разнесся слухъ о соглашеніи Австріи съ Россіей и Пруссіей, онъ думалъ, что это одни вымыслы русскихъ. «Что касается до опроверженія слуховъ, распускаемыхъ русскими, писалъ онъ Жерару отъ 6 (17) августа 1771 г. (**), то достаточно замѣтить, что Австрія не стала бы собирать 10 т. армію въ Венгріи и Трансильваніи, для выполненія своихъ плановъ, если бы была согласна относительно ихъ съ Пруссіей и если бы Россія была съ ними въ соглашеніи.

«Вѣрно то, что Австрія объявила точно и положительно, что она ни въ какомъ случаѣ не намѣрена присоединить къ себѣ ничего изъ земель республики и что «даже не будетъ оспаривать тѣ земли, на которыя имѣетъ нѣкоторое законное право».

Жераръ имѣлъ болѣе точныя свѣденія о намѣреніяхъ Австріи, черезъ своихъ корреспондентовъ изъ Вѣны.

«Я получилъ ваше предположеніе о видахъ вѣнскаго двора, писалъ онъ Эгильону, въ одно время съ письмами нѣкоторыхъ поляковъ, живущихъ въ Вѣнѣ, въ которыхъ говорится, что вѣнскій дворъ имѣетъ въ виду только обмануть Францію и вредить Польшѣ».

А между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Пруссія и Россія постановили окончательный договоръ относительно раздѣла Польши. Договоръ этотъ былъ подписанъ, 6 (17) февраля 1772 г., уполномоченными обѣихъ державъ, гр. Панинымъ и гр. Сольмсомъ.

(*) Изъ инструкціи Штакельбергу 11 (22) августа, 1772 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

(**) Compiègne 6 (17) août 1771 г. Госуд. Арх. въ С.-Петерб. Рукопись.

Договоръ Россіи и Пруссіи о раздѣлѣ Польши.

«Ихъ Величества, сказано въ этомъ договорѣ, имѣя въ виду, что всѣ употребляемыя ими средства къ умиротворенію Польши не привели ни къ какимъ результатамъ, а напротивъ того, раздраженіе умовъ, составленіе отдѣльныхъ партій и договоровъ усиливались съ каждымъ днемъ и анархія до того укоренилась въ Польшѣ, что заставляетъ опасаться, что безпрерывныя смуты и духъ разъединенія приведутъ государство къ совершенному разстройству.

«Имѣя также въ виду что Ея Величество Императрица королева приказала корпусу своихъ войскъ вступить въ Польшу и заняла нѣкоторыя провинціи, на которыя она объявила свои древнія права: — Ихъ Величества, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и прійдя къ заключенію, что такое состояніе сосѣдней съ ними державы вредно для интересовъ ихъ монархій и безопасности ихъ границъ, нашли необходимымъ условиться между собою и рѣшились предъявить свои документы, права и претензіи противъ польской республики и присоединить къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя провинціи этой державы, сколько для охраненія своихъ интересовъ, столько и для того, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на поляковъ и направить ихъ разъединенные умы къ скорѣйшему успокоенію ихъ отечества».

По этому проэкту, къ Россіи отходила отъ Польши часть Ливоніи, Полоцкаго палатината, по правую сторону Двины и палатината Витебскаго, такъ что р. Двина составляла натуральную границу между Россіей и Польшей до того мѣста, гдѣ прежняя граница Витебскаго и Полоцкаго палатинатовъ пересѣкала р. Двину; потомъ слѣдуя отъ Двины къ югу, по той же границѣ до того пункта, гдѣ сходятся въ одну точку границы палатинатовъ Витебскаго, Полоцкаго и Минскаго. Отсюда, новая граница была направлена по прямой линіи къ верховьямъ р. Друи, впадающей въ Днѣпръ, на м. Ордва и потомъ по лѣвому берегу Друи до впаденія ея въ Днѣпръ, откуда уже шла прежняя граница по Днѣпру до впаденія въ него р. Сожи.

Пруссія получила всю Померанію, кромѣ г. Данцига съ его территоріею (которая объявлена совершенно свободною и независимою отъ Польской республики). Потомъ часть Польши по правую сторону р. Нетцы, начиная отъ границъ Новой Мархіи, по р. Нетцѣ къ Фордону и Солицу; такъ что р. Нетца составляя границу между Пруссіей и Польшей, должна была *вся* принадлежать Пруссіи (*).

Сверхъ того, къ Пруссіи отходили отъ Прусской Польши палатинатъ Маріенбургскій съ городомъ Эльбингомъ и епископствомъ Вормсъ, а также палатинатъ Кульмскій, исключая только г. Торнъ, который оставленъ во владѣніи польской республики.

Объ договорившіяся стороны должны были занять войсками отходящія къ нимъ польскія владѣнія въ маѣ 1772 г. и до тѣхъ поръ не должны были объявлять публично о своемъ намѣреніи. Въ маѣ же, Россія и Пруссія условились объявить вѣнскому двору о своемъ рѣшеніи и предложить ему принять участіе въ раздѣлѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, посланники обѣихъ договорившихся сторонъ въ Варшавѣ должны были получить инструкціи дѣйствовать въ полномъ между собой согласіи и подкрѣплять рѣшенія своихъ дворовъ доводами, наиболѣе способными доказать справедливость ихъ рѣшенія.

Такимъ образомъ, согласіе между Россіей и Пруссіей увеличивалось съ каждымъ днемъ и заставило Кауница серьозно подумать о своихъ интересахъ.

Онъ видѣлъ, что Турція болѣе нуждается въ помощи, нежели можетъ оказать ее, а вооружить Фридриха противъ Австріи, было болѣе нежели опасно.

(*) Это послѣднее условіе съ умысломъ было введено Фридрихомъ и послужило ему поводомъ къ занятію части Польши по лѣвую сторону Нетцы, которая разливается на нѣсколько верстъ отъ лѣваго ея берега. Фридрихъ включилъ все это пространство въ составъ Пруссіи, относя его принадлежащимъ къ р. Нетцѣ, которая, по условію, должна была принадлежать ему *вся*.

Вѣнскій дворъ присоединяется къ договору.

Поэтому вѣнскій кабинетъ отказался отъ сопротивленія требованіямъ Россіи, относительно независимости татаръ и кавказскихъ племенъ.

Въ то же время, попытка Австріи, какъ тайнаго союзника Порты, приняла положеніе далеко къ ней не дружественное и направленное къ своимъ только личнымъ интересамъ.

Въ первый разъ, этотъ новый фазисъ политики Австріи былъ выраженъ барономъ Ванъ-Свитеномъ, вѣнскимъ посланникомъ въ Берлинѣ.

Испросивъ у Фридриха аудіенцію 25 января (4 февраля) 1772 г.» Ванъ-Свитенъ сказалъ ему, что вѣроятно онъ будетъ доволенъ депешей, отправленной недавно въ Петербургъ отъ вѣнскаго двора, касательно мира съ Турціей.

Фридрихъ отвѣчалъ ему, что онъ, конечно, предпочитаетъ отвѣты болѣе умѣренные, нежели тѣ, которые Австрія дѣлала прежде, и что онъ, желая всегда мира, былъ постоянно на сторонѣ средствъ къ тому ведущихъ; что наконецъ, подобныя средства болѣе согласуются съ дѣйствительными интересами вѣнскаго двора, который при настоящемъ состояніи дѣлъ, не можетъ избрать лучшаго образа дѣйствій.

Ванъ-Свитенъ просилъ объясниться съ нимъ на счетъ польскаго вопроса. Фридрихъ замѣтилъ ему, «что это довольно трудно исполнить, потому *что еще ничто не постановлено* по этому дѣлу, но что постановленіе это можетъ состояться». Тогда Ванъ-Свитенъ просилъ дать ему, по крайней мѣрѣ, письменное удостовѣреніе, что Австрія будетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ полное равенство съ Пруссіей и Россіей» (*).

Послѣ чего Ванъ-Свитенъ сдѣлалъ неожиданное предложеніе Фридриху: уступить Австріи княжество Глацкое, за что вѣнскій дворъ передастъ ему свое право на ту часть Польши, которая при раздѣлѣ назначена будетъ Австріи.—«У меня подагра толь-

(*) Замѣтимъ, что здѣсь снова Фридрихъ выдвигаетъ Россію впередъ, дѣлая видъ, что все отъ нея зависитъ.

ко въ ногахъ, отвѣчалъ на это Фридрихъ, а такое предложеніе было бы впору только тогда, когда бы и голова моя была поражена подагрою; дѣло идетъ только о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ; сверхъ того, я держусь мирныхъ трактатовъ и долженъ припомнить данныя мнѣ Императоромъ увѣренія — не думать болѣе о Силезіи». — «Но, возразилъ на это австрійскій посланникъ, Карпатскія горы отдѣляютъ Венгрію отъ Польши и всѣ пріобрѣтенія, которыя мы можемъ сдѣлать по ту сторону горъ, для насъ ни къ чему не послужатъ».

«Однако, замѣтилъ на это Фридрихъ, Альпы васъ отдѣляютъ отъ Италіи, а вѣдь вы не считаете за ничто миланскія и мантуанскія владѣнія».

Ванъ-Свитенъ, смущенный этой ловкой діалектикой, сказалъ: «есть еще одно средство сдѣлать раздѣлъ болѣе для насъ выгоднымъ— это отдѣлить отъ Турціи Бѣлградъ и Сербію въ пользу Австріи».

Фридрихъ былъ изумленъ этими словами *союзника* Турціи, тѣмъ болѣе, что Австрія постоянно твердила о равновѣсіи на востокѣ.— «Я очень радъ, сказалъ Фридрихъ, запинаясь, что Австрія не такъ еще отуречена (circonçis), (*) какъ ее въ томъ обвиняли; и мнѣ пріятно, что она хочетъ поживиться на счетъ своихъ добрыхъ друзей—турокъ».

Дѣлая видъ, что не понимаетъ насмѣшки, Ванъ-Свитенъ спросилъ Фридриха, что онъ объ этомъ думаетъ.—«Я думаю, что это не невозможно», отвѣчалъ Фридрихъ. Австрійскій посланникъ замѣтилъ, что такой отвѣтъ будетъ пріятенъ вѣнскому двору.

Въ концѣ этого разговора Фридрихъ далъ понять Ванъ-Свитену, что 40,000-я русская армія скоро вступитъ въ Польшу, и что ежели Австрія вздумаетъ аттаковать армію гр. Румянцева, то будетъ имѣть дѣло со всѣми военными силами Пруссіи (**).

Такимъ образомъ, политика Австріи мѣнялась какъ положеніе флюгера по вѣтру.

Отвергая предложеніе Россіи на счетъ ослабленія Турціи—

(*) *circonçis* собственно означаетъ *обрѣзана*, отъ слова *circoncision* или обрѣзаніе—обрядъ который употребляютъ всѣ вообще магометане.

(**) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 25 января (5 февраля) 1772 г.

Австрія, въ качествѣ союзника Порты, требуетъ для себя Бессарабію и Бѣлградскую провинцію.

Подавъ первый поводъ къ раздѣлу Польши, вѣнскій дворъ показываетъ видъ что приступаетъ къ раздѣлу неохотно.

Фридрихъ справедливо замѣтилъ, «что поведеніе Австріи, по поводу раздѣла Польши, клонилось къ тому, чтобы обратить всѣ нарѣканія поляковъ на Россію и Пруссію».

«Сознаюсь, писалъ онъ графу Сольмсу по поводу видовъ Австріи на турецкія провинціи, что поведеніе вѣнскаго двора не заслуживаетъ, чтобы трудиться въ его пользу, и я желалъ-бы предоставить Австріи только ея часть въ Польшѣ, чтобы наказать ее за прошлое поведеніе».

Но Австрія не сочла для себя наказаніемъ получить часть Польши и, вскорѣ послѣ описанныхъ переговоровъ, Ванъ-Свитенъ объявилъ Фридриху: «что вѣнскій дворъ, по зрѣломъ обсужденіи современнаго положенія дѣлъ, рѣшился отказаться отъ пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи; но что, для поддержанія равновѣсія на сѣверѣ, онъ желаетъ пріобрѣсть часть Польши наравнѣ съ Россіей и Пруссіей».

При этомъ Ванъ-Свитенъ вручилъ Фридриху актъ, составленный въ Вѣнѣ 8 (19) февраля 1772 г. и подписанный Маріей-Терезіей и Іосифомъ.

Этимъ актомъ Австрія формально заявила свое желаніе участвовать въ раздѣлѣ Польши, при чемъ въ актѣ сказано было: «каковы-бы ни были наши взаимныя (т. е. трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши), претензіи,—пріобрѣтенія, которыя могутъ послѣдовать, должны быть совершенно равны; чтобы часть одного не была болѣе чѣмъ другаго и чтобы не представлялось препятствій къ осуществленію каждымъ изъ насъ своихъ притязаній; мы будемъ взаимно помогать другъ другу къ достиженію успѣха, обѣщая въ тоже время хранить въ полномъ секретѣ настоящее взаимное обязательство».

Въ Берлинѣ и Петербургѣ этотъ актъ былъ принятъ тѣмъ охотнѣе, что онъ служилъ доказательствомъ готовности Австріи участвовать въ раздѣлѣ Польши и былъ ручательствомъ, что вѣнскій дворъ не измѣнитъ снова своихъ намѣреній.

Политика Франціи и Англіи по отношенію къ Россіи и къ раздѣлу Польши.

Теперь оставались только опасенія на счетъ Франціи, которая по своей отдаленности могла безнаказанно вредить въ Константинополѣ союзнымъ державамъ. «Но, писалъ Фридрихъ, до тѣхъ поръ, пока три могущественныя державы будутъ въ союзѣ и дружбѣ, никто другой не осмѣлится предпринять что нибудь, могущее нарушить спокойствіе Европы» (*).

Послѣ заявленія, сдѣланнаго Австріею, ей сообщены были всѣ постановленія, утвержденныя петербургскимъ и берлинскимъ дворами по польскому вопросу. Кауницъ былъ согласенъ на все и только опасался, чтобы Франція и Англія не вмѣшались въ это дѣло; но опасенія его были напрасны.

Англія вовсе почти не интересовалась польскимъ вопросомъ, а парижскій кабинетъ оставался по прежнему въ полномъ невѣденіи.

«Я васъ увѣдомлялъ уже, писалъ Эгильонъ Жерару отъ 28 января (8 февраля) 1772 г., о томъ, какъ нужно смотрѣть на ожидаемый, будто-бы, миръ между Россіей и Турціей и на расположеніе вѣнскаго двора. Никогда этотъ послѣдній не относился такъ хорошо къ конфедератамъ, какъ нынѣ».

Напротивъ того, нерасположеніе Австріи къ конфедератамъ высказалось именно въ это время болѣе чѣмъ когда либо. Конфедераты хотѣли отправить въ Вѣну особаго посланника. Кауницъ отвѣчалъ на это, «что онъ не можетъ принять посланника отъ имени конфедераціи, потому что Австрія не признаетъ ея **)».

Агенты конфедератовъ въ Вѣнѣ съ отчаяніемъ стали замѣчать наконецъ, что политика Австріи была одною маскою, чрезъ которую стали проглядывать настоящія ея намѣренія.

«Генералъ Збонскій (агентъ въ Вѣнѣ), писалъ Жераръ (***),

(*) Письмо къ гр. Сольмсу отъ 19 февраля (1 марта) 1772 г.

(**) Versailles 7 (18) fevrier 1772 г. Госуд. Арх. Тургеневская рукопись.

(***) Dantzig 22 fevrier (4 mars) 1772 г. Тургеневская рукопись.

положительно утверждаетъ, что Австрія не только ничего не сдѣлаетъ для конфедератовъ но и дурно расположена къ нимъ».

Въ началѣ апрѣля, Кауницъ передалъ посланнику нашему въ Вѣнѣ, князю Голицыну, свои предположенія на счетъ отходящей къ Австріи части Польши.

Онъ требовалъ, чтобы новая граница Австріи съ Польшей была направлена: отъ Бялы, внизъ по Вислѣ до Сандомира, а оттуда до Паркова; потомъ, внизъ по Днѣстру между Волынью и Красной Русью, до Трансильваніи.

Такимъ образомъ, Австрія требовала для себя болѣе, чѣмъ брали Пруссія и Россія вмѣстѣ; сверхъ того, въ этой части Польши находились богатыя соляныя копи въ Величкѣ и Бохніи, которыя, не смотря на дурную ихъ разработку, приносили ежегодно до милліона эфимковъ.

Кауницъ самъ видѣлъ, что слишкомъ много хотѣлъ и потому въ письмѣ къ гр. Панину выразился: «что для политическихъ основаній, въ этомъ случаѣ, нужно имѣть болѣе точныя свѣденія, *которыхъ онъ не имѣетъ*, на счетъ существенной стоимости различныхъ земель, которыя должны быть пріобрѣтены договорившимися сторонами».

Въ сущности Кауницъ хорошо зналъ, что начертанныя имъ границы подходятъ почти къ Варшавѣ и что однѣ соляныя копи въ Величкѣ и Бохніи доставятъ Австріи ежегодно 130,000 эфимк., болѣе, чѣмъ сколько можетъ имѣть Пруссія со всей своей части, присоединяемой отъ Польши.

Фридрихъ протестовалъ противъ неумѣренныхъ требованій Австріи и съ своей стороны предложилъ, ежели вѣнскій дворъ не уменьшитъ своихъ притязаній, «то представляется совершенная необходимость, чтобы Россія и Пруссія увеличили свои части въ Польшѣ для сохраненія справедливой соразмѣрности» (*).

Между тѣмъ Австрія, не дожидая окончательнаго отвѣта на свои требованія, подвинула свои войска далѣе прежняго ихъ расположенія.

Корпусъ генерала Эстергази, силою до 20,000 чел., и корпусъ

(*) Письма Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 11 (22) апрѣля 1772 г.

Альтана до 7000 ч., вступили въ Польшу, — первый, со стороны Венгріи, а послѣдній изъ верхней Силезіи.

Тогда и прусскія войска подвинулись далѣе въ Польшу. Спокойная на счетъ Австріи—Франція, только теперь начала приписывать Фридриху иные виды, помимо сбора въ Польшѣ разныхъ припасовъ и контрибуцій.

«Вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу, писалъ Жераръ (*), толкуется различно: одни говорятъ, что они будутъ дѣйствовать противъ конфедератовъ: другіе приписываютъ это намѣренію занять часть Великой Польши; а третьи, наконецъ, утверждаютъ, что пруссаки хотятъ только пройти черезъ Польшу, чтобы скорѣе достигнуть Силезіи».

Кауницъ маскировался до послѣдней крайности. Даже въ маѣ 1772 г., когда уже все было рѣшено по раздѣлу Польши, онъ сказалъ Дюрошу: (**) «Мы не думаемъ, чтобы Екатерина старалась въ пользу увеличенія прусскихъ владѣній. Все, что король прусскій беретъ на себя и о чемъ онъ формально намъ объявилъ, клонится только къ прекращенію смутъ въ Польшѣ и къ гарантіи престола за королемъ Станиславомъ. Если же что другое входитъ въ соглашеніе между Россіей и Пруссіей, то я объ этомъ ничего не знаю» (***) Кауницъ ничего не сообщалъ даже своимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ по польскому вопросу. Такъ что до мая мѣсяца, никто изъ нихъ почти ничего не зналъ по этому дѣлу.

Франція, благодаря бездарности ея министра, оставалась до сихъ поръ въ заблужденіи не только относительно Пруссіи, но и вообще всего, что такъ давно и сильно занимало Россію, Пруссію и Австрію. Только тогда, когда австрійскія войска вступили уже въ Польшу, герцогъ Эгильонъ началъ догадываться, что онъ былъ обманутъ Австріей, склонявшей его дѣйствовать противъ Россіи и увѣрявшей въ своемъ дружественномъ расположеніи къ Польшѣ.

Между Франціей и Австріей состояло даже особое соглашеніе,

(*) Dantzig 10 (21) mars 1771 г. Госуд. Арх. въ С.-Петерб. Рукопись.

(**) Французскій посланникъ въ Вѣнѣ.

(***) Ferrand, par Ostrowski. т. I. 120.

такъ что — «Австрія находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей, которой политика, всегда противоборствующая политикѣ россійской, ищетъ озабочивать ее дѣлами во всѣхъ дворахъ; которая умножала и подкрѣпляла польскіе мятежи, подавая ей явное вспоможеніе людьми и деньгами. Слѣдуя импрессіи сентиментовъ такого союзника, вѣнскій дворъ и самъ фаворизировалъ конфедератовъ явнымъ убѣжищемъ въ своихъ земляхъ, и удобностію снабдевать себя тамъ оружіемъ и аммуниціею и выходить изъ оныхъ по своему произволенію для развитія военнаго пламени; не менѣе примѣтное оказывалъ онъ пристрастіе и Портѣ противъ существеннѣйшаго интереса наслѣдственныхъ его областей, и сіе не мало ободряло сію державу въ томъ, чтобъ наивеличайшія противу Россіи чинить усилія» (*).

Только теперь французскій министръ началъ трудиться съ цѣлью разстроить союзъ, составленный между тремя державами, связанными уже взаимными договорами.

Но дѣйствія Эгильона были не практичны, слабы и ни къ чему не привели. Онъ отправилъ къ петербургскому и вѣнскому дворамъ свои ноты, стараясь доказать невыгоду сближенія ихъ съ Пруссіей и приглашая ихъ соединиться съ Франціей противъ Фридриха, чтобы заставить его отказаться отъ его претензій.

Эгильонъ мечталъ теперь о составленіи тройственнаго союза, между Россіей, Швеціей и Франціей, и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ чрезъ Дюрана на гр. Панина (**), но попытка эта ни къ чему ни привела.

Эгильонъ думалъ, что Австрія, въ двуличіи которой онъ все еще сомнѣвался, ходитъ на помочахъ Фридриха и противъ своего желанія рѣшилась на раздѣлъ Польши.

Если бы Эгильонъ былъ нѣсколько проницательнѣе, то могъ бы предвидѣть, что его ноты не приведутъ ни къ чему, и что петербургскій кабинетъ, въ благодарность за постоянныя интриги Франціи противъ Россіи, втеченіи всей настоящей войны, не поторопится принять предложеніе версальскаго двора.

(*) Инструкція Штакельбергу 11 (22) авг. 1772 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.
(**) Разговоръ гр. Панина съ кн. Лобковичемъ. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

Не болѣе удачна была и другая мѣра герцога Эгильона. Подъ его руководствомъ, князь Вилегорскій (*) составилъ мемуаръ, направленный исключительно противъ Пруссіи. Мемуаръ этотъ вышелъ безъ подписи, но, тѣмъ не менѣе, былъ препровожденъ ко всѣмъ посланникамъ и министрамъ иностранныхъ дворововъ въ Парижѣ.

«Я убѣжденъ, писалъ Фридрихъ гр. Сольмсу 2 (13) мая 1772, что въ Петербургѣ не мало посмѣются надъ этими прекрасными проэктами герцога Эгильона».

Были у него и другіе проэкты. Эгильонъ убѣждалъ Турцію энергически продолжать войну съ Россіей и обѣщалъ ей помощь Франціи. Съ вѣнскимъ кабинетомъ завязалась частая переписка, съ цѣлью внушить ему, что Австрія для своихъ собственныхъ интересовъ должна желать продолженія войны, которая болѣе и болѣе истощила бы обѣ враждующія стороны. При томъ же вѣнскій дворъ, по замиреніи Турціи, лишится получаемой имъ отъ Порты субсидіи.

Въ Парижѣ готовились оказать помощь турецкому флоту, съ тѣмъ, чтобы выгнать русскія эскадры изъ Средиземнаго моря. Этимъ надѣялись отвлечь Австрію отъ тройственнаго союза, къ которому она приступила, будто бы, насильно.

Но для приведенія всѣхъ этихъ плановъ въ исполненіе, Франціи недоставало только—системы, твердости и денегъ.

Предположенія быстро возникали и еще скорѣе разрушались. Фридрихъ видѣлъ во всѣхъ предпріятіяхъ Эгильона, направленныхъ прямо противъ него, одну только «пылкость французской фантазіи».

Всѣ попытки французскаго министра воспрепятствовать раздѣлу Польши оказались несостоятельными, предъ дѣйствительными заявленіями фактовъ.

(*) Уполномоченный по дѣламъ польскихъ конфедератовъ.

Договаривающіяся державы занимаютъ польскія владѣнія въ началѣ мая 1772 г.

Въ началѣ мая (по ст. ст.) до 40000 австрійцевъ были уже въ движеніи къ Кракову, 20000 русскихъ приближались къ границамъ Польши со стороны Литвы. Прусскія войска, въ числѣ тоже до 20000 чел., заняли сѣверную часть Польши.

Кн. Вилегорскій обратился къ герцогу Эгильону съ вопросомъ: Допуститъ-ли онъ раздѣлить Польшу?

«Что же дѣлать, отвѣчалъ министръ, чѣмъ помочь?»

— Ваша слабость достигла крайнихъ предѣловъ и наши усилія будутъ безполезны.

«Это событіе есть слѣдствіе вашего разъединенія и интригъ моего предшественника».

Но въ Польшѣ не теряли надежды.

Думали, что Турція, какъ только узнаетъ о рѣшеніи раздѣлить польскія владѣнія, отвергнетъ переговоръ о мирѣ и будетъ энергически продолжать войну, во имя цѣлости Польши, что другія европейскія державы не замедлятъ воспротивиться этому дѣлу: утопающій хватается за соломенку.

Однако Турція, не колеблясь, вступила съ гр. Румянцевымъ въ переговоры о мирѣ, а изъ европейскихъ державъ, кромѣ безплодныхъ усилій Франціи, никто не высказывался въ пользу Польши.

Самъ Эгильонъ сознавался, что Франція ни чѣмъ не могла помочь Польшѣ.

«Положеніе Польши, писалъ Эгильонъ къ Жерару отъ 19 (30) апрѣля 1772 г., ужасно и неожиданно, въ особенности же для конфедератовъ; но наша отдаленность позволяетъ намъ надѣяться, что всѣ просвѣщенные и справедливые поляки не припишутъ намъ причину своихъ несчастій. Выполненіе всего, что было можно для ихъ пользы, служитъ доказательствомъ нашего къ нимъ расположенія, въ видахъ счастія и независимости республики. Франція не можетъ прямо вліять на судьбу Польши. Король думалъ, что обстоятельства дозволятъ ему существеннымъ образомъ заявить

свой образъ мыслей и оказать дружбу несчастной польской республикѣ; но тайныя соглашенія, составленныя противъ нея сосѣдними ей державами, которыя одни могутъ рѣшить ея судьбу, ставятъ Его Величество въ невозможность сдѣлать что нибудь и направить оружіе противъ своихъ союзниковъ. Король приказалъ, поэтому, барону Віоменилю возвратиться во Францію, со всѣми находящимися при немъ офицерами.

«Старайтесь въ особенности отвратить отъ себя всякія подозрѣнія въ томъ, что, будто бы, мы были въ соглашеніи съ державами, рѣшившими раздѣлъ Польши. Въ этомъ дѣлѣ вы будьте только посредникомъ (avec les ménagemens qu'elle exige), и не возводите обвиненій (des inculpations) противъ вѣнскаго двора.

«Скажите Потоцкому, что онъ будетъ у насъ хорошо принятъ» (*).

И потомъ, отъ 29 апрѣля (10 (мая): «Легко понять отчаяніе конфедератовъ и нужно ожидать съ ихъ стороны какихъ нибудь крайнихъ мѣръ. Они должны сообразить, что еще имъ остается сдѣлать: проявить свою храбрость и ревность или впасть въ уныніе. Мы слишкомъ отдалены отъ нихъ, чтобы помочь имъ, но чувства короля къ нимъ неизмѣнны, и онъ всегда готовъ воспользоваться случаемъ, чтобы дѣйствовать въ ихъ интересахъ».

Теперь только Франція убѣдилась, что лучше было бы отказаться отъ всякихъ подстреканій и не волновать безполезно Польши.

«Конфедераты, писалъ Эгильонъ (**), слишкомъ несчастны, чтобы огорчать ихъ теперь упреками въ прошломъ поведеніи. Мы должны даже остерегаться теперь отъ совѣтовъ имъ въ будущемъ, и для насъ довольно, чтобы они отдали справедливость нашимъ чувствамъ».

Оставалось только облечь въ болѣе опредѣленную форму рѣшенія союзныхъ державъ по польскому раздѣлу.

Для этого было постановлено созвать въ Варшавѣ сеймъ и объявить ему объ основаніяхъ, на которыхъ рѣшенъ былъ раздѣлъ

(*) 27 іюня. Versailles 6 (17) mai 1772. Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ. Рукопись.

(**) Тамъ же.

Польши; при чемъ каждая изъ трехъ союзныхъ державъ должна была предъявить документы на свои притязанія.

Собраніе сейма въ Варшавѣ и переговоры по поводу раздѣла.

Между тѣмъ продолжались переговоры съ Австріею, съ цѣлью побудить ее отказаться отъ своихъ чрезмѣрныхъ претензій на требуемую ею часть Польши. Австрія долго не давала опредѣленнаго рѣшенія и въ тоже время, въ концѣ мая, заняла уже почти всѣ тѣ польскія провинціи, которыя она, подъ разными предлогами, себѣ предназначила.

Дѣйствія Австріи послужили снова къ ложнымъ толкованіямъ ея политики Франціею.

«Хотя, кажется, (*) существуетъ полное соглашеніе между тремя дворами, писалъ Жераръ, однако нѣкоторые ласкаютъ себя надеждою, что Австрія не соглашается на раздѣлъ Польши. По письмамъ изъ Варшавы, видно, что императрица-королева хочетъ спасти Польшу и кн. Лобковичъ долженъ объявить петербургскому двору, что королева только тогда признаетъ права Россіи на нѣкоторыя польскія провинціи, когда ея притязанія будутъ разсмотрѣны въ свободномъ сеймѣ и когда всѣ иностранныя войска оставятъ владѣнія польской республики. Но на это нужно сказать, что король прусскій не захочетъ согласиться на доводы Австріи, а эта послѣдняя, не желая начинать войны, послѣдуетъ сама примѣру Пруссіи, и тогда Россія также не захочетъ оставаться съ пустыми руками. Какъ бы то ни было, судьба Польши рѣшена неизмѣнно, и только чтобы дать этому дѣлу видъ законности, хотятъ образовать призракъ сейма, чтобы сказать потомъ, что польская нація и ея король признали необходимость раздѣла».

Теряя надежду уговорить Австрію уступить добровольно настояніямъ Пруссіи и Россіи и не желая допустить чрезмѣрнаго усиленія своей соперницы, Фридрихъ снова сдѣлалъ петербургскому двору предложеніе—увеличить предназначенныя ими для себя доли раздѣла.

(*) Dantzig 9 (20) juin 1772. Госуд. Арх. въ С.-Петерб. Рукопись.

«Россія можетъ подвинуть свои границы отъ Кіева далѣе во внутрь Подоліи, а я къ моимъ силезскимъ границамъ», писалъ Фридрихъ гр. Сольмсу отъ 27 мая (7 іюня) 1772 г., и требовалъ въ тоже время, чтобы союзныя войска обѣихъ державъ «послѣдовали примѣру Австріи и заняли въ Польшѣ свои части»

«Постоянный въ дружбѣ и вѣрности къ Россіи, писалъ вслѣдъ за тѣмъ Фридрихъ, я надѣюсь, что она не принесетъ въ жертву мои интересы, для державы, которая по надменности принебрегла ея дѣлами въ Польшѣ».

Приводя доказательства, что Австрія и въ настоящемъ ея положеніи богаче Пруссіи, Фридрихъ замѣчаетъ, что ежегодный доходъ, который она будетъ получать отъ требуемой части Польши, простирается до 3 милліоновъ флориновъ. «Поэтому нужно, чтобы я имѣлъ хотя половину этого, заключилъ Фридрихъ. Австрія пріобрѣтаетъ отъ Польши отъ 800,000 до 1,000,000 ч. населенія; въ моей части едва наберется до 500,000 человѣкъ.

«Я предлагаю поэтому, чтобы мнѣ были уступлены: Торнъ и пространство отъ Филена до Варты съ городами: Бирнбаумъ, Кеме, Брестъ, теченіе Обры до Костела и оттуда до Сторшнеста, Рейзена и до силезской границы» (*).

На справедливыя требованія гр. Панина уменьшить размѣръ отдѣляемой для Австріи части Польши, Кауницъ отвѣчалъ: «что онъ хорошо понимаетъ, что ни во что ставятъ выгоды вѣнскаго двора, въ дѣлѣ раздѣла, и ему грустно смотрѣть, какъ вопросъ, который считали уже рѣшеннымъ, возбуждаетъ новые переговоры. Считая требованія свои слишкомъ умѣренными, онъ никакъ не ожидалъ, чтобы ихъ хотѣли еще ограничить, особенно на счетъ тѣхъ статей (соляныя копи), которыя составляютъ наибольшую важность во всемъ пріобрѣтеніи (**).

Пріобрѣтеніе соляныхъ копей составляло, конечно, лучшую часть всего раздѣла. Фридрихъ совѣтовалъ Россіи оставить ихъ за собою. Поэтому Панинъ писалъ Сальдерну 5 мая 1772 г.

«Вы и Бибиковъ ведите дѣло такъ, чтобы, подъ предлогомъ

(*) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 27 іюня (8 іюля) 1772 г.

(**) Письмо изъ Вѣны отъ 17 іюня 1772 г. Смитъ, стр. 139.

содержанія постовъ и доставленія войскамъ продовольствія, занимать ту часть краковскаго палатината, которую мы хотимъ отрѣзать отъ австрійской порціи, и въ особенности ту часть, въ которой находятся соляныя копи. Это направленіе есть повелѣніе Императрицы (*).

Но, вскорѣ послѣ этого, австрійскія войска заняли соляныя копи Велички и Бохніи. Стоявшіе въ этихъ мѣстахъ русскіе отряды не знали, какъ смотрѣть на эти дѣйствія австрійцевъ; Каменскій отнесся по этому случаю письменно къ Эстергази, говоря, что русскія войска не имѣютъ приказаній дозволять австрійцамъ занятія польскихъ владѣній, въ которыхъ расположены наши войска. Эстергази отвѣчалъ, что такая мѣра производится по обоюдному согласію обоихъ дворовъ.

Въ тоже время Австрія согласилась отказаться отъ требованія палатинатовъ Люблинскаго и Хелмскаго; но объявила, что г. Львовъ и соляныя копи ей совершенно необходимы. На этихъ условіяхъ 25 іюля (5 августа) 1772 г. былъ заключенъ окончательный договоръ союзныхъ державъ съ Австріею, относительно раздѣла Польши, и постановлено объявить о томъ общимъ манифестомъ.

Манифестъ о раздѣлѣ Польши.

Разсуждая о редакціи манифеста, по случаю раздѣла, Фридрихъ совѣтовалъ употребить общее политическое правило: «когда недостаетъ неопровержимыхъ доказательствъ, лучше выражаться лаконически и не слишкомъ разъяснять дѣло. Я знаю хорошо, что Россія имѣетъ на своей сторонѣ много аргументовъ, на которые можетъ сослаться; *но нельзя этого сказать объ насъ*» (**).

Когда такимъ образомъ дѣло остановилось только за объявленіемъ манифеста о раздѣлѣ Польши, Франція сдѣлала новую попытку отвлечь Австрію отъ союза съ Пруссіей и Россіей.

«Я вамъ скажу только, писалъ Эгильонъ къ Жерару (***), что

(*) Польскія дѣла за 1772 г. Госуд. Арх. въ Москвѣ.

(**) Письмо Фридриха къ гр. Сольмсу отъ 20 (31) іюля 1772 г.

(***) Versailles 16 (27) juin 1772 г. Госуд. Арх. въ С.-Петерб. Рукопись.

всѣ средства, которыя могутъ служить къ освобожденію Польши, будутъ употреблены королемъ съ полною готовностію и что я не сомнѣваюсь, что рано или поздно эти средства представятся. Я разрушу убѣжденіе, которое имѣютъ патріоты—что Австрія, какъ они говорятъ, обманула насъ также какъ и ихъ».

Изъ этого видно, что Эгильонъ много разсчитывалъ на успѣхъ новыхъ сношеній съ Австріей, которыя, какъ увидимъ, доказали еще разъ близорукость французскаго министра.

Не зная о заключенномъ уже болѣе года, тайномъ договорѣ вѣнскаго двора съ Турціей, по которому Австрія получала отъ Порты часть Валахіи до рѣки Ольты, въ награду за свое посредничество,—герцогъ Эгильонъ старался убѣдить константинопольскій кабинетъ, «что въ интересахъ Порты, она должна пожертвовать лучше частью Венгріи въ пользу Австріи, чѣмъ уступать свои владѣнія Россіи» (*).

Предложеніе было сдѣлано немного поздно, и потому осталось безсильнымъ, подобно другимъ проэктамъ Эгильона.

Австрія, и безъ старанія Франціи, разсчитывала попользоваться на счетъ Турціи. Изъ разговоровъ въ Нейсѣ съ гр. Дитрихштейномъ, писалъ Фридрихъ гр. Сольмсу отъ 19 (30) августа: «Я вижу ясно, что императоръ и Ласси недовольны своею частью въ Польшѣ. Они желали бы изгнать турокъ изъ Европы и пріобрѣсть всю часть Венгріи на лѣвомъ берегу Дуная. Поэтому они были бы довольны прерваніемъ фокшанскаго конгресса, чтобы помочь русскимъ выгнать турокъ въ Азію, и въ этомъ случаѣ они согласятся, можетъ быть, на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ. Я думаю, что Австрія должна, натурально, искать по этому случаю сближенія съ Россіей; но изъ опасенія, чтобы Франція и Испанія не сдѣлали вторженія въ Италію и Фландрію, вѣнскій дворъ прибѣгнетъ и ко мнѣ, а чтобы пріобрѣсть во мнѣ союзника, откажется отъ всѣхъ выгодъ, представляющихся ему въ Польшѣ, и согласится на присоединеніе къ Пруссіи тѣхъ пограничныхъ съ Силезіей земель, которыя я хотѣлъ пріобрѣсть».

Въ такомъ положеніи находились дѣла по польскому вопросу,

(*) Nouvelles de France du 26 juillet (6 août 1772).

когда открылся фокшанскій конгрессъ о мирныхъ переговорахъ съ Турціей. Пруссія и Австрія, одинаково заинтересованныя въ дѣлѣ раздѣла Польши, были связаны съ Россіей общимъ договоромъ и потому хотѣли примиренія ея съ Портой.

Обратимся къ разсмотрѣнію событій въ Турціи, предшествовавшихъ открытію переговоровъ о мирѣ и изложимъ самый ходъ переговоровъ, начиная съ первыхъ сношеній по этому предмету.

Начало и ходъ переговоровъ по поводу мира съ Турціей.

Когда произошелъ разрывъ между Россіей и Турціей, всѣ первенствующія европейскія державы, кромѣ Франціи, изъявили желаніе тотчасъ же примирить петербургскій и константинопольскій кабинеты.

Мы видѣли, въ I т. нашего сочиненія, какъ соперничали между собою Англія, Австрія и Пруссія, стараясь, каждая, принять на себя роль посредника.

Но въ то время, гордый и самоувѣренный Мустафа III вѣрилъ въ несокрушимое могущество Порты и мечталъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя предлагали ему въ Польшѣ представители барской конфедераціи.

Франція поддерживала заблужденія султана, представляя ему громадность его средствъ и слабость Россіи. Султанъ, вѣря искренности Франціи, надѣялся найти въ ней союзника.

Поэтому, отвергнувъ посредничество европейскихъ державъ, Порта начала войну, гибельную для себя, тяжелую для Россіи.

Началась кампанія 1769 г., мы уже знаемъ ея результаты: Турки потеряли Хотинъ, были разбиты въ нѣсколькихъ генеральныхъ сраженіяхъ и къ концу года принуждены отступить за Дунай, оставивъ Молдавію и Валахію во власти русскихъ.

Но Порта еще не теряла надежды на успѣхъ войны. Пораженія 1769 г. были объяснены въ смыслѣ невыгоднаго стеченія обстоятельствъ и отнесены къ случайностямъ.

Собраны новыя громадныя силы, сдѣланы нѣкоторыя полезныя измѣненія въ арміи, назначены новый визирь и крымскій ханъ,— султанъ не сомнѣвался въ уничтоженіи русской арміи въ 1770 г.

Но именно въ этомъ году, Портѣ суждено было испытать такія пораженія, послѣ которыхъ она уже не возставала изъ своего безсилія.

Битвы при Рябой могилѣ, Ларгѣ, Кагулѣ и сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ уничтожили флотъ и нанесли сильный ударъ сухопутнымъ силамъ Порты.

Тогда только константинопольскій дворъ призналъ необходимымъ прибѣгнуть къ посредничеству Австріи и Пруссіи и просить ихъ содѣйствія къ примиренію съ Россіей.

Германскія державы, каждая по своимъ отдѣльнымъ интересамъ, желали окончанія жестокой борьбы и потому готовы были охотно принять на себя роль посредниковъ. Англія еще прежде предлагала Россіи свои услуги въ этомъ дѣлѣ, но императрица Екатерина отклонила посредничество Англіи.

Петербургскій кабинетъ понималъ, что каждая посредствующая сторона будетъ преслѣдовать свои личные интересы и потому только помѣшаетъ примиренію или будетъ препятствовать къ полученію Россіей тѣхъ выгодъ, которыя представляла ей побѣда.

Австрія была сильно озабочена успѣхами русскихъ. Она боялась, чтобы завоеванныя дунайскія княжества не были оставлены Россіей за собою и опасалась сосѣдства русскихъ.

Прусскій король, по секретному договору въ 1764 г., обязался уплачивать Россіи ежегодно по 480,000 талеровъ, въ случаѣ веденія ею внѣшней войны.

Понятно поэтому, что обѣ германскія державы желали прекращенія военныхъ дѣйствій Россіи. Чтобы болѣе согласиться между собою по этому предмету, императоръ австрійскій и король прусскій устроили, какъ бы случайно, свиданіе въ Нейштадтѣ.

Взаимное недовѣріе германскихъ державъ между собою, со времени окончанія семилѣтней войны, не допускало искреннихъ объясненій.

Поэтому Фридрихъ принялъ на себя смиренный видъ, старался льстить молодому Іосифу на каждомъ шагу; словомъ, дѣлалъ все, чтобы ослабить недовѣріе Австріи къ его политикѣ и уничтожить опасенія вѣнскаго двора насчетъ враждебныхъ ему стремленій Пруссіи.

Съ тою же цѣлью, Фридрихъ началъ льстить Кауницу, котораго считалъ всегда своимъ жесточайшимъ врагомъ. Честолюбивый до безумія, Кауницъ не могъ простить Фридриху невыгодныхъ о себѣ отзывовъ и всегда съ особеннымъ волненіемъ говорилъ о немъ, измѣняясь въ лицѣ: «онъ одинъ не отдаетъ мнѣ должнаго уваженія».

Австрійскій Императоръ принялъ намѣреніе путешествовать и долженъ былъ прибыть въ Силезію къ прусскимъ границамъ. Фридрихъ, узнавъ о томъ, изъявилъ желаніе видѣться съ Іосифомъ и отдать ему визитъ, въ возвратъ за прошлогоднее свиданіе въ Нейсѣ. При этомъ Фридрихъ далъ замѣтить, что ему было бы пріятно видѣть также и Кауница.

Предвидя, что свиданіе будетъ имѣть политическое значеніе, Кауницъ хотѣлъ сперва отклонить Іосифа отъ свиданія съ прусскимъ королемъ. Но какъ было бы невѣжливо отказать Фридриху въ его просьбѣ и императоръ Іосифъ согласился на свиданіе, то Кауницъ, съ своей стороны, также отправился съ нимъ.

Естественнѣе всего полагать, что Кауницъ опасался оставить молодаго императора безъ опытнаго своего руководства, при свиданіи съ Фридрихомъ, который былъ также искусенъ въ политикѣ, какъ и на полѣ битвы.

Но Кауницъ говорилъ, что потому рѣшился ѣхать на свиданіе съ Фридрихомъ, «чтобы послѣдній не приписалъ боязни его отказъ».

Іосифъ и Фридрихъ съѣхались въ Моравіи, въ Нейштадтѣ 23 августа (3 сентября) 1770 г. Австрійскій императоръ хотѣлъ поразить Фридриха и блескомъ своей арміи, собранной для маневровъ, и блескомъ богатой обстановки своего двора. Въ Нейштадтѣ были сдѣланы огромныя приготовленія, по случаю пребыванія обоихъ государей, и привезенъ изъ Вѣны — весь золотой сервизъ Іосифа.

Напротивъ того, Фридрихъ окружилъ себя чрезвычайной простотою. Онъ и вся его свита носили австрійскіе мундиры. Вездѣ и во всемъ Фридрихъ давалъ видимое предпочтеніе австрійскому императору. Впереди никогда ни шелъ ни ѣхалъ; не садился прежде его на лошадь и вообще держалъ себя подчиненно къ Іосифу. Одинъ разъ, когда послѣдній обратился къ нему съ вопросомъ:— что же мы будемъ дѣлать? — Фридрихъ отвѣчалъ: «я знаю только, что долженъ дѣйствовать по желанію Вашего Величества».

Фридрихъ даже умышленно унижалъ славу своихъ побѣдъ надъ австрійцами и говорилъ, что втеченіе послѣдней войны, нѣсколько разъ считалъ себя погибшимъ и что спасся только благодаря счастливымъ случайностямъ. Одинъ разъ, когда за обѣдомъ Кауницъ сѣлъ визави съ Фридрихомъ, прусскій король сказалъ ему: «мнѣ пріятнѣе видѣть васъ со мною, нежели *противъ меня*».

Въ частыхъ разговорахъ касательно политики, Кауницъ старался отклонить Пруссію отъ союза съ Россіей, имѣя въ виду опасенія, которыя заставили его сказать: «Австрія не хочетъ сосѣдства русскихъ по Молдавіи и Валахіи.»

То онъ представлялъ Фридриху слабость Россіи и малый интересъ быть ея союзникомъ; то, напротивъ, приписывалъ Россіи какія то обширныя предпріятія и возбуждалъ къ ней опасенія. «Если Россія могущественна, говорилъ Кауницъ Фридриху — вы должны ее удерживать; если-же она истощена, то союзъ ея для васъ безполезенъ и можетъ быть опасенъ.»

Говоря объ опасности, которую можетъ представить Фридриху союзъ съ Россіей, Кауницъ искалъ сближенія вѣнскаго и берлинскаго кабинетовъ и давалъ замѣтить, что раздражить Австрію несогласіемъ есть дѣло рискованное.

«Выкиньте изъ головы, говорилъ онъ, что мы хотимъ возвратить Силезію; но знайте, что при первыхъ серіозныхъ неудовольствіяхъ къ которымъ вы подадите поводъ, мы начнемъ съ вами страшную войну.»

Вслѣдъ за этими переговорами, въ Нейштадтъ прибылъ курьеръ, сообщившій объ уничтоженіи турецкаго флота при Чесмѣ и объ уничтоженіи всѣхъ силъ верховнаго визиря на лѣвомъ берегу Дуная.

Это еще болѣе усилило опасенія Кауница насчетъ Россіи. Онъ объявилъ, что Австрія не допуститъ чтобы русскіе перешли Дунай и что ежели это случится, то она объявитъ войну Россіи.

Тотъ же курьеръ привезъ изъ Константинополя письма отъ каймакана къ министрамъ Австріи и Пруссіи, съ просьбою содѣйствовать примиренію Порты съ Россіей и принять на себя посредничество.

На слѣдующій день, Кауницъ испросилъ позволеніе быть у прусскаго короля, для переговоровъ касательно посредничества.

Кауницъ показывалъ видъ, что онъ вообще мало занимается предлагаемою ему ролью посредничества и сказалъ, что такъ какъ Фридрихъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ, то ему, всего естественнѣе, начать съ нимъ переговоры о мирѣ съ Турціей.

Что же касается до вѣнскаго двора, замѣтилъ Кауницъ, «то онъ приметъ на себя посредничество только тогда, когда Россія обратится къ нему съ такою же просьбою, какъ и Турція.»

Кауницъ, видя невозможность отклонить Фридриха отъ союза съ Россіей, сказалъ ему, что по зрѣломъ обсужденіи современнаго положенія дѣлъ, онъ ничего не можетъ сказать противъ союза Пруссіи съ Россіей, и что Австрія, до тѣхъ поръ пока будетъ въ союзѣ съ Франціей, считаетъ равновѣсіе Европы обезпеченнымъ. Объ Англіи было сказано, какъ бы между прочимъ, что согласіе ея съ Россіей ничего не можетъ измѣнить въ европейской политикѣ. Но, прибавилъ Кауницъ, если Англія будетъ призвана Россіей къ посредничеству, то и Франція должна занять равную съ нею роль въ дѣлѣ примиренія.

Фридрихъ замѣтилъ на это, что нерасположеніе петербургскаго двора къ Франціи заставитъ его отказать Англіи въ посредничествѣ, чтобы не обращаться только къ версальскому кабинету, по такому важному дѣлу.

Россія дѣйствительно отвергла предложеніе Англіи о посредничествѣ. Не желая вмѣшательства иностранныхъ державъ въ ея политику, она не обратилась къ нимъ съ просьбами подобно Турціи. Напротивъ, когда вскорѣ Пруссія и Австрія, не дождавшіяся просьбы петербургскаго двора, сдѣлали Россіи предложеніе принять на себя посредничество — императрица Екатерина объявила имъ, что не принявъ уже подобнаго предложенія Англіи—она не можетъ принять его ни отъ кого другаго, изъ опасенія оскорбить лондонскій кабинетъ.

Такимъ образомъ нейштадтское свиданіе германскихъ государей не привело ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Сдѣланы были только неясныя соглашенія касательно примиренія Россіи съ Турціей. О раздѣлѣ Польши не было произнесено ни одного сло-

ва, и не смотря на доводы нѣкоторыхъ писателей (*), ни чѣмъ не подтверждается, чтобы въ Нейштадтѣ былъ затронутъ этотъ вопросъ.

Только Фридрихъ выигралъ отъ поѣздки въ Нейштадтъ. Онъ примѣнилъ къ прусскимъ войскамъ нѣкоторыя усовершенствованія австрійской артиллеріи, и убѣдилъ довѣрчиваго Іосифа и слишкомъ самолюбиваго Кауница въ томъ, что онъ болѣе всего опасается раздражить чѣмъ нибудь Австрію, не имѣетъ ни какихъ плановъ, къ которымъ бы стремился, и что держится Россіи только изъ опасенія остаться одному противъ своихъ недоброжелателей.

А между тѣмъ, въ умѣ Фридриха давно уже созрѣвалъ планъ о раздѣлѣ Польши и онъ ожидалъ только удобнаго случая, чтобы начать дѣйствовать. Когда въ Нейштадтѣ получены были извѣстія о побѣдахъ русскихъ—Фридрихъ, тотчасъ же по возвращеніи оттуда, отправилъ, какъ мы видѣли, своего брата въ Швецію, имѣя въ виду его поѣздку въ Петербургъ.

Почти одновременно съ пребываніемъ германскихъ государей въ Нейштадтѣ, когда они переговаривались о посредничествѣ—Россія вступила съ Турціей въ переговоры о мирѣ, желая избѣжать вмѣшательства иностранныхъ державъ въ ея политику.

Мы видѣли, что еще въ концѣ сентября 1770 г., гр. Румянцевъ имѣлъ первое сношеніе съ визиремъ, относительно примиренія съ Турціей (**). Визирь отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочія своего двора, и потому долженъ сообщить объ этихъ предложеніяхъ султану.

Султанъ долго не давалъ опредѣленнаго отвѣта и употреблялъ всѣ старанія, чтобы вооружить Австрію противъ Россіи.

Въ февралѣ 1772 г, въ Вѣну былъ посланъ изъ Константинополя Османъ-Бей съ богатыми подарками. Онъ былъ другомъ визиря Муссина Заде, и прежде занималъ должность Рейсъ-Эфенди, поэтому назначеніе его въ Вѣну предполагало важныя цѣли.

(*) Broglie: Mémoires politiques de tous les cabinets de l'Europe T. I, p. 162: „Должно думать, что въ Нейштадтѣ былъ возбужденъ вопросъ о раздѣлѣ Польши“.

(**) См. II томъ этого сочиненія, стр. 187.

Дѣйствительно, Османъ-Бей имѣлъ порученіе: «привести вѣнскій дворъ въ несогласіе съ Россіей и внушить ему опасеніе на счетъ сосѣдства русскихъ, представляя въ примѣръ Швецію и Польшу, которыя отъ него терпятъ (*).

Въ тоже время, Порта старалась склонить Англію дѣйствовать вмѣстѣ съ нею противъ Россіи. Но попытка эта ни къ чему не привела.

А между тѣмъ, въ Константинополѣ происходили постоянные бунты. Народъ ропталъ, говоря: «царствующій султанъ несчастливъ, потому что съ самаго начала его царствованія не прекращаются возмущенія и голодъ». Всѣ требовали мира и говорили о султанѣ, «что иначе не хотятъ его имѣть» (**).

«Главные турецкіе начальники также совѣщались между собою, и рѣшили, что какимъ бы то ни было способомъ, Портѣ выгоднѣе заключить миръ съ Россіей, нежели продолжать войну, безъ надежды на успѣхъ» (***).

Нѣкоторые же были того мнѣнія, что нужно дать еще одну генеральную битву русскимъ и потомъ уже заключить миръ, при посредствѣ иностранныхъ державъ, не щадя денегъ, и отстоять цѣлость владѣній Порты: «всякое мѣсто, стоющее десяти копѣекъ, мы готовы оплатить сторицею», говорили они.

Но какъ ни велика была потребность въ мирѣ, Турція не рѣшалась приступить къ переговорамъ, безъ посредничества и гарантіи германскихъ державъ. Съ другой стороны, императрица Екатерина желала избѣжать иностраннаго вмѣшательства.

Еще въ 1770 году, въ рескриптѣ къ гр. Румянцеву отъ 12 іюля, она писала: «мы, по многимъ, важнымъ политическимъ резонамъ, желаемъ, чтобы мирная негоціація, ежели только можно будетъ обойтись, началась и совершалась безпосредственно между нами и Портою, безъ вмѣщенія въ оную постороннихъ медіаторовъ. Слѣдуя сему правилу, будемъ натурально всѣ наши поступки къ

(*) Рукопись Военно-ученаго Архива. № 26592, стр. 37, подписано Петромъ Завадовскимъ.

(**) Тоже, стр. 42.

(***) Тоже.

тому концу учреждать, чтобы султану равную вперить мысль» (*).

Только тогда, когда Фридрихъ началъ неотступно настаивать на принятіи Россіей посредничества и когда онъ увѣрялъ, что Австрія, въ противномъ случаѣ, объявитъ войну Россіи, петербургскій дворъ согласился не отвергать посредничества, но и не признавалъ его необходимымъ.

Послѣ такого заявленія, гр. Румянцевъ получилъ, 9 марта, изъ Константинополя, разомъ, три письма — отъ Тугута, Цегелина и Муссина-Углу.

Въ письмѣ изъ Перы, отъ 6 марта (по новому стилю) 1772 г., Тугутъ писалъ гр. Румянцеву: «ваше превосходительство вѣроятно получили уже инструкціи, касательно установленія перемирія, на которое Ея Величество Императрица Всероссійская изъявила свое согласіе, въ нотѣ, доставленной князю Лобковичу, и выразила желаніе, чтобы министры австрійскіе и прусскіе при константинопольскомъ дворѣ предложили о немъ Турціи, какъ о мѣрѣ, способной ускорить желаемую минуту умиротворенія обѣихъ враждующихъ державъ».

Далѣе Тугутъ писалъ о согласіи Турціи приступить къ перемирію и что онъ дѣйствуетъ за одно съ прусскимъ посланникомъ Цегелиномъ. При этомъ онъ представилъ предварительныя условія, на которыхъ Порта согласна приступить къ заключенію перемирія. Тугутъ замѣчалъ, что условія эти наиболѣе согласны съ обстоятельствами, и что Порта находитъ необходимымъ «настаивать на этихъ условіяхъ, которыя она считаетъ единственно возможными для принятія перемирія» (**).

Письмо Цегелина было почти того же содержанія (***).

Предварительныя условія, которыхъ требовала Порта, состояли въ слѣдующемъ:

1) Мѣсто для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ и потомъ для конгресса назначается не въ Измаилѣ, какъ было сперва пред-

---

(*) № 15288 рукопись Военно-ученаго Архива.

(**) Донесеніе гр. Румянцева за 1771 г. Рукопись Военно-ученаго Архива, стр. 52. См. Приложеніе № 1.

(***) Тамъ же, стр. 55. См. Приложеніе № 2.

ложено гр. Румянцевымъ, а въ Фокшанахъ или Бухарестѣ, чтобы переговоры велись вдали отъ театра военныхъ дѣйствій. Пруссія и Австрія, одинаково дружественныя обѣимъ договаривающимся сторонамъ, принимаютъ на себя гарантію по условіямъ перемирія, которое распространяется одинаково на дѣйствія на сушѣ и моряхъ.

Перемиріе назначается срокомъ по 1 іюня 1772 г.; если же составленный для мирныхъ постановленій конгрессъ будетъ прерванъ, вслѣдствіе несогласій договаривающихся сторонъ, военныя дѣйствія отлагаются еще на три мѣсяца, считая со дня закрытія конгресса.

2) Рѣка Дунай назначается демаркаціонною чертою, черезъ которую не могутъ, во время перемирія, переходить ни русскія, ни турецкія войска. Суда, принадлежащія обѣимъ сторонамъ, могутъ свободно ходить по Дунаю; но ни одна сторона не должна строить на берегахъ Дуная новыхъ укрѣпленій.

3) Когда гр. Румянцевъ, получивъ должныя уполномочія, приметъ первыя два условія, тогда приступлено будетъ къ другимъ подробностямъ перемирія, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, распространяя дѣйствія его на всѣ театры войны на Кубани, въ Грузіи и другія мѣста, гдѣ окажется надобность; а также приступлено будетъ къ подробному установленію демаркаціонныхъ линій и къ положеніямъ, на которыхъ откроется перемиріе (*).

Верховный визирь, Муссинъ-Заде, съ своей стороны, писалъ гр. Румянцеву, что прусскій посланникъ въ Петербургѣ, гр. Сольмсъ, увѣдомилъ Цегелина о намѣреніи Россіи приступить къ установленію перемирія, и что этого желаетъ Порта. Поэтому визирь предлагалъ назначить уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ. «Старайтесь же, писалъ онъ, скорѣе привести это дѣло къ желаемому концу; да будетъ покой и благополучіе слугъ божіихъ, которые того желаютъ. А министры, которые будутъ посредниками между обѣими державами, пріобрѣтутъ и честь и славу» (**).

(*) Рукопись Военно-ученаго Архива, донесеніе гр. Румянцева за 1772 г., стр. 57.

(**) Рукопись Военно-ученаго Архива. Донесеніе гр. Румянцева за 1772 г., стр. 61. См. Приложеніе № 3.

Гр. Румянцевъ отвѣчалъ, 12 (23) марта, на полученныя письма. Въ письмѣ къ Тугуту онъ благодарилъ его за то, что имъ первымъ начата была дружественная переписка, и въ тоже время, гр. Румянцевъ представилъ свои условія перемирія, которыя онъ, подобно Портѣ, считаетъ вполнѣ необходимыми и наиболѣе сообразными съ положеніемъ дѣлъ ввѣренной ему арміи.

Что касается до распространенія перемирія на дѣйствія въ Черномъ морѣ, то гр. Румянцевъ не бралъ на себя отвѣтственности за нихъ, такъ какъ гр. Орловъ имѣлъ особое уполномочіе по этому предмету. Отдаленность этого театра войны, по невозможности наблюденія, могла послужить, по его мнѣнію, причиною несогласій между договаривающимися сторонами и помѣшать ихъ примиренію. Мѣстомъ для предварительнаго съѣзда комисаровъ обѣихъ сторонъ Румянцевъ назначалъ сперва островъ на Дунаѣ, между Журжей и Рущукомъ (*). Но потомъ онъ предлагалъ, чтобы турецкіе комисары были приняты въ Журжѣ и препровождены почетнымъ образомъ въ Бухарестъ, такъ какъ между этими городами не было другаго мѣста, удобнаго для помѣщенія свиты обоихъ уполномоченныхъ.

Въ томъ же смыслѣ гр. Румянцевъ писалъ и къ Цегелину, присовокупляя при томъ, что требованіе, выставляемое Портою на счетъ гарантіи иностранныхъ державъ въ исполненіе условій перемирія, показываетъ съ ея стороны недовѣріе, которое гр. Румянцевъ считаетъ обиднымъ для себя (**).

Объяснившись съ визиремъ насчетъ готовности принять перемиріе (***), графъ Румянцевъ предложилъ ему свои предварительныя условія по этому предмету.

По этимъ условіямъ перемиріе продолжалось по 1 іюня 1772 г. Если предполагаемый конгрессъ, который долженъ постановить мирныя условія между воюющими сторонами — не окончитъ своихъ рѣшеній къ 1 іюня, то срокъ перемирія будетъ продолженъ. Но если къ назначенному сроку перемирія конгрессъ будетъ разстроенъ

(*) Донесеніе гр. Румянцева за 1772 г., стр. 63. См. Приложеніе № 4.

(**) См. Прибавл. № 5. Донесеніе гр. Румянцева въ 1772 г. стр. 66.

(***) См. Прибавл. № 6. Донесеніе гр. Румянцева въ 1772 г. стр. 69.

несогласіями, то въ такомъ случаѣ, гр. Румянцевъ считалъ невозможнымъ продолжать перемиріе еще на три мѣсяца, какъ этого требовалъ визирь.

Рѣка Дунай принималась за демаркаціонную линію; при чемъ разоренные русскими города и крѣпости по Дунаю: Бабадагъ, Тульча, Исакча, Мачинъ и Гирсовъ, не должны быть возстановлены во время перемирія.

Гр. Румянцевъ требовалъ права отправить своего курьера, черезъ Константинополь въ Архипелагъ, для сношенія съ гр. Орловымъ о перемиріи: «дабы онъ, съ своей стороны, на тамошнихъ водахъ, равное могъ, особенно постановить».

Перемиріе распространяется на Крымъ и Черное море. Ни одно турецкое судно не должно, во время перемирія, подходить къ крымскимъ берегамъ или вступать въ Дунай. Тѣ же суда, которыя уже находятся на Дунаѣ, получали свободное плаваніе по этой рѣкѣ.

Дѣйствія въ Азіи также пріостанавливаются, при чемъ войска обѣихъ сторонъ должны остаться на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ ихъ застанетъ извѣстіе о заключеніи перемирія (*).

На ряду съ переговорами о перемиріи, гр. Румянцевъ занимался также приготовленіями на случай прекращенія переговоровъ и начала военныхъ дѣйствій.

Еще въ 1770 г. былъ составленъ гр. Орловымъ общій планъ военныхъ дѣйствій, по которому въ 1772 году слѣдовало овладѣть Крымомъ и выслать оттуда всю азіатскую флотилію въ устье Дуная. Въ то же время, армія гр. Румянцева, усиленная на счетъ крымской арміи, должна была перейти Дунай и двинуться къ Константинополю, тогда какъ азовская флотилія, перевезя русскія войска Тотлебена и Медема съ береговъ Малой-Азіи, сдѣлаетъ близъ Константинополя дессантъ, который долженъ подступить къ столицѣ Порты со стороны Чернаго моря, а флотилія въ Архипелагѣ пройдетъ Дарданеллы и направится къ Константинополю съ этой стороны.

(*) См. Прибавл. № 7. Тоже стр. 72.

Часть этого плана уже выполнена въ прошломъ году. Крымъ былъ покоренъ, но армія гр. Румянцева не только не была усилена на счетъ крымской, но даже не пополнилась послѣ понесенныхъ потерь.

Натянутая политика Австріи и комбинаціи, послѣдовавшія съ Пруссіею, требовали, какъ мы видѣли, усиленія нашей арміи въ Польшѣ—что и было исполнено, на счетъ крымской арміи. Сверхъ того, нельзя было оставить Крымъ безъ прочнаго занятія, потому что Турція употребляла всѣ средства, чтобы снова поднять татаръ.

При такихъ обстоятельствахъ, гр. Румянцевъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи. Армія его все болѣе и болѣе ослаблялась, тогда какъ, по извѣстіямъ изъ Константинополя, непріятельскія войска собирались въ большихъ силахъ за Дунаемъ.

«Не предвижу удобствъ, писалъ гр. Румянцевъ Императрицѣ, къ распространенію въ даль дѣйствій, съ настоящимъ числомъ мнѣ ввѣреннаго войска, которое довольно уже обременяетъ одна защита и пространство завоеванныхъ земель и крѣпостей». Поэтому онъ спрашивалъ, можетъ ли онъ надѣяться, что при перемѣнѣ отношеній къ Австріи, къ нему будутъ обращены въ помощь австрійскія войска, собранныя близъ границъ Молдавіи (*).

Но австрійскія войска были собраны съ другою цѣлью и даже, какъ мы видѣли, были опасенія, чтобы они не открыли дѣйствій противъ гр. Румянцева.

Необходимость перемирія для обѣихъ сторонъ въ 1772 г.

Поэтому перемиріе было не менѣе необходимо для насъ, какъ и для Турціи, которая дѣлала послѣднія усилія, чтобы набрать войска, не заботясь о ихъ качествѣ, но имѣя въ виду одну численность, чтобы показать возможность продолжать борьбу.

Въ концѣ марта, верховный визирь увѣдомилъ гр. Румянцева

(*) Донесеніе гр. Румянцева Императрицѣ, отъ 13 марта 1772 г. Военно-ученый Архивъ, рукопись.

о согласіи принять его условія по учрежденію перемирія; выражалъ особое удовольствіе вести переговоры съ человѣкомъ, который еще въ 1770 г. изъявилъ готовность приступить къ мирнымъ переговорамъ, и надѣялся, что съ обѣихъ сторонъ будутъ устранены всѣ препятствія къ замиренію (*).

«Ваше сіятельство, отвѣчалъ на это письмо гр. Румянцевъ, отъ 30 марта,—къ удовольствію моему, отдаете справедливость чувствамъ естественнымъ, которыя изъ человѣколюбія объявилъ я вашимъ предмѣстникамъ, и которыя движимы были единственнымъ желаніемъ предупредить дальнѣйшее кровопролитіе, неизбѣжное, какъ и слѣдствія показали, впродолженіе войны между двумя сильными государствами».

«Обстоятельства тогдашнія не споспѣшествовали моему безпристрастному посредствованію. Но предосталось министерству вашему содѣйствовать толь полезному дѣлу — примиренія двухъ державъ, коихъ собственныя пользы кажутся обязующими сохранять доброе согласіе, умножая тѣсный союзъ между обоими сосѣдственными народами» (**).

Мѣстомъ для встрѣчи комисаровъ, съ обѣихъ сторонъ назначалась, по желанію визиря, Журжа. Абдулъ-Керимъ Эфенди былъ уполномоченъ визиремъ, а статскій совѣтникъ Симонинъ Румянцевымъ, для предварительныхъ переговоровъ о заключеніи перемирія и установленія требуемыхъ, въ подобныхъ случаяхъ, церемоній.

Между тѣмъ Императрица Екатерина, въ рескриптѣ гр. Румянцеву отъ 19 марта, предлагала ему принимать мѣры къ перенесенію оружія за Дунай, если бы переговоры не удались.

Азовская флотилія вступила въ Черное море, а къ арміи гр. Румянцева прибылъ англійскій адмиралъ Нольсъ, который долженъ былъ принять общее начальство надъ черноморскимъ флотомъ, усиленнымъ дунайскою флотиліею.

(*) Донесеніе гр. Румянцева, стр. 85.

(**) См. Приложеніе № 8. Донесеніе гр. Румянцева, стр. 87.

Прибытіе въ Журжу уполномоченныхъ Россіи и Турціи, 9 (20) апрѣля 1772 г.

Но готовность визиря установить перемиріе и продлить его срокъ показывала довольно ясно затруднительное положеніе Турціи и желаніе избѣжать военныхъ дѣйствій въ нынѣшнемъ году.

9 апрѣля, турецкій уполномоченный прибылъ въ Журжу, а на другой день сдѣлалъ визитъ Симонину; 11 числа намѣревались вступить въ переговоры.

Въ тоже время, гр. Румянцевъ получилъ письмо отъ Тугута, Цегелина и визиря. Въ этихъ письмахъ высказывалась съ особенною силою необходимость продлить срокъ перемирія еще на три мѣсяца, въ случаѣ разрыва конгресса, и откровенно излагалась причина такого требованія.

«Судя по опытамъ прошлаго, писалъ Тугутъ, не дисциплинированныя турецкія войска разойдутся по домамъ, при распространеніи слуха объ учрежденіи конгресса съ цѣлью установить миръ. Это обстоятельство неминуемо застанетъ Порту, при окончаніи конгресса, въ положеніи, недопускающемъ физической возможности къ какому бы то ни было сопротивленію».

Сверхъ того, отдаленность разныхъ театровъ дѣйствій была также выставляема, какъ необходимость продлить срокъ перемирія, ибо нужно было принять въ разсчетъ время, необходимое для предупрежденія военныхъ начальниковъ о прекращеніи конгресса (*).

Относительно плаванія турецкихъ судовъ по Черному морю, Порта выговаривала только право посылать съѣстные припасы въ Очаковъ. Остальные пункты условій гр. Румянцева принимались вполнѣ.

Визирь отказался отъ требованія гарантій по сохраненію условій перемирія: «Я еще прежде, пишетъ Цегелинъ, давалъ замѣтить, что я нигдѣ не встрѣчалъ примѣровъ, чтобы перемиріе нуждалось

(*) См. Приложеніе № 9. Донесеніе гр. Румянцева, стр. 94.

въ гарантіи двухъ дружественныхъ державъ, но я не могъ тогда воспрепятствовать этому требованію.

«Нужно знать недовѣрчивость и духъ націи, съ которою мы договариваемся, чтобы извинить ей нѣкоторыя выходки, которыми можно бы обидѣться, если бы онѣ были сдѣланы народомъ болѣе просвѣщеннымъ; я надѣюсь, что ваше превосходительство, по нѣкоторомъ размышленіи объ этомъ, отнесетесь иначе къ тѣмъ подозрѣніямъ, которыя родились у васъ, вслѣдствіе такого страннаго предложенія» (*).

Визирь, какъ бы сознавая сдѣланную имъ неловкость, увѣрялъ гр. Румянцева «въ своемъ уваженіи къ его особѣ, соединенномъ съ искреннею и сердечною дружбою» (**).

Затрудненія въ ходѣ переговоровъ въ Журжѣ, и причины того.

Предварительныя условія между уполномоченными въ Журжѣ приходили уже къ концу, когда прибылъ изъ Петербурга курьеръ отъ гр. Панина, который предлагалъ гр. Румянцеву принять другія условія на время перемирія, и нѣкоторыя перемѣны въ тѣхъ пунктахъ, по которымъ послѣдовали уже соглашенія. Это остановило дальнѣйшій ходъ переговоровъ и при врожденной недовѣрчивости визиря могло повредить дѣлу.

Гр. Панинъ прежде всего требовалъ, «чтобы перемиріе, ни подъ какимъ предлогомъ, не могло послужить той или другой сторонѣ къ какому либо распространенію или умноженію настоящихъ своихъ выгодъ, способностей и предѣловъ къ предосужденію другой стороны». Поэтому, на основаніи 4 ст. проэкта гр. Панина, войска обѣихъ сторонъ должны были оставаться въ полномъ бездѣйствіи, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться въ день подписанія условій объ учрежденіи перемирія. А такъ какъ пространства на правомъ берегу Дуная, начиная отъ Журжи до Мачина, и далѣе до Тульчи, Бабадага и Исакчи, находятся очищен-

(*) См. Приложеніе № 10. Донесеніе гр. Румянцева, стр. 97.
(**) „ „ № 11. „ „ „ 112.

ными россійскимъ императорскимъ войскомъ», то гр. Панинъ требовалъ, чтобы все это пространство по правому берегу Дуная не было занимаемо турецкими войсками. Въ этомъ и состояло главное разногласіе съ условіями гр. Румянцева, который принималъ за демаркаціонную линію самое теченіе Дуная.

Сверхъ того, гр. Панинъ требовалъ, чтобы русскіе пикеты могли разъѣзжать по всему пространству, занятому нашими войсками, на правомъ берегу Дуная, для удостовѣренія, что турки дѣйствительно не производятъ въ немъ какихъ нибудь военныхъ приготовленій.

Плаваніе кораблей по Черному морю, по проэкту гр. Панина, допускалось: для турокъ—отъ азіатскихъ береговъ и Константинополя къ сѣверу, не далѣе южнаго гирла Дуная; а для русскихъ не далѣе сѣвернаго его гирла. Исключенія допускались только на тотъ случай, когда корабли будутъ занесены вѣтромъ за опредѣленные на морѣ предѣлы.

Срокъ перемирія опредѣлялся — въ Европѣ по 1 іюня, а въ Азіи по 1 августа (*).

Представленіе этихъ условій Симонинымъ поразило турецкаго уполномоченнаго, который немедленно увѣдомилъ визиря о встрѣтившихся затрудненіяхъ. Визирь отнесся къ гр. Румянцеву письмомъ, въ довольно рѣзкомъ тонѣ.

«По согласію посредствующихъ державъ, писалъ визирь, переговоры о перемиріи состояли изъ трехъ пунктовъ и приходили уже къ концу; ваше превосходительство ввели еще одинъ пунктъ, а уполномоченный г. Симонинъ представилъ еще новый пунктъ,— которые всѣ и были нами приняты и присоединены къ тремъ первымъ; на этихъ основаніяхъ должна была открыться конференція: такъ что если я отправлю къ моему государю послѣднія условія, предписанныя вашею императрицею, то его величество султанъ будетъ очень изумленъ, увидѣвъ въ нихъ полную разницу съ тѣми условіями, которыя были мною ему представлены прежде.

«Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что слова вашего

(*) См. Приложеніе № 11. Рукопись Военно-ученаго Архива, № 13288 І. О. А. А. съ 1768—1774.

уполномоченнаго должны быть вашими словами; а слова вашего превосходительства должны быть согласны съ волею вашей императрицы. Ваше превосходительство имѣете полное уполномоченіе, о коемъ вы сами выразили въ своемъ письмѣ ко мнѣ: «я имѣю полное уполномоченіе отъ моей государыни, и мой довѣренный будетъ исполнять мои приказанія». Какимъ же образомъ, если во время войны русскіе корабли никогда не имѣли плаванія по Черному морю, они покажутся на немъ теперь, когда дѣло идетъ къ соединенію обѣихъ имперій и общему замиренію; и когда оканчиваются переговоры объ учрежденіи конгресса? Можно ли ограничивать плаваніе турецкихъ кораблей по своимъ морямъ, какъ будто они не составляютъ уже собственности имперіи?» Визирь претендовалъ также на то, что перемиріе назначалось только по 1 іюня, и что по закрытіи конгресса оно не продолжается еще на три мѣсяца. «Все это, замѣчаетъ онъ, рождаетъ различныя размышленія. Если условіе, едва принятое сегодня, завтра будетъ уже измѣнено — то это значительно ослабитъ наше дѣло. Двѣ державы поставляютъ свои рѣшенія, и потомъ отвергаютъ ихъ! Дѣлать предложенія и условія, которыя не ведутъ ни къ чему!.. Это поведетъ только къ проволочкѣ дѣла; и я льщу себя надеждою, что по искренней и глубокой дружбѣ вашей, вы сами найдете неудобнымъ, такой порядокъ вещей. Я надѣюсь, что зная правила государственныхъ сношеній, ваше превосходительство будете съ точностью обозначать требуемыя формально условія» (*).

Гр. Румянцевъ отвѣчалъ на это письмо 10 мая. Онъ представлялъ визирю на видъ, что сущность составленныхъ прежде условій осталась въ прежней силѣ, и что онъ ведетъ переговоры вполнѣ самостоятельно, имѣя уполномочіе отъ ея величества императрицы (**).

Поэтому, все, что имѣло мѣсто въ переговорахъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ, было только дополнено нѣкоторыми по-

---

(*) См. Приложеніе № 12. Донесеніе гр. Румянцева, за 1772 г., стр. 116. Рукопись Военно-ученаго Архива.

(**) Это полномочіе было дано гр. Румянцеву, въ рескриптѣ отъ 3 января 1772 года.

дробностями, когда эти переговоры должны были получить письменную форму, и что, поэтому, дополненіе прежнихъ условій вовсе не обозначаетъ «нашихъ, яко-бы, всечасно отмѣняемыхъ предложеній». Касательно вопроса о плаваніи нашихъ судовъ въ Черномъ морѣ, гр. Румянцевъ писалъ: «Не можетъ быть вамъ не свѣдомо, что съ прошедшаго уже лѣта, наши суда въ Черномъ морѣ не только ходили, но и имѣемъ мы черезъ нихъ, на тѣхъ водахъ взятыя суда и людей вашихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ соображеніе послѣдовавшую проволочку времени, гр. Румянцевъ изъявилъ готовность продлить срокъ перемирія далѣе 1 (12) іюня, на все то время, втеченіи котораго будетъ продолжаться конгрессъ, отъ начала его открытія до прекращенія переговоровъ, если бы то случилось.

Такимъ образомъ, устраняя всѣ затрудненія къ установленію мирныхъ переговоровъ, гр. Румянцевъ говоритъ въ заключеніе: «Для доказательства, что я всю власть имѣю отъ всеавгустѣйшей моей императрицы располагать перемиріемъ, велѣлъ я своему комисару, если вамъ то непремѣнно надобно, заключить перемиріе и на тѣхъ прежнихъ пунктахъ, которые согласились было подписать, въ 22 день апрѣля, оба наши комисара» (*).

Вопросъ о перемиріи, по флоту, дѣйствовавшемъ въ Средиземномъ морѣ, былъ предоставленъ въ распоряженіе гр. Алексѣя Орлова, и гр. Румянцевъ отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность по этому предмету, ограничиваясь только увѣдомленіемъ гр. Орлова о ходѣ переговоровъ, такъ какъ это было необходимо для принятія общихъ мѣръ (**).

Главными уполномоченными, со стороны Россіи, для веденія переговоровъ о мирѣ на конгрессѣ, который, вмѣсто Бухареста, былъ назначенъ въ Фокшанахъ—назначались: графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, прибывшій въ Яссы 14 мая, и тайный совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Обрѣсковъ.

(*) См. Приложеніе № 13. Донесеніе гр. Румянцева 1772 г., стр. 119.
(**) „ „ № 14. „ „ „ „ „ 123.

ГЛАВА II.

Продолженіе переговоровъ о раздѣлѣ Польши и о заключеніи перемирія съ Турціей.

Когда, такимъ образомъ, наступило время для переговоровъ о мирѣ съ Турціей, на другомъ театрѣ войны рѣшался вопросъ еще большей важности. Россія, Пруссія и Австрія были уже въ это время въ согласіи относительно раздѣла Польши, и только не были окончательно постановлены подробности раздѣла.

Велись переговоры съ Австріей, въ видахъ ограниченія чрезмѣрныхъ ея требованій; а между тѣмъ вѣнскій кабинетъ, желая поддержать свои претензіи рѣшительностію дѣйствій — занялъ, въ началѣ мая, часть Польши, которую онъ договаривалъ.

Императрица Екатерина, рескриптомъ отъ 1 мая, увѣдомила гр. Румянцева о предполагаемомъ вступленіи въ Польшу австрійскихъ войскъ и приказала обращаться съ ними какъ съ союзниками.

Австрійцы заняли Дуклу, Бѣлградъ, Лиски и подошли къ нашему посту въ Скалѣ (*). Австрійскій отрядъ, ротмистра Орци, прибывшій въ Скалу, предъявилъ данныя ему инструкціи, и требовалъ, чтобы жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся австрійскія войска, не отпускали припасы никому, не исключая и русскихъ войскъ, а оставляли бы ихъ для требованій австрійцевъ.

Подобныя требованія частныхъ начальниковъ, когда высшія лица военной администраціи не имѣли между собою никакихъ предварительныхъ сношеній, могли повести къ столкновеніямъ.

Поэтому гр. Румянцевъ приказалъ генералъ-маіору Каменскому, командовавшему въ Польшѣ, отводить свои кордоны нѣсколько назадъ, и занять новую линію отъ границъ Покуціи, на Сандомиръ,

(*) Донесеніе гр. Румянцева Императрицѣ, отъ 20 мая 1772 г.

Вышни, Гаворовъ, Любилъ, Замосць, Краснставъ и до Люблина. Такимъ образомъ, Покуція, часть Красной Русси и Бѣльскій повѣтъ должны были остаться свободными отъ занятія австрійцевъ. Это было необходимо, потому что въ этихъ мѣстахъ находились главные пути сообщеній изъ Польши въ Молдавію (*). Наконецъ черезъ Люблинъ, войска въ Малой Польшѣ сообщались съ войсками Бибикова, занимавшими Великую Польшу.

Австрійскія войска, вступившія въ Польшу, получили приказаніе обходиться съ русскими войсками какъ съ союзниками, избѣгать всякихъ столкновеній и дѣйствовать враждебно противъ конфедератовъ, не соединяясь, однако, при этомъ съ русскими войсками (**).

Въ параллель съ событіями, происходившими въ Польшѣ, продолжали идти переговоры о заключеніи перемирія въ Турціи.

Заключеніе перемирія въ Журжѣ 19 (30) мая 1772 г.

19 (30) мая уполномоченные съ обѣихъ сторонъ подписали договоръ о заключеніи перемирія, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, которыя прежде были выставлены гр. Румянцевымъ до полученія проэкта гр. Н. Панина. Турецкій комисаръ объявилъ, «что онъ, безъ потери своей головы, кромѣ сихъ артикуловъ, другихъ подписать не можетъ» (***).

Уполномоченные подписали договоръ и размѣнялись подлинниками, при чемъ каждый обязался «именемъ, честью, словомъ и доброю вѣрою двора своего и собственнаго главнаго арміи начальника, сохранять оные свято и невредимо до установленнаго срока» (****).

По условію, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ прекращались—въ Рущукѣ и Журжѣ (гдѣ велись переговоры), тотчасъ по подписаніи условій; а въ другихъ мѣстахъ Европы и Азіи по прибытіи курьеровъ, съ увѣдомленіемъ о заключеніи перемирія.

(*) Тоже. См. Приложеніе № 15 —(Донесеніе стр. 132).

(**) См. Приложеніе № 16, стр. 133.

(***) Донесеніе гр. Румянцева, отъ 23 мая 1772 г.

(****) См. Приложеніе № 17. (Донесеніе Румянцева, стр. 136).

Рѣка Дунай принималась за черту раздѣла между обѣими арміями. Бабадагъ, Тульча, Исакча, Мачинъ и Гирсовъ не должны быть возобновляемы во время перемирія.

Турецкія военныя суда не имѣли права входить изъ Чернаго моря въ устья Дуная и Днѣстра, и ни одно судно не могло подходить къ крымскимъ берегамъ. Находящіяся въ Дунаѣ суда имѣли свободное плаваніе по этой рѣкѣ.

Гарнизоны Очакова и Кинбурна не должны быть усилены; равно и самыя эти крѣпости остаются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находились до перемирія. Никакіе магазины не должны быть заводимы вновь въ этихъ крѣпостяхъ, и запрещается подвозъ военныхъ припасовъ. Необходимое же для гарнизона продовольствіе допускалось, — и еслибы суда, слѣдовавшія для этой цѣли, были загнаны вѣтромъ къ берегамъ Крыма или Бессарабіи,—то съ нашей стороны должно быть оказано имъ необходимое пособіе.

Равнымъ образомъ и русскія суда имѣли право подвозить продовольственные припасы въ Крымъ къ берегамъ Бессарабіи и по Дунаю.

Срокъ перемирія назначался —въ Европѣ вообще и на водахъ Чернаго моря, до начала собранія конгресса; а въ Азіи до 1 (12) октября 1772 г. По собраніи же конгресса, срокъ перемирія долженъ быть продолженъ до заключенія мира, или до закрытія конгресса, по обоюдному договору.

Размѣнявшись договорами, Керимъ-Абдулъ Эфенди оставилъ Журжу 27 мая, ст. ст.

За успѣхъ окончанія переговоровъ все турецкое посольство было награждено визиремъ. Сверхъ того, при разставаніи, Симонинъ подарилъ Керимъ Эфенди, отъ имени гр. Румянцева, соболью шубу, въ 1000 руб.; соотвѣтствующіе подарки, по чинамъ, были сдѣланы и другимъ.

Турецкій комисаръ подарилъ Симонину лошадь, съ богатымъ уборомъ (*). Такой же подарокъ былъ сдѣланъ и генералъ-маіору Игельстрому, бывшему начальнику въ Журжѣ. Игельстромъ не рѣшился принять подарокъ безъ разрѣшенія фельдмаршала; это подало

(*) Донесеніе гр. Румянцева отъ 5 іюня 1772 г.

поводъ великому канцлеру Порты начать переписку съ гр. Румянцевымъ и изъявить ему самыя дружественныя чувства (*).

Визирь, по полученіи заключеннаго уполномоченными договора о перемиріи, скрѣпилъ его своею печатью и утвердилъ, по пунктамъ, тѣ условія, выполненіе которыхъ было обязательно для Турціи (**).

Открытіе конгресса въ Фокшанахъ, для заключенія мира.

По заключеніи перемирія, нужно было условиться о съѣздѣ полномочныхъ на конгрессъ въ Фокшаны, для постановленій мира.

Верховный визирь писалъ гр. Румянцеву, что его полномочные прибудутъ тотчасъ по полученіи извѣстія о томъ, что все готово къ открытію конгресса, «отложивъ, при этомъ, всѣ мелочные и безполезные обряды» (***). Онъ выражалъ надежду, что открытіе конгресса приведетъ «къ добру и благополучію»; и ожидалъ, что гр. Румянцевъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ—«все, что возможно, содѣйствуя всѣми силами для укрѣпленія союза соединенія и согласія.»

Визирь держалъ въ возможной тайнѣ отъ своихъ войскъ начатые переговоры съ гр. Румянцевымъ, изъ опасенія, чтобы они не разошлись по домамъ, въ надеждѣ на скорый миръ. Но когда Керимъ Эфенди оставилъ Журжу и переѣхалъ въ Рущукъ, то гарнизонъ этой крѣпости взбунтовался и требовалъ военныхъ дѣйствій.

4000 босняковъ, при Мустафѣ Пашѣ, прибыли въ Рущукъ, за нѣсколько дней передъ этимъ. 6 (17) іюня, войска эти захватили три галеры, стоявшія при Рущукѣ, и хотѣли овладѣть и остальною флотиліею, чтобы сдѣлать поискъ на лѣвый берегъ Дуная, въ надеждѣ на грабежъ. Комендантъ крѣпости съ трудомъ успѣлъ затушить этотъ бунтъ, который могъ повести къ новымъ затрудненіямъ по заключенію договора о перемиріи (****).

(*) См. Приложеніе № 19. (Донесеніе гр. Румянцева стр. 170).

(**) См. Приложеніе № 18. (Донесеніе гр. Румянцева стр. 149).

(***) См. Приложеніе № 20. (Донесеніе гр. Румянцева стр. 143).

(****) Донесеніе гр. Румянцева отъ 14 іюня 1772 г.

Мы сказали уже, что съ нашей стороны, для веденія переговоровъ на фокшанскомъ конгрессѣ были назначены гр. Григорій Орловъ и Обрѣсковъ. Со стороны Турціи назначались, въ качествѣ главнаго уполномоченнаго,— Османъ Эфенди и его помощникомъ по дѣламъ религіознымъ, Яссинъ-Заде-Эфенди-шенкъ св. Софіи. Сверхъ того, къ посольству принадлежалъ Кучукъ-Ибрагимъ-Эфенди, на котораго возлагалось веденіе расходовъ и отчетность въ суммахъ, ассигнованныхъ для посольства.

Посланники Австріи и Пруссіи при константинопольскомъ дворѣ, въ качествѣ представителей посредствующихъ державъ, сопровождали также турецкое посольство и получили каждый, на расходы, по 25,000 піастровъ отъ турецкаго правительства.

Всѣ эти лица отправились изъ Константинополя 3 (14) іюня и прибыли въ главную квартиру визиря при Шумлѣ, 14 (25) числа, того же мѣсяца.

Всѣ войска визирской арміи были выставлены по дорогѣ, по которой слѣдовало посольство. Находившійся въ это время въ Шумлѣ капитанъ Зумбатовъ, привезшій визирю послѣднее письмо отъ гр. Румянцева, говоритъ, что турецкія войска, были растянуты сплошною линіею по обѣимъ сторонамъ дороги, на разстояніи 15 верстъ. Визирь имѣлъ въ виду показать иностраннымъ посланникамъ многочисленность своей арміи и возможность продолжать войну.

Посольство расположилось въ назначенныхъ для него богатыхъ палаткахъ. Визирь поднесъ главнымъ лицамъ подарки.

Вскорѣ визирь отправилъ турецкое посольство въ Рущукъ, откуда оно могло немедленно прибыть въ Журжу и ожидало приглашенія съ нашей стороны. Турецкіе уполномоченные и иностранные министры получили, передъ отъѣздомъ изъ Шумлы, по собольей шубѣ и по верховой лошади, съ полнымъ уборомъ.

Черезъ три дня, посольство прибыло въ Рущукъ.

Верховный визирь увѣдомилъ, предварительно, гр. Румянцева, о назначеніи на конгрессъ главнымъ уполномоченнымъ со стороны Турціи—Османъ-Эфенди: «прославленнаго прежнимъ обладаніемъ разныхъ высокихъ императорскихъ чиновъ; искуснаго въ секретахъ

вѣчнаго императорскаго кабинета, славнаго между первѣйшими и великими, который есть собраніе чести и похвалъ» (*).

На сколько всѣ эти атрибуты относились къ Османъ-Эфенди, мы увидимъ при изложеніи хода конгресса. Впрочемъ, ему нельзя было отказать въ природномъ умѣ и большой начитанности. Что же касается до Яссинъ-Заде-Эфенди, то онъ мало могъ оказать пользы по дѣлу конгресса и никакъ не могъ считаться государственнымъ человѣкомъ.

Гаммеръ, для характеристики этой личности, приводитъ слѣдующій анекдотъ, записанный со словъ Тугута:

Во все время слѣдованія турецкаго посольства на конгрессъ, Яссинъ-Заде не выпускалъ изъ рукъ книги и, казалось, былъ весь погруженъ въ ея содержаніе. Тугутъ, обративъ на это вниманіе спросилъ Яссинъ-Заде, какую книгу читаетъ онъ съ такимъ вниманіемъ? «Получивъ назначеніе отъ Высочайшей Порты, отвѣчалъ Яссинъ-Заде,— быть ея представителемъ въ качествѣ полномочнаго министра, въ дѣлѣ такой важности, и пользуясь особенною милостію султана, я хочу сдѣлать все, чтобы оправдать его довѣріе и для того изучить права и узаконенія европейцевъ, для того, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ лукавства и хитрости русскихъ уполномоченныхъ.» Тугутъ ожидалъ найти въ рукахъ Яссинъ-Заде, по крайней мѣрѣ переводъ Кротіуса или Макіавелли; но къ изумленію, своему, онъ увидѣлъ, что эта книга была не что иное, какъ Новый Завѣтъ.

Визирь снова увѣдомилъ гр. Румянцева о пріѣздѣ посольства въ Рущукъ и о готовности его отправиться въ Фокшаны, по полученіи извѣстія, что всѣ приготовленія къ принятію посольства окончены.

При этомъ визирь замѣтилъ гр. Румянцеву, что отецъ Османа-Эфенди былъ въ большой дружбѣ съ отцемъ фельдмаршала; и выражался, что Османъ-Эфенди есть «слава всѣхъ секретарей, собраніе всѣхъ знаній и добродѣтелей, источникъ краснорѣчія, сокровище правописанія и пр» (**).

(*) См. Приложеніе № 21. (Донесеніе гр. Румянцева, стр. 168).

(**) См. Приложеніе № 22. (Донесеніе гр. Румянцева, стр 186).

Въ слѣдующемъ письмѣ, визирь указывалъ на то, что Османъ-Эфенди, бывшій до начала войны Рейсъ-Эфендіемъ, былъ однимъ изъ противниковъ разрыва мира съ Россіей, что могло ручаться въ искреннемъ желаніи его устроить дѣло, которое современемъ послужитъ къ пріобрѣтенію чести нашимъ дѣтямъ и потомкамъ въ имперіяхъ нашихъ» (*).

«Увѣдомляю васъ, продолжаетъ визирь, что повѣлено Османъ-Эфендію, не уклоняться отъ прямаго пути умѣренности и не допускать рождаться препонамъ къ дружбѣ» (**).

Гр. Румянцевъ съ своей стороны, выражалъ визирю надежду на успѣхъ переговоровъ, потому что и наши уполномоченные искренно желаютъ устроить это дѣло (***).

Срокъ перемирія, по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ, былъ отдаленъ до 10 сентября 1772 года (****).

Этого времени считалось достаточнымъ, для постановленія окончательныхъ рѣшеній на конгрессѣ.

Когда, такимъ образомъ, все клонилось къ тому, чтобы положить конецъ тяжелой войнѣ, одно обстоятельство едва не испортило дѣла.

По отдаленности театра войны въ архипелагѣ, военныя дѣйствія на этихъ водахъ не прекращались, когда заключены были условія о перемиріи на сушѣ и моряхъ.

Такъ какъ турецкія суда на Средиземномъ морѣ могли скорѣе узнать о перемиріи нежели русскіе, то отъ этого произошло нѣсколько враждебныхъ столкновеній, и нѣкоторыя турецкія суда были захвачены.

Визирь жаловался на это гр. Румянцеву, который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть обвиненъ въ этомъ дѣлѣ, потому что утвержденіе перемирія въ Средиземномъ морѣ возлагалось на гр. Алексѣя Орлова, который былъ въ отсутствіи.

«Будучи границею Порты Отоманской и море и земля, писалъ

(*) См. Приложеніе № 23. (Донесеніе гр. Румянцева, стр. 205).
(**) Тоже № 24 (Тоже стр. 207).
(***) Тоже № 25. (Тоже стр. 211).
(****) Тоже № 26. (Тоже стр. 213).

визирь, они почитаются однимъ тѣломъ. А чтобы одна часть тѣла имѣла исполнять долгъ службы, а другая оказывала непріязнь, того не допускаетъ понятіе тѣхъ, которые знаютъ физику» (*). Поэтому визирь требовалъ, чтобы все захваченное у турокъ на морѣ было бы возвращено.

Гр. Румянцевъ отвѣчалъ, что по 4 параграфу заключенныхъ въ Журжѣ условій, онъ обязывался только увѣдомить гр. Орлова о заключеніи перемирія на сушѣ; утвержденіе же его на морѣ относится уже къ особымъ инструкціямъ, которыя получилъ гр. Орловъ отъ Императрицы, и что гр. Ал. Орловъ вовсе не подчиненъ фельдмаршалу.

«Все это, писалъ Румянцевъ, не можетъ присвояемо быть къ нарушенію между арміями сдѣланнаго условія: которое, во всѣхъ частяхъ своихъ, съ моей стороны толико свято соблюдается, что я не жду, чтобы ваше сіятельство возымѣли причину когда нибудь иначе сіе признавать» (**).

Визирь успокоился, и къ вечеру 7 іюня, обозъ турецкаго посольства началъ переправляться изъ Рущука въ Журжу, гдѣ устроены были для этого двѣ пристани, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости. Близь этихъ пристаней устроены были палатки, для свиты Османъ-Эфендія и для него самого.

Въ 10 часовъ утра, 8 (19) іюля, турецкіе уполномоченные и иностранные министры отплыли изъ Рущука на 11 галерахъ.

Впереди плыла галера съ вооруженною командою чегодарей; за нею слѣдовала другая, украшенная разноцвѣтными флагами, на ней находились уполномоченные Порты и посланники Австріи и Пруссіи; музыка рущукскаго сераскира, игравшая во все время пути, была помѣщена на этой же галерѣ. На прочихъ судахъ находилась свита.

Какъ только флотилія отплыла отъ Рущука—изъ всѣхъ орудій этой крѣпости произведена была пальба, которая сливалась съ криками собравшагося на берегу народа.

Проѣзжая мимо русскихъ редутовъ и приблизясь къ Журжѣ,

(*) См. Приложеніе № 27. (Донесеніе гр. Румянцева стр. 201).

(**) См. № 28. (Тоже стр. 209.

турецкая флотилія салютовала изъ пушекъ; на что наши орудія также отвѣчали салютаціей.

Османъ-Эфенди со свитою, въ сопровожденіи иностранныхъ министровъ, вышелъ на пристань, покрытую зеленымъ сукномъ, и былъ встрѣченъ начальникомъ Журжи, генералъ-маіоромъ Игельстромъ, который, черезъ секундъ-маіора Храповицкаго, привѣтствовалъ турецкое посольство съ прибытіемъ на нашъ берегъ.

Османъ-Эфенди, отвѣтивъ благодарностію на привѣтствіе, сѣлъ на приготовленную для него, богатую лошадь и подъѣхалъ къ своей палаткѣ, отстоявшей отъ пристани всего въ 20 шагахъ.

Принявъ визитъ генералъ-маіора Игельстрома и полковника Петерсона, которому поручено было конвоировать посольство до Фокшанъ, Османъ-Эфенди просилъ снять отъ своей ставки почетный русскій караулъ, —что и было тотчасъ же исполнено.

Генералъ-маіоръ Игельстромъ былъ также съ визитомъ у иностранныхъ уполномоченныхъ; а на другой день былъ посѣщенъ какъ ими, такъ и Османъ-Эфендіемъ.

10 (21) іюля, всѣ лица, бывшія при турецкомъ посольствѣ, отправились въ Фокшаны, куда прибыли 15 (26) числа. Здѣсь также приготовлена была встрѣча и разбитъ лагерь для помѣщенія посольства. Османъ-Эфенди снова просилъ снять отъ себя почетный караулъ.

По прибытіи въ Фокшаны, Османъ-Эфенди немедленно увѣдомилъ уполномоченныхъ съ нашей стороны о своемъ прибытіи, и получилъ поэтому случаю поздравленіе, переданное ему Пиніемъ, состоявшимъ при нашемъ уполномоченномъ (*).

27 іюля (7 августа) назначено было первое засѣданіе конгресса. Русскіе уполномоченные явились со всею торжественностію, приличною, побѣдителямъ. Отрядъ гусаръ и 150 пажей, великолѣпно одѣтыхъ, шли впереди кареты, въ которой ѣхали гр. Орловъ и Обрѣсковъ, и за которою слѣдовали еще четыре парадныхъ кареты.

Османъ-Эфенди былъ верхомъ, имѣя при себѣ всего 60 служителей. Одежда его была очень проста: на немъ былъ зеленый

(*) Записка о переправѣ турецкихъ полномочныхъ пословъ на нашъ берегъ рѣки Дуная и о проѣздѣ ихъ до Фокшанъ. Рукопись Арх. Военно ученаго

кафтанъ, подбитый горностаемъ, а въ рукѣ только трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Всѣ эти подробности, неважныя сами по себѣ, показываютъ, однако, относительное положеніе обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Посланники Австріи и Пруссіи не были приглашены на первое засѣданіе; и когда Тугутъ обратился за объясненіемъ къ нашимъ уполномоченнымъ, то ему было показано нѣкоторое удивленіе. Ему отвѣчали, что Россія не искала и не принимала посредничества германскихъ державъ, въ переговорахъ о замиреніи, и объявила формально, что съ благодарностію приметъ только ихъ содѣйствіе въ окончательномъ примиреніи съ Турціей; и что петербургскій дворъ понимаетъ посредничество Австріи и Пруссіи не иначе, какъ въ этомъ смыслѣ.

Такой оборотъ дѣла, послѣ того какъ Тугутъ и Цегелинъ торжественно выѣхали изъ Константинополя на конгрессъ, не мало удивилъ Османъ-Эфендія. Онъ, кажется, много разсчитывалъ на поддержку Тугута, такъ какъ, по секретному договору, между Австріей и Турціей 6 (17 іюня 1771 г.), вѣнскій дворъ обязался доставить Турціи самыя выгодныя условія мира. Но съ тѣхъ поръ уже многое измѣнилось. Мы видѣли что Австрія имѣла даже, одно время, виды на Бессарабію, и потомъ, заинтересованная въ вопросѣ по раздѣлу Польши, пришла къ убѣжденію въ невозможности противиться требованіямъ Россіи, относительно независимости Крыма, татаръ и нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ.

Кауницъ, не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія по обязательству съ Турціей и не желая показать видъ, что онъ жестоко обманулъ константинопольскій кабинетъ, отъ котораго Австрія получила уже значительныя суммы по договору—обратился къ гр. Н. Панину съ откровеннымъ признаніемъ неловкости своего положенія.

Гр. Панинъ умно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и нашелъ въ немъ возможность устранить посредничество германскихъ державъ, котораго Россія никогда не желала.

Пруссія, находясь въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею, легко могла быть устранена отъ посредничества, коль скоро

Австрія на это согласится. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ, вѣнскій дворъ съ удовольствіемъ готовъ былъ воспользоваться случаемъ, чтобы оправдать себя передъ Турціей.

По этому то, неожиданный оборотъ, данный нашими уполномоченными, касательно значенія посредничества, былъ какъ нельзя болѣе кстати для Австріи. Вѣнскій дворъ могъ сказать, что если онъ не все сдѣлалъ въ пользу Турціи, то въ этомъ не его вина, такъ какъ посолъ его не былъ допущенъ къ участію въ конгрессѣ.

Съ своей стороны, Тугутъ, желая замаскировать полученный отказъ, по участію его въ конгрессѣ; отказъ щекотливый, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ ловкій оборотъ и объявилъ: «что его полномочіе позволяетъ ему договариваться только съ тѣми министрами, которые имѣютъ одинаковыя съ нимъ права.» Но какъ его полномочіе не могло имѣть тѣхъ размѣромъ, до которыхъ доходило полномочіе гр. Орлова и Обрѣскова, потому что и роли ихъ на конгрессѣ были различны,—то Тугутъ могъ утѣшаться тѣмъ, будто онъ самъ исключилъ себя отъ участія въ договорахъ. Дѣйствуя въ этомъ духѣ, онъ даже не согласился принять отъ гр. Орлова письменнаго изложенія причинъ, по которымъ онъ не допускался на конгрессъ. Напротивъ того, чтобы сложить съ себя всякія нарѣканія со стороны константинопольскаго двора, Тугутъ получилъ отъ Османъ Эфенди удостовѣреніе, «что русскіе министры объявили, что такъ какъ въ ихъ уполномочіяхъ не говорится ни слова, ни о посредничествѣ, ни о принятіи услугъ со стороны Австріи и Пруссіи, то они находятъ, что допущеніе къ совѣщаніямъ обоихъ иностранныхъ посланниковъ, которымъ поручено только *содѣйствовать* примиренію,—не согласно съ международными правами и съ обязанностями посольства.» Тѣмъ не менѣе, собравшись уже на конгрессъ, турецкіе уполномоченные не могли не приступить къ нему, и имъ оставалось только пользоваться совѣтами Тугута.

Первое засѣданіе конгресса не имѣло ничего важнаго. Представлены были съ обѣихъ сторонъ уполномочія. Орловъ, Обрѣсковъ и Османъ-Эфенди были признаны въ качествѣ уполномоченныхъ посланниковъ. Но Яссинъ-Заде, который именовался только помощникомъ посланника, былъ устраненъ отъ участія въ заключеніи договоровъ. Османъ-Эфенди немедленно испросилъ у визиря увели-

ченія полномочія Яссинъ-Заде наравнѣ съ другими; черезъ нѣсколько дней это полномочіе было получено и Яссинъ-Заде признанъ договаривающимся лицомъ.

Такимъ образомъ, въ первомъ засѣданіи конгресса, было сдѣлано только условіе продлить срокъ перемирія вмѣсто 10 до 21 сентября (ст. стиля).

На второмъ засѣданіи, русскіе уполномоченные выставили: 1) необходимость устранить на будущее время тѣ причины, которыя снова могутъ привести къ разрыву между обѣими державами; 2) необходимость вознагражденія, которое Россія имѣетъ право требовать за военныя издержки, такъ какъ Порта сама виновата въ нарушеніи мира; и 3) важность устроить вопросъ такимъ образомъ, чтобы были сохранены выгоды обѣихъ державъ. По первому изъ этихъ пунктовъ, требовалась независимость татаръ; по второму, свободное плаваніе русскихъ кораблей по всѣмъ морямъ, принадлежащимъ Турціи и распространеніе на русскія торговыя суда тѣхъ привилегій, которыми пользуются суда другихъ дружественныхъ съ Портою державъ.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали, что война начата Россіей и указывали, на столько разъ повторяемое уже, вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу, и на событіе въ Балтѣ. Еще энергичнѣе возставали они противъ независимости татаръ.

Еще въ 1771 г., въ донесеніи своему двору отъ 9 (20) сентября, Цегелинъ писалъ: «Рейсъ-Эфенди и Османъ-Эфенди сказали мнѣ, что если Россія ищетъ обезпеченія своихъ границъ въ гарантіи посредствующихъ державъ, то Порта на это согласится; если же въ независимости татаръ и княжествъ, то она не начнетъ даже переговоровъ, и султанъ объявляетъ, что предпочтетъ вести войну десять лѣтъ.

Что же касается до удовлетворенія Россіи за убытки, то Порта полагаетъ, что деньги, требуемыя для этого, она лучше можетъ употребить на веденіе войны. Въ разговорѣ съ Цегелиномъ Рейсъ-Эфенди, между прочимъ, часто говорилъ о вѣнскомъ дворѣ: «мы не можемъ отстать отъ сношеній съ вѣнскимъ дворомъ, какъ съ нашимъ союзникомъ»—и изъявлялъ сожалѣніе, что между Австріей и Пруссіей существуютъ холодныя отношенія».

Цегелинъ, замѣчалъ при этомъ, что для Порты было бы выгоднѣе удовлетворить Россію деньгами, чѣмъ лишаться княжествъ и татаръ, на что Османъ-Эфенди сказалъ, что если-бы «вопросъ былъ прямо поставленъ, то султанъ, вѣроятно, не отказалъ-бы уплатить Россіи отъ 15 до 20 тысячъ мѣшковъ, что составляетъ, до 10 милліоновъ піастровъ» (*).

«Татары, говорили гр. Орловъ и Обрѣсковъ, на фокшанскомъ конгрессѣ, всегда возбуждали несогласіе между Россіей и Турціей. Полагаясь на помощь послѣдней, они часто производили вторженія въ наши предѣлы. Только съ того времени, какъ они будутъ лишены покровительства Турціи, они не посмѣютъ болѣе дѣлать набѣговъ, черезъ что устранится главная причина раздоровъ между обѣими имперіями».

Турецкіе уполномоченные выставляли на видъ религіозныя препятствія, которыя не позволяютъ признать независимости татаръ отъ Оттоманской Порты.

Татары, говорили они, принадлежатъ къ сектѣ суннитовъ, которая признаетъ султана калифомъ или преемникомъ Магомета.

Если крымскій ханъ будетъ независимъ отъ султана, то татары должны будутъ признать его вторымъ преемникомъ Магомета, чего не допускаетъ религія мусульманъ; что султанъ соединяетъ въ себѣ духовную власть надъ всѣми суннитами и что если сунниты въ Индіи, Бухарѣ и Имперіи Морокко не подчинены султану, то это происходитъ единственно отъ чрезмѣрнаго отдаленія этихъ странъ.

Съ своей стороны, уполномоченные Россіи, настаивали на независимости татаръ, и мотивировали свои требованія двумя доводами: 1) Россія хочетъ обезпечить свои границы и 2) Россія хочетъ сдержать данное ею татарамъ обѣщаніе, даровать имъ свободу.

Османъ-Эфенди отвѣчалъ на это, что Россія «можетъ требовать отъ Турціи какое угодно обезпеченіе, относительно безопасности своихъ границъ; но сдѣлать татаръ свободными противно

(*) Турецкія дѣла за 1771 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.

мусульманскому закону, и султанъ никакъ не можетъ на это согласиться, изъ опасенія лишиться престола и даже жизни». Сверхъ того, онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію — «согласіе съ великимъ монархомъ, должно быть предпочтено *негодному народу*». Въ этомъ же родѣ говорилъ и Шейкъ-Эфенди. «Татары, сказалъ онъ, по личнымъ ихъ качествамъ, не заслуживаютъ никакого уваженія Порты, которая издерживаетъ ежегодно отъ 600 до 700 мѣшковъ для ихъ содержанія, и потому сама рада была бы отъ нихъ избавиться; но религіозные принцины заставляютъ, во что бы то ни стало, противиться ихъ отдѣленію». Рейсъ Эфенди замѣтилъ при этомъ, что отдѣленіе татаръ отъ Турціи и предоставленная имъ свобода постоянно будутъ служить причиною столкновеній между Россіей и Турціей. «Татары, сказалъ онъ, по своему безпокойству, сдѣлаютъ какую нибудь наглость противъ русскихъ подданныхъ—Россія пошлетъ противъ нихъ свои войска,—татары обратятся съ просьбою о помощи къ Турціи, которая, по закону, не можетъ имъ отказать» (*).

Съ обѣихъ сторонъ поднялись жаркіе споры. Турецкіе уполномоченные объявили сперва, что ежели Россія будетъ настаивать на независимости татаръ, то Турція снова начнетъ войну.

Послѣ того Османъ-Эфенди требовалъ оставленія султану права инвеституры, при назначеніи каждаго татарскаго хана; потомъ слово инвеститура онъ замѣнилъ словомъ благословеніе (bénédiction), и требовалъ также права имѣть въ Крыму турецкихъ судей (**).

Гр. Орловъ и Обрѣсковъ также сказали рѣшительно, что независимость Крыма и татаръ есть непремѣнное условіе, котораго требуетъ петербургскій кабинетъ, и что если Турція не согласна на это, то прочіе пункты даже не будутъ представлены къ обсужденію.

Османъ-Эфенди до изнеможенія защищалъ этотъ вопросъ; онъ говорилъ такъ много, что никому не давалъ произнести слова.

(*) Донесенія о ходѣ переговоровъ въ Фокшанахъ, отъ 16 авг. 1772 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.

(**) Турецкія дѣла за 1772 г. Гос. Арх. въ Москвѣ.

Однако, слова его не произвели никакого впечатлѣнія; и гр. Орловъ колко отзывался о немъ: «Османъ-Эфенди, говорилъ онъ, безъ сомнѣнія человѣкъ большаго ума, но только этотъ умъ имѣетъ свойство непостижимости, потому что въ рѣчахъ его нельзя найти того, что мы называемъ умнымъ.»

Засѣданіе кончилось и всѣ разстались весьма холодно другъ съ другомъ.

Черезъ нѣсколько дней, гр. Орловъ отправился одинъ въ ставку къ Османъ-Эфенди, провести у него вечеръ. Онъ употреблялъ всѣ доводы, чтобы склонить турецкаго уполномоченнаго согласиться по вопросу о Крымѣ и татарахъ, но Османъ-Эфенди былъ непреклоненъ и наконецъ представилъ свой ультиматумъ по этому вопросу.

Турецкіе уполномоченные соглашались признать независимость татаръ и не вмѣшиваться въ ихъ административныя дѣла. Но они требовали чтобы султанъ сохранилъ власть надъ Крымомъ и назначалъ бы крымскаго хана и главныхъ должностныхъ лицъ. Для вознагражденія Россіи за военные расходы, уполномоченные соглашались на уступку Бессарабіи; при чемъ, живущіе въ этой провинціи татары, должны были получить такую же свободу, какъ и крымцы.

Понятно, что такое условіе не вело ни къ чему, потому что освобожденіе татаръ было бы только номинальное.

Несогласія, возникшія по поводу независимости татаръ и закрытіе конгресса.

Русскіе уполномоченные, видя, что Турція не намѣрена согласиться на самое главное условіе, требуемое императрицей Екатериною, объявили конгрессъ не состоявшимся. Посланникамъ Австріи и Пруссіи была подана нота, въ которой говорилось: «Мы обязаны объявить формально, что рѣшеніе по вопросу о татарахъ совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ относительно ихъ свободы и независимости.

«Можно ли считать свободнымъ народъ, когда его главныя правительственныя лица и князья должны получать свои званія и достоинства по конфирмаціи другой державы?»

Вслѣдъ за тѣмъ, гр. Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ; Обрѣсковъ прибылъ къ гр. Румянцеву въ Яссы; а турецкіе уполномоченные 28 августа оставили Фокшаны и возвратились въ Рущукъ, черезъ Журжу, куда прибыли 6 сентября (ст. стиля).

Гр. Румянцевъ изъявилъ визирю сожалѣніе, что упрямство Рейсъ-Эфенди повело къ разрыву конгресса и что военныя дѣйстві должны быть снова возобновлены.

Не смотря на всѣ старанія визиря, онъ не могъ удержать своихъ войскъ отъ самовольныхъ отлучекъ и большая часть ихъ уже ушла за Балканы.

Начинать военныя дѣйствія, при такихъ обстоятельствахъ, было невозможно. Однако, чтобы показать видъ готовности продолжать войну, визирь выслалъ большую часть войскъ изъ своей главной квартиры въ Шумлѣ—къ берегамъ Дуная.

Визирь узнавъ о разрывѣ конгресса, отправилъ къ гр. Румянцеву курьеромъ Вассифъ-Эфенди, съ предложеніемъ продолжить перемиріе хотя на 10 дней.

Проѣзжая черезъ Рущукъ, Вассифъ-Эфенди сказалъ тамошнему коменданту, что визирь желаетъ продлить перемиріе и потому, совѣтовалъ поудержаться на время отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ.

«Къ чему намъ перемиріе, возразилъ ему рущукскій комендантъ? Пусть только визирь позволитъ мнѣ перейти Дунай—у меня довольно войска, чтобы покорить всю страну отсюда до Кіева.

«Такъ какъ военный совѣтъ, сказалъ на это Вассифъ-Эфенди сдѣлалъ рѣшеніе, противное вашимъ желаніямъ, то укротите на время вашу воинскую пылкость: можетъ быть, перемирія вовсе не послѣдуетъ— тогда вы можете дать полный просторъ вашей храбрости» (*).

Прибывъ въ Журжу, Вассифъ-Эфенди отправился, тотчасъ же, въ Яссы, къ главнокомандующему, чтобы условиться о продолженіи перемирія. Но въ трехъ верстахъ отъ Журжи, Вассифъ-Эфенди встрѣтилъ Османа-Эфенди, который возвращался уже изъ Фокшанъ,

---

(*) Vassif-Effendi, par Perceval, p. 211.

по разрывѣ конгресса, на расходы по которому Порта издержала отъ 250 до 300 тысячъ піастровъ (*).

Возобновленіе переговоровъ съ гр. Румянцевымъ о продолженіи перемирія.

Османъ-Эфенди, узнавъ о цѣли посольства, сказалъ Вассифъ-Эфенди: «Фельдмаршалъ Румянцевъ не можетъ согласиться на десятидневное перемиріе; совершенно напрасно васъ послали къ нему; эта попытка только компрометируетъ честь мусульманскаго имени— требовать невозможнаго, значитъ подвергать себя отказу, столько же унизительному, какъ и несомнѣнному» (**).

Зная, что Османъ-Эфенди, по своему могуществу и близости къ султану, можетъ всячески вредить каждому, кто осмѣлится ему противорѣчить,—Вассифъ-Эфенди отвѣчалъ, что онъ вполнѣ полагается на мнѣніе полномочнаго и что готовъ, по его желанію, или ѣхать въ Яссы, или возвратиться назадъ.

Довольный такимъ отвѣтомъ, Османъ пригласилъ посланнаго въ свой экипажъ и впродолженіи пути жаловался на Яссинъ-Заде:— «Онъ мнѣ ни въ чемъ не былъ полезенъ на конгрессѣ, говорилъ Османъ, онъ не поддерживалъ меня въ спорахъ и служилъ только для доставленія мнѣ разныхъ птицъ. Если вы не вѣрите, то посмотрите!» Тутъ онъ показалъ на нѣсколько подводъ, принадлежавшихъ къ обозу Яссинъ-Заде, на которыхъ поставлено было множество клѣтокъ съ курами.

Возвратясь въ Журжу, Вассифъ-Эфенди чувствовалъ себя очень встревоженнымъ.

Съ одной стороны, онъ не хотѣлъ раздражить Османа-Эфенди, и потому согласился отказаться отъ цѣли своего посольства; съ другой, онъ опасался отвѣтственности передъ визиремъ, за неисполненіе его порученія, имѣвшаго такую важность.

Посланники Австріи и Пруссіи, прибывшіе въ Журжу прежде Османа-Эфенди, не замедлили посѣтить турецкаго уполномоченнаго

(*) Vassif-Effendi, par Perceval. p. 212.
(**) Тоже, p. 222.

въ его палаткѣ. Вассифъ-Эфенди былъ приглашенъ для участія въ ихъ разговорѣ.

Представивъ Вассифъ-Эфенди обоимъ посланникамъ, Османъ сказалъ: «что онъ посланъ изъ Шумлы, для предложенія русскимъ перемирія: не правда ли, что Румянцевъ не имѣетъ надлежащей власти, чтобы заключить его, и потому Вассифъ-Эфенди безполезно ѣхать въ Яссы?»

Тугутъ отвѣчалъ неопредѣленно, но Цегелинъ съ живостію замѣтилъ Осману: «До какихъ поръ вы будете ослѣплять посланнаго, отправленнаго великимъ визиремъ, по единодушному рѣшенію его совѣта! Во первыхъ это очень невѣжливо. Чѣмъ вы потомъ докажете, что порученіе это не могло имѣть успѣха? И въ случаѣ даже его неудачи, развѣ посланный не можетъ воспользоваться случаемъ, чтобы узнать на мѣстѣ расположеніе и силу непріятельской арміи? Зачѣмъ же вы хотите лишить ваше правительство тѣхъ выгодъ, которыя оно можетъ получить отъ этихъ свѣденій?»

Османъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ и пришелъ въ крайнее замѣшательство. «Если такъ, то отправляйтесь», сказалъ онъ Вассифъ-Эфенди. Послѣдній, желая еще больше встревожить Османа, сказалъ ему вполголоса: «приказаніе, которое вы мнѣ дали, касательно отмѣны моей поѣздки, основывалось, вѣроятно, на важныхъ причинахъ; не обращайте вниманіе на доводы этихъ господъ и уничтожьте двумя словами всѣ ихъ слабыя разсужденія».

— Такъ вы хотите меня компрометировать, вскричалъ Османъ. Поѣзжайте! послѣ всего того, что было сказано въ моемъ присутствіи, вы не можете здѣсь болѣе оставаться.

Вассифъ-Эфенди немедленно отправился въ Яссы и вручилъ 9 сентября гр. Румянцеву письмо визиря, въ которомъ онъ просилъ продлить перемиріе.

Гр. Румянцевъ, по окончаніи конгресса, подвинулъ нѣкоторые отряды къ берегамъ Дуная, показывая готовность начать военныя дѣйствія. Полученіе же предложенія о новомъ перемиріи, было тѣмъ болѣе пріятно для фельдмаршала, что армія его далеко не была готова къ открытію энергическихъ дѣйствій.

Принявъ Вассифъ-Эфенди и прочитавъ письмо визиря, гр. Ру-

мянцевъ сказалъ: «однако можетъ быть, что намѣреніе визиря состоитъ только въ желаніи выиграть время, чтобы успѣть собрать свою армію».

— Мы не имѣемъ въ этомъ надобности, отвѣчалъ Вассифъ-Эфенди, намъ не нужно дѣлать никакихъ новыхъ приготовленій, мы имѣемъ 40,000 или 50,000 ч. въ Рущукѣ, столько же въ Силистріи и 80,000 при Шумлѣ. Дунай покрытъ нашими судами и войска наши готовы по первому знаку начать нападеніе. Во время моего проѣзда черезъ Рущукъ, я приказалъ, именемъ визиря, не предпринимать до моего возвращенія никакихъ дѣйствій; подобныя приказанія даны и силистрійскому сераскиру. Вы можете поэтому судить о настоящихъ намѣреніяхъ Порты.

Гр. Румянцевъ и Обрѣсковъ, присутствовавшій при этихъ переговорахъ, представили нѣкоторыя затрудненія, когда Вассифъ-Эфенди предложилъ прекратить военныя дѣйствія на нѣсколько мѣсяцевъ.

Фельдмаршалъ сказалъ, что на такой долгій срокъ перемирія, онъ рѣшиться не можетъ безъ согласія Ея Величества, но что готовъ продолжить перемиріе еще на 40 дней.

Принимая перемиріе, гр. Румянцевъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ въ виду — «возстановить опять негоціацію, которая, по другимъ дѣламъ настоящаго времени, можетъ быть не безполезною; и чтобы время удобное увести у непріятеля, въ которомъ онъ, по всѣмъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ лучшемъ ополченіи, а особливо со стороны Чернаго моря, на нынѣшнюю кампанію находится; а ввѣренное мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества войско, писалъ Румянцевъ, великимъ числомъ больныхъ обременено; и что наряженные на замѣну оныхъ, изъ находившихся въ Польшѣ, въ части занятой нынѣ австрійскими войсками — не въ близкомъ разстояніи на маршѣ находятся» (*).

Впрочемъ, гр. Румянцевъ писалъ въ томъ же донесеніи: «осмѣливаюсь увѣрить, что не можемъ мы утратить ни въ чемъ нашей пользы, по обстоятельствамъ здѣшнимъ».

(*) Всеподд. донесеніе гр. Румянцева, отъ 9 сент. 1772 г.

Вассифъ-Эфенди былъ чрезвычайно доволенъ, что успѣлъ получить перемиріе на 40 дней, тогда какъ визирь поручилъ ему настаивать хотя на 10 дневномъ перемиріи, которое считалъ необходимымъ.

«Я притворился, пишетъ Вассифъ-Эфенди, что сомнѣваюсь въ согласіи визиря на такой кратковременный срокъ, но я обѣщалъ фельдмаршалу, что черезъ 10 дней онъ получитъ отвѣтъ визиря» (*).

Проѣзжая обратно черезъ Рущукъ, Вассифъ-Эфенди хотѣлъ испытать храбрость рущукскаго коменданта, который, какъ мы видѣли, хотѣлъ прогнать русскихъ до самаго Кіева.

«Я вамъ объявляю о возобновленіи войны, сказалъ онъ ему, теперь настало время привести въ исполненіе ваше великое намѣреніе—выгнать непріятеля изъ нашихъ владѣній». Эти слова заставили поблѣднѣть храбраго сераскира. «Но у меня нѣтъ войскъ, возразилъ онъ, болѣзнь открылась въ боснякскомъ войскѣ, такъ что могилы ихъ заняли новое кладбище за городомъ. Остатки моихъ войскъ дезертируютъ подъ предлогомъ приближенія зимы.

«У меня нѣтъ ни денегъ, ни продовольствія; такъ что если визирь, въ самомъ скоромъ времени, не пришлетъ мнѣ новыхъ войскъ и припасовъ, то только одно чудо можетъ оградить Рущукъ отъ власти русскихъ».

— Что я слышу? сказалъ иронически Вассифъ-Эфенди, какая страшная перемѣна? Что сталось съ вашимъ благороднымъ порывомъ? Возможно-ли, чтобы въ такое короткое время, эта армія столь многочисленная и храбрая, которая должна была прогнать русскихъ до самаго Кіева, теперь была уже совершенно уничтожена и исчезла!» — «Дѣла нисколько не измѣнились, отвѣчалъ сераскиръ; когда я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, мое положеніе было также ужасно какъ и теперь; но я собственно для поддержанія вашей увѣренности въ нашей храбрости заявилъ ее передъ вами».

Насилу Вассифъ-Эфенди могъ успокоить сераскира и увѣрить его, что русскіе согласились продолжить перемиріе.

Подобную же храбрость выражалъ визирю и упрямый Османъ-

(*) Vassif-Effendi, par Perceval, p. 217.

Эфенди, прибывшій по распоряженію конгресса въ Шумлу, прежде возвращенія Вассифъ-Эфенди.

«Русская армія, говорилъ Османъ визирю, почти уничтожена болѣзнями. Она во всемъ нуждается. При первомъ нападеніи она очиститъ наши провинціи до самаго Хотина. Нужно послать войска на Бухарестъ и Яссы, вмѣсто посланника, который можетъ привезти только унизительный отвѣтъ».

«Я, говоритъ Вассифъ-Эфенди, видѣлъ, напротивъ, русскую армію въ наилучшемъ состояніи, и вмѣсто того, чтобы думать объ отступленіи, она готовилась внести свое оружіе въ Болгарію».

Визирь до того былъ доволенъ успѣхомъ перемирія, что когда Вассифъ-Эфенди привезъ ему это извѣстіе, визирь отдалъ ему все золото, которое имѣлъ при себѣ и потомъ далъ ему дипломъ на владѣніе черной крѣпостью въ Анатоліи.

Визирь и его совѣтъ немедленно заготовили гр. Румянцеву отвѣтъ, который, какъ было обѣщано, былъ врученъ черезъ 10 дней, послѣ прибытія Вассифъ-Эфенди въ Яссы.

«Во всю жизнь мою, писалъ визирь, прославился я тѣмъ, что не произошла отъ меня никогда ложь, основанная на коварствѣ и я ни мало не сомнѣваюсь что ваше сіятельство, изъ моей искренней съ вами переписки, можете сами заключить о справедливости моего о себѣ мнѣнія. Поэтому, безъ лукавства увѣдомляю васъ, что высочайшая Порта имѣетъ полныя силы, снабженныя всѣмъ нужнымъ для продолженія войны».

Тѣмъ не менѣе, визирь находилъ 40 дневный срокъ перемирія очень короткимъ;—«если бы оно, говоритъ визирь, отъ кого другаго, а не отъ вашего сіятельства было предлагаемо, то, по моему мнѣнію, не могло бы быть принято. Но извѣстная мнѣ, истинная любовь ваша къ созданію Божію, благосклонность и совершенная моя къ чистосердечію и откровенности вашей довѣренность» и проч.—не позволяютъ сомнѣваться въ желаніи положить конецъ войнѣ; почему визирь изъявляетъ желаніе продлить перемиріе, хотя, будто бы, онъ и находитъ его несогласнымъ съ своими желаніями (*).

(*) См. Прилож. № 29. Донес. Румянцева, стр. 232.

На другой день, 20 сентября, гр. Румянцевъ получилъ другое письмо отъ визиря, съ представленіемъ ратификаціи на продолженіе перемирія, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя были поставлены прежде (*).

Гр. Румянцевъ благодарилъ визиря за выраженіе имъ дружественныхъ чувствъ къ его особѣ и, съ своей стороны, сдѣлалъ ему нѣсколько комплиментовъ.

«Я почитаю, писалъ онъ, въ особѣ вашего сіятельства искуснаго полководца и глубокое знаніе въ дѣлахъ гражданскихъ. Слава и польза, отъ нихъ происходящія, превышаютъ все, заимствуемое нами отъ самыхъ знаменитыхъ военныхъ дѣйствій». Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Румянцевъ утвердилъ ратификацію новаго перемирія и писалъ, что съ нашей стороны для переговоровъ будетъ назначенъ тайный совѣтникъ Обрѣсковъ, а мѣсто конгресса предлагалъ учредить въ Бухарестѣ, такъ какъ холодная погода требовала болѣе удобныхъ помѣщеній, чѣмъ въ Фокшанахъ (**).

Открытіе новаго конгресса въ Бухарестѣ, въ октябрѣ 1772 г.

3-го и 4-го октября, гр. Румянцевъ получилъ отъ визиря новыхъ два письма, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ о согласіи выбрать Бухарестъ мѣстомъ конгресса и о назначеніи полномоченнымъ, съ полною властью и въ качествѣ чрезвычайнаго посла,—дѣйствительнаго рейсъ-эфенди, Елгази-Абдуръ-Разанъ-Эфенди.

Новый турецкій полномоченный занималъ высокую должность при дворѣ и былъ, по словамъ визиря: «славная секретарей глава, одаренный многими знаніями и моралью, источникъ чистой риторики, сокровище пріятнаго краснорѣчія, обладатель совершенныхъ достоинствъ и благовонной славы; одаренный вышнею благодатію Создателя Господа, вѣры достойный въ рѣчахъ, искусный въ секретахъ и пріятный въ обхожденіи» (***).

(*) См. Прилож № 30. Донес. Румянцева, стр. 234.
и » № 31, » » 237.
(**) » № 32, » » 235.
(***) » № 33, » » 244.
и » № 34, » » 246.

Сообразно съ такимъ высокимъ значеніемъ Разанъ-Эфенди, визирь просилъ возвести Обрѣскова въ равное съ турецкимъ уполномоченнымъ достоинство, о чемъ гр. Румянцевъ и ходатайствовалъ у Императрицы.

«Достоинство заслугъ, писалъ гр. Румянцевъ, и отмѣнныя ревность и усердіе господина Обрѣскова въ дѣлахъ Вашего Императорскаго Величества не имѣютъ, впрочемъ, нужду въ свидѣтельствѣ и ходатайствѣ моемъ (о его повышеніи), у священнаго Вашего Императорскаго Величества престола» (*).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, визирь предложилъ три условія, которыя должны были послужить основаніемъ продолженнаго перемирія. Онъ требовалъ: 1) чтобы 40 дневный срокъ перемирія былъ продолженъ, ибо пока съѣдутся уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, пройдетъ не мало времени и конгрессъ можетъ не окончить своихъ засѣданій до истеченія 40 дней, по закрытіи фокшанскихъ переговоровъ. 2) Такъ какъ Россія настаиваетъ на независимости татаръ, въ видахъ обезпеченія себя отъ ихъ набѣговъ; а полная независимость татарскихъ племенъ еще болѣе заставляетъ предполагать возможность случаевъ, которые могутъ подать поводъ къ несогласіямъ—то чтобы вопросъ о независимости татаръ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, чтобы на будущее время были устранены возможныя столкновенія между Россіей и Турціей. 3) Вопросъ о предоставленіи русскимъ судамъ торговаго преимущества—принимается (**).

Гр. Румянцевъ, изъявляя надежду на успѣхъ предполагаемыхъ переговоровъ, извѣщалъ визиря о своемъ согласіи прекратить военныя дѣйствія долѣе 40 дневнаго срока и продолжить перемиріе сообразно съ ходомъ переговоровъ на конгрессѣ (***).

15 октября ст. ст. Обрѣсковъ прибылъ изъ Яссъ въ Бухарестъ, а 26 числа, того же мѣсяца, прибылъ туда же и турецкій уполномоченный.

Обмѣнявшись визитами и разсмотрѣвъ уполномочіе, обѣ дого-

(*) Всепод. донесеніе гр. Румянцева, отъ 9 октября 1772 г.
(**) См. Приложеніе № 35. Донес. Румян., стр. 247.
(***) „ „ № 36. „ „ „ 249.
„ „ № 37. „ „ „ 248.

варивающіяся стороны открыли, 31 октября (11 ноября) первую конференцію (*), предметомъ которой было опредѣленіе срока перемирія. Позднее время года не заставляло уже опасаться военныхъ дѣйствій въ настоящемъ году, и потому Обрѣсковъ, по предварительномъ согласіи съ гр. Румянцевымъ, согласился продлить перемиріе по 1-ое марта 1773 г. Турецкій уполномоченный просилъ назначить срокъ къ 1 апрѣля, почему Обрѣсковъ, не желая на первый разъ ему противорѣчить рѣшился установить перемиріе по 10 марта.

Причины, побудившія гр. Румянцева и Обрѣскова согласиться на такой продолжительный срокъ перемирія, заключались въ томъ, что во 1) отъ лѣваго крыла арміи гр. Румянцева было отдѣлено 4 полка на усиленіе крымскаго корпуса. 2) Занятіе австрійцами той части Польши, изъ которой гр. Румянцевъ получалъ продовольствіе, требовало учрежденія новыхъ запасовъ въ Польшѣ и заставляло обращаться къ мѣстнымъ средствамъ дунайскихъ княжествъ, для чего необходимо было иногда командированіе войскъ, для экзекуцій. 3) Нужно было окончить строившіяся шкуны дунайской флотиліи, чтобы импонировать непріятеля. 4) Большое число больныхъ въ арміи требовало удобныхъ и просторныхъ зимнихъ квартиръ.

Сверхъ того, назначеніе краткихъ сроковъ перемирія внушало визирю мысль о недовѣріи въ искренности желанія заключить миръ и заставляло его держать свои войска на Дунаѣ, въ готовности начать военныя дѣйствія;—отчего могли произойти столкновенія. Въ этихъ видахъ, гр. Румянцевъ назначилъ большую часть войскъ на зимнія квартиры въ краковскій банатъ, какъ мѣсто ближайшее къ расположенію значительныхъ турецкихъ отрядовъ (**).

Но обратимся къ ходу переговоровъ въ Бухарестѣ.

Въ конференціяхъ, послѣдовавшихъ за первою, Обрѣсковъ, имѣя въ виду предлагать требованія Россіи одно за другихъ послѣдовательно, указалъ сперва на необходимость удовлетворенія Россіи за военныя издержки. «На чемъ же основано это требованіе? ска-

---

(*) Подробности церемоній, употребленныхъ при встрѣчѣ и препровожденіи рейсъ-эфенди до Бухареста, находятся въ допес. Румянцева 1772 г., стр. 270.

(**) Донесеніе гр. Румянцева отъ 2 ноября 1772 г.

залъ Абдуръ-Разанъ: Если Россія имѣла расходы, то и Порта не могла безъ нихъ обойтись». Обрѣсковъ доказывалъ, что заключеніе его, какъ русскаго посланника, въ семибашенный замокъ послужило началомъ къ войнѣ.

«Правительство, отвѣчалъ на это Абдуръ-Разанъ, которое намѣрено начать войну, дѣлаетъ заблаговременно свои приготовленія. Порта была такъ далека отъ желанія войны, что не имѣла никакихъ необходимыхъ для этого заготовленій; она не имѣла средствъ къ продовольствію арміи, и вамъ не безъизвѣстно что съ начала кампаніи мы имѣли недостатокъ продовольствія въ Бендерахъ. Что касается до военныхъ издержекъ Россіи, то онѣ ничто, въ сравненіи съ громадными расходами, которые понесла Порта. Поэтому, вы не имѣете никакихъ поводовъ требовать вознагражденія».

Снова начались прежнія требованія касательно инвеституры султана надъ крымскимъ ханомъ. Къ тому же, турецкій уполномоченный ставилъ главнымъ основаніемъ договора условіе, чтобы имя султана поименовывалось при всѣхъ публичныхъ богослуженіяхъ татаръ, и чтобы всѣ правительственныя должности въ Крыму назначались съ утвержденія султана. Подобныя же требованія были заявлены и относительно кубанскихъ земель, и, вообще, долженствовали получить силу закона вездѣ, гдѣ были турецкіе гарнизоны.

Такимъ образомъ, требованія Абдулъ-Разана превосходили условія фокшанскаго договора, не состоявшагося, какъ мы видѣли, вслѣдствіе вопроса о независимости татаръ. Такая же участь грозила и бухарестскому конгрессу, готовому разстроиться въ самомъ началѣ, не смотря на то, что обѣ стороны искренно желали придти къ соглашенію.

Поэтому со стороны русскихъ уполномоченныхъ были сдѣланы нѣкоторыя не важныя уступки по вопросу о татарахъ. Еще прежде, вскорѣ по прекращеніи фокшанскаго конгресса, Императрица Екатерина, въ рескриптѣ къ Обрѣскову отъ 22 сентября 1772 г., упоминала, что такъ какъ Турція слишкомъ высоко ставитъ вопросъ о татарахъ, то она полагаетъ допустить нѣкоторую зависимость татаръ отъ султана, именно, что избранный народомъ

ханъ, просить у султана инвеституру (утвержденіе). — «Татары сказано въ этомъ рескриптѣ, не познаютъ и не почувствуютъ ни нашего благодѣянія, ни цѣны даруемой имъ вольности и независимости: но паче, привыкнувъ къ власти и игу Порты Оттоманской, желаютъ, внутренно, подъ оныя возвратиться. Страхъ одинъ нашего присутственнаго оружія, удерживаетъ ихъ отъ явнаго и дѣйствительнаго въ томъ поползновенія» (*). Поэтому, въ Бухарестѣ постановлено было, что султанъ, какъ глава мусульманства, утверждаетъ вновь избираемаго хана, и имя его произносится при богослуженіяхъ; но султанъ не имѣетъ права утверждать соціальнаго закона, и въ политическомъ отношеніи, татары получаютъ полную самостоятельность, почему султанъ не можетъ назначать должностныхъ лицъ. Сверхъ того, Россія заявила, въ видѣ ультиматума, что Порта лишается въ Крыму всѣхъ своихъ владѣній, занятыхъ русскими,—земли эти должны быть переданы татарамъ отъ имени Россіи, которая оставляетъ за собою только Керчь и Эникале. Всѣ владѣнія Порты на Кубани остаются, по прежнему, въ ея власти, кромѣ остр. Тамань, который Россія, также отъ своего имени, передаетъ татарамъ. Островъ Тамань долженъ былъ служить связью между нагайцами, поселенными на Кубани, и крымскими татарами. Взамѣнъ того, Россія отказывается отъ требованія Очакова и Кинбурна, которые оставляются за Турціей.

На эти требованія турецкіе уполномоченные заявили, что они не могутъ согласиться на уступку Эникале и предоставленіе Россіи права свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Они дали замѣтить впрочемъ, что уступка одного Эникале, безъ права свободнаго плаванія русскихъ судовъ, или предоставленіе Россіи права одной комерческой навигаціи безъ уступки Эникале, не встрѣтило-бы столькихъ затрудненій. На это русскіе уполномоченные отвѣчали, что Эникале необходимъ, въ видахъ будущей гарантіи независимости татаръ, и что безъ владѣнія этимъ пунктомъ, право Россіи на свободу торговли въ Черномъ морѣ было бы иллюзіей.

(*) Госуд. Арх. въ Москвѣ.

Тогда, соглашаясь на уступку Эникале, Абдуръ-Резанъ требовалъ, чтобы русскія суда, которымъ будетъ предоставлено право плаванія въ Черномъ морѣ, были бы не военныя, а только торговыя, извѣстныхъ размѣровъ, и имѣли бы пушки только для сигналовъ; чтобы онѣ не могли останавливаться въ гавани при Константинополѣ, потому что въ мирное время Порта не имѣетъ военнаго флота, а при объявленіи войны она образуетъ его изъ торговыхъ судовъ. Принимая эти ограниченія, Россія требовала, чтобы при торговыхъ сношеніяхъ ею съ Варварійскими землями, и вообще на водахъ Средиземнаго моря, въ предѣлахъ Турціи, Порта оказывала покровительство русскому флагу.

По всѣмъ этимъ вопросамъ послѣдовало обоюдное соглашеніе договаривающихся сторонъ, для чего употреблено было четырнадцать засѣданій конференціи.

На слѣдующемъ засѣданіи, 17 декабря, Обрѣсковъ предложилъ, въ дополненіе къ состоявшимся соглашеніямъ, объявленіе амнистіи съ обѣихъ сторонъ, для всѣхъ участвовавшихъ въ настоящей войнѣ; это предложеніе было принято. Затѣмъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ дѣлъ въ Грузіи, обѣихъ Кабардахъ и объ Азовѣ съ его землями. Относительно Грузіи, рѣшено было оставить ее въ прежней зависимости отъ Турціи.

Такъ какъ обѣ Кабарды составляли владѣніе хана татарскаго, то уполномоченные Россіи намѣревались составить по этому вопросу особый трактатъ съ татарами, на что Абдуръ-Резанъ не соглашался. Что касается Азова, то Обрѣсковъ потребовалъ точныхъ свѣденій объ его владѣніяхъ, отходящихъ къ Россіи. Турецкій уполномоченный возражалъ противъ уступки Азова, вопросъ о которомъ былъ уже рѣшенъ въ Фокшанахъ; и предлагалъ, взамѣнъ его, уступку Россіи одного изъ острововъ Архипелага, равной стоимости. Это возбудило сильные споры, и рѣшено было отложить на время окончательное постановленіе по этому вопросу, предоставивъ каждой сторонѣ право формулировать его сообразно своимъ видамъ, и впослѣдствіи подвергнуть новому обсужденію.

20 декабря, каждый изъ уполномоченныхъ прочелъ свой проэктъ. Соглашенія снова не состоялось, и вопросъ объ Азовѣ отложенъ для разсмотрѣнія въ особомъ засѣданіи. Рейсъ-Эфенди

предлагалъ уплатить денежную сумму взамѣнъ уступки Азова,— что было отвергнуто, также какъ и обмѣнъ его на одинъ изъ острововъ. Только на 20-й конференціи, 7 января 1773 г., Азовъ былъ, наконецъ, признанъ стариннымъ владѣніемъ Россіи, и уступался ей безвозмездно.

Съ устраненіемъ этого спорнаго вопроса, оставалось еще согласить, заявленное 14 января, на 22 конференціи, требованіе Абдуръ-Резана, которымъ Россія устранялась отъ гарантіи по охраненіи правъ и свободы татарскаго народа, изъ опасенія чрезмѣрнаго вліянія ея на дѣла татаръ.

Тогда Обрѣсковъ предложилъ Турціи, взять и на себя подобную же гарантію. Турецкій уполномоченный былъ поставленъ такимъ предложеніемъ въ недоумѣніе, и сказалъ, что этотъ вопросъ не входитъ въ его инструкцію, но что онъ беретъ это предложеніе ad referendum, и отправилъ депешу къ султану, для разрѣшенія вопроса (*), который, тѣмъ не менѣе, не измѣнилъ рѣшенія Россіи, относительно ея требованій.

Такимъ образомъ, результатомъ переговоровъ въ Бухарестѣ было окончательно постановлено:

1) Подданные Турціи, принявшіе сторону Россіи во время войны и дѣйствовавшіе оружіемъ противъ мусульманъ, получаютъ полную амнистію и избавляются отъ всякихъ преслѣдованій за прошлое участіе въ войнѣ.

2) Всѣ крѣпости, занятыя русскими въ Грузіи, будутъ возвращены Портѣ. Но мусульмане лишаются права обращать жителей въ рабство и торговать рабами грузинскаго племени.

3) Русскіе посланники при константинопольскомъ дворѣ будутъ приниматься во всѣхъ случаяхъ съ должнымъ ихъ званію почтеніемъ.

4) Всѣ тѣ (изъ числа подданныхъ Турціи), которые будутъ принадлежать къ русскому посольству въ качествѣ переводчиковъ или въ иной должности, избавляются отъ всякихъ податей и налоговъ.

5) Если кто изъ лицъ посольства пожелаетъ принять религію

(*) Всѣ эти свѣденія взяты изъ „протоколовъ засѣданій конференціи въ Бухарестѣ“ за 1772 и 1773 гг. Гос. Арх. въ Москвѣ.

магометанъ и не смотря на всѣ увѣщанія останется при твердомъ къ тому намѣреніи, то не можетъ подвергаться за то никакимъ насиліямъ и посланникъ не можетъ ему препятствовать въ принятіи магометанства.

6) Если же такой человѣкъ совершилъ кражу, находясь при посольствѣ, то его должно принудить возвратить украденное.

7) Провинціи Большой и Малой Кабарды, обитаемыя черкесами, уступаются Россіи.

8) Крымскій ханъ будетъ избираться впредь и назначаться въ свое достоинство самими татарами.

9) Русскіе и магометане размѣняются плѣнными безъ выкупа и обмѣна, въ видѣ взимной благодарности за утвержденіе мира.

10) Условія по трактату 1643 г. (1053 по магометанскому счисленію) уничтожаются.

Условія же, заключенныя по настоящему договору имѣютъ полную законную силу и должны быть свято сохраняемы.

Вопросъ о независимости Крыма представлялъ наиболѣе затрудненій, о которыхъ мы говорили при изложеніи хода переговоровъ въ Фокшанахъ. Религіозное значеніе султана, какъ главы суннитской секты, не дозволяло полнаго устраненія его отъ духовнаго вліянія на татаръ.

Поэтому Обрѣсковъ согласился на настоянія турецкаго уполномоченнаго, чтобы:

1) При совершеніи богослуженія по пятницамъ, во всѣхъ мечетяхъ въ Крыму, имамы должны произносить принятыя нынѣ молитвы за султана.

2) Крымскій ханъ, избранный самимъ народомъ, получаетъ отъ султана дипломъ на утвержденіе его въ ханскомъ достоинствѣ.

3) Равнымъ образомъ, татарскіе улемы, избранные къ исполненію общественныхъ должностей, получаютъ отъ султана утвержденіе на исполненіе ихъ.

По всѣмъ этимъ условіямъ оба уполномоченные согласились. Вопросъ же объ уступкѣ Россіи нѣкоторыхъ крѣпостей въ Крыму былъ предметомъ, по которому обѣ стороны никакъ не могли сойтись.

Абдуръ-Резанъ соглашался на уступку Эникале, но относи-

тельно Керчи, отходящей къ Россіи, и другихъ крымскихъ крѣпостей, отходящихъ къ татарамъ, объявилъ, что султанъ никогда на это не согласится.

Прекращеніе переговоровъ въ Бухарестѣ.

Оба уполномоченные прекратили совѣщанія въ концѣ 1772 г., и отправили къ своимъ дворамъ курьеровъ съ требованіемъ новыхъ инструкцій.

Но дальнѣйшій ходъ конгресса принадлежитъ уже къ слѣдующему году и потому мы не останавливаемся на разсмотрѣніи переговоровъ съ Турціей въ 1772 г., втеченіи которыхъ приводился въ исполненіе вопросъ о раздѣлѣ Польши.

Къ этому вопросу мы и обратимся.

ГЛАВА III.

Дѣйствія въ Польшѣ въ 1772 г. и окончательныя соглашенія Россіи, Пруссіи и Австріи относительно раздѣла Польши.

Въ то время, когда Россія, Пруссія и Австрія вступили въ соглашеніе по раздѣлу Польши, конфедераты употребляли послѣднія усилія для поддержанія своихъ дѣйствій.

Мы видѣли, что послѣ потери краковскаго замка, управленіе конфедераціи намѣревалось перенести дѣйствія въ Литву, чтобы по крайней мѣрѣ доставить конфедератамъ возможность имѣть средства къ существованію.

Энергическія дѣйствія русскихъ войскъ помѣшали выполненію и этой мѣры, и остатки разбитыхъ конфедератскихъ партій соединились, главнымъ образомъ, въ Ченстоховѣ; другіе же находились въ укрѣпленномъ мѣстечкѣ Тынцѣ.

Русскій отрядъ, подъ начальствомъ Суворова, скоро подступилъ къ Ченстохову, защищаемому храбрымъ Казиміромъ Пулавскимъ. 18 дней продолжалась осада. 400 бомбъ брошено въ Ченстоховъ, нанеся большой вредъ строеніямъ; но сильная оборона крѣпости и энергія Пулавскаго способствовали къ упорной защитѣ.

Въ это время стало всѣмъ извѣстно о соглашеніи трехъ державъ раздѣлить Польшу.

Пулавскій, видя безполезность дальнѣйшаго сопротивленія и не желая сдаться, рѣшился удалиться изъ Ченстохова. Онъ тайно оставилъ монастырь, имѣя съ собою 5 человѣкъ, наиболѣе ему преданныхъ, и приказалъ прочесть гарнизону, по своемъ отбытіи, слѣдующее письмо: «Я принялъ оружіе, во имя общественныхъ интересовъ; во имя ихъ же я долженъ теперь его оставить. Союзъ трехъ могущественныхъ державъ не оставляетъ намъ нынѣ никакой возможности продолжать борьбу. Затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, не позволяетъ мнѣ сдаться на капитуляцію вмѣстѣ съ вами и подвергнуть васъ несчастію. Я знаю вашу храбрость и ревность и убѣжденъ, что когда болѣе счастливыя обстоятельства дадутъ возможность служить отечеству — вы будете тѣ же, какими были со мною.» Оставляя Ченстоховъ, Пулавскій далъ инструкцію гарнизону, отправить депутатовъ къ королю Станиславу, съ предложеніемъ сдать крѣпость коронным войскамъ республики.

Суворовъ, узнавъ объ отъѣздѣ Пулавскаго, требовалъ сдачи Ченстохова. Гарнизонъ отвѣчалъ, что готовъ сдаться коронным войскамъ. Не принимая этого отвѣта за прямой отказъ, Суворовъ три раза повторялъ свои требованія, обѣщая полную амнистію гарнизону. Конфедераты оставались при первомъ отвѣтѣ и Суворовъ уже хотѣлъ штурмовать Ченстоховъ, когда прибылъ отъ короля Станислава курьеръ, съ приказаніемъ сдать крѣпость русскимъ — что и было исполнено.

Гарнизонъ оставилъ крѣпость 15 (4 августа) 1772 г.

Вслѣдъ затѣмъ, конфедераты сдали и послѣдній укрѣпленный пунктъ которымъ владѣли—м. Тынецъ. Гарнизонъ также упорно сопротивлялся и русскія войска готовились уже къ приступу; но въ это время, отрядъ австрійцевъ, подошедшій къ Тынцу, употре-

билъ съ своей стороны увѣщанія гарнизону, который рѣшился сдаться на капитуляцію.

Конфедерація болѣе не существовала и представители ея думали уже только о личномъ своемъ спасеніи и удалились за границу.

Австрійское правительство дозволяло только конфедератамъ искать по одиночкѣ убѣжища въ своихъ владѣніяхъ.

Пацъ скрылся въ Венгрію, куда ему не позволили даже провезти архивъ конфедератскихъ дѣлъ, которыя были переданы Віоменилю.

Пулавскій долго скрывался по границамъ Польши, намѣреваясь пробраться въ Турцію и тамъ дѣйствовать противъ русскихъ.

Огинскій уѣхалъ въ Саксонію.

Міончинскій, взятый во время битвы при Ландскронѣ въ плѣнъ и отправленный сперва въ Кіевъ, былъ отпущенъ на честное слово, съ условіемъ не дѣйствовать противъ русскихъ. Когда же потомъ отъ него получено было 4000 дукатовъ, въ залогъ его вѣрности, то Міончинскій измѣнилъ своему слову и началъ дѣйствовать враждебно, оправдывая себя слѣдующимъ образомъ: «если честь и деньги одно и тоже, то я считаю свое слово недѣйствительнымъ. Я обѣщалъ жертвовать моимъ состояніемъ и жизнью для избавленія отечества отъ рабства; я оставляю русскимъ залогъ и становлюсь свободнымъ.» Онъ собралъ было небольшую партію, которая вскорѣ принуждена была, подобно другимъ, положить оружіе.

Заремба прибылъ въ Варшаву и явился королю, изъявляя покорность. Часть его войскъ вступила въ ряды русской арміи, а остальные остались подъ начальствомъ Мозовицкаго, приверженца конфедераціи.

Заремба, желая получить полную амнистію, адресовалъ Сальдерну письмо отъ 6 мая (25 апрѣля) 1772 г., въ которомъ говорилъ: «Зная, что великодушіе вашего превосходительства направлено къ охраненію моей націи и поддержанію ея законовъ; я льщу себя надеждою, что вы простите мнѣ, если я лично не обратился къ вамъ. Въ качествѣ подданнаго и гражданина, я счелъ себя обязаннымъ прибѣгнуть сперва къ королю и потомъ выразить вашему превосходительству мои чувства уваженія и мои желанія». Далѣе Заремба говоритъ, что поднялъ оружіе для возстановленія спокойствія въ отечествѣ, взволнованномъ разными замѣшательствами —

чего нельзя ему поставить въ укоръ. «Увлеченный привязанностію къ отечеству, говоритъ Заремба, я сознаю нынѣ мои заблужденія». Выставляя свою покорность королю, онъ просилъ простить и войска, бывшія подъ его начальствомъ и которыя ничего не сдѣлали вреднаго интересамъ короля.

Потомъ, переходя къ своимъ личнымъ интересамъ, Заремба указываетъ на то, что русскія войска разорили всѣ его помѣстья и лишили его всего; а Пулавскій велѣлъ сжечь двѣ его деревни около Кларембурга. «Судите поэтому о моей безопасности, послѣ потери всего моего имущества и что остается мнѣ въ настоящемъ, когда я приведенъ въ нищету?» Въ заключеніе, онъ просилъ покровительства Сальдерна.

Сальдернъ отвѣчалъ на это письмо и упрекалъ Зарембу въ его прошломъ поведеніи, обвиняя его въ особенности въ томъ, что онъ не воспользовался амнистіею, которая была объявлена въ первой декларації нашего посланника. «Послѣ всего этого, писалъ Сальдернъ, двери къ примиренію уже закрыты для васъ и вашихъ сподвижниковъ. И такъ, я вамъ объявляю, что вы можете только ожидать того, что найдется справедливымъ, по отношенію къ вашему поведенію. Современники и потомство произнесутъ надъ вами свое сужденіе и найдутъ, что въ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь, я сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ того заслуживаютъ ваши враждебныя дѣйствія, ваши поступки, ваша невѣрность и недовѣріе».

Впослѣдствіи, Заремба получилъ отъ Сальдерна значительное вспоможеніе и потомъ поступилъ въ прусскую службу.

Такимъ образомъ, со времени вступленія въ Польшу войскъ союзныхъ державъ, конфедерація перестала существовать.

Инструкція Штакельбергу и его декларація по поводу раздѣла Польши.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, баронъ Штакельбергъ, замѣнившій Сальдерна, выдалъ декларацію съ объявленіемъ причинъ, побудившихъ къ раздѣлу Польши.

Декларація эта составлена была на основаніи инструкціи отъ

11 авг. 1772 г., полученной Штакельбергомъ, при его назначеніи. Въ этой инструкціи, касательно причинъ, побудившихъ къ раздѣлу Польши, между прочимъ, сказано: «Ея Величество признала за долгъ внять гласу собственнаго своего правосудія и интереса ея народовъ, и не могучи болѣе, безъ невозвратнаго для нея и польской націи предосужденія, почитать себя связанною такими обстоятельствами, кои сама сія нація отринула, или съ явнѣйшимъ презрѣніемъ нарушила, — вступила она съ сосѣдними съ Польшею державами въ согласіе, дѣйствительно обезпечить респективныя ихъ права и претензіи на Польшу, и произвесть оныя въ дѣйство самимъ собою, вмѣстѣ съ возстановленіемъ тишины и добраго порядка во внутренности республики, опредѣляя ей также политическое существованіе, сходственнѣйшее съ интересами въ сосѣдствѣ». Упоминая о самовольномъ занятіи Австріей земель Ципса, въ инструкціи говорится далѣе: «Пруссія и Россія, въ виду такого поступка, приняли свои мѣры. Оставалось: или вступить въ дипломатическіе переговоры о выводѣ войскъ изъ Ципса, и, въ случаѣ надобности, употребить военную силу, или сдѣлать тоже что сдѣлала Австрія, и на такомъ же основаніи, объявить свои претензіи на польскую республику, чтобъ не нарушить политическаго равновѣсія Россіи, Пруссіи и Австріи.

Новая война съ Австріею, сосѣднею съ Польшею, только раздула бы пламя войны конфедератской, тогда какъ императрица Екатерина желала скорѣйшаго ея окончанія и Россія вовлекалась въ новые убытки, и подвергалась опасности новой войны, и «за кого?» — за націю, которой она черезъ столько лѣтъ тщетно жертвовала величайшимъ числомъ людей и денегъ; для націи, которая за услуги, благодѣяніе и безкорыстіе ея, одними только явнѣйшими знаками неблагодарности платитъ; которая не только явную противъ нея имѣла войну, но еще возбудила противу нея непріятеля, опаснѣйшаго для ея государства.

Другая мѣра, напротивъ, представляла дружественное сближеніе трехъ державъ къ усмиренію Польши, — разобраніе всѣхъ предметовъ, кои, рано или поздно, могли произвесть войну между одною или другою изъ нихъ и Польшею; назначеніе новыхъ границъ сей послѣдней, и чрезъ то существованіе, сходственнѣйшее съ собствен-

ною ея конституціею, равно и съ интересами ея сосѣдей. Наконецъ, что всего важнѣе, соблюденіе тишины въ сей части Европы» (*).

Сообразуясь съ этой инструкціей, въ декларации Штакельберга говорится, что сосѣднія съ Польшею державы, видя постоянныя волненія, возникавшія въ этой странѣ во время междуцарствій, находятся вынужденными заняться серьозно пресѣченіемъ на будущее время безпорядковъ, которые начались со смерти короля Августа III.

Петербургскій кабинетъ старался соединить разъединенные умы по поводу избранія на престолъ новаго кандидата; берлинскій кабинетъ содѣйствовалъ той же цѣли; вѣнскій кабинетъ также стремился къ успокоенію Польши, — но не смотря на усилія этихъ державъ, волненіе привело къ разрыву мира между Россіей и Портой Оттоманской, въ примиреніи которыхъ обѣ германскія державы тщетно принимали участіе. По избраніи на престолъ Польши короля Станислава и со введеніемъ многихъ полезныхъ установленій, спокойствіе Польши и сосѣднихъ съ нею державъ, казалось, не предвѣщало никакихъ опасеній.

Но къ несчастію, духъ раздора, обуявъ часть націи, разрушилъ мгновенно всѣ надежды.

«Граждане подняли оружіе другъ противъ друга. Возмутители уничтожили силу закона, всякій законный порядокъ и общественную безопасность. Правосудіе, администрація, торговля и самое земледѣліе были разрушены или предвѣщали скорую погибель; насилія всякаго рода, какъ слѣдствіе анархическаго состоянія страны, грозили неминуемымъ и полнымъ разстройствомъ государственнаго порядка или совершеннымъ его уничтоженіемъ.

Натуральная связь съ державами сосѣдними Польшѣ дала почувствовать симъ послѣднимъ всѣ гибельныя послѣдствія безпорядковъ въ Польшѣ. Эти безпорядки давно уже заставляли сосѣднія державы принимать необходимыя мѣры предосторожности, для охраненія границъ своихъ собственныхъ владѣній. Они, сверхъ того, подвергали опасности дружбу и согласіе, къ счастію суще-

(*) Гос. Арх. въ Москвѣ.

ствующія между сосѣдними державами, которыхъ взаимное спокойствіе есть дѣло цѣлой Европы».

Всѣ эти обстоятельства, сказано далѣе въ декларации, заставили наконецъ Россію, Австрію и Пруссію принять рѣшительныя мѣры, и державы эти постановили безотлагательно, съ общаго согласія между собою, положить конецъ безпорядкамъ въ Польшѣ и возстановить прежнюю ея конституцію и свободу націи. Поэтому онѣ рѣшились предъявить свои старинныя права и законныя претензіи на нѣкоторыя владѣнія польской республики: при чемъ каждая изъ поименованныхъ державъ готова предъявить юридическіе документы для доказательства своихъ правъ, удовлетвореніе которыхъ, при нынѣшнемъ состояніи республики, не можетъ быть совершено обыкновеннымъ законнымъ путемъ.

Въ силу этихъ доводовъ, всѣ три союзныя державы, съ общаго согласія между собою, рѣшились занять соотвѣтствующія части владѣній республики и установить болѣе натуральныя границы съ Польшей.

Въ заключеніе, союзныя державы призываютъ поляковъ соединиться между собою и составить сеймъ, для разсмотрѣнія законности правъ и претензій, объявленныхъ на владѣнія Польши (*).

Прусскій посланникъ въ Варшавѣ—Бенуа, и австрійскій—Ревитскій, подали такую же декларацію, первый отъ того же числа, а послѣдній отъ 15 (26) сентября 1772 г.

Собраніе министровъ въ присутствіи короля постановило отвѣтъ на полученныя декларации, который и былъ представленъ иностраннымъ посланникамъ въ Варшавѣ 6 (17) октября 1772 г.

Протестъ Польши противъ раздѣла, и отвѣтъ на него союзныхъ державъ.

«Безкорыстныя старанія Всероссійской Императрицы, сказано въ этомъ отвѣтѣ, способствовавшія поддержанію спокойствія въ Поль-

(*) Извлеченіе изъ декларации Штакельберга, королю Польши отъ 7 (18) сентября 1772 г. Recueil des déclarations, notes etc. Depuis le 18 sept. 1772, jusqu'au 14 mai 1773. p. I.

шѣ во время послѣдняго междуцарствія, равно и къ свободному избранію нынѣ царствующаго короля; содѣйствіе къ тому же, со стороны Его Величества короля Пруссіи и система нейтралитета принятая Е. В. императрицей-королевой,—суть обстоятельства достойно цѣнимыя королемъ и которыя никогда не изгладятся изъ его сердца и воспоминаній».

Касаясь безпорядковъ, возникшихъ въ Польшѣ въ послѣднее время, въ отвѣтѣ говорится:

«Европа давно уже знаетъ, какія причины обыкновенно порождали поперемѣнно волненія въ Польшѣ. Ей извѣстно также, что король и лучшая часть націи употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы предупредить и остановить развитіе безпорядковъ. Ихъ старанія были, къ несчастію, безполезны и плоды раздора были, безъ сомнѣнія, ужасны: законная власть не признавалась нѣкоторыми, анархія распространилась почти по всѣмъ провинціямъ; вся Польша была угнетена, пришла въ бѣдность и опустошеніе, какъ отъ своихъ собственныхъ гражданъ, такъ и отъ разоренія ея иностранными войсками».

«Словомъ, втеченіи пяти лѣтъ, бѣдствія и разореніе тяготѣли надъ королевствомъ и сдѣлали потребность умиротворенія крайне необходимою: поэтому, соглашеніе трехъ державъ содѣйствовать этой цѣли есть идея полная гуманности, на которую король смотрѣлъ бы не иначе, какъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности, если бы другая часть декларації не пробуждала чувства глубочайшей скорби. Въ ней заключаются значительныя претензіи трехъ дворовъ на владѣнія несчастной Польши».

Выполненіе всѣхъ обязательствъ по отношенію къ договорившимся державамъ и доброе съ ними сосѣдство, сказано далѣе, несчастное положеніе страны, должны были бы вызвать взаимныя чувства расположенія и не дать мѣста предпріятію «столь беззаконному по правамъ Польши, въ смыслѣ посягательства на законныя ея владѣнія».

Въ подтвержденіе законности правъ на владѣнія республики, выставляются трактаты, заключенные въ Оливѣ и Велау, которые были гарантированы Австріею, Франціею, Англіею, Испаніею и Швеціею; дѣлается также ссылка на московскій дворъ 1686 г., на

основаніи котораго Россія именно и имѣла свои права на часть польскихъ владѣній, какъ увидимъ далѣе.

«Если возобновить старинныя территоріальныя права, сказано въ актѣ, то Польша могла бы и съ своей стороны предъявить притязанія на нѣкоторыя части владѣній тѣхъ самыхъ державъ, которыя рѣшились объявить свои притязанія на Польшу»; и что если бы такая система дѣйствій была допущена, то она нарушила бы «безопасность владѣній всѣхъ державъ и поколебала бы всѣ троны».

Безпорядки, волнующіе Польшу, суть временные, и ею же могутъ быть уничтожены.

Тогда варшавскій дворъ готовъ разсмотрѣть притязанія иностранныхъ дворовъ и удовлетворить ихъ законнымъ требованіямъ.

Нынѣшнее же занятіе польскихъ владѣній король считаетъ «несправедливымъ, насильственнымъ и противнымъ законнымъ правамъ» (*).

«Полагаясь на справедливость Всевышняго, сказано далѣе, король повергаетъ свои права къ подножію Его святаго престола и довѣряется праведному судьѣ, царствующему надъ народами и монархами, и, въ ожиданіи Его помощи, онъ торжественно протестуетъ передъ лицемъ вселенной противъ всего сдѣланнаго или имѣющаго совершиться по раздѣлу Польши» (**).

Союзныя державы подали снова торжественныя декларації въ отвѣтъ на актъ, составленный польскимъ сенатомъ. Въ этой деклараціи, отъ 23 ноября (4 декабря) 1772 г., говорится, что союзныя державы удивлены недостаточностію вниманія, оказаннаго къ сущности ихъ деклараціи, и что «дѣйствительные интересы этихъ державъ не позволяютъ полагаться на случайность событій и волненій, которыя всегда волновали польское королевство».

Поэтому онѣ требовали безотлагательнаго собранія сейма, для разсмотрѣнія своихъ притязаній.

(*) Этотъ упрекъ не можетъ относиться къ Россіи, которая имѣла свои войска въ Польшѣ и защищала ее по праву войны съ конфедератами.

(**) Извлеченіе изъ: Recueil des déclarations, notes etc. p. 4.

Гр. Панинъ поручилъ Штакельбергу передать королю Станиславу, «что онъ можетъ быть спокоенъ на счетъ своей личности, и что его обезпечатъ приличнымъ для короля содержаніемъ; что въ этомъ состоитъ интересъ и самолюбіе Россіи, возведшей его на престолъ, хотя онъ и сильно перемѣнился, благодаря пагубнымъ внушеніямъ его окружающихъ. Во всякомъ случаѣ, императрица сохраняетъ къ нему свою дружбу, и совѣтуетъ, настоятельно, собрать сеймъ а не senatus consilium (совѣтъ сенаторовъ) для разсмотрѣнія рѣшенія трехъ державъ, такъ какъ въ судьбѣ короля Россія не можетъ уже дѣйствовать отдѣльно отъ Австріи Пруссіи».

«Сенаторы, говоритъ гр. Панинъ, могутъ обвинить его (короля) и обмануть, сдѣлаютъ несомнѣнной его погибель; тогда какъ теперь онъ долженъ серьозно подумать о собственномъ существованіи, т. е. о своихъ матеріальныхъ средствахъ» (*).

Король рѣшился собрать сеймъ, но для этого нужно было предварительно созвать общій совѣтъ сената, которому и назначено было собраться 8 февраля (28 января) 1773 г. (**)

Въ чемъ состояло засѣданіе сейма, послѣдовавшаго по требованію союзныхъ державъ, мы увидимъ при описаніи дальнѣйшаго хода польскаго вопроса, который возбудилъ впослѣдствіи еще не мало споровъ.

Теперь же, изложивъ начало и развитіе этого дѣла, до того момента когда всѣ три союзныя державы, вступивъ въ соглашеніе по раздѣлу Польшу, заявили фактически свое рѣшеніе и заняли предполагаемыя къ отдѣленію части республики;—изслѣдуемъ причины, побудившія Россію приступить къ раздѣлу.

Обзоръ правъ, побудившихъ Россію принять участіе въ раздѣлѣ Польши.

Съ 1523 г., въ силу всѣхъ трактатовъ, послѣдовавшихъ съ этого времени по опредѣленію границъ между Россіей и Польшей, —

(*) Польскія дѣла 1772 г., гос. арх. въ Москвѣ.

(**) Réponce du ministère du Roi 14 (3) décembre 1772 г.

граница эта опредѣлялась линіею, отъ устья западной Двины до небольшаго городка Стойки, находящагося на Днѣпрѣ въ 5 миляхъ ниже Кіева.

Не смотря на это точное опредѣленіе границъ, Польша, въ продолженіи 60 лѣтъ, занимала и пользовалась плодороднымъ пространствомъ земли до 1300 квадр. верстъ, принадлежавшимъ Россіи. Русскіе подданные, жившіе на этихъ земляхъ, не переставали обращаться къ петербургскому двору съ жалобами на притѣсненія мѣстной польской администраціи.

Русское правительство, неоднократно входило по этому предмету въ сношеніе съ польскою республикою, но всегда безуспѣшно.

Личный интересъ польскихъ магнатовъ, эксплуатировавшихъ во всемъ русскихъ подданныхъ, всегда ставился выше законности трактатовъ и силы справедливости.

Польское правительство равнодушно смотрѣло на своеволіе магнатовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои дворовыя войска и часто вооруженною рукою наносилъ разореніе жителямъ земель, незаконно причисленныхъ къ владѣніямъ республики. Все это пространство земли, богатой и плодородной, было обращено въ пустыню, съ цѣлью образовать на границахъ съ Россіей естественную преграду.

По VII пункту московскаго трактата 1686 г., Россія, желая скорѣе заключить миръ, согласилась оставить *временно* во владѣніяхъ Польши пограничное пространство земель, издавна бывшихъ русскими. Города Ржешовъ, Трехтомировъ, Каневъ, Мошна, Сокольня, Черкассы, Бобровица, Бушинъ, Воронковъ, Крыловъ, Четеринъ и другіе, по правому берегу Днѣпра, были на время причислены къ владѣніямъ польской республики, при чемъ въ трактатѣ сказано, что эта граница есть временная и остается только до тѣхъ поръ, «пока не послѣдуетъ инаго постановленія границъ, по дружественному соглашенію.»

Это спорное пространство земли, начиная отъ г. Стойки до р. Тесмины, представляло полосу, вдоль праваго берега Днѣпра, простираясь въ ширину на 50 верстъ, по границамъ съ Польшей.

Оставаясь, такимъ образомъ, спорнымъ или нейтральнымъ, про-

странство это вскорѣ было совершенно обращено въ польскую провинцію. Магнаты, желая увеличить число своихъ работниковъ, употребляли всѣ средства соблазна, чтобы привлечь жителей Малороссіи, переселяться съ лѣваго берега Днѣпра на правый. Нерѣдко были также случаи употребленія силы и похищенія жителей, подданныхъ Россіи. Анархическое состояніе Польши не позволяло имѣть никакого удовлетворенія, которое могло быть доставлено только силою—но Россія не могла или не считала своевременнымъ начать войну. Польское же правительство, введя полную администрацію въ этомъ нейтральномъ пространствѣ, смотрѣло, однако, на него съ особенной точки зрѣнія, какъ бы сознавая, что земли эти не были его законнымъ достояніемъ. Всѣ насилія, дѣлаемыя магнатами, дозволялись, или не могли быть обузданы.

Доказательствомъ, что допущеніе этихъ насилій входило въ систему дѣйствій польскаго правительства, служитъ то, что они особенно усилились въ 1711 г., т. е. въ то время, когда Россія была въ самомъ затруднительномъ положеніи и занята была войною съ Турціей и Швеціей.

Такимъ образомъ, Польша пользовалась, втеченіи 60 лѣтъ, землями въ 8000 квадр. верстъ и разоряла ихъ въ ущербъ интересамъ Россіи.

По свѣденіямъ, собраннымъ въ то время, оказывается, что болѣе 300,000 малороссовъ, не считая ихъ потомковъ, переселилось въ Польшу, по внушенію соблазновъ и насилія. Уходившіе забирали съ собою все свое имущество, деньги, скотъ и часто занимали ихъ у своихъ сосѣдей, потомъ, скрывшись въ Польшѣ, никогда не возвращались обратно.

Помѣщики малороссійскіе иногда посылали въ Польшу своихъ людей для розысканія бѣглецовъ, что и удавалось, но просьбы, подаваемыя польскому правительству, по этому предмету, всегда оставались безъ послѣдствій, и каждый польскій панъ помогалъ въ этомъ случаѣ другому,

Случалось, что малороссійскій помѣщикъ, являясь самъ въ Польшу съ просьбою возвратить принадлежавшихъ ему по крѣпостному праву бѣглецовъ, или захваченное ими имущество его, подвергался тайнымъ и явнымъ гоненіямъ польской администраціи, сажался въ

тюрьму, а иногда возвращался назадъ изувѣченнымъ на всю жизнь. Чтобы лишить возможности малороссійскихъ выходцевъ возвратиться обратно въ Малороссію, ихъ посылали часто къ венгерскимъ границамъ.

Русское правительство, чтобы ограничить, по возможности, эмиграцію, принуждено было учредить пограничную стражу, что также вызвало лишніе расходы, въ ущербъ ея интересамъ.

Если кто изъ русскихъ, поселившихся въ Польшѣ, имѣлъ надобность возвратиться въ Россію, для постояннаго жительства, то на имущество его въ Польшѣ налагалось запрещеніе и оно возвращалось прежнимъ польскимъ владѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ.

Никакія ходатайства и представленія русскаго правительства въ защиту разоренныхъ своихъ подданныхъ никогда не удовлетворялись.

Но этого еще мало. Вредъ, наносимый интересамъ Россіи польскою республикою, этимъ не ограничивался; торговля Россіи претерпѣвала сильный ущербъ, вслѣдствіе алчности польскихъ пановъ.

По 15 параграфу оливскаго трактата, 18-му московскаго 1686 г. и 1, 2, 4, 5, 10 и 19 — варшавскаго договора 1705 г., торговля между Россіей и Польшей объявлялась свободною. Указано было только на нѣсколько таможень, которыя учреждались въ нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктахъ.

Но вмѣсто этихъ таможень, на польской границѣ было учреждено нѣсколько новыхъ, въ пунктахъ, избранныхъ произвольно; впослѣдствіи же, каждый польскій помѣщикъ учреждалъ свою таможню въ принадлежавшихъ ему помѣстьяхъ, вдоль пограничной черты съ Россіей.

Отъ этого русскіе товары, проходившіе по Днѣпру и Двинѣ, облагались произвольными пошлинами.

Тягость этихъ пошлинъ была тѣмъ болѣе чувствительна, что не зависѣла ни отъ какихъ законныхъ постановленій, но назначалась по волѣ каждаго владѣльца. Сверхъ того, каждый изъ чиновъ, принадлежавшихъ къ таможнѣ, бралъ что хотѣлъ, въ увѣренности, что никому не дастъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; такъ что можно

безъ преувеличенія сказать, что всѣ русскіе товары, проходившіе черезъ польскія границы, подвергались грабительству.

Отъ этого, втеченіи 40 лѣтъ, стоимость различныхъ продуктовъ въ Россіи увеличилась въ *шесть* разъ противъ прежняго, а мѣстные продукты не имѣли сбыта черезъ Польшу.

При переправахъ черезъ Днѣпръ и Двину, чины польскихъ таможень употребляли иногда весьма оригинальныя выходки. Они назначали для переправы русскихъ судовъ своихъ лоцмановъ, которые умышленно наводили суда на мели и подводные камни. Въ первомъ случаѣ, суда не могли сдвинуться съ мѣста до прибыли воды и принуждены были платить большія деньги за стоянку; во второмъ, имущество разграблялось подъ видомъ спасенія товаровъ; если же судно не разбивалось, то алчность польскихъ владѣльцевъ доходила до того, что взимались деньги за вредъ, нанесенный подводному камню наткнувшимся на него судномъ.

Сухопутная торговля подвергалась не меньшимъ стѣсненіямъ. Если транспортъ русскихъ товаровъ проходилъ черезъ имѣніе польскаго владѣльца, то безъ особенной платы ему непозволялось идти по кратчайшей и лучшей дорогѣ, заставляя его слѣдовать дальними обходами, по проселочнымъ трактамъ, съ разрушенными мостами.

Если полякъ заключалъ торговыя условія съ русскимъ и запродавалъ ему впередъ свои продукты, то получивъ задатокъ, онъ не считалъ себя обязаннымъ выполнить контрактъ, при чемъ никогда не возвращалъ даже полученнаго задатка, не боясь отвѣтственности по закону, котораго никто не исполнялъ.

Если же кто начиналъ жаловаться, то подвергался насилію, заключался въ тюрьму, и только благодаря выкупу, окончательно его раззорявшему, получалъ свободу.

«Вотъ государственныя права, которыя Россія объявляетъ Польшѣ, сказано въ объяснительномъ мемуарѣ, поданномъ петербургскимъ кабинетомъ (*). Очевидность и справедливость ихъ неоспо-

---

(*) Exposé de la conduite de la cour impériale de Russie, vis-à-vis de la sérénissime république de Pologne. St. Pétersbourg, 1773 г., l'académie impériale. [Довольно рѣдкій въ настоящее время документъ].

римы. Россія присоединяетъ къ нимъ требованіе о вознагражденіи за потери и наиболѣе важные убытки, нанесенные ея подданнымъ. Разсматривая важность всего вышеизложеннаго, нужно сознаться что поведеніе Россіи было очень умѣренно и терпѣливо, и что она имѣетъ полное право доставить сама себѣ удовлетвореніе, котораго она не могла получить втеченіи 60 лѣтъ.»

Много было писано о польской неурядицѣ, въ разсматриваемую нами эпоху. Не повторяя того, что было уже сказано другими по этому предмету, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ указаніяхъ современниковъ на положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Изъ этого краткаго обзора станетъ ясно, что государственная жизнь Польши неминуемо влекла ее къ уничтоженію политическаго бытія; что существовавшій въ ней порядокъ дѣлъ не могъ дольше продолжаться, и что совершившаяся судьба польскаго народа, во всякомъ случаѣ, улучшила его политическое и экономическое существованіе, ограничивъ безусловный произволъ и подчинивъ закону польскихъ магнатовъ, эксплуатировавшихъ народъ, и не знавшихъ никакой власти надъ собою.

Польскіе магнаты, незначительные числомъ, пользовались, можно сказать, жизнью и достояніемъ всего народа, обремененнаго непомѣрнымъ трудомъ и приведеннаго въ нищенство. Князь Чарторыйскій, палатинъ русскій, имѣлъ до милліона экю ежегоднаго дохода, и держалъ до 4000 лошадей на конюшнѣ. Многіе другіе магнаты, мало уступали ему въ богатствѣ. Король не имѣлъ права поставить войска въ помѣстьяхъ магната, которыя состояли часто изъ большихъ городовъ.

Если иностранецъ умиралъ въ этихъ помѣстьяхъ безъ наслѣдниковъ, то все имущество его переходило къ владѣльцу помѣстья, или его дѣтямъ и родственникамъ до восьмаго колѣна. Если же иностранецъ умиралъ не во владѣніяхъ магната, то король долженъ былъ назначить одного изъ нихъ, вступить въ наслѣдство имущества умершаго.

Впрочемъ, наслѣдники умершаго иностранца имѣли право, втеченіи трехъ лѣтъ, претендовать на свое наслѣдство, отъ котораго, обыкновенно, оставалось къ этому времени не много, да и изъ оставшагося десятая часть, во всякомъ случаѣ, принадлежала владѣльцу

того города или помѣстья, въ которомъ умеръ иностранецъ.

Домъ магната считали неприкосновеннымъ.

Ни за какое преступленіе судья не могъ арестовать ни имущества магната, ни его самого.

Магнаты не платили никакихъ податей и пошлинъ за вывозимый изъ Польши хлѣбъ.

Пользуясь такими правами, польскіе магнаты подлежали суду одного короля, и такъ какъ они всегда имъ сами управляли, то никогда не подпадали подъ наказаніе. Король могъ даровать дворянство, но не могъ лишить дворянства его правъ.

Вообще права короля были очень ограничены.

На основаніи Pacta conventa 1370 года, король, при вступленіи на престолъ, произносилъ присягу, что будетъ царствовать на основаніи слѣдующаго принципа: «Penes Regem majestas, penes senatum autoritas, penes ordinem equestrem libertas», т. е. королю принадлежитъ величіе, власть—сенату и дворянству—свобода.

Безъ согласія сената король не могъ собрать арміи, объявлять войны, заключать миръ и союзы, посылать посланниковъ, установлять таксы, налоги и законы, чеканить монету и постановлять окончательное рѣшеніе по какому бы то ни было государственному дѣлу. Онъ не имѣлъ права отчуждать государственнаго имущества, распредѣлять доходы и рѣшать дѣла по отношенію къ республикѣ. Онъ имѣлъ право назначать аббатовъ и прелатовъ, но тѣ и другіе утверждались папою. Равнымъ образомъ, онъ могъ назначать архіепископовъ, кромѣ вормскаго. Король не имѣлъ права смѣнять должностныхъ лицъ. Во время войны, ему предоставлялось право командовать арміею.

При такой ограниченности власти короля, тѣмъ не менѣе, все дѣлалось его именемъ.

Вся тяжесть государственныхъ повинностей лежала, исключительно, на крестьянахъ, такъ какъ ни дворяне, ни духовенство не несли никакихъ налоговъ. А между тѣмъ двѣ трети имущества всей Польши принадлежали духовенству, считая въ этомъ и земли бывшія, по займамъ, въ залогѣ у монастырей.

Вообще духовенство и дворянство владѣли $^{11}/_{12}$ количества всей земли.

Понятно, поэтому, что въ странѣ не могло быть развитой мануфактурной и фабричной промышленности. Всѣ произведенія Польши вывозились за границу въ сыромъ видѣ и цѣнность ихъ едва была достаточна для покрытія стоимости привоза, состоящаго изъ винъ, суконъ, шелковыхъ матерій, галантерейныхъ вещей и проч., потребляемаго исключительно богатыми.

Вотъ каково было экономическее состояніе Польши, по описанію современника и притомъ аббата, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи или враждебномъ отношеніи къ дворянству или духовенству. Приведемъ, въ заключеніе, еще нѣсколько подлинныхъ словъ изъ записки аббата Рейнэля (Rayneel), изъ которой взяты и приведенныя выше свѣденія (*).

«Польша, говоритъ Рейнэль, съ своимъ рабскимъ народомъ, стоитъ того чтобы имѣть только внѣшнихъ притѣснителей, но сохраняетъ, однако, тѣнь и имя свободы. Она теперь находится въ такомъ точно положеніи, въ какомъ находились другія государства Европы 10 вѣковъ назадъ: подчинена аристократамъ, которые избираютъ себѣ короля, чтобъ сдѣлать его орудіемъ своей воли. Каждый дворянинъ имѣетъ свое помѣстье, которое сохраняетъ съ помощью сабли, подобно тому какъ предки его пріобрѣтали, саблей же, свои личныя права надъ рабами. Феодальная система существуетъ въ Польшѣ во всей своей первоначальной силѣ. Это держава, составленная изъ столькихъ государствъ, сколько есть въ ней отдѣльныхъ владѣтелей. Законы установляются рѣшеніемъ не большинства, но единодушнымъ рѣшеніемъ голосовъ. Въ ложномъ сознаніи идеи права и совершенства, они предположили, что всякій законъ не можетъ быть хорошъ, если на него нѣтъ единодушнаго согласія, ибо, какъ думаютъ они, всѣ способны видѣть его хорошее значеніе, и потому всѣ захотятъ его: двѣ вещи не совмѣщающіяся въ одномъ и томъ же народномъ собраніи. Но можно ли даже предполагать такія чистыя внушенія въ горсти тирановъ?

Эта конституція, которая знаменуется именемъ республики и которую они профанируютъ, можетъ ли иначе разсматриваться,

---

(*) Въ польскихъ дѣлахъ за 177* годъ, Гос. Арх. въ Москвѣ.

какъ собраніе деспотовъ противъ народа? Тамъ всякій имѣетъ силу, чтобы воспрепятствовать, и никто—чтобы дѣйствовать. Тамъ желаніе каждаго можетъ противиться желанію всѣхъ, и только тамъ, одинъ дуракъ и злой человѣкъ, безумецъ, можетъ быть увѣренъ, что восторжествуетъ надъ цѣлой націей.»

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ 1772 ГОДУ.

№ 1.

Copie de la lettre de m-r de Thugut, internonce et ministre plénipotentiaire de L.L. M.M. I.I. et R. à la Porte, au maréchal comte Roumianzoff, en date de Pera de Constantinople ce 6 mars n. st. 1772.

Monsieur!

Votre Excellence doit avoir reçu déja depuis quelque temps les instructions relatives à l'arrrangement d'une suspention d'armes sur laquelle Sa M. l'Impératrice de toutes les Russies à donnée connaitre les dispositions dans une note ministeriale, remise par son ordre à m-r le prince de Lobkowitz, en desirant que les ministres de L.L. M.M. I. et R-les et de Sa M. Prussienne, résidant à la Porte Ottomanne fussent chargés d'y proposer à faire agréer cette mesure propre à accelerer le moment si desirable d'une reconciliation finale entre les deux puissances belligerantes.

Ayant l'honneur de remplir ici l'emploie d'internonce et ministre plenipotentiaire de L.L. M.M. I. et R. je m'empresse d'informer Votre Excellence qu'en consequence des ordres de ma Cour, je n'ai point differé d'agir conjointement avec les ministres de Sa M. Prussienne auprès de la Porte pour cet objet et que j'ai l'honneur de Vous faire part, Monsieur, que la Porte Ot-

tomane, animée d'un desir sincère d'avancer, autant qu'il est en son pouvoir, le prompt retablissement de la paix, accède avec plaisir aux vues de S. M. l' Impératrice de toutes les Russies sur la conclusion d'une suspention d'arme générale entre les armées resirectives de terre et de mer.

La Porte m'ayant requis que le ministre de S. M. Prussienne de faire parvenir au plutôt à V. E. cette déclaration. Elle nous a chargé en même temps de Vous transmettre le précis ci-joint, contenant les articles principaux, qui pourraient former la base de la convention de l'armistice. Les désirs de la Porte et la qualité de ministre d'une cour, dont les bons offices en ce qui se rapporte à l'affaire de la pacification future ont été agrées également par les deux puissances belligerantes, m'engagant à recommander à la considération de V. E. les reflexions qui militent en faveur des conditions proposées; et j'hésite d'autant moins à le faire que les articles anoncés dans les précis, me parraissent d'une convenance adoptée à l'état des choses; à quoi il est à ajouter que la Porte s'est montrée fermement convaincue, que ces circonstances lui imposaient la nécéssité absolue d'insister sur ces conditions, comme les seules, que la situation de ses affaires lui permettait d'adopter.

Ayant tout lieu d'être persuadé de la bonne foi de cette assertion, j'éspère avec confiance, que V. E., de son côté, desirant aux sentiments d'équité et de conciliation, auxquels seuls il appartient de rapprocher les esprits des deux côtés et d'amener à une heureuse fin le grand ouvrage de la pacification, ne répugnera nullement à admettre la base, que la Porte propose, c'est dans cette supposition que Sa Hautesse a adressé d'avance au Grand Vizir, les ordres et instructions nécessaires pour traiter et convenir avec V. E. par des commissaires ou, autrement, des points relatifs à l'armistice qui pourraient rester encore à regler; et si vous jugez, Monsieur, que mes soins ici puissent contribuer en quelque chose à ce qui regarde les plus prompts arrangements de l'armistice par mer, ou dans les autres parties, où la guerre a été portèe, vous me trouverez prêt a m'y emploier, avec tout le zèle que la droiture des intentions de ma Cour m'inspire.

Au surplus, Votre Excellence verra, par le précis de la Porte, qu'elle désire l'intervention de la garantie des deux cours; pour l'execution des conditions de l'armistice, telles qu'elles auront été fixées. Le ministre de S. M. Prussienne et moi, avons dèjà depuis quelque temps fait part à nos Cours de la demande formelle que la Porte en a faite; et nous attendons actuellement les ordres qu'on nous fera parvenir à cet égare.

Le précis constate aussi le consentement et les voeux de la Porte pour l'assemblée immédiate d'un congrés à fin que l'entremise de bons offices des deux cours l'ouvrage salutaire de la paix puisse y être conformé. La Porte souhaite seulement que le lieu du congrès soit désignè à Bouharest ou dans quelque autre endroit de la Valachie plus convenable qu'Ismail. Les raisons qu'elle allegue en faveur de sa demande et, que le ministre de S. M. Prussienne et moi, avons transmis à nos cours à sa requisition sont telles, que je ne doute point qu'elles ne parraissent d'être dignes de la haute attention de Sa Majesté L'Imperatrice des toutes les Russies.

Je saisis, Monsieur, avec empréssement, cette occasion, pour Vous tèmoigner les sentiments d'admiration, dont la gloire de vos succès et de vos victoires dans les commandements des armées, qui vous est confié, m'a rempli.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration, Monsieur, de Votre Excellence, le très humble et très obéissant serviteur de Thugut.

A'Pera de Constantinople,
ce 6 Mars 1772.

№ 2.

Copie de la lettre de m-r Zegelin, ministre plénipotentiaire de S. M. le Roi de Prusse à la Porte; au maréchal comte Roumianzoff en date de Pera de Constantinople ce 6 mars n. st. 1772.

Monsieur!

J'ai l'honneur de faire connaitre à Votre Excellence, que la Porte Ottomanne vient d'accepter la suspension d'armes, qui lui à été proposée par le ministre de la cour de Vienne ici, et que par ordre du Roi mon Maitre, j'ai appuyée.

Dans une conférence que j'ai eu conjointement avec le ministre de la cour de Vienne et avec ceux de la Porte, ils nous ont remis une note, dont j'envois ci-jointe la traduction, qui explique la manière de laquelle la Porte désire que cette affaire soit arrangée, entre Votre Excellence et le grand vizir, par les commissaires à nommer de part et d'autre et qui pour cet effet s'assembleront dans un endroit entre les deux armées à determiner, dont je laisse à Votre Excellence l'arrangement avec le grand vizir. La Porte a demandé en même temps la garantie de ma cour et de celle de Vienne sur l'armistice à conclure. Les ministres de la Porte m'ont remis une autre note, qui explique ses motifs, pourquoi la ville d'Ismail ne lui conviendrait pas pour le lieu de congrès, ils proposent la ville de Boucharest, ou de Fokchan, ou un autre endroit, qui soit un peu éloigné du Danube, à cause des incommodités, qui se trouvent pendant l'été sur les bords de ce fleuve; laquelle note j'envois par ce courier à Petersbourg.

Le Grand Vizir et tout les Pachas, qui commandent le long du Danube ont ordre, de laisser passer, sans le moindre obstacle ni empéchement, tous les couriers qui dorenavant arriveront de la part de Votre Excellence, adressés à moi.

J'ose recommander l'incluse à Sa Majesté le Roi, mon très gracieux Maitre, et prier Votre Excellence de la faire parvenir ou par Varsovie, ou en droiture par Breslau à Potsdam.

Je saisis cette occasion pour joindre ici une liste des officiers prisoniers de guerre, qui sur mes instances ont été retirés du Bagno des ésclaves et logés dans les sept tours; et je fais mon possible pour leur procurer du soulagament de même qu'aux soldats, qui au nombre, d'environs deux cent, se trouvent au dit Bagno. Messieurs les officiers sont un peu en disharmonie à cause du commandement; le lieut. colonel de Dutschef le pretend de droit et le major de Zoritz ne veut pas lui céder ce qui a occasioné des differentes querelles entre eux: je les exhorte à un bon comportement pour donner un bon exemple aux turcs et je ne sais comment ils s'arrangeront à la fin. Il y a quelque temps que le major de Zoritz m'a fait tenir la lettre, ci-jointe, pour Votre Excellence, et je saisis cet occasion pour la lui faire parvenir.

Mon interprete Trangopola m'a prié de recommander à Votre Excellence un nommé Dimitriaky, fils de Fotaky Postelnico, qui doit se trouver dans sa suite et, quoique je ne connais pas ce dernier, je n'ai pas voulu lui refuser cette faveur.

Au reste je suis charmé que cet évenement me fournit l'occasion de témoigner à Votre Excellence la haute estime que j'ai pour sa personne, la suppliant de croire que c'est, avec la considération la plus distinguée que j'ai l'honneur d'être de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur.

Zegelin

Ministre plenip. de S. M. le Roi de Prusse
auprès de la Porte Ottomanne.

Constantinople le 6 de Mars
1772.

№ 3.

Переводъ письма верховнаго визиря Муссинъ-Заде Махмедъ Паши фельдмаршалу графу Румянцеву.

Славный между князьями мессійскими, подпора великихъ людей христіанскихъ и россійскихъ императорскихъ войскъ фельдмаршалъ, почтенный и великолѣпный нашъ пріятель графъ Румянцевъ, да будетъ конецъ вашъ благъ и радостенъ.

При семъ о пріятной новости дружески васъ увѣдомляю, что находящійся въ С.-Петербургѣ посолъ Его Величества короля прусскаго, нашъ почтенный пріятель графъ Сольмсъ, прислалъ съ дозволенія своего двора курьера, который къ намъ прибылъ и котораго нужно было отправить къ послу его прусскаго величества, находящагося при блистательной Портѣ, нашему почтенному пріятелю Цегелину, котораго мы по назначенію и отправили. Нынѣ же, курьеръ этотъ прибылъ въ зимнюю квартиру императорскаго лагеря нашего, находящагося въ Шумлѣ и привезъ слѣдующее письмо отъ своего министра въ Константинополѣ: «Прусскій король желаетъ турецкой и россійской державамъ дружбы и благоденствія, равнымъ образомъ римскій императоръ питаетъ къ обѣимъ упомянутымъ державамъ тѣ же чувства, и ежели представится надобность, онъ готовъ прислать для начатія конференцій своего полномочнаго для переговоровъ о перемиріи и для достиженія этой цѣли великолѣпная, достойная величества и сильная россійская императрица согласилась, чтобы переговоры о перемиріи между враждующими сторонами открылись въ удобномъ для того мѣстѣ, со стороны обѣихъ державъ, и чтобы каждый изъ главнокомандующихъ арміями назначилъ по одному изъ своихъ уполномоченныхъ, для переговоровъ. Да приведутъ эти переговоры къ желаемому концу. Старайтесь же привести это дѣло къ легчайшему исходу съ искренностью, и увѣдомьте меня о мѣстѣ, какое будетъ назначено для

переговоровъ, и о томъ, кто будетъ опредѣленъ съ вашей стороны коммиссаромъ. Прусскій посолъ, на все вышеизложенное, получилъ наше согласіе. И такъ благодаря дружбѣ нашихъ пріятелей, да установится покой и благополучіе слугъ божіихъ, а министры, которые будутъ тому способствовать, заслужатъ честь и славу. Нынѣ украшеніе трона его императорскаго величества блистающій императоръ, приращеніе блистанія столичнаго города, великолѣпный императоръ, великій владѣтель, сіяющее солнце, мѣсяцъ, освѣщающій весь свѣтъ, самовластный монархъ, просвѣщеніе свѣта, великій султанъ, непоколебимый столбъ, сильный справедливостью, крѣпкое основаніе правой вѣры, путь справедливости между императорами и слуга двухъ святыхъ городовъ Мекки и Медины, великолѣпный, пышный, сильный, великій мой благодѣтель, славный александрійскій императоръ, мой государь, удостоилъ меня званіемъ полномочнаго, для окончанія сего благаго дѣла, которое нами обоими принимается съ охотою. Я надѣюсь, что и съ вашей дружеской стороны будетъ принято за благо, назначить одного вѣрнаго коммиссара, который отъ насъ уже назначенъ. О днѣ же и мѣстѣ встрѣчи обоихъ коммиссаровъ благоволите увѣдомить меня дружескимъ письмомъ вашимъ. Въ этихъ видахъ, я отправилъ къ вамъ настоящее письмо, съ моимъ курьеромъ. Ежели, Богъ дастъ, вы оное получите и вникните въ его содержаніе, то, надѣюсь, удостоите меня вскорѣ вашимъ дружескимъ отвѣтомъ, и да будетъ миръ надъ всѣми, кои подвластны Всевышнему. Писано святой луны Зилгедже 9-го дня 1185 года. Шумла (*).

(*) Сохраненъ переводъ въ томъ видѣ, какъ найденъ въ бумагахъ того времени, такъ какъ подлиннаго письма не оказалось.

Авторъ.

№ 4.

Réponse du maréchal comte Roumianzoff à M. Thugut, internonce et ministre plénipotentiaire de L.L. M. M. I.I. et R.R. à la Porte, en date Iassy le 13 (24) Mars.

Prévenu depuis quelques semaines des ordres qui Vous ont été envoyés de L.L. M.M. I.I et R. R. de proposer à la Porte un armistice et l'arrangement immediat d'un congrès; j'ai reçu avec une satisfaction particulière la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 6 de ce mois n. st. pour me faire part des dispositions de la Porte à donner les mains aux propositions que Vous lui avez faites, et qui ont été appuyées par le ministre de S. M. le roi de Prusse.

En Vous remerciant, Monsieur, de la peine que Vous avez bien voulu prendre de m'informer du désir de la Porte d'avancer autant qu'il est en son pouvoir, le prompt rétablissement de la paix, je ne saurais m'empécher de Vous tèmoigner ma sensibilité de compliment flateur que Vous avez bien voulu me faire à l'ouverture de notre correspondance, Vous assurant que je saisirai avec plaisir toutes les occasions pour Vous prouver l'éstime particulière que j'ai pour Vous.

Les ministres ottomans Vous ayant rémis un précis des conditions pour l'armistice, avec l'affection que les circonstances leur imposaient la necéssité absolue d'insister sur leur admission, comme les seules que la situation de leurs affairs leur permettait d'adopter, Vous agréerez que de mon côté j'accompagne ici un précis des conditions auxquelles je pourrais me prêter dans cette négociation, Vous assurant que je l'ai adopté à la situation où je me trouve avec l'armée confieé à mes ordres. Je ne doute pas, que ce précis, appuyé par les ministres des cours, aussi respectables et amies que la Votre et celle de Berlin, ne soit ad-

mis pour base de l'armistice à conclure. J'ai cru indisponsable de m'expliquer avec précision sur la navigation des Turcs dans la mer Noir à laquelle les chefs et les commandants des troupes ne sauraient veiller de si près, à fin de prévenir les abus qui pourraient s'y commettre par des gens sans aveu et autres, et qui pourraient aboutir à éloigner les parties belligérantes au-lieu de rapprocher le moment de leur reconciliation.

L'intervention de la garantie des deux cours amies, pour l'execution des conditions de l'armistice, telles qu'elles auront été fixées, est un point qui dépendra de la décision des parties interessées.

Les raisons, que la Porte allègue en faveur de sa demande de substituer Bukarest ou quelqu'autre endroit de la Valachie plus convenable qu'Ismail pour l'assemblée d'un congrès, ayant été transmises aux cours respectives à sa requisition, je ne doute point que Sa Majesté Imperiale et ma très Gracieuse Souveraine n'y passe toute l'attention qu'elles mériteront, qu'ainsi nous en attendrons la décision.

En attendant, ne pouvant pas m'imaginer que le ministère ottoman veuille se refuser aux conditions que j'ai proposées pour base de l'armistice, et qui tendent à avancer une reconciliation sincère et l'ouvrage salutaire de la Paix, je n'ai pas voulu manquer de Vous prevenir que je compte d'envoyer en qualité de commissaire, une personne avec le caractère de conseiller d'état, afin que la Porte pour l'observation d'une parfaite réciprocité et égalité puisse faire choix d'un commissaire d'un rang égal. L'endroit, où les deux commissaires pourraient se rencontrer, pourrait être entre Giurgewo et Ruszuq, sur l'ile, pour laquelle je ferai partir le commissaire charger de mon plein pouvoir, aussitôt que j'aurai appris que celui du Grand Vizir aura pris le même chemin.

Mais si la Porte ne veut pas entrer dans une négociation sans l'assurance préalable de la garantie des cours qui en ont été réquises, il me semble que nous aurons tout le loisir de convenir des points du précis sur lesquels roule la différence.

Il ne me reste qu'a former des voeux pour le succès imman-

quable de Vos offices, et à ajouter les assurances de la consi dération distinguée aves laquelle j'ai l'honneur d'être.

№ 5.

Réponse du Maréchal comte Roumianzoff à M-r de Zegelin, ministre plénipotentiaire de S. M. le Roi de Prusse prés la Porte Ottomanne en date Iassi le 13 (24) Mars 1772.

Par le courier que Vous avez renvoyé à Petersbourg, jai eu le plaisir de recevoir la lettre dont Vous m'avez honoré en date du 6 de ce mois nt st. et à laquelle était jointe la note qui explique la manière de laquelle la Porte désire, que l'affaire de l'armistice et de l'arrangement de l'assemblée d'un congrès, soit arrangée entre le Grand Vizir et moi, par des commissaires à nommer de part et d'autres.

Ce précis des conditions pour l'armistice, ayant été adopté à la situation des affaires de la Porte Ottomane, Vous permettrez que j'accompagne ici, de mon côté, un précis des conditions auxquelles je pourrais donner les mains dans les circonstances où je me trouve avec l'armée confiée à mes ordres. Je ne doute pas, que ces conditions appuyées par des ministres des cours aussi respectables et amies que la Votre et celle de Vienne, ne soient admises sans trop de difficulté pour base de l'armistice à conclure. J'ai cru nécéssaire de m'éxpliquer avec précision sur la navigation des Turcs dans la mer Noire, à laquelle les chefs commandants des troupes ne sont pas à portée de veiller de si près, à fin de prevenir les abus qui pourraient s'y commettre par des gens sans aveu et autres, et qui pourraient aboutir à éloigner les parties belligérantes aulieu de rapprocher le moment de leur renconciliation.

L'intervention de la garantie des deux cours amies, pour

l'exécution des conditions de l'armistice est un point qui dépendra de la décision des parties intéressées.

Les raisons, que la Porte allègue en faveur de sa demande, de substituer Bucarest ou quelque autre endroit de la Valachie plus convenable qu' Ismail pour l'assemblée d'un congrès, ayant été transmises aux cours respectives à sa réquisition, je ne doute point que Sa Majesté Imperiale, Ma très Gracieuse Souveraine, n'y fasse toute l'attention qn'elles mériteront qu'ainsi nous attendrons la décision.

En attendant, ne pouvant pas m'imaginer que le Ministère Ottoman veuille se refuser aux conditions que j'ai proposées pour base de l'armistice et qui tendent à avancer une reconciliation sincère et l'ouvrage salutaire de la paix, j'ai l'honneur de Vous prévenir que je compte d'envoyer en qualité de commissaire une personne avec le caractère de conseiller d'Etât, àfin que la Porte pour l'observation d'une parfaite réciprocité puisse faire choix d'un commissaire d'un rang égal. L'endroit où les deux commissaires pourraient se rencontrer pourrait être entre Giurgewo et Ruszuq sur l'isle, pour laquelle je ferai partir le commissaire chargé de mon pleinpouvoir, aussitôt que j'aurais appris que celui du Grand Vizir aura pris le même chemin. Mais si la Porte ne veut pas entrer dans une négociation sans l'assurance préalable de la garantie, des cours, qui employent leurs bons offices, il me semble que nous aurons tout le loisir de convenir des points du Précis sur lesquels roule la différence.

La Porte ayant donnée les ordres au Grand Vizir, et à tous les pachas, qui commandent le long du Danube, de laisser passer sans le moindre obstacle ni empechement tous les couriers qui seront expédiés de ma part, je viens d'ordonn er également á tous les chefs et commandants dans cette partie de laisser passer librement et sans difficulté tous les couriers, qui viendront de l'autre côté du Danube.

J'ai envoyé un courier exprès à Varsovie pour y porter l'incluse à S. M. le Roi, Votre très Gracieux Maître, laquelle sera remise par l'ambassadeur de ma cour au Ministre de la Votre, pour en soigner l'expedition ultérieure.

Je Vous dois, Monsieur des remerciments et des obligations particulières des soins que Vous avez bien voulu prendre en faveur de nos officiers prisonniers de guerre, pour les retirer du Bagno des esclaves, ainsi que du soulagement que Vous leur procurez, de même qu'aux soldats detenus au dit Bagno au nombre d'environ deux cents. Je Vous envois, avec cette dépèche un courier exprès que je charge en même temps de Vous remettre la somme de mille ducats, destinée à l'entretien et au soulagememt des dits prisoniers.

J'espère, que Vos exhortations aux offiiciers, qui se disputent le commandement n'auront pas été infructueuses, et je leur recommande de même de suivre Vos conseils comme d'un homme qui connait ce que c'est que la subordination dans le militaire.

Je suis bien aise d'avoir déjá prevenu Votre recommandation en faveur d'un nommé Dimitraky auquel j'ai déjà eu occasion de témoigner ma bonne volonté et l'envie de le servir.

En formant des voeux pour le succès le plus complet des offices que Vous employerez conjointement avec le Ministre de la cour de Vienne, il ne me reste qu'á ajouter les assurances de la considération distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être.

№ 6.

Копія съ письма отъ генерала-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному визирю Оттоманской Порты Муссинъ-Заде-Махмедъ-Пашѣ, отправленнаго изъ Яссъ отъ 13 марта 1772 г.

Чрезъ отправленнаго курьера отъ вашего сіятельства съ зимней вашей квартиры въ Шумлѣ, имѣлъ я честь получить всепочтеннѣйшее и дружеское ваше письмо, отъ 9 луны Зилкидже, въ которомъ благоугодно было меня увѣдомить, что блистательнѣйшая Порта снабдила васъ таковымъ же полномочіемъ, какое и я

получилъ отъ Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни, послать и уполномочить комисаровъ, которые бы съѣхались въ мѣсто, что я назначу между обѣими арміями, для переговоровъ и соглашеній о перемиріи между двумя воюющими державами, дабы потомъ уполномоченные отъ обѣихъ имперій могли тамъ собраться, гдѣ условлено будетъ, и войти въ трудъ о успокоеніи чистосердечномъ и постановленіи твердаго и полезнаго мира между обоими народами, вовлеченными въ несчастную и пагубную войну, которую обѣ державы искренно желаютъ покончить, прекращая тѣмъ дальнѣйшее пролитіе крови человѣческой, въ чемъ ихъ величество императоръ римскій и король прусскій воспріемлютъ участіе черезъ свое содѣйствіе.

Не медля возвращеніемъ вашего курьера съ моимъ отвѣтомъ, пользуюсь я симъ случаемъ подать вашему сіятельству удостовѣреніе въ моемъ почтеніи и дружествѣ, и засвидѣтельствовать тутъ же, колико я сорадуюсь приближенію благополучнаго времени, которое возстановитъ миръ, дружбу и доброе сосѣдство между обѣими имперіями.

Но какъ министры ихъ величествъ императора и короля прусскаго, пребывающіе при блистательной Портѣ, господа Тугутъ и Цегелинъ, сообщили мнѣ содержаніе договоровъ, которые блистательная Порта полагаетъ въ основаніе заключенному перемирію, то да будетъ за благо принято и вашимъ сіятельствомъ, что и я съ моей стороны прилагаю тутъ таковыя же предположенія, которыя въ содержаніи своемъ не различествуютъ отъ предъобъявленныхъ со стороны Порты. Мы удобнѣе можемъ въ нихъ согласиться, ежели бы только ваше сіятельство благоволили тутъ же ограничить плаваніе на Черномъ морѣ, такимъ образомъ, какъ изъясняется въ 4 артикулѣ моего предложенія; въ чемъ нахожу я тѣмъ ощутительнѣйшую необходимость, что злоупотребленія, коимъ можно произойти безъ сей предосторожности, могли бы подать причины къ раздору и неспокойствамъ и отклонить сердца, вмѣсто того, чтобы приближать имъ къ согласію. Свѣтъ собственнаго проницанія вашего сіятельства постигнетъ всеконечную необходимость сего мѣроположенія, и я не сомнѣваюсь, что ваше сіятельство, питая въ себѣ равныя моимъ чувства къ споспѣше-

ствованію столь спасительнаго дѣла, не утвердили оное своимъ благопризнаніемъ.

Я ожидать буду отъ вашего сіятельства отвѣта, чтобы отправить въ городъ Бухарестъ комисара ея императорскаго величества, статскаго совѣтника, который уже къ тому готовъ и снабженъ будетъ отъ меня полномочіемъ. Если благоугодно будетъ принять вашему сіятельству сіе назначаемое между обѣими арміями мѣсто, которое одно и есть, гдѣ комисары могутъ пребывать съ лучшею выгодою и найти все потребное къ содержанію своему, ибо нѣтъ иного удобнаго селенія, на сей сторонѣ Дуная, въ которомъ бы могъ мой комисаръ помѣститься съ своею свитою. Я поспѣшу сообщить паспортъ для вашего комисара и дать надлежащее повелѣніе о принятіи и препровожденіи онаго съ пристойными чину и достоинствамъ его почестями, какъ въ пріѣздъ такъ равно и при возвращеніи. Я согласенъ моего комисара послать и въ Журжу, если бы, ваше сіятельство, не нашли за благо къ тому Бухарестъ.

Я желаю всеусердно имѣть удовольствіе получить вскорѣ отъ вашего сіятельства отвѣтъ, чтобъ не умедлить опредѣленіемъ сего дѣла, которое долженствуетъ положить основаніе заключенію мира.

Отправляя обратно курьера въ Константинополь къ министру его величества короля прусскаго, отъ котораго онъ ко мнѣ былъ и присланъ, покорно прошу ваше сіятельство, дозволить ему туда поспѣшный проѣздъ, не отказавъ и въ помощи, потребной въ его безопасности и обезпеченіи въ предлежащемъ пути.

№ 7.

Содержаніе договоровъ, предложенныхъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ къ перемирію.

1) Срокъ перемирія можетъ быть продолженъ до 1-го іюня; но такъ какъ учрежденіе конгресса долженствуетъ быть главною цѣлью удержаній непріязненныхъ дѣйствій, то генералъ-фельдмаршалъ не откажется отстрочить сей терминъ на все время продолженія конгресса. Если же, противу всякаго ожиданія (отъ чего да сохранитъ Богъ), мирные договоры были бы прерваны, то не можетъ онъ согласиться на отсрочку возобновленія дѣйствія военныхъ еще на три мѣсяца, считая отъ дня, въ который конгрессъ разорванъ будетъ, а предоставляетъ возстановленіе о томъ, какъ новое и необыкновенное въ своемъ родѣ, рѣшенію двора своего.

2) Положеніе армій съ обѣихъ сторонъ на все время перемирія должно быть тоже самое, которое нынѣ. Большое или главное теченіе Дуная будетъ, во время перемирія, признано и постановлено линіею раздѣленія между арміями обѣихъ сторонъ собранными; въ провинціяхъ при упомянутой рѣкѣ и на обоихъ берегахъ сей рѣки не производить вновь никакихъ укрѣпленій и не возобновлять разоренныхъ въ концѣ минувшей кампаніи городовъ и крѣпостей, а именно: Бабадага, Тульчи, Исакчи, Мачина и Гирсова.

3) Генералъ-фельдмаршалъ выговариваетъ для себя свободу и безопасность послать курьера изъ мѣста собранія комисаровъ прямо черезъ Константинополь въ Архипелагъ, съ увѣдомленіемъ главнокомандующаго морскими и сухопутными силами о заключеніи перемирія, дабы онъ, съ своей стороны, на тамошнихъ водахъ могъ равное и особое постановленіе сдѣлать.

4) Перемиріе простирается до всего Крыма и до Чернаго моря, такъ что ни какое вооруженное судно не можетъ выйти изъ Чернаго моря въ устье Дуная и ниже ходить, вдоль по берегамъ Бессарабіи къ устью Днѣстра; равнымъ образомъ, да не показываются суда турецкія, какого бы они званія ни были, при берегахъ и пристаняхъ крымскихъ. Суда, которыя находятся дѣйствительно теперь въ Дунаѣ, могутъ ходить свободно вдоль по сей рѣкѣ.

5) Равнымъ образомъ, будетъ сдѣлано соглашеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Азіи со стороны Грузіи и проч., дабы, по полученіи взаимныхъ увѣдомленій о перемиріи, всѣ земли, крѣпости и другія мѣста остались спокойно въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ они тогда находиться будутъ, дабы симъ способомъ вдругъ прекратить непріятельское дѣйствіе.

№ 8.

Копія съ письма генералъ-фельдмаршала Румянцева къ верховному визирю Оттоманской Порты Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Пашѣ отъ 30 марта 1772 года.

Нарочный курьеръ, котораго вашему сіятельству угодно было отправить ко мнѣ изъ своей зимней квартиры въ Шумлѣ, исправно вручилъ мнѣ вашъ всепочтенный и дружескій отвѣтъ, на письмо, которое имѣлъ я честь препроводить черезъ возвращавшагося отсюда вашего чегодаря.

Поспѣшая отправленіемъ сего, приношу я вашему сіятельству, мое благодареніе, находя въ семъ отвѣтѣ вашемъ выраженія, которыя приготовляютъ успѣхъ, желаемый въ дѣлѣ, намъ препорученномъ.

Ваше сіятельство, къ удовольствію моему, отдаете справедливость чувствамъ естественнымъ, которыя изъ человѣколюбія объявлялъ я вашимъ предмѣстникамъ и которыя движимы были единственнымъ желаніемъ предупредить дальнѣйшее кровопролитіе, не

избѣжное, какъ слѣдствія и показали, продолженіе войны между двумя сильными государствами.

Обстоятельства тогдашнія не споспѣшествовали моему безпристрастному посредствованію; но предосталось министерству вашему содѣйствовать столь полезному дѣлу примиренія двухъ державъ, коихъ естественныя пользы, кажется, обязуютъ сохранять доброе согласіе, умножая тѣснѣйшій союзъ между обоими сосѣдственными народами.

Не менѣе пріятно мнѣ было удостовѣриться, что содержанія договоровъ, сообщенныхъ отъ меня вашему сіятельству, которыя почиталъ я необходимыми положить въ основаніе между обѣими непріятельскими арміями перемирія — пріобрѣли ваше благоволеніе, и что уполномоченный отъ вашего сіятельства, для переговоровъ съ тѣмъ, кто отъ меня отправленъ, будетъ наставленъ всемѣрно и со дружескимъ уваженіемъ учредить удержаніе непріятельскихъ дѣйствій на такомъ постановленіи, которое предупреждало бы всякое слѣдствіе, что могло бы дать поводъ къ злоупотребленіямъ, къ раздорамъ отъ недоразумѣнія и къ непріятнымъ толкованіямъ.

Министры дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, находящіеся при блистательной Портѣ, сообщили мнѣ, по искательству, какъ объявляютъ, министерства Оттоманскаго, содержаніе трехъ артикуловъ, которые блистательная Порта приличными сочла положить въ основаніе къ соглашенію на перемиріе, не изъясняясь, однако же, чтобы сіи артикулы соглашены были между ими и блистательной Порты министрами, отъ имени дворовъ своихъ. Обстоятельство сіе не было бы согласно съ полномочіемъ, которымъ всепресвѣтлѣйшіе государи удостоили насъ, яко главнокомандующихъ ихъ армій и единственно прямыхъ судей всему тому, что служитъ къ утвержденію взаимной безопасности въ положеніи, въ каковомъ мы находимся на твердой землѣ и на морѣ.

Уполномоченный, что отъ меня отправленъ будетъ въ Журжу мѣсто, которое ваше сіятельство предъизбрали (предпочли) предъ Бухарестомъ, для переговоровъ, не упуститъ, поколику обстоятельства и положеніе дѣлъ дозволятъ согласить разумъ обоихъ предложеній, которыя въ основаніи между собою не различествуютъ;

я надѣюсь что обѣ стороны, пріемля все, что справедливо и основательно, окончатъ вскорѣ свое дѣло, ко взаимному удовольствію договаривающихся.

Сему же, отъ меня, уполномоченному, который на сихъ дняхъ отправится, порученъ будетъ паспортъ, для почтеннаго Гозе высокаго императорскаго дивана, Абдулъ-Керима-Эфендія, президента камеры реестровъ конной милиціи, назначеннаго въ качествѣ комисара отъ стороны вашего сіятельства и оный доставить ему въ Рущукъ, давая знать вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ пріѣздѣ.

Оба уполномоченные могутъ непосредственно согласиться между собою, какъ о времени своего собранія, такъ и о соблюденіи обрядовъ, которые употребляются въ подобныхъ случаяхъ между державами европейскими; всѣ же другія церемоніальныя мелочи мнятся быть несходственными такому мѣсту, каково сіе избранное, хотя въ другихъ случаяхъ они и употребительны между обѣими державами, но если бы и сіе было необходимо, то комисаръ мой не откажется наблюдать точность совершеннаго и взаимнаго равенства.

№ 9.

Copie de la lettre de Monsieur Thuguth, ministre de la cour de Vienne près de la Porte, au maréchal comte Roumianzoff du 11 d'Avril, 1772.

J'ai reçu le sept au soir la lettre, que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'adresser le $^{13}/_{24}$ du mois passé, ainsi que le précis qui y était joint. Saisissant avec plaisir toute occasion, qui s'offre á mon zèle pour le prompt avancement de l'ouvrage salutaire de la paix, je n'ai pas differé d'agir auprès de la Porte de concert avec le ministre de Sa Majesté Prussienne, et c'est d'après une conférence, que nous eûmes avec les ministres de Sa

Hautesse, que j'ai l'honneur de Vous informer, Monsieur, que la Porte dans la résolution sincère d'apporter toutes les facilités désirables pour rapprocher l'heureux moment d'une réconciliation finale est disposée à adopter en entier l'esprit du précis, que Votre Excellence propose pour l'armistice, à l'exception du seul article, qui en regarde la durée. Mais plus la Porte croit donner une preuve évidente de la droiture de ses intentions par sa promptitude à acceder à toutes les autres conditions, plus elle se plait à attendre de l'equité de sa majesté l'Impératrice de toutes les Russies l'acquescement à la demande qu'elle persiste à faire d'une terme de trois mois pour la suspension ultérieure de toute hostilité dans le cas malheureux où l'issue du congrès tromperait les voeux communs.

Le Grand-Vizir vient être chargé en conséquence de Vous exposer, Monsieur, dans la plus grande franchise le détail des raisons qui obligent la Porte à ne pas se départir de ce point et dont la principale est la considération de l'état désordonné de ses troupes qu'on prévoit avec une certitude fondé sur l'experience du passé, devoir se débander entiérement aux bruits d'une paix prochaine, que la tenue d'un congrès repandra parmi elles. Un tel accident ne peut manquer de présenter cet empire à la fin du congrès dans une situation d'impossibilité physique d'une défense quelconque. La magnanimité des sentiments de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies est à la verité trop connue à la Porte pour qu'Elle appréhende qu'on veuillent jamais abuser de la faiblesse d'une telle position, et les ministres Ottomans se livreraient sans resèrve à toute leur confiance s'ils voyaient quelque moyen de disculper en façon qulconque aux yeux de leur maître et de toutes les nations un oubli total de toute mesure de prévoyance et de sureté.

Un autre motif allegué par la Porte en faveur de sa proposition est le grand éloignement des différents endroits du théatre le la guerre qui paraît exiger indispensablement un intervalle de temps raisonable pour prevenir les commandants respectifs de l'issue des negociations du congrès. La Porte est persuadée que cette reflexion doit interesser également les deux parties bellige-

rantes et nommement les forces navales de Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies dans les mers du Levant.

Je ne doute pas, Monsieur, que Votre Excellence n'apprecie tout le poids de ces arguments; il ne peut pas échapper à Vos lumières, combien surtout en egard à la façon de penser de cette nation, il semble essentiel pour le succès ulterieur des negotiations futures de lui inspirer d'abord dans le commencement une confiance avantageuse par une difference facile aux demandes qui offrent l'apparence de la justice.

Il parait donc fort à souhaiter que les representations efficaces de Votre Excellence puissent provoquer au plutôt de la part de Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies une décision favorable sur cet article. Les voeux que je fais à ce sujet sont d'autant plus sincères que je ne dois pas Vous cacher, Monsieur, mes justes craintes qu'un refus total d'une demande, sur laquelle la Porte croit avoir tant de motifs d'insister, ne fasse naître de très grandes difficultés, ou au moins une perte de temps considérable dans la conclusion d'un arrangement aussi désirable que celui de l'armistice.

J'espère, Monsieur, que dans ce que j'ai eu l'honneur de mettre ici sous Vos yeux, Vous reconnaîtrez aisement l'empressement du zèle qui m'anime pour l'heureux achéminement du grand ouvrage de la pacification. Je ne negligerai certainement aucune occasion de le manifester de plus en plus par les efforts les plus constants et qui justifient les sentiments, que Vous voulez bien me témoigner dans Votre lettre et qui ne sauraient qu'être pour moi du prix le plus flatteur.

Je ne m'etends pas sur l'envoi d'Abdul-Kerim-Efendi parceque non seulement V. E. se trouve déjà prevenue par le Grand-Vizir lui même de ce qui est relatif à la destination de ce commissaire, mais que je compte encore qu'avant l'arrivée de ma lettre, les conférences entre cet Efendi et le commissaire nommé de Votre part, pourront avoir pris leur commencement.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération.

№ 10.

Copie de la lettre de M-r Zegelin ministre Prussien à Constantinople, au maréchal comte de Roumianzoff du 12 d'Avril.

Le courier m'a remis le 7 de ce mois la lettre que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 14 (25) mars avec le précis des conditions pour l'armistice et deux apostilles de même que les milles ducats, pour l'entretien des officiers et soldats, prisoniers de guerre, qui sont ici, tant aux sept tours qu'au Bagno, dont j'aurai soin de tenir compt dans son temps; cependant pour l'avenir, il sera superflu, que Votre Excellence se donne la peine de m'en envoyer, puisque je trouve ici tout ce qu'il me faut pour cet effet.

En conséquence du contenu de la lettre et du précis des conditions de Votre Excellence, j'ai eu avec le ministre de la cour de Vienne, la nuit d'hier, une conférence avec le Reis éfféndi et Osman éfféndi, qui nous ont communiqué la lettre, que Votre Excellence à écrit au grand Visir, et la réponse que ce dernier lui a fait partir. Abdul-Kerin-éfféndi, (dont la charge est Souvari-Moukabeledgi au chef d'une chancellerie dans le corps de la cavalerie de l'armée ottomane) pour Giurgewo d'où il se rendrait, selon le désir de Votre Excellence, à Boukarest pour traiter de l'armistice avec le comissaire qui s'y rendra également de sa part.

Sur le premier article du précis, le ministre Ottoman nous a fait observer que le terme de trois mois, après que le congrès aura été dissoût infructueusément pour recommencer les opérations militaires, n'était pas tout à fait en usité, même parmi les puissances chrétiènnes, et ils nous ont cité un exemple entre le Dannemarck et la Suède dans ce même genre de l'année 1644.

Ensuite, ils nous firent connaître, que le terme jusqu'au premier du juin était extrémement court, jusqu'à peine pourrait on faire parvenir la nouvelle jusqu'en Georgie et même les ministres plénipotentiaires n'auraient pas le temps de se rendre au lieu du congrès vers ce temps de manière, qu'ils esperaient, que Votre Excellence donnerait les mains à reculer le terme de l'armistice dès à présent pour ne pas tomber dans l'inconvenient à le prolonger avant l'ouverture du congrès, les dits ministres de la Porte nous ont prié en même temps, d'appuyer par nos bons offices auprès Votre Excellence ces observations.

Le second article a été entiérement approuvé.

Sur le troisième, ils nous ont fait connaître que s'il etait possible, que les deux commissaires pouvaient en même temps arranger aussi l'armistice par mer, en stipulant d'abord les limites de la flotte Russienne et que Votre Excellence ensuite l'expedié à l'amiral qui commande la flotte, cela abregerait beaucoup cette affaire; sur quoi nous leur avons fait observer, que nous ne savions pas, si Votre Excellence eut un plein pouvoir pour arranger l'armistice par mer, ou si cela se devait traiter immédiatement avec l'amiral qui commande la flotte, comme il nous paraissait probable.

Les ministres de la Porte nous firent connaître sur cette observation de prier Votre Excellence (qu'en cas que l'armistice par mer devait se traiter immédiatemint aves l'amiral, après que celui par terre aurait été reglé) d'écrire au dit amiral et lui récommender d'apporter toutes les facilités possibles, pour accélerer convenablement cette affaire, et le courier que Votre Excellence expédierait pour cet effet pour l'archipel, aurait toute liberté et sureté de passer et repasser par Constantinople.

Sur le quatrième article ils ont été d'accord, à l'exception que la Porte puisse envoyer par la mer Noire des provisions necéssaires pour la ville d'Oczakow, sans aucun empechement.

Le cinquième et dernier article a été agrée comme une suite naturelle de l'armistice.

Les ministres de la Porte n'ont pas fait mention pour cette fois de la garantie de l'armistice de ma cour et de celle de

Vienne. Je leur avais deja fait sentir des lors, que la proposition était hors de sa place, que je n'avais jamais vu d'exemple qu'un armistice avait besoin de la garantie de deux puissances respectables, mais je n'ai pas pû empêcher la demande.

Il faut connaître l'esprit de méfiance et le génie de la nation avec laquelle nous avons à traiter, et ont peut excuser bien des choses à elle, dont on serait en droit de s'offenser, si elles nous venaient d'une nation plus eclairée, et j'espère que Votre Excellence, en réflechissant un moment sur ces circonstances, s'appaisera facilement sur les soupçons, que cette singulière proposition lui a fait naître.

J'ai bien de graces à rendre à Votre Excellence de ce qu'elle a bien voulu expedier mon incluse au Roi mon très gracieux maître et j'oserais prier la même faveur, pour celle que j'ai l'honneur de joindre ici, l'orsqu'elle aura une occasion pour Varsovie. Selon mes dernières nouvelles du lieutenant-colonel de Tutscheff de sept tours, la tranquilité parmis les officiers parait être sur un bon pied, et j'espère que la lettre que j'ai eu occasion de lui écrire hier, de même qu'au major Soritz, facilitera en quelque manière la prolongation de cette bonne harmonie.

Le M-r Bourguignon, officier malthois, qui se trouve prisonnier au Bagno, se donne beaucoup de peines pour soulager les soldats; je lui ai donné, faute d'officier présent, la direction sur tous ces gens, afin d'y maintenir le bon ordre avec l'assistance des bas officiers qui s'y trouvent. Le chef de l'arsenal a agréé cet arrangement et depuis ce temps les desordres y ont cessés; aussi le dit Bourguignon m'a fait tenir, il y a quelques jours, une liste de tous les prisonniers qui sont ici, laquelle je joins ici.

Ayant fait connaître au Reis éffendi et à Osman éffendi, en particulier, que Votre Excellence, par un mouvement de générosité, avait donné la liberté à deux officiers turcs, que le courier avait remis au Grand Vizir; ces messieurs en ont parlé au Grand Seigneur, qui la-dessus a donné la liberté au major Willianof et me l'a fait remettre ce matin, après qu'on m'a fait sonder auparavant lequel des officiers prisonniers me conviendrait le mieux, et connaissant l'un aussi peu que l'autre, mon choix est tombé

sur celui ci, qu'aura l'honneur de se présenter lui même à Votre Excellence, n'ayant rien de plus pressé à faire que de le laisser partir avec ce courier. Aussitot que le congrès sera arrangé et que les ministres plénipotentiaires doivent partir d'ici, je ferai mon possible pour délivrer les autres aussi et les renvoyer á Iassy.

P. S. Quoique les ministres de la Porte dans la conférence ont insisté sur le terme de trois mois à accorder, après que le congrès aurait été dissout infructueusement et qu'ils m'ont prié conjointement avec le ministre de Vienne, d'appuyer leur demande auprès Votre Excellence, j'ignore pourtant quelles instructions le Grand Vizir a donné á Abdul-Kerim-éffendi sur cet article. Cepandant, pour autant que je puis juger des sentiments de la Porte, il me semble qu'elle a pris son parti de conclure l'armistice; pourvu que le terme en soit dès aprésent reculé plus loin, afin que les ministres plénipotentiaires puissent au moins se rendre au lieu du congrés, avant que ce terme soit expiré, et qu' ensuite on peut le prolonger selon les circonstances, dans lesquelles la negociation se trouvera.

Je dois encore avertir Votre Excellence, que comme le dit Abdul-Kerim-éffendi a été choisi par le Grand Vizir pour son commissaire et expédié immediatement après à Giurgewo, il ne peut pas être regardé comme un confident d'Osman éffendi, circonstance de laquelle je la supplie d'en donner connaissance aussitôt que possible, à Monsieur de Simolin, ou à celui, qui sera le commissaire, pour arranger l'armistice.

№ 11.

Переводъ письма верховнаго визиря графу Румянцеву.

Пріѣхавши сюда, нѣсколько дней тому назадъ, курьеръ вашего сіятельства, котораго вы отправили въ Константинополь, къ господину резиденту его величества короля прусскаго, только что къ намъ возвратился благополучно и немедленно отправляется къ вашему сіятельству со всѣми письмами, которыя онъ везетъ оттуда. Въ видахъ изъявленія вашему сіятельству почтенія и дружбы, приличныхъ вашему высокому званію, пользуюсь я отправленіемъ этого курьера, чтобы пожелать вамъ добраго здоровья. По возвращеніи означеннаго курьера, которое необходимо для доставленія намъ отвѣтныхъ писемъ, я могу увѣрить ваше сіятельство, что при уваженіи и дружбѣ, которыя чувствую къ вашей особѣ, всѣ посланные отъ васъ ко мнѣ также будутъ возвращаемы вамъ со всѣми почестями и обходительностію съ нашей стороны. Такимъ образомъ, ваше сіятельство убѣдитесь въ искренней и сердечной дружбѣ съ моей стороны и, равнымъ образомъ, сдѣлаете всевозможное, чтобы скрѣпить на вѣчныя времена устанавливающееся между нами согласіе.

№ 12.

Traduction de la lettre du Grand Vizir au maréchal comte de Roumianzoff.

Les hostilités passées entre ses deux empires—l'Empire Ottoman et l'Empire Russe, étant par les soins de l'Empéreur des Romains et du roi de Prusse tournées en harmonie et amitié sincère, comme un achéminement au congrès pour l'armistice, nous suivant la pleine autorité et plein pouvoir, que nous avons reçu, moi de la part de mon Souverain, le très haut, le très puissant l'illuminé de Dieu, le trés miséricordieux, la cause de mon être, l'Empéreur; et Votre Excellence de la part de la magnifique et majestueuse, Votre Souveraine l'Impératrice, nous envoyant de notre part le choza du haut Divan, teneur des comptes de la milice à cheval, l'Abdul-Kerim éféndi, et de votre part le conciller intime jean Simolin, lesquels s'étant rassemblés à Giurgevo, lieu de leurs conférences, et ayant commencé leurs conférences au sujet du susdit armistice; justement qu'on croyait l'affaire finie et qu'ils devaient déjà recevoir réciproquement les instruments nécessaires; le m-r Simolin montra un nouvel écrit, contenant six nouveaux articles, different des autres, proposés précédament, et ajoutant quelques paroles et termes, disant, que cela est venu de Votre Souveraine l'Impératrice, et que c'est son ordre impérial. De cette façon l'affaire de l'armistice était déja terminée, Votre plenipotentiaire a voulu le diferer sans raison. Les articles du susdit écrit sont: «du coté droit du Danube, c'est à dire Hirsova, Matchin, Isaktscha, Tultscha et Babadach, étant sur le point d'être evacué par les troupes russes; les troupes ottomans ne pourront y entrer, ni prendre aucune possession dans ces lieux, pendant tout le temps de l'armistice. Que le batiment de guerre et

autres batiments ottomans qui viennent de Constantinople et d'autre part de l'Asie dans la mer Noire ne puissent pas passer, ni approcher d'aucune manière, ni vers les bords de la mer, ni loin en pleine mer dans toutes les parties possédées par les Russes; mais pour toute sureté ils peuvent aller et venir sans aucun empéchement et incomodité dans le premier parti du Danube. Que pareillement les vaissaux de guerre et autres vaissaux russes, sortant de leur port ne passent pas vers les endroits possedés par l'Empire Ottoman ni loin en pleine mer, ni par les côtes, mais seulement par les côtes possedées par eux avec un éloignement convenable, ils pourront aller au premier port de la rive gauche du Danube et qu'ils peuvent aller à leurs endroits destinés sans aucun empéchement et incomodité. Que si par hasard, dans leur navigation les vaissaux de guerre et autres vaissaux de deux Empires se rencontrent en pleine mer, par cause de mauvais temps, ils tacheront de laisser leurs chemins, pour ne pas se rencontrer et s'approcher entre eux, ils ne pourront pas tenter la moindre hostilité, ni de s'offenser entre eux, ils tacheront seulement de s'éloigner les uns des autres, autant qu'il leurs sera possible. Que les batiments, qui doivent transporter de la Porte les vivres necéssaires pour la milice et les habitants d'Oczakow, ne soient pas chargés d'armes et autre munition de guerre, que ces transports doivent se faire seulement autant qu'il sera possible sur des vaissaux marchands, et qui ne pourront pas aborder sur les côtes possedées par les Russes, et que si dans leur trajet ils rencontrent des vaissaux russes ils doivent agir, suivant le précedent article. Que cet armistice doit être observer en Walachie, Moldavie, Bessarabie, Crimé, Culan, Mer Noire, ses côtes et autres lieux, appartenant au deux Empires sans exeption de quelque que soit; et que cet armistice doit être continué jusqu'au 1 du Juin de cette année.

Voici cet écrit et les écritures qu'il doit necéssairement occasioner aux deux plénipotentiaires est la cause du retardement. Aprésent, que notre Empire Ottoman a accepté l'armistice, parce que ses amis l'ont trouvé convenable et qu'on ne verse plus de sang, par ce qu on trouva que c'était ruineux de part et d'autre,

mais surtout considérant l'harmonie et l'amitié cordiale et sincère qui existait depuis tant d'années entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman; au point que tous les princes de l'Europe en étaient jaloux, les puissances qui arrengèrent la trêve, la trouvant juste, seront etonnées de ne pas la voir terminer et de voir recommencer les hostilités.

Votre Excellence ayant témoigné toute la sincérité et promptitude possible pour une affaire aussi salutaire, moi de mon côté, desirant de me procurer la misericorde divine en travaillant au bien commun des créatures de Dieu, sujets des deux Empires. J'ai cooperé avec elle et j'ai marqué precédement à mon Souverain la sincère et vraie volonté de Votre Excellence au sujet de la trêve en lui écrivant aussi, que par le consentement des puissances médiatrices, la trêve consistante en 3 articles, va être terminée dans peu, et que Votre Excellence a proposé encore un article, et son plénipotentiaire I. Simolin encor un autre, lesquels ont été aussi acceptés par nous et recommandé à notre plénipotentiaire pour, qu'entrant dans les conférences, il mette ses articles sur la liste des autres trois. Par conséquant si j'envoyais aprésent à mon souverain à Constantinople le dernier écrit, comme venant de l'Impératrice Votre Souveraine le voyant tout différent de ce que je lui avais envoyé précédament, il serait très surprie. D'un autre côté il n'est pas douteux que les paroles de Votre plenipotentiaire ne soient celles de Votre Excellence et celles de V. E, ne soient celles de l'Impératrice Votre Souveraine. Votre Excellence ayant plein pouvoir et pleine autorité comme elle me l'a marqué elle même en m'écrivant: «j'ai plein pouvoir de ma Souveraine et mon plenipotentiaire fera ce que je lui ordonerai». Comment donc, si pendant la guerre même, les vaisseaux russes n'eurent jamais de communication et de navigation sur la mer Noir, aprésent que les plénipotentiaires ne doivent penser qu'a la réunion des deux Empires, à la pacification générale, à la terminaison de la trêve, pour avancer le congrès, il ne convient pas de proposer et d'avancer des choses qui n'on jamais été faites pendant la guerre, c'est-à-dire, faire paraître des vaisseaux de guerre russes sur la mer

Noir, limiter la navigation des vaisseaux ottomans comme si ces contrées etaient déjá perdues pour notre Empire? Que le transport des vivres se fasse comme il se peut et non suivant la necéssité, enfin de telles ou pareilles expressions? Et surtout que si dans l'espace de 3 mois de trêve, la paix desirée (de quoi nous préserve le bon Dieu) ne puisse s'accomplir, on ne dit plus mot de la prolongation le la trêve dans cet écrit, seulement il est dit, que du 1 Juin le congrès se dissipera. Ses sens subtils et ses pensées secretes, outre qu'elles font naître différentes considérations, mais une condition á peine accordée, ou article convenu aujourd'hui, demain cela est changé; tout ceci affaibli les affaires. Deux puissances confirment et puis ont les nie. Demander les articles qui sont ni bien, ni mal. Toutes ces choses n'apportent d'autres fruits que prolongation de l'affaire salutaire, et je me flatte, conaissant la sincère et profonde amitié de V. E., qu'elle ne le trouvera pas convenable. En attendant, il reste déja peu de temps jusqu'au mois de Juin et comme il faut 15 jour por vous envoyer cette lettre et recevoir la reponse, il nous reste très peu de temps, et comme vers la fin de l'armistice les plénipotentiaires arriveront au congrès, il ne faut plus perdre de temps par des propositions difficiles pour la trêve, comme ceux de son commissaire faites au nom de l'Impératrice. J'espère que Votre Excellence n'approuvera pas variation de proposition nouvelle: aujourd'hui une, demain une autre; mais que sachant les règles observées parmi les puissances, elle sera contente à anuller l'écrit mentionné et qu'elle ordonnera à son commissaire de prendre et de rendre les écrits, qui conviennent pour la trêve.

№ 13.

Копія съ письма генералъ-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному визирю Муссинъ-Заде Мехмедъ Пашѣ, отъ 10 мая 1772 года. с. ст.

Получивъ всепочтеннѣйшее вашего сіятельства письмо съ симъ вашимъ нарочнымъ курьеромъ, имѣю удовольствіе видѣть въ немъ подтвержденіе искренности вашей, благожелательство и признательность благосклоннѣйшую къ равному ко мнѣ усердію, со стороны должности, которую обязываетъ насъ польза обоихъ народовъ и довѣренность нашихъ государей. Съ другой стороны, когда ваше сіятельство приписываете медленность въ заключеніи переговоровъ перемирія чиненнымъ перемѣнамъ отъ моего комисара въ своихъ предложеніяхъ,—то сіе требуетъ, чтобы я вашему сіятельству учинилъ здѣсь справедливое увѣреніе о противномъ тому. Сначала и втеченіи договоровъ комисарскихъ, предложенные съ нашей стороны артикулы къ перемирію нисколько не измѣнились, но основаны всѣ на томъ же непремѣнномъ началѣ, котораго ваше сіятельство и вашъ комисаръ не отрицали.

Начертаніе конвенціи, которое предъявилъ мой комисаръ, получилъ онъ отъ меня, поелику всемилостивѣйшая государыня моя, уполномочивъ меня однажды высочайшимъ своимъ повелѣніемъ по постановленію перемирія, представила все, къ тому относящееся, собственному моему распоряженію.

Вслѣдствіе того и считалъ я пристойнымъ, чтобы актъ перемирія написанъ былъ порядкомъ, такимъ дѣламъ свойственнымъ; поелику полюбовные договоры между комисарами обыкновенно съ тѣмъ учреждаются, чтобы предлагаемую матерію пополнить и объяснить во всѣхъ ея частяхъ наиточнѣйшимъ образомъ. Кромѣ сего единаго изъясненія и по мнѣнію моему нужнаго, ничего та-

кого не содержитъ въ себѣ послѣдній проэктъ, что бы дало причину признать что либо новое въ нашихъ, якобы всечасно отмѣняемыхъ предложеніяхъ, которыя, напротивъ того, въ своемъ существѣ и силѣ остаются одинаковы и гласятъ, во всякомъ случаѣ, о равной съ обѣихъ сторонъ взаимности, которая всегда принимается за основаніе неоспоримаго благонамѣренія и искренности.

За 8 дней до сего, далъ я резолюцію своему комисару расположить артикулъ о Черномъ морѣ и о плаваніи на ономъ согласно требованію вашего комисара; ибо не можетъ вамъ быть неизвѣстно, что съ прошедшаго уже лѣта суда наши въ Черномъ морѣ не только ходили, но имѣемъ мы черезъ нихъ взятыя на тѣхъ водахъ суда и людей вашихъ. Я апробовалъ и другія перемѣны, которыя также, къ удовольствію вашего коммиссара, были сдѣланы моимъ. Хотя между нами былъ опредѣленъ срокъ перемирія до 1 іюня, въ томъ упованіи, что послы съ обѣихъ сторонъ могутъ съѣхаться до истеченія означеннаго срока и имѣть время постановить между собою дальнѣйшее соглашеніе, для возстановленія мира, но такъ какъ, за дальностью пути, нашимъ уполномоченнымъ нельзя пріѣхать въ мою главную квартиру прежде исхода мая, то велѣлъ я своему комисару продолжить срокъ перемирія до начатія конгресса и доколѣ онъ будетъ продолжаться.

Безъ сомнѣнія, мой комисаръ учинилъ уже извѣстнымъ вашему комисару, послѣ чего остается имъ только руки свои приложить къ инструменту, на который въ прочихъ артикулахъ былъ уже согласенъ вашъ комисаръ. Но если что нибудь, чего я не вижу и не понимаю, могло бы и за симъ приводить васъ въ сомнѣніе о нашихъ предложеніяхъ, вопреки тому чистосердечному во мнѣ усердію, съ каковымъ я стараюсь привести къ желаемому концу дѣло, на насъ возложенное, не представляя въ томъ ничего болѣе, кромѣ выгодъ равнаго взаимства на обѣ стороны, на коихъ основаны всѣ пункты конвенціи. Въ такомъ случаѣ, въ удостовѣреніе, что я всю власть имѣю отъ всеавгустѣйшей моей императрицы располагать перемиріемъ, велѣлъ я своему комисару, если вамъ то непремѣнно надобно, заключить перемиріе на тѣхъ прежнихъ пунктахъ, которые согласились было подписать въ 22-й день апрѣля оба наши комисара.

Я ожидаю отъ вашего совершеннаго благонамѣренія и отъ таковаго же просвѣщенія, что ваше сіятельство, съ своей стороны, отдалите всякое препятствіе противъ споспѣшествованія дѣла и въ ономъ пользы обоихъ народовъ, равно какъ я, въ полномъ чистосердечіи и всѣми образами къ тому себя употреблялъ. Изготовивъ сей мой отвѣтъ, получаю послѣднее письмо вашего сіятельства, которымъ увѣдомили меня о принятомъ попеченіи о препровожденіи моего курьера въ Архипелагъ къ его сіятельству господину генералъ-аншефу и кавалеру графу Орлову, командующему тамъ русскими войсками. Я не могу упустить, чтобы не принести здѣсь вашему сіятельству моего искренняго благодаренія за столь усердное ваше стараніе на взаимную пользу.

Со всего вышедонесеннаго мною и со всѣхъ поступковъ, которые являлъ я, доброжелательствуя добру общему, и почитая дружбу вашу, удостовѣрьтесь ваше сіятельство, что я ни мысли, ни видовъ, кромѣ сихъ единыхъ, не знаю, ища постоянно совершить условія, расположенныя равносильно къ взаимной пользѣ, и пребывая въ таковомъ случаѣ съ чистосердечіемъ и искренностію непоколебимыми.

№ 14.

Милостивый Государь мой, графъ Алексѣй Григорьевичъ!

Испросивши позволенія отъ верховнаго Порты Оттоманской визиря Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Паши, командующаго нынѣ турецкою арміею, на свободный и безпечный проѣздъ къ вамъ въ Архипелагъ черезъ Константинополь, вручителю сего, Новотроицкаго кирасирскаго полка, господину поручику Кумани, долгъ имѣю увѣдомить ваше сіятельство, что Ея Императорское Величество благоволила, по учиненнымъ отзывамъ отъ Порты Оттоманской, въ расположеніи прекращеній продолжающейся войны, уполномочить меня къ трактованію и постановленію временнаго перемирія между дву-

мя воюющими арміями, распространяя оное во удержаніе военныхъ дѣйствій на весь Крымъ и Черное море, съ условіемъ при томъ, остановить обоюдныя непріязненныя дѣйствія въ Азіи со стороны Грузіи, дабы, между тѣмъ, мирный конгрессъ, по общему о томъ согласію, мѣсто свое могъ возымѣть, и мирная на оном негоціація съ тѣмъ большею свободою, въ совершенной тишинѣ, а не подъ звукомъ оружія, теченіе имѣть могла, къ скорѣйшему, по взаимному согласію, прекращенію военнаго пламени, полагая въ семъ соглашеніи за непремѣнное по сущей и самой строгой справедливости основаніе охранить и соблюсти, дабы временное удержаніе оружія и всякихъ военныхъ дѣйствій не могло никоимъ образомъ, и ни подъ какимъ предлогомъ, послужить той или другой сторонѣ, какому либо распространенію или умноженію настоящихъ своихъ выгодъ, способностей и предѣловъ, къ предосужденію другой стороны; но чтобы паче каждая сторона оставалась покойно и безпрепятственно при тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ она находиться будетъ въ день одновременнаго обѣихъ сторонъ соглашенія, о съѣздѣ уполномоченныхъ къ трактованію комисаровъ.

Вслѣдствіе сего, по соглашенію взаимному между мною и верховнымъ визиремъ Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Пашею, выслали мы взаимныхъ нашихъ комисаровъ, я съ моей стороны господина статскаго совѣтника Ивана Матвѣевича Симолина, а отъ верховнаго визиря Абдулъ-Керимъ эфендія, президента каммеры конной милиціи, которые, съѣхавшись на нашемъ берегу Дуная, въ городѣ Журжѣ, уже вступили въ полюбовные договоры и теперь трактуютъ о взаимномъ соглашеніи по опредѣленнымъ артикуламъ сего перемирія. Втеченіи еще таковой негоціаціи не могу я больше, какъ только простое и вкратцѣ извѣщеніе о вышеписанномъ учинить здѣсь вашему сіятельству, а предоставляя себѣ, въ ту же минуту, какъ по заключеніи всѣхъ договоровъ взаимные наши комисары подпишутъ конвенцію, удовлетворить должности моей отправленіемъ другаго по семъ, нарочнаго къ вамъ моего курьера, и доставить уже черезъ онаго вашему сіятельству вѣрный списокъ съ сего акта перемирія, для полнаго свѣденія вашего о всѣхъ частяхъ и подробностяхъ, на коихъ оное совершится. Доколѣ не отправленъ и не прибудетъ къ вашему сіятельству съ тѣмъ мой второй курь-

еръ, то сіе знакомъ будетъ, что у насъ здѣсь не заключено еще перемиріе; слѣдственно и можете вы до пріѣзда его, что принадлежитъ до операціи въ Средиземномъ морѣ, Архипелагѣ и во всей тамошней сторонѣ, въ которой части вашему сіятельству, какъ главному командиру морскихъ и сухопутныхъ силъ, предоставили Ея Императорское Величество, по данному вамъ достаточному къ тому полномочію, безпосредственное, особливое трактованіе и постановленіе перемирія, съ повѣреннымъ отъ Порты человѣкомъ; или же черезъ нарочныхъ комисаровъ отлагать подписаніе или формальное заключеніе онаго, такъ, какъ сами заблагоразсудите.

Въ заключеніе имѣю честь удостовѣрить васъ, мой милостивый государь, что на конгрессъ уполномоченными отъ Ея Императорскаго Величества отправляются: братецъ вашъ, его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ, да тайный совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Обрѣсковъ, коихъ по предувѣдомленіямъ я ожидаю въ Яссы въ среднихъ или послѣднихъ числахъ наступающаго мая.

Пребываю, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ, таковою же преданностію.

Апрѣля 28-го 1772 года.
Изъ главной квартиры
города Яссы.

№ 15.

Изъ инструкціи генералъ-маіору Каменскому.

Если къ нему отъ австрійскаго генерала присланъ будетъ офицеръ, такъ какъ уже теперь ихъ войска требуютъ, чтобы мы имъ уступили наши передовые посты; то чтобы онъ, присланному къ нему или ихъ начальнику, со всякою учтивостью, далъ знать о моемъ повелѣніи, при нынѣшнемъ вступленіи австрійскихъ войскъ, не

только никакого помѣшательства не чинить, но паче оказывать имъ, яко войскамъ дружественнымъ, всякое вспоможеніе, ожидая и отъ нихъ равнаго взаимства. Для того же, чтобы согласить и удовлетворить нуждамъ обоимъ войскъ, сходственно съ ихъ добрымъ согласіемъ и соединеніемъ отъ меня приказа отвесть корпуса его кордонъ изъ предлежащихъ мѣстъ, кои должны быть заняты австрійскими войсками, и расположить оныя отъ рубежа Покуціи до Самборъ, Вышни, Гаворовъ, на Любилъ, Замосць, Красный Ставъ и до Люблина, оставляя такимъ образомъ за собою Покуцію съ угломъ Красной Руси и Бѣльскій повѣтъ, поелику въ сихъ мѣстахъ главные наши магазины находятся, изъ коихъ всѣ нужныя и необходимыя снабженія для арміи мнѣ ввѣренной чинятся и подвозъ оныхъ въ армію дѣлается черезъ Покуцію, а также сообщеніе арміи съ корпусомъ, отдѣленнымъ въ Польшу, проходитъ черезъ сей округъ. О протяженіи же части войскъ его (Каменскаго) корпуса къ Люблину, объявилъ бы, что причиною тому есть удержаніе черезъ то нужнаго сообщенія съ корпусомъ генералъ-поручика и кавалера Бибикова, что необходимо для поисковъ на конфедератовъ, вредныхъ положенію общихъ дѣлъ, нынѣ въ ту сторону скопляющихся; почему и просилъ бы онъ, дабы, изъ уваженія на сіи резоны, выше изложенныя мѣста отъ занятій ихъ австрійскими командами освобождены были, ибо иначе нанесены будутъ неизбѣжныя трудности въ доставленіи необходимыхъ снабженій для арміи нашей и во взаимной связи ея съ корпусами, въ Польшѣ прибывающими.

№ 16.

Выписка изъ инструкціи, данной цесарскихъ (австрійскихъ) войскъ, Тереканскаго гусарскаго полка, ротмистру барону Орци.

Имѣть движеніе прямо на Скалъ; встрѣчающимся россійскимъ императорскимъ войскамъ давать знать, что имѣетъ повелѣніе вступить въ польскія границы, ибо австрійскіе кордоны, по высочайшему повелѣнію, должны быть подвинуты впередъ. Вышеупомянутый ротмистръ долженъ объявить о томъ начальнику русскихъ войскъ, въ Скалѣ находящемуся, и просить его уступить ему мѣсто въ Скалѣ. Если же не послѣдуетъ на то дозволенія отъ русскаго начальника, то обождать пока онъ донесетъ о томъ своему высшему командиру. Въ случаѣ же, когда конфедераты предпримутъ что нибудь противъ россійскихъ войскъ, то ротмистръ Орци долженъ избрать для себя постъ отдѣльный отъ русскихъ командъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда въ Скалѣ не будетъ дано мѣсто австрійскимъ войскамъ, то ротмистръ Орци долженъ занять мѣста, находящіяся по близости, и тамъ ожидать отвѣта отъ русскихъ командировъ.

Что же касается до конфедератовъ, которые покажутся въ той мѣстности, то ихъ слѣдуетъ уничтожать и не позволять имъ оставаться въ тылу расположенія австрійскихъ войскъ.

Ротмистру разузнавать и доносить о количествѣ въ тѣхъ мѣстахъ находящагося сѣна, овса и прочаго, и не дозволять обывателямъ увозить что нибудь изъ упомянутыхъ запасовъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ будетъ занимать своею командою.

№ 17.

Во имя Господа Всемогущаго.

Обѣ воюющія стороны, Имперія Всероссійская и Порта Оттоманская, желая остановить дальнѣйшее пролитіе крови человѣческой, доколѣ блаженный и справедливый миръ не положитъ оному совершеннаго конца, и зная на обѣ стороны чрезъ посредства ихъ Величествъ Императора Римскаго и короля Прусскаго о взаимной ихъ склонности къ сему, для рода человѣческаго столь спасительному дѣлу, признали между собою за нужное и полезное согласиться нынѣ о временномъ перемиріи и удержаніи оружія ихъ, дабы между тѣмъ мирный конгрессъ, по общему ихъ согласію, мѣсто свое возымѣлъ и мирная на ономъ негоціація, съ тѣмъ большею свободою въ совершенной тишинѣ, а не подъ звукомъ оружія, теченіе имѣть могла, къ скорѣйшему, по взаимному ихъ желанію, прекращенію военнаго пламени и нераздѣльно съ онымъ соединенныхъ народныхъ бѣдствій; полагая въ семъ соглашеніи за непремѣнное, по сущей и самой строгой справедливости, основаніе, охранить и соблюсти, дабы временное удержаніе оружія и всякихъ военныхъ дѣйствій не могло никакимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ, послужить той или другой сторонѣ къ какому либо распространенію и умноженію своихъ настоящихъ выгодъ, способностей и предѣловъ, къ предосужденію другой стороны; но чтобы паче каждая сторона оставалась покойною и безпрепятственно при тѣхъ, мѣстахъ, въ коихъ она находиться будетъ въ день одновременнаго, съ обѣихъ сторонъ, соглашенія, о съѣздѣ уполномоченныхъ къ трактованію комисаровъ въ назначенномъ для того мѣстѣ. Главнокомандующіе арміями Ея Императорскаго Величества генералъ-фельдмаршалъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ; а Порты Оттоманской верховный ея визирь, его сія-

тельство Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Паша, слѣдуя сему, между высокими дворами постановленному, условію, согласились каждый со своей стороны, по данной имъ полной мочи и власти отъ ихъ государей, назначить уполномоченными комисарами, а именно со стороны его сіятельства, господина генералъ-фельдмаршала графа Румянцева Ея Императорскаго статскаго совѣтника, и при имперскомъ собраніи окредитованнаго министра Ивана Симолина. Со стороны же верховнаго визиря, Газу, высокаго императорскаго дивана Сеитъ-Абдулъ-Керимъ эфендія—Мукабеледжи Сувари, которые, размѣнявшись между собою данными имъ отъ обоихъ главнокомандующихъ достаточными въ надлежащей формѣ полными мочами, вступили немедленно въ полюбовные переговоры и постановили на вышеозначенномъ отъ обѣихъ воюющихъ державъ, за непремѣнное, въ принятомъ основаніи, о сохраненіи каждой сторонѣ настоящихъ ея выгодъ, способностей и предѣловъ, слѣдующіе артикулы, временнаго съ обѣихъ сторонъ перемирія и удержанія оружія на сухомъ пути и Черномъ морѣ, обѣщая каждый со своей стороны, именемъ, честью, словомъ и доброю вѣрою двора своего и собственною главнаго арміи начальника, сохранить оные свято и невредимо до установленнаго срока, который, по востребованію обстоятельствъ, распространить далѣе предоставляютъ они право и полную свободу полюбовному впредь соглашенію обоихъ главныхъ командировъ, или черезъ ихъ комисаровъ, или черезъ другія, по соизволенію впредь благовременно избираемыя средства, дабы между тѣмъ мирная негоціація, въ тишинѣ и свободѣ, съ большимъ успѣхомъ и со всевозможною безопасностію производиться могла.

1.

Всѣ непріязненности и военныя дѣйствія должны быть прекращены во всѣхъ частяхъ, гдѣ находятся войска императорскія русскія и турецкія.

2.

Корпуса войска русскаго, находящіеся въ Журжѣ, и турецкаго противъ сего мѣста, на той сторонѣ Дуная, считать будутъ перемиріе со дня подписанія онаго, а въ другихъ частяхъ въ Европѣ и Азіи, со дня прибытія курьеровъ, которые отъ ихъ сіятельствъ, командующихъ фельдмаршаловъ, тотчасъ послѣ того подписанія отправятся къ тамошнимъ начальникамъ.

3.

Обѣ арміи во все время перемирія должны оставаться въ томъ же самомъ положеніи, какое занимаютъ нынѣ. Главное теченіе рѣки Дуная признано линіею раздѣленія между обѣими арміями, собранными и расположенными въ провинціяхъ прилегающихъ къ Дунаю по обѣ его стороны. Ни одна сторона не можетъ производить вновь никакихъ укрѣпленій на обоихъ берегахъ Дуная и не возобновлять разоренныхъ, въ концѣ послѣдней кампаніи, крѣпостей: Бабадага, Тульчи, Исакчи, Мачина и Гирсова.

4.

Оттоманская порта дозволяетъ съ мѣста собранія комисаровъ отправить курьера черезъ Константинополь въ Архипелагъ, для увѣдомленія командующаго тамъ морскими и сухопутными русскими войсками, о начатіи негоціаціи и о заключеніи перемирія, чтобы и онъ, со своей стороны, могъ учинить соглашеніе съ находящимся

тамъ отъ Порты Оттоманской командиромъ, относительно прекращенія непріятельскихъ дѣйствій на тамошнихъ водахъ.

5.

Перемиріе простирается на весь Крымъ и Черное море такимъ образомъ, чтобы никакое вооруженное турецкое судно не входило изъ Чернаго моря въ устье Дуная и не ходило по берегамъ Бессарабіи, къ устью Днѣстра. Равнымъ образомъ, турецкія суда, какого бы они званія ни были, не могутъ появляться при берегахъ и пристаняхъ крымскихъ, исключая случаевъ бѣдственной нужды, которыя описаны въ слѣдующихъ артикулахъ; находящимся теперь въ Дунаѣ судамъ предоставляется свободное плаваніе вдоль по сей рѣкѣ. Если бы между жителями обѣихъ сторонъ обнаружились какіе либо споры, не взирая на всѣ предосторожности, которыя противъ того приняты будутъ, то должны комисары окончить ихъ по обстоятельствамъ и справедливости.

6.

Порта Оттоманская обязывается, во все время продолжающагося перемирія не усиливать своихъ гарнизоновъ въ Очаковѣ и Кинбурнѣ, не посылать туда никакихъ войскъ, а также амуниціи и другихъ военныхъ припасовъ, и не заготовлять тамъ магазиновъ. Находящіяся же тамъ нынѣ войска и жителей, Порта можетъ свободно снабжать продовольственными припасами; ежели какія нибудь суда съ такимъ грузомъ будутъ противною погодою или другимъ бѣдственнымъ случаемъ приведены къ берегамъ Бессарабіи или Крыма, то имъ оказывается помощь, въ которой они будутъ нуждаться, и въ пути слѣдованія никакого препятствія имъ дѣлано не будетъ.

7.

Равнымъ образомъ, когда россійскія суда съ провіантомъ и другими съѣстными припасами, слѣдуя въ Крымъ или по Дунаю къ берегамъ Бессарабіи, по такимъ же причинамъ принуждены будутъ остановиться у береговъ Порты Оттоманской, въ Азіи и Европѣ, то они также должны получить нужную помощь, не претерпѣвая отъ турокъ никакого препятствія въ продолженіи пути къ тѣмъ пристанямъ и мѣстамъ, куда имъ слѣдовать надлежитъ.

8.

Непріязненныя военныя дѣйствія должны быть прекращены въ Азіи, на Кубани, въ Грузіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ войска будутъ находиться при полученіи взаимныхъ извѣстій о перемиріи. Всѣ земли, крѣпости и другія мѣста имѣютъ пребывать спокойно въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ они будутъ находиться при полученіи сего извѣстія; въ мѣстахъ же, гдѣ потребно будетъ учинить линію раздѣленія, принять договоры на основаніи перемирія.

9.

Срокъ сего перемирія имѣетъ продолжаться въ Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, Крыму, на Кубани и другихъ земляхъ и владѣніяхъ обѣихъ сторонъ, безъ всякаго изъятія, также на берегахъ и водахъ Чернаго моря до собранія полномочныхъ пословъ, къ негоціаціи о мирѣ назначенныхъ; ибо нужно надѣяться, что конгрессъ

и мирная негоціація вскорѣ начаться могутъ по тотъ срокъ, который будетъ назначенъ съ общаго согласія обоихъ главнокомандующихъ и уполномоченныхъ пословъ воюющихъ державъ, присланныхъ на конгрессъ; срокъ этотъ можетъ быть продолженъ долѣе назначеннаго, если нужда и польза обѣихъ сторонъ того потребуютъ. Срокъ же перемирія и прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Грузіи, Мингреліи и прочихъ тамошнихъ земляхъ, имѣетъ продолжаться до 1 октября сего же года, потому что отдаленность тѣхъ земель отъ мѣстъ негоціаціи не допускаетъ скораго съ ними сношенія, а потому и начало перемирія воспослѣдуетъ тамъ гораздо позже, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ областяхъ, принадлежащихъ обѣимъ воюющимъ державамъ.

Сей конвенціи написаны два равногласящіе экземпляра на русскомъ и турецкомъ языкахъ, съ приложенными къ нимъ итальянскими переводами, которые подписаны собственноручно уполномоченными комисарами и утверждены ихъ печатями. Упомянутые комисары размѣняли ихъ между собою и обязались взаимно представить, втеченіи 8 дней, предварительныя письма, какъ отъ фельдмаршала, такъ и визиря. Учинено въ палаткахъ при городѣ Журжѣ 19 мая 1772.

№ 18.

Переводъ съ конвенціи, присланной отъ турецкаго верховнаго визиря, за его вензелемъ и печатью (*).

Полагаемся на помощь Бога въ существѣ своемъ Нераздѣлимаго, Безподобнаго и Сотворившаго вся.

По волѣ Всевышняго и по предвѣчной Его милости, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, правдивѣйшій императоръ, всемилости-

(*) Здѣсь сохраненъ подлинный переводъ этого документа въ томъ видѣ, какъ онъ найденъ въ дѣлахъ графа Румянцева, находящихся въ В. У. Архивѣ.

А. П.

вѣйшій мой Государь, одаренный императорскими качествами, и человѣколюбіемъ на показаніе службы святой Мекки, и который для царствованія съ величайшею властію и съ премножественнымъ народомъ надъ землями и морями поставленъ; который есть изъ справедливѣйшихъ султановъ премудрѣйшій, изъ высокопочтеннѣйшихъ государей избраннѣйшій, изъ высочайшаго поколѣнія находившагося на землѣ славнѣйшій и великолѣпнѣйшій государь. Да благодарятъ всѣ рабы и обитатели земель за показанную имъ отъ него малѣйшую милость, ибо о бѣдности и несчастіи врученныхъ ему подданныхъ, по природному своему императорскому человѣколюбію, сжалился какъ тому весь свѣтъ свидѣтелемъ есть; если бы возможно было силою происходящихъ обстоятельствъ предугадывать тайну божеской премудрости, то всѣ премудрые и разумные явно усмотрѣли бы, что по нѣкоторымъ случаямъ и причинамъ, заключенная предъ симъ между высокою, вѣчно пребывающею Оттоманскою Державою и Россійскою Имперіею дружба, нарушившись, развиваетъ военный пламень; втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пролито съ обѣихъ сторонъ много человѣческой крови и погибло человѣческихъ душъ; хотя сіе, по опредѣленію Всемогущаго Творца, происходитъ, однако продолженіе войны и вражды причинило обитателямъ обѣихъ сторонъ крайнее безпокойство и причинило разныя разоренія. Почему изъ великихъ князей, вѣрующихъ во Іисуса, главнѣйшій изъ знатнѣйшихъ мессійскаго народа, избраннѣйшій рѣшитель происходящихъ между назарейскимъ народомъ общихъ дѣлъ, имѣющій великолѣпіе и величество, господствующій славою и честію, великолѣпнѣйшій, высокосчастливѣйшій нѣмецкій Императоръ а также и прусскій Король, которыхъ конецъ да будетъ благъ и направленъ на путь спасенія, прислали къ посламъ своимъ, пребывающимъ при блистательной Портѣ, письма, съ тѣмъ, чтобы по прежнему конгрессъ для замиренія учиня, войну съ обѣихъ сторонъ прекратить; а такъ какъ сіе за благо признано, какъ отъ высочайшей императорской стороны, такъ равно и со стороны Россійской Имперіи, опредѣлить полномочныхъ къ начинанію и распоряженію основанія дружбы, да и россійская Императрица, славнѣйшая изъ великихъ государей, вѣрующихъ во Іисуса, избраннѣйшая изъ цѣломудреннѣйшихъ мессійскаго народа, рѣшительница

происходящихъ между назарейскимъ народомъ общихъ дѣлъ, имѣющая великолѣпіе и величество, господствующая благоговѣніемъ и честью, великолѣпнѣйшая, высокостепеннѣйшая, пріятнѣйшая Императрица, ея же конецъ да будетъ благъ и направленъ на путь спасенія, пожелавшая сіе доброе дѣло привести къ окончанію, писать соизволила: и такъ вышеупомянутые послы, представя о семъ высочайшему императорскому престолу, доложили, а какъ сіе спокойное дѣло для рабовъ Божіихъ нужнымъ есть, то первый пунктъ перемирія состоитъ въ томъ, чтобъ къ тому распоряженіе и учрежденіе учинено было. Посему я, по воспослѣдовавшему мнѣ во всемъ императорскому дозволенію, для конференціи къ перемирію опредѣлилъ изъ членовъ императорскаго дивана высокой имперіи въ чинѣ президента ревизіонной коллегіи, имѣющаго въ своемъ вѣдомствѣ шесть конныхъ полковъ, почтеннаго между знатными и похвальными Сеидъ-Абдулъ-Керимъ-эфендія, котораго слава да преумножится; отъ стороны же россійскаго фельдмаршала, опредѣленъ мессійскихъ князей высокопочтенный Иванъ Симолинъ, его же конецъ да будетъ благъ; которые въ имѣвшейся внѣ города Журжи конференціи, на девяти артикулахъ армистицію постановили, и данное отъ русскаго полномоченнаго, за печатью его, письмо въ императорской непобѣдимой арміи получено. Равнымъ образомъ россійскаго войска фельдмаршалъ, между князьями мессійскаго народа славнѣйшій и между знатными вѣрующихъ во Іисуса достойнѣйшій, высокопочтенный, великолѣпный пріятель нашъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, его же конецъ да будетъ благъ, помянутые пункты за благо принялъ и для вѣроятія о томъ подтвердилъ своимъ присланнымъ увѣрительнымъ письмомъ, напротивъ чего и мы, помянутые пункты съ симъ почтительнымъ письмомъ, съ приложеніемъ нашей печати удостовѣряемъ, для почтенія и сохраненія того въ своемъ мѣстѣ. Помянутые же артикулы точно такимъ образомъ гласятъ:

Артикулъ первый.

Оттоманской Державы и Россійской Имперіи войска, пребывающія въ своихъ мѣстахъ, и войну съ обѣихъ сторонъ да оставятъ.

Артикулъ второй.

Россійскія войска, находящіяся въ Журжѣ, а Оттоманской Державы въ Рущукѣ, по подписаніи конвенціи объ армистиціи, увѣдомлены да будутъ: также находящіяся въ Азіи и въ Румыніи, по способности ихъ разстоянія, съ полученія извѣстія въ тѣхъ мѣстахъ черезъ нарочно отправленныхъ курьеровъ отъ главнокомандующихъ о сей постановленной армистиціи, которая наблюдаема быть имѣетъ.

Артикулъ третій.

Войска обѣихъ сторонъ во время сей армистиціи да пребудутъ спокойны на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. Войскамъ же обѣихъ сторонъ, кои находятся на берегахъ Дуная, да будетъ чертою большое теченіе сей рѣки, до тѣхъ поръ, пока отъ двухъ Имперій назначены будутъ границы, и по обоимъ берегамъ строенія и укрѣпленія не чинить, ни же находящіяся починять и укрѣплять; равномѣрно же разоренныя мѣста въ концѣ послѣдней кампаніи да не починяются, а именно: Бабадагъ, Тульча, Исакча, Мачинъ и Гирсовъ, но оставлены быть имѣютъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи.

Артикулъ четвертый.

Съ того мѣста, гдѣ будетъ конференція о перемиріи, россійскому уполномоченному дозволяется отъ Оттоманской Имперіи, по заключеніи армистиціи, отправить курьера черезъ Константинополь въ Средиземное море къ главнокомандующему россійскимъ флотомъ, съ извѣстіемъ о начатіи и объ окончаніи перемирія, дабы онъ, сносясь съ командующимъ флотомъ Оттоманской Имперіи въ Средиземномъ морѣ, могъ постановить особливое перемиріе и прекратилось бы всякое военное дѣйствіе.

Артикулъ пятый.

Отъ Имперіи Оттоманской имѣетъ быть обнародовано по всѣмъ берегамъ Чернаго моря и Крымской сторонѣ о постановленной армистиціи, и чтобъ Оттоманской Порты военныя суда въ большой Дунай и рѣку Днѣстръ не входили; равнымъ образомъ, никто бы при берагахъ и портахъ крымскихъ не показывался безъ нужды, исключая ниже изъясненнаго случая; находящіяся же суда въ рѣкѣ Дунаѣ за чертежъ границы могутъ плавать невозбранно. А ежели между жителеми обѣихъ сторонъ произойдетъ какая либо ссора, то начальники обѣихъ сторонъ имѣютъ оную пресѣчь и виновныхъ по справедливости наказать.

Артикулъ шестой.

По полученіи извѣстія о постановленной армистиціи, не позволяется отправлять въ крѣпости Очаковскую и Кинбурнскую войска и военные снаряды, а также строить вновь магазины. Однако, войску и жителямъ, находящимся въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, провизію посылать дозволяется. Если же нагруженныя провизіею суда

противнымъ вѣтромъ или какимъ либо другимъ несчастнымъ случаемъ прибьетъ къ крымскимъ берегамъ и противъ Крыма, а также къ сторонѣ Бессарабіи, то, для спасенія ихъ всякую помощь оказавъ, проходу ихъ не препятствовать.

Артикулъ седьмой.

Если же россійскія суда, нагруженныя провизіею, идущія къ дунайскимъ, крымскимъ и бессарабскимъ сторонамъ, какимъ либо несчастнымъ случаемъ прибудутъ къ анатольскимъ и румлійскимъ берегамъ, портамъ Оттоманской Имперіи, то жители тѣхъ мѣстъ оказавъ имъ всякую помощь для спасенія ихъ и не допуская ихъ къ претерпѣнію нужды, проходу ихъ препятствія да не чинятъ.

Артикулъ восьмой.

Въ грузинскихъ, кубанскихъ и въ прочихъ анатольскихъ мѣстахъ, находящееся обѣихъ сторонъ войско, по полученіи о семъ перемиріи извѣстія, жители и войска содержаніе артикуловъ армистиціи да наблюдаютъ, и каждый городъ, крѣпость и прочія мѣста, получа сіи извѣстія, останутся въ томъ состояніи и въ тѣхъ рукахъ какъ находятся, учредя границы въ мѣстахъ пристойныхъ.

Артикулъ девятый.

До съѣзда полномочныхъ для начатія конференціи о чаемомъ мирѣ, молдавская, валахская, буджакская, крымская, кубанская и прочія обѣихъ сторонъ области и земли безъ изъятія; равномѣрно

на водахъ Чернаго моря, время и терминъ армистиціи, смотря по пользѣ и потребности дѣлъ обѣихъ сторонъ, можетъ быть съ удовольствіемъ продолженъ, какъ о томъ вышепомянуто было, съ согласія главнокомандующихъ обѣихъ сторонъ и съ вѣдома полномочныхъ пословъ, воевавшихъ державъ, собравшихся на конгрессъ. Что же касается до грузинскихъ, мингрельскихъ и прочихъ, находящихся въ тѣхъ сторонахъ, мѣстъ, то за дальнимъ разстояніемъ о времени сей армистиціи скоро извѣститься не можно, потому что тѣ земли въ отдаленіи находятся отъ конгресса; а потому имѣютъ оныя мѣста армистицію учинить по прошествіи многихъ дней, нежели прочія области и мѣста обѣихъ державъ находящихся. Въ Европѣ можетъ продолжиться показанный терминъ армистиціи до перваго дня октября сего года.

№19.

Переводъ съ письма его превосходительства велікаго канцлера Имперіи Оттоманской къ его сіятельству фельдмаршалу 1186 года 16 луны Ребіуль Евель, изъ лагеря подъ Шумлою.

Славный, великій, любезный, храбрый и высокій мой другъ! Симъ моимъ дружескимъ письмомъ выражая вашему сіятельству знаки искренности и согласія по должности, пріязни и благосклонности; желая вмѣстѣ съ тѣмъ освѣдомиться о состояніи вашего здоровья, увѣдомляю ваше сіятельство, что на твердомъ основаніи мира, съѣздъ по поводу конференцій о перемиріи, которому со стороны Вѣчной Имперіи Оттоманской опредѣленъ уполномоченный съ чиномъ главнаго президента всѣхъ императорскихъ счетовъ и дѣйствительный президентъ реестровъ шести военныхъ классовъ конницы, честный Сеидъ-Абдулъ Керимъ эфенди, вамъ усердный другъ. Со стороны же Имперіи Всероссійской опредѣленный уполномоченный, нашъ почтенный другъ, его превосходительство, другъ, господинъ Иванъ Симолинъ, который въ то время, когда происхо-

дили сношенія въ Журжѣ, окончивъ, по взаимному ихъ желанію, наиблагополучнѣйшимъ образомъ дѣло о перемиріи и разсуждая, что по обычаямъ, принятымъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣлаются съ обѣихъ сторонъ взаимные подарки къ приращенію искренности и умноженію усердія, посланъ былъ отъ главнаго надъ главными всѣхъ войскъ Оттоманскихъ, собраніе похвалъ и заслугъ верховнаго визиря, въ подарокъ храброму генералу и вождю войскъ россійскихъ господину Игельстрому жеребецъ, съ полнымъ приборомъ; а также и подарки секретарю и переводчику, подъ командою вышеименованнаго вашего уполномоченнаго находящимся. Когда генералу Игельстрому представленъ былъ жеребецъ то онъ отвѣчалъ, что безъ дозволенія вашего сіятельства принять его не можетъ, а теперь изъ письма сего генерала вышепомянутый эфенди узналъ, что ваше сіятельство дозволили ему принять подарки, почему тотчасъ съ нарочнымъ своимъ человѣкомъ отослалъ къ нему въ подарокъ жеребца съ полнымъ уборомъ, а также отправлены подарки секретарю и переводчику, въ надеждѣ, что назначенные подарки дозволено будетъ принять по долгу согласія и правиламъ дружбы между обѣими сторонами, которая вѣчно къ вашему сіятельству пребыть имѣетъ съ моей стороны, какъ вашего искренняго безъ церемоніи друга. Для вышеозначеннаго секретаря 1,000 левковъ, а для переводчика 750, отправлены съ возвращающимся маіоромъ Касперовымъ, который пріѣхалъ сюда съ письмами, о чемъ я писалъ вашему сіятельству по приказанію вышняго члена имперіи, души и бытія императорскаго, точнаго императорскаго намѣстника, главнаго надъ главными войскъ Оттоманскихъ, того, который мудръ яко Платонъ, славнаго, умѣреннаго, милосерднаго, и который, безъ сомнѣнія, есть причина моего благосостоянія, моего господина верховнаго визпря. Между тѣмъ, слыша я всегда отъ пріѣзжающихъ оттуда объ рѣдкихъ качествахъ и добродѣтеляхъ вашихъ, пріязнь и благосклонность моя къ вашему сіятельству умножились, и я всегда желалъ вашей корреспонденціи, дабы увѣдомить ваше сіятельство о моей къ вамъ искренности. Я искалъ случая писать къ вамъ, когда представился настоящій къ тому поводъ. Искренность, усердіе и благосердечіе, которыя прежде сего заключены были въ сердцѣ моемъ, теперь обнаружились. Того ради и между министрами и членами

обѣихъ имперій, чистосердечіе и искренность, помощію Божіею оказались; слѣдовательно, и прежняя дружба утверждена быть имѣетъ; а нынѣ спасительное блаженнаго мира дѣло, по взаимному обѣихъ имперій желанію, ускорить стараться надлежитъ. Его сіятельству господину графу Орлову, первому отъ стороны Россійской имперіи уполномоченному, моему почтеннѣйшему другу и его превосходительству второму уполномоченному моему старому другу, прошу засвидѣтельствовать мой искренній поклонъ.

№ 20.

Переводъ съ письма главнаго визиря къ фельдмаршалу. Изъ стана при Шумлѣ 1186 дня 28, Зефера (*).

Отпускаемымъ симъ нашимъ письмомъ, объявляется вашему сіятельству не только что между нами дружба и благопріятство со дня на день возростаютъ и утверждаются, но что изъ благопріятнаго вашего письма увѣдомился я о благополучномъ прибытіи въ Яссы, 14 дня текущаго мѣсяца мая, учрежденнаго отъ нашей высочайшей пріятельницы, преславнѣйшей и величественнѣйшей императрицы всероссійской, главнаго полномочнаго, для постановленія мира, его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, генералъ-адъютанта, шефа императорскаго кавалергардскаго корпуса, и кавалера многихъ орденовъ, нашего пріятеля; и о будущемъ вскорѣ туда же по пріѣздѣ его превосходительства Алексѣя Михайловича Обрѣскова, тайнаго совѣтника и кавалера, втораго полномочнаго; и чтобъ дать вамъ знать объ отъѣздѣ нашихъ полномочныхъ къ мѣсту конгресса въ Фокшаны, дабы могли прибыть всѣ полномочные обѣихъ сторонъ въ одно время къ опредѣленному имъ мѣсту, къ вышеупомянутымъ Фокшанамъ; гдѣ, т. е. въ Фокшанахъ, по недостатку дворовъ, прибывать будутъ въ шатрахъ, отложивъ всѣ

(*) Этотъ, какъ и другіе переводы, за неимѣніемъ турецкаго подлинника, сохранены безъ измѣненія, въ тотъ видѣ, какъ найдены въ дѣлахъ В. У. Архива. А. П.

мелочные и безполезные церемоніальные обряды; означить, въ который день пріѣдутъ вышесказанные полномочные на дунайскій берегъ, и въ которомъ мѣстѣ будутъ переѣзжать ту рѣку, сколько надобно будетъ лошадей для переѣзда ихъ въ опредѣленное мѣсто: обо всѣхъ сихъ вещахъ требуете вы отъ меня увѣдомленія. Сверхъ искренности и благопріятства къ почтеннѣйшей вашей особѣ, сверхъ дружбы и согласія между нами, труды и старанія, подъятые вами и оказанные въ постановленіи и распоряженіи сего спасительнаго дѣла, по взаимному и обоюдному желанію, покоя и пользы подданныхъ и странъ обѣихъ имперій, причинили мнѣ великое удовольствіе: сего ради желаю вамъ всякаго возможнаго благополучія въ должайшія лѣта. Но какъ отъѣздъ полномочныхъ изъ ихъ столицы, для прибытія къ опредѣленному для конгресса мѣсту, зависитъ отъ окончанія конференцій о перемиріи, когда съ обѣихъ сторонъ подписаны и печатьми утверждены будутъ условія реченнаго перемирія, какъ то всегда въ подобныхъ случаяхъ водится, и мы въ прежнемъ нашемъ къ вамъ письмѣ о семъ же писали, то они теперь ожидаютъ послѣдняго нашего повелѣнія. Нынѣ же, когда обоюдная размѣна помянутаго перемирія, съ приложеніемъ къ оному печатей, учинена, и дѣло кончено, а еще для утвержденія толь полезной ненарушимой искренности постараюсь всѣмъ сердцемъ и душою о покоѣ слугъ божіихъ; и ради постановленія того мира въ скоромъ времени наши полномочные пріѣдутъ: и въ который день будутъ они на берегъ Дуная, тамъ гдѣ имъ сію рѣку переѣзжать должно; и сколько для нихъ надобно будетъ лошадей, пространно напишется къ вашему сіятельству. И такъ, понеже вы до сего времени находитесь фельдмаршаломъ, а нашъ пріятель генералъ Орловъ главнымъ полномочнымъ къ вышепомянутому дѣлу, которое благополучно да начнется и да успѣетъ (или, отъ коего родится добро и благополучіе), вслѣдствіе того, теперь только, со спрашиваніемъ о вожделѣнномъ здравіи вашемъ, для увѣдомленія васъ, сіе дружеское письмо писано и послано съ вашимъ курьеромъ, которое уповая, съ Божіею помощію, пришло.

Надѣюсь, впрочемъ, что и впредь еще вы продолжите дружбу и благопріятство ваше, и съ утвержденіемъ искренности сдѣлаете

все что возможно, содѣйствуя всѣми силами укрѣпить союзъ соединенія и согласія.

№ 21.

Переводъ съ письма верховнаго визиря къ фельдмаршалу, изъ лагеря подъ Шумлою 1186, 16 луны Ребіулъ Евель. (Получено 13 іюня 1772 г.).

Изъ содержанія сего нашего письма узнаете, ваше сіятельство, что я получилъ послѣднее почтеннѣйшее ваше писаніе, присланное ко мнѣ съ маіоромъ (*), наполненное пріязнью и искренностью и означающее, съ коликою нетерпѣливостію ожидаете вы пріѣзда уполномоченныхъ отъ блистательной Порты; въ которомъ увидѣлъ я доказательство вашего чистосердечія и искренности, а также склонность и прямое прилежаніе къ заключенію и доброму порядку спасительнаго дѣла, о возстановленіи мира между обѣими имперіями, что причинило вящее души моей веселіе; взаимно и съ нашей стороны почтеніе, уваженіе и искренность къ вашему сіятельству суть неизрѣченныя и спасительнаго о мирѣ дѣла, яко нужнаго для спокойствія и тишины областей обѣихъ державъ заключеніе, и добрый порядокъ ускорить всѣми образы стараться имѣю. Благословенный Господь да рѣшитъ всѣ затрудненія и препоны, и Божіимъ всевидѣніемъ своимъ, по взаимному желанію нашему, да окончитъ, для благоденствія рабовъ своихъ, спасительное сіе дѣло. Дѣйствительно находящійся въ великомъ достоинствѣ перваго президента императорской печати (тури или вензеля) прославленный прежнимъ обладаніемъ разныхъ высокихъ императорскихъ чиновъ, искусный въ секретахъ вѣчнаго императорскаго кабинета, славный между первѣйшими и великими, собраніе честей и похвалъ, почтенный Османъ Эфенди, да утвердитъ Господь на всегда знатность его, нарочно

(*) Касперовымъ.

опредѣленъ отъ стороны Имперіи Оттоманской первымъ уполномоченнымъ для утвержденія мира; мы увѣдомлены объ отъѣздѣ его изъ Константинополя и о скоромъ его прибытіи, черезъ нѣсколько дней, въ нашъ лагерь; а какъ прежде сего отъ обѣихъ сторонъ писано было, что Букарестъ есть мѣсто наипристойнѣйшее къ мирному конгрессу, если и теперь равно покажется и сіе рѣшено будетъ по прибытіи сюда вышеименованнаго уполномоченнаго эфендія, безъ сомнѣнія и безъ всякой медленности отправленіе его по своему опредѣленію послѣдовать имѣетъ. О чемъ дабы васъ увѣдомить и съ испрошеніемъ благосостоянія здравія вашего, написано точно сіе дружелюбное, и послано при возвратномъ отъѣздѣ маіора вашему сіятельству, по полученіи котораго будетъ вамъ извѣстно, что черезъ краткое время пріѣдетъ именованный полномочный блистательной Порты Османъ-эфенди. Надѣюсь, что вы и впредь о наблюденіи обрядовъ дружбы и добраго согласія всегда имѣть будете крайнее попеченіе.

№ 22.

Переводъ съ письма верховнаго визиря генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, изъ лагеря подъ Шумлою, 1186 года луны Ребіуль-Ахыръ 4 дня.

При окончаніи луны Ребіуль Евеля, получилъ я отъ васъ два отвѣтныя письма на мои прежнія, писанныя къ вамъ черезъ присланнаго отъ васъ капитана, которыми увѣдомляете меня касательно мѣста, назначеннаго для мирнаго конгресса, хотя славный Османъ-эфенди, главный отъ высокой Порты уполномоченный, оказалъ наклонность къ Букаресту, въ чемъ господинъ резидентъ прусскій, какъ другъ второму отъ Россійской Имперіи уполномоченному господину Обрѣскову и заявилъ; но какъ назначеніе мѣста для конгресса зависитъ отъ вашего сіятельства, то переговорили вы съ честнымъ и почтеннымъ, искреннимъ нашимъ другомъ, пер-

вымъ о мирѣ уполномоченнымъ графомъ Орловымъ и согласились съ нимъ, что кромѣ Фокшанъ, другаго для съѣзда мѣста назначать не надлежитъ. Поэтому Фокшаны и назначаются къ мирному конгрессу и съѣзду уполномоченныхъ министровъ, и приспособлены ко всему на сей предметъ потребному. А объ уполномоченныхъ отъ высокой Порты, какимъ образомъ и въ какомъ мѣстѣ имѣютъ они переправляться черезъ Дунай и отъ мѣста переправы на дорогу отъ Фокшанъ какое количество телѣгъ и лошадей для того потребно, о томъ поскорѣе увѣдомить ваше сіятельство, дабы заблаговременно оное изготовить. О десяти же мѣшкахъ денегъ, посланныхъ нѣсколько дней тому назадъ къ пашамъ, коменданту бендерскому и кафскому, которые къ нимъ вами тотчасъ отправлены, и упомянутыхъ пашей милости и призрѣнію вашего двора рекомендовали и что отвѣтныя отъ нихъ о посланныхъ деньгахъ письма, тотчасъ по полученіи ихъ вашимъ сіятельствомъ, къ намъ отправлены будутъ. Всѣ сіи вещи, о коихъ ваше сіятельство насъ въ почтеннѣйшихъ вашихъ письмахъ увѣдомляете, мы узнали. Вашему сіятельству извѣстно, что, какъ наша, такъ и вашего сіятельства, взаимная наша склонность о прекращеніи пламени и огня, вражды непріязни и войны и возстановленіи мира и согласія между обѣими Имперіями, для спокойствія подданыхъ сихъ державъ доказана многими доводами, изъ коихъ наибольшій есть тотъ, что мой всемилостивѣйшій государь, причина бытія моего, облеченный милосердіемъ, подражатель Всевышняго Бога, страшный, державнѣйшій и величественный, поручилъ намъ опредѣленіе къ миру уполномоченныхъ. Мы назначили того, который, 30 лѣтъ тому назадъ, имѣлъ великую дружбу съ покойнымъ отцемъ вашимъ и у Абдулла-Аги паши, бывшаго верховнаго визиря, славнаго и блаженной памяти нашего отца, былъ довѣреннымъ секретаремъ; а послѣ того въ вѣчной Имперіи Оттоманской занималъ великія достоинства, императорскіе чины, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ великимъ канцлеромъ Имперіи; а нынѣ въ пресвѣтлѣйшемъ диванѣ состоитъ дѣйствительнымъ президентомъ императорской печати (туры или вензеля), который есть слава всѣхъ секретарей, собраніе всѣхъ знаній и добродѣтелей, источникъ краснорѣчія, сокровище правописанія, преисполненный всякихъ заслугъ, знатный по своимъ каче-

ствамъ, тотъ, который привлекъ на себя Божіе милосердіе, Сеидъ-Османъ-Эфенди, да продолжитъ Господь на знатность его, который есть не только министръ имперіи Оттоманской, достойный вѣры въ словѣ своемъ, искусный въ секретахъ кабинета и похвальный въ дѣлахъ своихъ, но къ которому и мы всякую довѣренность имѣемъ. И такъ къ спасительному дѣлу о конгрессѣ и о возстановленіи мира, дабы назначенъ былъ онъ главнымъ уполномоченнымъ, писано было съ нашей стороны къ всемилостивѣйшему государю, и въ силу прошенія моего онъ его почтилъ и постановилъ, императорскою своею грамотою, главнымъ къ сему дѣлу уполномоченнымъ, который, 3 числа луны Ребіуль Ахырь, въ прошедшее воскресенье пріѣхалъ въ лагерь нашъ подъ Шумлою, вмѣстѣ съ уполномоченными министрами дворовъ вѣнскаго и берлинскаго; и тотчасъ по прибытіи своемъ, вышеупомянутой эфенди представился къ намъ. По истолкованію дружелюбныхъ писемъ вашихъ, мы оныя ему показали и онъ также, соглашаясь съ нашимъ мнѣніемъ, изъявляетъ великую склонность ѣхать отсюда и ускорить прибытіе свое къ мѣсту конгресса; сказавъ, при томъ, что будучи въ Константинополѣ, онъ имѣлъ желаніе, чтобы конгрессъ назначенъ былъ въ Букарестѣ и что 30 лѣтъ тому назадъ съ покойнымъ отцомъ вашимъ имѣлъ пріязнь и дружбу. Что же касается до медленности пріѣзда его въ нашъ лагерь, то онъ объявилъ, что причиною тому были нѣкоторые переговоры и сношенія съ прусскимъ министромъ, касательно правилъ употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ между державами. Отъѣздъ отсюда вышеозначеннаго эфендія со всякою прилежностію будучи весьма желаемъ 13 числа текущей луны Ребіуль Ахырь, въ среду назначенъ, повелѣніемъ нашимъ и приказаніемъ прибыть къ берегамъ Дуная, а потомъ тотчасъ черезъ оную рѣку переправиться, и для избѣжанія излишнихъ церемоній, при встрѣчѣ уполномоченныхъ, сдѣланы измѣненія въ церемоніалѣ. Въ Фокшанахъ, въ которыхъ, какъ увѣдомляете вы въ вашихъ дружескихъ письмахъ, изготовлено все потребное къ конгрессу, что причинило мнѣ удовольствіе; для того же, чтобы не усложнять вашихъ безпокойствъ и тяжестей, сдѣланъ реестръ всему нужному для нашихъ уполномоченныхъ и посланъ къ вашему сіятельству, черезъ друга нашего, прусскаго резидента. По-

мянутый эфенди съ ввѣреннымъ ему отъ всемилостивѣйшаго государя дѣломъ, не взирая на то, что имѣлъ онъ къ намъ многія важныя порученія, дабы поскорѣе окончить съ Божеской Всевышняго помощію сіе спасительное дѣло, отправится со всякою прилежностію къ мѣсту конгресса, переговоря съ прусскимъ резидентомъ, по его соглашенію и мнѣнію, вмѣстѣ съ прочими къ сему дѣлу опредѣленными; а 13 числа луны Ребіуль Ахырь, въ среду, прибудутъ къ берегамъ Дуная, о чемъ и объявляется вашему сіятельству настоящимъ письмомъ, которое и отправлено съ ..... (*), а когда вышеупомянутый эфенди съ находящимися при немъ переправится черезъ Дунай, то мы надѣемся, что ваше сіятельство не оставите насъ о томъ тотчасъ же увѣдомить.

№ 23.

Переводъ съ письма отъ верховнаго визиря Оттоманской Порты Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Паши, генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Честнѣйшему между великими мессіевой націи, подпорѣ главнѣйшаго христіанскаго народа, генералу-фельдмаршалу надъ россійскою арміею, почтенному и великому нашему другу Петру Александровичу Румянцеву, коего конецъ да будетъ благъ.

По засидѣтельствованіи вамъ дружескаго нашего поклона, дружески васъ увѣдомляемъ, что будучи всѣмъ явно и извѣстно, что начало и окончаніе войны, которая втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ происходила по опредѣленію Божію между Имперіями Оттоманской и Россійскою, причинила обѣимъ сторонамъ безпокойство, страданія и многое пролитіе крови съ обѣихъ сторонъ, хотя сіе было безъ намѣренія, однакожъ произошло по волѣ Божіей отъ расположеній, которыя не требуютъ ни изъясненій, ни доказательствъ. Во первыхъ,

(*) Въ подлинникѣ имя не обозначено

когда сначала оказались знаки дѣла послѣ случившагося, проницательные, миролюбиваго разумѣнія благоволители отечеству и привязанные слуги Порты Оттоманской, съ премудрымъ и прозорливымъ мнѣніемъ не оставили принять въ разсужденіе и не опробовали, чтобы подъ какимъ либо видомъ была прервана и уничтожена постоянная и твердая дружба, причиною маловажныхъ приключеній; что будучи извѣстно наибольшему между первенствующими, подпорѣ между великими народа христіанскаго, почтенному господину Обрѣскову, дѣйствительному второму уполномоченному отъ Россійской Имперіи нашему другу, коего конецъ да будетъ благъ. Изъ достовѣрной котораго реляціи, истина вещи и дружелюбства его извѣстны будутъ. Сія матерія, будучи одна изъ тѣхъ, о которыхъ много разъ явно видано, что подобныя противности и вражды, происшедшія отъ нѣкоторыхъ приключеній и причинъ, превращаются наконецъ въ дружбу и доброе согласіе, тверже и сильнѣе прежняго. Надѣясь по милости Божіей, что между великою Имперіею Россійскою, прямою пріятельницею Порты, будетъ превращено нынѣшнее нечаянное положеніе въ прежнее состояніе и искренность, и содѣланъ будетъ миръ постоянный и примиреніе крѣпкое, могущее быть подтверждаемо и похваляемо отъ всѣхъ державъ. Славные же обѣихъ сторонъ потомки не дозволятъ, ни подъ какимъ видомъ, повреждать оное: напротивъ того, будетъ причиною къ тѣмъ большему ихъ къ дружбѣ сближенію. Мы вашъ искренній и ваше сіятельство нашъ другъ, будемъ стараться. по силѣ чистосердечія нашего, чтобъ сіе спасительное дѣло возымѣло свое дѣйствіе и молимъ Всевышняго, дабы подалъ благодать и былъ предметомъ въ семъ похвальномъ дѣлѣ, которое современемъ будетъ основаніемъ къ пріобрѣтенію чести нашимъ дѣтямъ и потомкамъ въ имперіяхъ нашихъ. Назначенный отъ блистательной Порты первымъ на конгрессъ уполномоченнымъ къ совершенію сего спасительнаго дѣла, честнѣйшій между первыми и великими и одаренными всякими добродѣтелями почтенный и избраннѣйшій Божіею милостію, прежде всего дѣйствительный рейсъ эфенди, а нынѣ дѣйствительный президентъ печати императорской, его превосходительство Сеидъ-Османъ эфенди, вашъ другъ, въ то самое время, какъ ему извѣстны стали знаки случившихся, противу чаянія, приключеній; находясь онъ почтеннымъ

чиномъ рейсъ эфендія, въ силѣ врожденнаго своего чистосердечія и благосклонности, всѣми силами стараяся, дабы не былъ нарушенъ вѣчный, посреди учрежденный миръ, но сохранена бы была старая дружба; въ чемъ вамъ поименованный второй полномоченный нашъ другъ былъ должнымъ образомъ свѣдомъ. Въ вышепомянутомъ дѣлѣ, по прошествіи многаго времени, когда оказалось чистосердечіе вышеименованнаго эфендія и справедливость его предложеній, а также ревность его, дабы не допустить зажечь огонь сопротивленія, онъ избранъ первымъ уполномоченнымъ къ блаженному миру и отправился на конгрессъ; и такъ, будучи точное чистосердечіе и доброжелательство къ обѣимъ сторонамъ вышеписаннаго эфендія, вашего друга, надѣемся, что вы, по силѣ вашего природнаго дружелюбнаго покровительства, справедливостію и совершенною милостію возымѣете стараніе, дабы онъ могъ пріобрѣсть возвышеніе и достоинство между равными себѣ, приведеніемъ къ окончанію своей комиссіи, принадлежащей къ основанію блаженнаго мира; когда Богъ дастъ, что письмо сіе къ вамъ дойдетъ вышеобъявленнымъ образомъ, поступая со скоростію, надѣемся, что употребите всякую прилежность, дабы вышеименованный эфенди пріобрѣлъ возвышеніе и достоинство, и въ силу вашего природнаго дружелюбнаго покровительства, съ совершенною милостію былъ основанъ блаженный миръ. Здравіе грядущимъ въ путь праведенъ. Написано послѣ побѣга Магометова 1186 года, луны Ребіуль Ахырь 11 дня, изъ лагеря подъ Шумлою.

№ 24.

Переводъ съ письма верховнаго визиря Оттоманской Порты, Муссинъ-Заде Мехмедъ Паши, генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Честнѣйшему между начальниками христіанскими, почтенному между великими закона Іисуса, искреннѣйшему и великолѣпнѣй-

шему другу нашему, графу Петру Александровичу Румянцеву, генералъ-фельдмаршалу россійской арміи, коего конецъ да будетъ благъ.

По принесеніи вамъ приличныхъ поклоновъ и привѣтствія, увѣдомляемъ васъ, что прежде и послѣ постановленія нашего въ достоинство верховнаго визиря, слава о достоинствахъ вашего сіятельства и слухъ объ отличныхъ вашихъ поступкахъ были мнѣ извѣстны; почему я, какъ въ письмахъ, такъ и словесно, изъявлялъ увѣренность въ неизмѣнномъ желаніи и въ неутомимомъ стараніи вашемъ къ возстановленію взаимной прочной дружбы и усердія между Высочайшею Портою и сильною Имперіею Всероссійскою; дружба эта предопредѣленіемъ Божіимъ была низвергнута войною, истребившею доброе согласіе въ самомъ его основаніи. Но, слава Богу, знаки возвращенія покоя между двумя имперіями оказываются какъ бы начертанными перстомъ Божіего соизволенія и благодати. Извѣстно вашему справедливому и просвѣщенному разуму, насколько я, вашъ искренній другъ, старался о возвращеніи и утвержденіи сего спасительнаго дѣла. Первоначальное намѣреніе обѣихъ сторонъ клонится къ полученію благословенія Всевышняго о возстановленіи покоя народовъ и въ сохраненіи созданій Божіихъ. То, что ваше сіятельство, извѣстный своимъ чистосердечіемъ, находитесь главнокомандующимъ, ясно доказываетъ, что дѣло о мирѣ, объ окончаніи войны и вражды, по желанію исправлено и совершено будетъ. Съ нашей стороны, мы прежде всего желаемъ, чтобы и отъ Высочайшей Порты была назначена особа въ званіи перваго уполномоченнаго, съ высокимъ чиномъ, достойная довѣрія, искусная въ дѣлахъ, честная и добродѣтельная. Славный между главными и великими, украшенный всякими знаменитостями и заслугами, пользующійся высокими милостями державнѣйшаго государя, назначенъ въ сію должность почтенный Сеидъ-Османъ эфенди, яко одинъ изъ министровъ блистательной Порты, достойный вѣры въ рѣчахъ своихъ, тайный секретарь, мужъ благихъ дѣлъ, воспитанный въ канцеляріи блаженной памяти отца моего, бывшаго верховнаго визиря Абдулагъ Паши; а послѣ, заслугами своими возвышаясь по степенямъ, дошелъ до высшихъ чиновъ и пріобрѣлъ глубокое въ дѣлахъ знаніе: который прежде сего

былъ почтенъ великимъ достоинствомъ рейсъ-эфендія, а нынѣ отличенъ отъ равныхъ и сверстниковъ своихъ возвышеніемъ своимъ въ дѣйствительные президенты императорской печати. Кромѣ сего, онъ, будучи довѣреннымъ и ко мнѣ, былъ представленъ къ подножію императорскаго трона, ко избранію его для исправленія и совершенія сего спасительнаго дѣла, и дабы былъ онъ удостоенъ высокаго званія чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Такимъ образомъ, будучи опредѣленъ къ сей высокой должности и возвышенъ въ должную степень, онъ, 3 числа луны Ребіуль Ахырь, въ воскресенье, вмѣстѣ съ другими нашими министрами, вѣнскимъ и прусскимъ, съ которыми онъ отправился, прибылъ въ побѣдоносный императорскій лагерь, и тотчасъ по прибытіи, упомянутый эфендій представился намъ и объявилъ свое желаніе ѣхать, какъ можно скорѣе, къ мѣсту конгресса; вслѣдствіе чего, согласно повелѣнію нашему, прибылъ, 13 числа луны Ребіуль Ахырь, къ берегамъ рѣки Дуная, дабы переправиться на противный берегъ, какъ прежде о семъ дружескимъ письмомъ нашимъ увѣдомили мы ваше сіятельство. Упомянутый эфендій, отправясь изъ лагеря жаждущаго побѣдъ, и переправясь изъ Рущука въ Журжу, послѣдуетъ оттуда въ Фокшаны и какъ мы надѣемся, прибылъ уже на мѣсто конгресса и, имѣлъ уже тамъ первое свиданіе. Такъ какъ наступило уже время къ начатію конгресса о перемиріи, то мы надѣемся, что вы дружески употребите всевозможное, дабы связать и утвердить похвальнымъ образомъ узелъ дружбы и взаимнаго перемирія и предохранить насъ, на вѣки вѣковъ, отъ раздоровъ, и получить похвалу отъ всѣхъ державъ, полагая такимъ образомъ конецъ пролитію крови невинныхъ обывателей и подданныхъ обѣихъ сторонъ, и получить отъ Всевышняго многообразныя благодати, написавъ сіе дружелюбное наше письмо. Извѣстно, что совершеніе какого либо многотруднаго дѣла, отвращеніе и окончаніе войны, есть покой и благоденствіе. Увѣдомляю васъ, что повелѣно вышесказанному эфенди не уклоняться отъ прямаго пути умѣренности и не допускать рождаться препонамъ въ дружбѣ, налагая тягости невозможныя и наносящія безчестіе славѣ и великолѣпію высочайшей Имперіи Оттоманской, а также стараться и настоять, дабы очищены была тѣ пятна вражды и непріязни, которыя, слѣдуя пред-

установленію Божію, омрачили зерцало согласія обѣихъ Имперій, тому уже нѣсколько лѣтъ. Я уповаю, что вы, по справедливости, будете исправлять, согласно съ природнымъ вашимъ благонравіемъ и правосудіемъ, дѣло о перемиріи, и совершите оное, утвердивъ благою окончанія печатью прежній старинный миръ. Написано и послано къ вамъ сіе дружелюбное письмо, дабы съ соизволеніемъ Божіимъ увѣдомить васъ о состояніи дѣла, какъ прежде сказано. Надѣемся, что по природному вашему благонравію и правосудію, совершите и утвердите прежній старинный миръ, скрѣпивъ его своею печатью. Миръ грядущихъ въ путь праведенъ. Написано сіе 1186 года 27 дня луны Ребіуль Ахырь, изъ лагеря подъ Шумлою.

№ 25.

Копія съ письма отъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному визирю Муссинъ-Заде Мехмедъ Пашѣ, отъ 31 іюля 1772 года.

Съ новымъ удовольствіемъ я имѣю честь благодарить ваше сіятельство за два благосклоннѣйшія письма отъ 11 и 27 числа луны Ребіуль Ахырь. Въ оныхъ вы вспоминаете, что прозорливые мужи и привязанные добромыслiемъ своему отечеству, не благоволили предпріятію въ самомъ его началѣ, чтобы прервать дружбу полезную между обѣими имперіями, на вредъ и пролитіе крови народной, съ чѣмъ сопрягались слѣдствія противнаго ихъ мыслямъ расположенія. Ваше сіятельство отдаете тутъ справедливость ревнительному о пользѣ общей, свое проницаніе и доброту сердца въ томъ случаѣ оказавшему высокопочтенному и превосходительному Сеидъ-Османъ эфендію, коего испытанное просвѣщеніе и добродѣтельныя мысли, право ему дали быть избраннымъ и уполномоченнымъ въ настоящее его достохвальное званіе. Наконецъ, мнѣ пріятно чувствовать повторяемую признательность отъ вашего сіятельства къ моему усердному старанію, о приведеніи мирнаго дѣла къ

его концу; къ чему я непрестанно во все время употреблялъ мое тщаніе, и въ томъ да будетъ вашему сіятельству удостовѣреніемъ, уже дознанныя вами самими мои искреннія попеченія.

Такъ какъ теперь, съ Божіимъ благословеніемъ, уполномоченные обѣихъ сторонъ вступаютъ въ означенномъ мѣстѣ въ сношенія, и когда съ нашей стороны почтены симъ достоинствомъ, во первыхъ, его сіятельство генералъ-фельдцейхместеръ, генералъ-адъютантъ, кавалергардскаго корпуса шефъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка подполковникъ и многихъ орденовъ кавалеръ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, котораго благоразуміе и совершенное въ дѣлахъ свѣденіе и другія высокія дарованія, украшающія его особу и въ ней добродѣтельнаго человѣка, пріобрѣли ему отъ Ея Императорскаго Величества великой нашей Самодержицы отличную милость и довѣренность; а другой, его превосходительство, тайный совѣтникъ, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ и кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Обрѣсковъ, который черезъ собственное испытаніе наиточнѣе удостовѣренъ о добрыхъ мнѣніяхъ блистательной Порты и о тѣхъ причинахъ, не требующихъ воспоминанія, которыя по случаю и происками предвозмогли надъ оными, и довели обѣ Имперіи до разрыва ихъ союза, то и нѣтъ сомнѣнія, чтобы сіи особы, трудящіяся нынѣ о возвращеніи двухъ между собою сосѣднихъ державъ въ ихъ прежній союзъ и согласіе, не утвердили опыхъ къ блаженству взаимному и непоколебимаго навѣки. Столь же увѣренъ я, что и ваши уполномоченные, со своей стороны, руководствоваться будутъ таковымъ же добропамѣреніемъ, составляющимъ благо обоихъ народовъ и въ ономъ возносящуюся ихъ славу.

№ 26.

Копія съ письма отъ генералъ-фельдмаршала Румянцева, къ верховному турецкому визирю Муссинъ Заде Мехмедъ Пашѣ, отъ 31 іюля 1772 года.

Пріемля съ согласіемъ, учиненное постановленіе полномочными послами обѣихъ державъ, со стороны Ея Императорскаго Величества великой и славной самодержицы всероссійской, его сіятельствомъ генераломъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-адъютантомъ, кавалергардскаго полка шефомъ, лейбъ гвардіи коннаго полка подполковникомъ, кавалеромъ орденовъ: святаго Андрея, святаго Александра Невскаго и святыя Анны, графомъ Григорісмъ Григорьевичемъ Орловымъ; его превосходительствомъ тайнымъ совѣтникомъ, государственной военной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членомъ, орденовъ: святаго Александра Невскаго и святыя Анны кавалеромъ, Алексѣемъ Михайловичемъ Обрѣсковымъ; а со стороны его величества султана, государя славнаго и великаго, ихъ превосходительствами почтеннѣйшимъ Нимапджи Пашею Османъ эфенди и мудрѣйшимъ, великой мечети Софійской шеихомъ, Ессени Заде,—что они согласились, согласно 9 артикула перемирія между Имперіями Россійскою и Оттоманскою заключеннаго, при первой конференціи, держанной ими въ Фокшанахъ 27 числа сего іюня мѣсяца; и усмотря взаимную склонность съ обѣихъ сторонъ къ возстановленію народной тишины и блаженства и для доставленія себѣ нужнаго времени къ исполненію на томъ основаніи высокихъ повелѣній всемилостивѣйшихъ государей, признали за нужное и постановили, да продолжится перемиріе между обѣими арміями до 10 числа будущаго сентября мѣсяца, по старому счисленію сего 1772 года, и пребудетъ ненарушимымъ на томъ самомъ основаніи, какъ оное между комисарами, статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Симолинымъ и диванскимъ Сеидъ Абдулъ Керимъ эфендіемъ Мукабеледжи Сувари, при городѣ Журжѣ, подписано въ 19 день мая; и какъ оное внесено и изображено

въ нашихъ взаимныхъ подтвердительныхъ письмахъ. Я имѣю честь, со своей стороны, словомъ и доброю вѣрою обнадежить ваше сіятельство, что отложенный срокъ перемирія, по вышеписанному условію полномочныхъ на конгрессѣ, до 10 числа сентября мѣсяца нынѣшняго года, будетъ соблюденъ мною и войсками мнѣ ввѣренными, во всѣхъ частяхъ ненарушимо; въ чемъ и съ вашей стороны я хочу быть обнадеженнымъ, безъ замедленія равнымъ сему удостовѣреніемъ, по содержанію акта подписаннаго вышеупомянутыми уполномоченными и сообщеннаго отъ нихъ вашему сіятельству.

№ 27.

Переводъ съ письма отъ верховнаго визиря Оттоманской Порты Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Паши, къ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Великому между начальниками мессіевой націи, примѣрпому между первенствующими рода христіанскаго, почтенному и великолѣпному нашему другу графу Румянцеву, господину фельдмаршалу россійскихъ войскъ, конецъ вашъ да будетъ благъ!

По принесеніи вамъ искренняго нашего поклона, дружелюбно васъ увѣдомляемъ, что не признавая за благо послѣдовавшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ по причинѣ войны нарушеніе крѣпкой и благоосновапной дружбы, состоявшей отъ толикаго времени доселѣ, между Портою Оттоманскою и Россійской Имперіею, дабы оная возстановлена была по прежнему и прекращено пролитіе крови подданныхъ и обывателей обѣихъ сторонъ, посредствомъ апробаціи нѣкоторыхъ благосклонныхъ друзей и врожденной императорской справедливости; а также горячими и истинными моленіями вашего искренняго, о возстановленіи взаимной любви и добраго согласія между сими двумя Имперіями, было соглашено и заключено въ 9 артикулахъ надлежащее къ удержанію оружія согласіе, которое есть преддверіе мира. Что же касается до перемирія въ

странахъ Архипелага, то какъ съ вашей дружелюбной стороны заблагоразсуждено было, чтобы между его сіятельствомъ почтеннымъ графомъ Орловымъ, первоначальнымъ надъ россійскою морскою арміею, и главнокомандующими Порты Оттоманской, было учреждено все надлежащее къ тому, то и назначенъ былъ отъ Порты Оттоманской Тесрифаджи, или церемонимейстеръ, Мустафа Бей, полномочнымъ для переговоровъ съ его сіятельствомъ, вышеименованнымъ графомъ Орловымъ, о перемиріи на морѣ. А нынѣ его превосходительство, главнокомандующій морскими силами, почтенный визирь Гассанъ Паша, доносилъ, между тѣмъ, высокому Императору, какимъ образомъ прежде пріѣзда вышеписаннаго уполномоченнаго, отправившагося изъ Константинополя къ назначенному мѣсту, тѣ, которые отъѣзжали и возвращались, соблюдая правила осторожности проѣзжали здравы и невредимы. Но отъ того времени, какъ отправился уполномоченный, представляя себѣ установившуюся дружбу и согласіе, всѣ наши корабли и суда вольно разъѣзжали, а корабли флота русскаго начали поступать съ ними болѣе непріязненно, чѣмъ во время войны, и встрѣчаясь, какъ съ купеческими, такъ и съ другими кораблями, нечаянно насъ ограбили и повредили, что насъ привело въ удивленіе. Когда вышеупомянутый отправленный уполномоченный прибылъ въ Архипелагъ на мѣсто конференціи, то удержали его, сказывая, что еще до сихъ поръ главнокомандующій россійскій графъ Орловъ не возвратился изъ Ливорно, а когда пріѣдетъ, тогда и дѣло постановлено будетъ. Во первыхъ, вашему сіятельству извѣстно было, что вышеписаннаго главнокомандующаго при флотѣ не было, слѣдовательно долженствовало постановить дѣло ко удержанію оружія съ его намѣстникомъ, кто бы ни былъ, ибо въ подобныхъ дѣлахъ пренебреженіе и упущеніе времени причиняетъ разныя предосторожности. Когда полагается начало дружбы и мира между двумя Имперіями, то того не бываетъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ исполняемъ былъ долгъ дружбы, а въ другомъ явно оказываемы были знаки вражды и непріязни; тѣмъ образомъ, какимъ поступать должно на сухомъ пути, тѣмъ же самымъ должно поступать и на морѣ; потому что будучи границею Порты Оттоманской и море и земля—они почитаются однимъ тѣломъ; а чтобы одна часть тѣла

имѣла исполнять долгъ дружбы, а другая оказывала вражду, то есть вещь непонятная между всѣми разумѣющими физику. Поступки Оттоманской Порты сходны съ ея рѣчами. Желаніе ея чисто и простосердечно состоитъ въ возстановленіи, посредствомъ пріятелей, дружбы и согласія, дабы прекратилась война на сухомъ пути и на морѣ. Желаніе это было опубликовано по всѣмъ провинціямъ и великимъ городамъ Имперіи Оттоманской и сообщено каждому порознь. Согласно чему, наши военные корабли, равно какъ и купеческіе, другихъ подданныхъ нашихъ, признавая россійскіе корабли за пріятельскіе, отправлялись въ дорогу; такимъ образомъ, враждебныя дѣйствія русскихъ кораблей подъ видомъ дружбы и приводимыя ими оправданія: «что нашъ главнокомандующій въ такомъ-то мѣстѣ находится, еще не пріѣхалъ»—не можетъ быть апробовано никакою державою, ибо точно постановлено было, что убытки, претерпѣваемые какою либо стороною, должны быть вознаграждаемы тѣмъ, кто ихъ причинилъ, и что подобные убытки дружески отъ обѣихъ сторонъ вознаграждаемы быть имѣютъ. Между тѣмъ временемъ, когда наши уполномоченные соберутся въ одно мѣсто для переговоровъ о благополучномъ дѣлѣ мира, вражда, ненависть и сраженіе на морѣ, въ противность переговоровъ о перемиріи, не считается у всѣхъ державъ дозволенными.

Вы, по силѣ природнаго вашего чистосердечія, не согласитесь и не дозволите, чтобы повреждено было подобными непристойными дѣйствіями перемиріе и искренняя пріязнь, которая по милости Божіей учреждена и расположена по желанію, и достигла уже степени своей крѣпости. Но мы еще надѣемся, что вы будете писать письма къ занимающему мѣсто главнокомандующаго морскою арміею всей великой Имперіи Россійской, или самому главнокомандующему, чтобы какъ должно были обузданы корабли при нихъ находящіеся, и дабы возвращены были послѣ перемирія хозяевамъ имѣнія, корабли и всѣ взятыя вещи; а равно вы прикажете, дабы согласуясь съ тамошними морскими сторонами, кондиціи перемирія, заключеннаго на сухомъ пути съ уполномоченнымъ Оттоманской Порты, и дѣла въ порядокъ приведены были. Для сего предмета написано и послано настоящее письмо, и когда по соизволе-

нію Божію оно къ вамъ дойдетъ, то что вы изъ содержанія его узнаете, мы надѣемся, что не оставите написать и повелѣть занимающему мѣсто главнокомандующаго флотомъ великой Имперіи Россійской и самому главнокомандующему, дабы они содержали въ обузданіи корабли, при нихъ находящіеся, и чтобы послѣ перемирія возвращены были имѣнія, корабли и всѣ вещи ихъ хозяевамъ, и чтобы ускорили согласиться съ сторонами морскими, согласно договору, постановленному о перемиріи на сухомъ пути, и вмѣстѣ съ уполномоченными Оттоманской Порты дѣло разсмотрѣно и совершено было. Здоровіе грядущаго въ путь праведенъ. Написано послѣ побѣга Магометова въ 1186 году, луны Ребіуль Ахырь 18-го, изъ лагеря подъ Шумлою.

№ 28.

Копія съ письма отъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному турецкому визирю Муссинъ-Заде-Мехмедъ Пашѣ, отъ 16 іюля 1772 года.

Учреждая всегда мое поведеніе на истинномъ чистосердечіи, и взаимствуя нелицемѣрнымъ усердіемъ той дружбы и согласія между нами, которыя возвесть до ихъ совершенства, подобно мнѣ, прилагали ваше сіятелство свои старанія, былъ я наиболѣе увѣренъ въ томъ, что ваше сіятельство противнаго сей справедливости ничего не положитъ въ мою сторону; но получа теперь послѣднее всепочтеннѣйшее писаніе ваше, въ которомъ вы изъясняете мнѣ, по донесеніи главнокомандующаго вашими морскими силами, почтеннаго Гассанъ Паши, о происшедшемъ въ Архипелагѣ дѣйствіи россійскаго флота на нѣкоторые корабли, принадлежащіе Портѣ Оттоманской, и что тамъ еще не заключено перемиріе по причинѣ отсутствія главнаго командира тѣхъ россійскихъ войскъ его сіятельства, господина генерала и кавалера графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Вмѣняя сіе происшествіе за противное до-

говорамъ перемирія, заключеннаго въ Журжѣ нашими комисарами, имѣю причину сослаться на содержаніе четвертаго артикула изъ числа тѣхъ девяти, на которые ваше сіятельство ссылаетесь. Онымъ выговорено только послать увѣдомленіе въ Архипелагъ къ его сіятельству господину графу Орлову о начатомъ и заключенномъ здѣсь перемиріи; а на тамошнихъ водахъ учинить особливое соглашеніе съ уполномоченнымъ отъ Порты къ удержанію непріятельскихъ дѣйствій, что и предоставлено, безпосредственно, упомянутому россійскому командиру. Слѣдственно, дѣло сіе не подходитъ подъ условіе, учиненное нашими комисарами, какъ по точному исключенію его изъ онаго, такъ и потому что рѣченный генералъ, его сіятельство графъ Орловъ, по своему мѣсту, считается отъ меня независящимъ. А потому и происшедшій въ той сторонѣ поступокъ, гдѣ мѣры должны быть положены, черезъ особливые договоры, отнюдь не можетъ присвояемъ быть къ нарушенію между арміями сдѣланнаго условія, которое во всѣхъ частяхъ своихъ съ моей стороны толико свято соблюдается, что я не жду, что бы ваше сіятельство возымѣли причину когда нибудь инако сіе признавать. Я считаю, что доводы сіи уже сильны оправдать добрую вѣру и мое слово, и успокоить резоны, кои употребили ваше сіятельство въ своемъ письмѣ, присовокупляя къ нашей конвенціи дѣло, которое изъято изъ оной точнымъ артикуломъ и принадлежитъ особливому постановленію. Между тѣмъ, я могу увѣрить ваше сіятельство, что я, подавая мои увѣдомленія въ Архипелагъ, отнюдь не былъ извѣстенъ, чтобъ не присутствовалъ тогда при флотѣ его сіятельство графъ Орловъ; не меньше, что и случившееся непріятное приключеніе могло развѣ произойти въ его отлучку, ибо не можетъ быть безъизвѣстно вашему сіятельству, какъ и народамъ, гдѣ сей вождь производилъ свои дѣйствія, сколько подалъ онъ знаковъ истиннаго своего великодушія и добродѣтели, возвышающихъ въ немъ человѣколюбіе и любовь къ добру общему, коими движимъ будучи, не отречется онъ оказать справедливость въ семъ случаѣ. Я также могу обнадежить ваше сіятельство, что желаемые вами договоры о перемиріи и въ Архипелагѣ, помянутымъ господиномъ генераломъ графомъ Орловымъ, а въ небытность его, командующимъ флотомъ, адмираломъ Спиридовымъ, безъ продол-

женія времени начаты будутъ. А потому, въ удовлствореніе вашему желанію, я посылаю моего нарочнаго къ настоящему командиру нашего флота въ Архипелагѣ, подавая оному изъясненіе къ сему относящееся, и прошу вашего сіятельства споспѣшествовать, вашими повелѣніями, скорѣйшему онаго туда проѣзду.

№ 29.

Переводъ съ письма верховнаго визиря графу Румянцеву, генералъ-фельдмаршалу россійскихъ войскъ, отъ 27 луны Жимазіуль Ахыръ, 1186 года, изъ лагеря подъ Шумлою. Получено 19 сентября 1772 года.

(Послѣ обыкновенныхъ титуловъ и привѣтствій).

Получивъ во всемъ съ истиною согласное послѣднее письмо вашего сіятельства, порученное Васифъ эфендію, въ которомъ обѣщаете сдѣлать съ вашей стороны все возможное къ ублаженію вещей, могущихъ препятствовать сему спасительному дѣлу; и что ни отъ васъ, ни отъ полномоченныхъ вашихъ, никогда не былъ предлагаемъ 3-хъ мѣсячный срокъ перемирія, но что прежде начатія конгресса уполномоченные наши желали продолженія онаго, до послѣдняго числа сентября мѣсяца; и что хотя сіятельнѣйшій графъ Орловъ и отъѣхалъ, но въ объявленіяхъ съ обѣихъ сторонъ, тогда учиненныхъ, будучи написано и изъяснено, что постановляемые отъ одного изъ уполномоченныхъ условія перемирія равномѣрны, какъ и отъ обоихъ, свято сохранены быть имѣютъ. Другъ нашъ, господинъ Обрѣсковъ, дѣйствительно въ тѣхъ странахъ обрѣтается, а потому желаніе ваше о постановленіи упомянутаго въ прежнемъ дружественномъ письмѣ нашемъ шести мѣсячнаго перемирія, которое по неимѣнію на то довольной власти, вы не можете окончательно рѣшить; но что зная о желаніяхъ нашихъ и въ разсужденіе нашего благонамѣренія, когда уже подошелъ срокъ заключенной армистиціи, повелѣли вы вездѣ пріостановить предпринятое

вами военное дѣйствіе, и рѣшились продолжить перемиріе отъ 10 сентября на 40 дней, сообразуя оное съ постановленнымъ въ Журжѣ артикуломъ, для полученія втеченіи того времени резолюцій отъ Ея Величества, державнѣйшей Императрицы, и что въ ожиданіи возвратнаго пріѣзда, втеченіи 10 дней, Васифъ эфендія, запретили русскимъ войскамъ, находящимся у береговъ рѣки Дуная, всякое непріятельское дѣйствіе впродолженіи 10 дней. О всемъ объ этомъ вы изволите упоминать мнѣ въ письмѣ вашемъ. Извѣстно вашему сіятельству, что отъ начала правленія моего и по сей часъ, всегда имѣлъ я намѣреніе пріобрѣсти миръ обѣимъ Имперіямъ, для общаго ихъ блага и взаимнаго благоденствія ихъ подданныхъ. Мнѣ извѣстно, что мысли вашего сіятельства не къ чему иному устремлялись, какъ ко благу и миру. При таковомъ добродѣтельномъ сокровищѣ отъ Бога намъ, въ пользу общества ниспосланномъ, сверхъ полной довѣренности, состоящей между нами, корреспонденція наша была всегда откровенна и чистосердечна. Предметъ оной были благо и справедливость. Во всю жизнь мою я составилъ извѣстность тѣмъ, что никогда не произошла отъ меня ложь на коварствѣ основанная; и я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы ваше сіятельство, въ сходственной съ истиною моей кореспонденціи, не были откровенны и прямымъ свидѣтелемъ сего моего о себѣ мнѣнія. Вслѣдствіе чего, по справедливости, увѣдомляю васъ, что Высочайшая Порта имѣетъ полныя силы и всего прочаго въ достаточномъ количествѣ къ продолжительной военной оборонѣ. Извѣстно также всѣмъ способнымъ мыслить, что отъ единаго разумнаго правителя могутъ произойти распоряженія преисполняющія надежды дѣла. Имперія Всероссійская есть также держава сильная и великая, но министры обѣихъ сторонъ, пристрастно продолжая войну, подвергаютъ себя страшному суду и мщенію Божію. Подобными дѣйствіями настоящій пламень войны можетъ развить свое заразительное дѣйствіе и произвести вражду и дѣйствіе у пограничныхъ державъ. Для насъ же онъ не долженъ быть причиною разоренія свѣта и служить къ погибели созданія Божіяго. Я искренній другъ вашъ, не взирая на силы и могущества, составляемыя войсками и сокровищами. Имѣя въ виду существенно миръ и замѣчая у васъ равныя склонности и намѣре-

нія, я нахожу, что продолженіе упомянутаго въ письмѣ вашемъ перемирія на 40 дней будетъ недостаточно, и по мнѣнію предусмотрительныхъ людей, не въ состояніи будетъ достигнуть желаемаго конца. Недовольное и сопряженное съ нѣкоторыми неудобствами краткое продолженіе сего перемирія, если бы не отъ васъ, а отъ кого другаго предлагаемо было, то по моему мнѣнію не могло бы быть принято. Но извѣстное и испытанное мною дружелюбіе ваше къ созданію Божію, благосклонность и совершенная моя въ чистосердечіе и откровенность ваши довѣренность, вслѣдствіе которой не сомнѣваюсь я, чтобы ваше сіятельство не оказали склонности вашей къ заключенію мира, даже до черты закономъ магометанскимъ не возбраняемымъ и въ упованіи, что со взаимнымъ согласіемъ постановлено будетъ время, какъ къ открытію конференціи, такъ и къ достиженію и окончанію спасительнаго дѣла. Не взирая ни на что, я пріемлю избранный вашимъ сіятельствомъ срокъ до полученія вами отъ Ея Величества державнѣйшей императрицы къ зачатію конференціи власти, и ратификаціею моею подтверждаю оную согласно съ постановленными въ Журжѣ артикулами, между комисарами Сеидъ-Абдулъ-Керимъ эфендіемъ и Иваномъ Симолинымъ, и посылаю съ нарочнымъ мою ратификацію. Надѣюсь, что получимъ отъ Господа къ содѣланію дѣла сего ту благодать, которой другіе не имѣли, почему и написано сіе мое дружелюбное письмо и послано. При полученіи сего станетъ вамъ извѣстно, что теперь нарочными уже разосланы императорскія повелѣнія, дабы всѣ мусульманскія войска, находящіяся у береговъ Дуная, наблюдали перемиріе во все предписанное время. А какъ надобно, чтобы ваше сіятельство, исполненная человѣколюбіемъ особа, какъ наискорѣе увѣдомили о семъ продолженіи перемирія главнокомандующаго вашего въ Архипегалѣ. Сдѣлайте одолженіе, пошлите къ нему, немедленно, таковое извѣстіе, и хотя настоящее ваше о продолженіи перемирія противно желаніямъ нашимъ, однако же полагаемся на откровенность и благосклонность вашу, которой я могу служить очевиднымъ свидѣтелемъ. Уповаю, что сіе продолженіе утвердитъ взаимную нашу дружбу, и что подобная добрая между нами кореспонденція, будетъ служить къ сохраненію созданій Божіихъ, ибо не приличествуетъ обѣимъ державамъ

производить болѣе войну и отсель и впредь ублаженіе тягостей противныхъ, которыя случатся въ соглашеніи спасительнаго сего дѣла, и сношеніяхъ, во всемъ сходственнымъ политическимъ обѣихъ Имперій интересамъ. Уповаю, что вы и я получимъ избавленіемъ свѣта отъ военныхъ бѣдствій славу.

№ 30.

Переводъ съ письма верховнаго визиря генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, изъ лагеря подъ Шумлою, 1186 года 29 лупы Жетазіулъ Ахыръ. Получено 29 сентября 1772 года.

(Послѣ обыкновенныхъ титуловъ и привѣтствій).

Письмомъ вашего сіятельства, отправленнымъ къ намъ черезъ Вассифъ эфендія, доказывается склонность и радѣніе ваше, согласное съ природнымъ вамъ правосудіемъ и искреннимъ благоволеніемъ, въ доставленіи тишины созданію Божію. Рѣшились вы продлить постановленное перемиріе продолженіемъ онаго еще на 40 дней и тѣмъ способствовать и утвердить теченіе мирныхъ и дружелюбныхъ дѣлъ, согласно съ закономъ магометанскимъ. Когда же съ нашей стороны будетъ принято продолженіе перемирія, то неотмѣнно требуете вы доставить вамъ на оное нашу ратификацію, не позже 10 дней, и мы, пользуясь симъ, способствующимъ мирному дѣлу обстоятельствомъ, могущимъ даровать покой столькимъ народамъ, принимаемъ перемиріе, и опасаясь потерять время, дабы черезъ 10 дней доставить оную безъ переводовъ, отправили тотчасъ же нашу ратификацію вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ, приказавъ сдѣлать изъ нихъ для вашего сіятельства переводы на итальянскомъ языкѣ, которые при семъ и прилагаются. Когда, по соизволенію Божію, ваше сіятельство получите нашу ратификацію и письмо, и увидите прилагаемые при нихъ переводы, то мы надѣемся, что прикажете исполнить все потребное и сохраните долгъ дружбы, которая впредь можетъ произвести утвержде-

ніе взаимной нашей откровенности и добраго согласія Миръ грядущихъ въ путь праведенъ.

№ 31.

Ратификація.

Ея величества Императрицы Всероссійской, главнокомандующій 1-й арміей генералъ-фельдмаршалъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, коллегіи президентъ, россійскихъ императорскихъ орденовъ, святыхъ апостола Андрея, Александра Невскаго, воннаго святаго Побѣдоносца Георгія перваго класса и голштинскаго святыя Анны кавалеръ, я, графъ Петръ Румянцевъ, симъ сознаю и объявляю всѣмъ, до кого сіе надлежитъ: что по учиненному между мною и его сіятельствомъ господиномъ верховнымъ Оттоманской Порты визиремъ Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Пашею соглашенію на продолженіе вновь перемирія, отъ 10 сего мѣсяца, на 40 дней, на точномъ основаніи, безъ наималѣйшей отмѣны, постановленныхъ при городѣ Журжѣ артикуловъ, уполномоченными комисарами, со стороны Россійской статскимъ совѣтникомъ Симолинымъ; а со стороны Порты Оттоманской Сеидъ-Абдулъ-Керимъ эфендіемъ Мукабеледжи Сувари, такъ какъ они отъ слова къ слову гласятъ. Я, желая удовлетворить моему обязательству относительно вышеписаннаго постановленія продолжаемаго перемирія, съ моей стороны ратификую и утверждаю симъ оное, обѣщая содержать, сохранять и исполнять искренно и непарушимо до тѣхъ поръ, пока съ другой стороны не произойдетъ дѣйствія и движенія противнаго сему перемирію. Въ удостовѣреніе чего я подписываю сіе моею рукою съ приложеніемъ герба моего печати. Учинено въ молдавскомъ городѣ Яссахъ, сентября 21 дня 1772 года.

№ 32.

Сіятельнѣйшій, превосходительнѣйшій Оттоманской Порты — верховный визирь Муссинъ-Заде-Мехмедъ-Паша, господинъ препочтеннѣйшій.

Съ особливымъ удовольствіемъ я имѣлъ честь получить всепочтеннѣйшія вашего сіятельства письма отъ 27 и 29 луны Жимазіулъ Ахыръ, съ приложеніями, находя въ нихъ для меня повторенія тѣхъ самыхъ благосклонностей, которыя ваше сіятельство во всѣхъ предыдущихъ отвѣтахъ выражать изволили. Познавъ самымъ дѣломъ ваши человѣколюбивые сантименты, я почитаю въ особѣ вашего сіятельства искуснаго полководца и глубокое свѣденіе, пріобрѣтенное въ дѣлахъ гражданскихъ, и устремляющаго намѣренія свои къ народному благоденствію: миролюбивыя склонности сіи тѣмъ болѣе увеличивали мое къ вамъ высокопочтеніе, чѣмъ болѣе слава и польза отъ нихъ происходящая превышали все заимствуемое нами отъ самыхъ знаменитыхъ нашихъ военныхъ дѣяній. Держась сего заключенія, я въ честь себѣ вмѣняю содѣйствовать съ моей стороны въ толь великомъ дѣлѣ, каковое есть примиреніе двухъ высокихъ Имперій. Ваше сіятельство, конечно, нашли съ моей стороны всегда чистосердечное расположеніе во всѣхъ моихъ отзывахъ съ того времени, какъ пріятнѣйшая между нами переписка къ удовольствію моему открылась. Слѣдуя тѣмъ же самымъ правиламъ, поспѣшаю доставить вашему сіятельству мою ратификацію на продолженіе перемирія, давъ повелѣнія мои о томъ всѣмъ мнѣ подчиненнымъ и сообщивъ главнокомандующему въ Архипелагѣ россійскими императорскими морскими и сухопутными силами, и спѣшу начертать способъ, ближайшій къ возобновленію прерванной негоціаціи и приведенію оной къ желаемому концу.

Превосходительный господинъ Обрѣсковъ, Ея Императорскаго Величества тайный совѣтникъ и кавалеръ, удостоившись быть упол-

номоченнымъ отъ Ея Императорскаго Величества въ званіи посла Ея Величества на конгрессѣ, пользуется, неотъемлемо, симъ достоинствомъ, до самыхъ тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть счастіе пасть къ освященнымъ стопамъ Всеавгустѣйшей нашей Государыни Императрицы. Дабы возстановляемая негоціація, при помощи Божіей, скорѣе и безотлагательно начало свое имѣла, я пригласилъ его остаться и отправиться въ мѣсто, назначенное для вступленія въ переговоры. Не сомнѣваюсь, что ваше сіятельство, пріемля за благо усерднѣйшее мое попеченіе о поспѣшнѣйшемъ теченіи и окончаніи дѣла добронамѣреннаго, благоволите назначить и съ своей стороны особу въ чинѣ и достоинствѣ его превосходительству равную, и душевными качествами въ немъ вашему сіятельству извѣстными, съ нимъ сходствующую, ибо отъ такого сходствія и согласія наиболѣе зависитъ успѣхъ въ предлежащемъ имъ трудѣ. Мѣсто къ съѣзду ихъ или сами ваше сіятельство избрать соизволите, или же оставляя то мнѣ и уважая, что приближающаяся неудобная къ пребыванію въ лагерѣ погода заставляетъ искать онаго въ жилищахъ, согласитесь на опредѣленіе къ тому, по способности, города Бухареста. Я прошу ваше сіятельство приказать препроводить посланнаго моего въ Архипелагъ капитана Лашкарева и не умедлить на сіе отповѣдью, именуя тутъ и назначенную особу, полагая число препровождающихъ оную, которое благопристойно всевозможнымъ образомъ ограничить, во избѣжаніе излишнихъ обрядовъ, несовмѣстныхъ съ чистосердечіемъ и откровенностію. Что до сокращенія пути касается, то хотя я точно пребыванія своего предположить не могу, не оставилъ однакожъ дать повелѣніе генералу при Браиловѣ командующему, о пересылкѣ писемъ вашихъ; а при возобновленіи негоціаціи не премину и я взять пребываніе мое ближе, для удобнѣйшаго сообщенія. Подтверждаю нелицемѣрное мое признаніе, что лестно мнѣ пользоваться вашею дружбою, и что, соблюдая непоколебимо достодолжное вашему сіятельству усердіе и почтеніе, пребуду навсегда вашего сіятельства доброжелательный и къ услугамъ готовый. Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, командующій арміею генералъ-фельдмаршалъ и всѣхъ россійскихъ императорскихъ орденовъ кавалеръ.

№ 33.

Переводъ письма къ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, отъ верховнаго визиря, луны Режебъ 11-го числа 1186, изъ лагеря подъ Шумлою. Получено 3-го октября 1772 года.

Черезъ чегодаря нашего Мустафу получили мы дружелюбное письмо вашего сіятельства въ отвѣтъ на наше къ вамъ и на ратификацію нашу о перемиріи, вновь между нами заключенномъ на 40 дней. Посредствомъ искренней кореспонденціи нашей вручена намъ равная отъ васъ ратификація, подтверждающая тоже перемиріе. Поняли мы содержаніе упомянутыхъ писемъ вашихъ, то есть, что ваше сіятельство съ удовольствіемъ получили наши письма и что въ раченіи и стараніи о благоденствіи немощныхъ и бѣдныхъ подданныхъ, возстановленіемъ прежняго обѣихъ сихъ державъ добраго согласія, ваше сіятельство, равнымъ образомъ, поступать станете, къ исполненію всего сему приличнаго; почему и ускорили вы отправленіемъ вашей ратификаціи и надлежащихъ повелѣній по сему дѣлу къ вашимъ подчиненнымъ; а равнымъ образомъ увѣдомите главнокомандующаго флотомъ вашимъ въ Архипелагѣ. Писали вы также, дабы возстановился прерванный уже конгрессъ, и что старый и почтенный нашъ другъ господинъ Обрѣсковъ, бывши избранъ въ званіе уполномоченнаго чрезвычайнаго посла Ея Императорскаго Величества, сохраняетъ званіе свое пока не предстанетъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ; для чего онъ и былъ вами задержанъ, чтобы лучше приготовить себя къ конференціямъ. Мы также признали за благо отъѣздъ его на конгрессъ и возобновленіе конференцій; съ нашей стороны, и апробовали старанія и раченія ваши къ скорѣйшему совершенію сего спасительнаго дѣла. Упомянуто въ вашемъ письмѣ, чтобы со стороны Оттоманской Порты назначена была особа въ званіи упомянутому послу равная и подобная ему въ благонамѣреніи и извѣстныхъ его добрыхъ ка-

чествахъ; и что, считая невозможнымъ по настоящему времени стоять въ лагерѣ, разсудили вы конгрессъ опредѣлить въ городѣ Бухарестѣ и что поспѣшное отправленіе капитана Лашкарева въ Архипелагъ и увѣдомленіе васъ объ особѣ уполномоченнаго, который имѣетъ быть назначенъ со стороны высочайшей Порты, а также о числѣ свиты его и объ уничтоженіи излишнихъ церемоній, несогласныхъ съ дружествомъ и чистосердечіемъ, которое мы до сего времени встрѣчали со стороны вашего сіятельства. Раченіе, непремѣнное стараніе ваше о дарованіи спокойствія рукотворенію Божію, объ отдаленіи вражды и возстановленіи взаимной дружбы между двумя Имперіями, день ото дня все больше показываетъ вашу врожденную умѣренность и правосудіе. Но сіи послѣднія письма ваши еще болѣе доказываютъ вышеозначенныя качества ваши, которыя утвердили и укрѣпили искреннюю нашу къ вашему сіятельству дружбу. Намѣреніе наше единственно состоитъ въ томъ, чтобы предохранить рукотвореніе Создателя взаимныхъ подданныхъ, а также защитить души наши и наши дворы отъ грѣха кровопролитія и отъ великихъ бѣдствій. Согласно съ письмомъ вашего сіятельства, опредѣленъ на мирный конгрессъ уполномоченный съ полною властію и званіемъ чрезвычайнаго посла, славная секретарей глава, одаренный многими познаніями и нравоученіемъ, источникъ риторики, сокровище благопріятнаго краснорѣчія, обладатель совершенныхъ достоинствъ и благовонной славы; одаренный вышнею благодатію Создателя Господа, министръ высочайшей и вѣчной Порты, вѣры достойный въ рѣчахъ своихъ, искусный въ секретахъ, благопріятный въ обхожденіи, дѣйствительный рейсъ эфенди, снабженный уполномочіемъ, почтеннѣйшій Емази-Абдулъ-Резакъ эфенди, Господь да продолжитъ знатность и знаніе его; который, бывъ избранъ для сего, приготовилъ всѣ потребныя ему вещи и ему даны повелѣнія и наставленія, касательно отправленія его въ назначенное для конгресса мѣсто. Ваше сіятельство предувѣдомлены будете, какъ о днѣ отъѣзда, такъ и о числѣ сопровождающихъ его лицъ. Надобно, чтобы ваше сіятельство поспѣшили съ вашей стороны отъѣздомъ въ Бухарестъ вашего уполномоченнаго. Вышеупомянутый эфендій занимаетъ при блистательной Портѣ высокую степень; а по объявленіи вашему же, есть у державъ правило, чтобы званіе

и степень уполномоченныхъ были равныя. Одинъ изъ нужныхъ артикуловъ на конгрессѣ долженъ быть тотъ, чтобы вашъ уполномоченный, а нашъ другъ господинъ Обрѣсковъ, согласно съ принятыми при дворахъ обычаями, возвышенъ былъ въ званіи своемъ и сравненъ съ нашимъ уполномоченнымъ; для того потребно съ вашей стороны стараніе и ходатайства о возвышеніи его въ званіи и достоинствѣ, и нужно снабдить его такимъ образомъ соотвѣтствующимъ актомъ.

Что же касается до капитана Лашкарева, то безъ всякой медленности, въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ императорскій лагерь, онъ былъ отправленъ съ конвоемъ въ Архипелагъ, съ полною безопасностію.

Сообразно принятому между державами обычаю, въ намѣреніи способствовать, при помощи Божіей, взаимному утвержденію мира, составленные и признанные за благо три артикула должны служить основаніемъ; которые заключаются въ настоящемъ письмѣ моемъ и посланы къ вашему сіятельству, согласно съ откровенностію, искренностью и умѣренностію, которыя мы въ васъ видѣли. Если они вами приняты и признаны благопріятными, то несомнѣнно споспѣшествовать будутъ постановленію основанію мира. Написано сіе дружелюбное письмо наше и послано съ N. N. Когда съ помощію Божіею вы его получите и за благо примете вышеписанные артикулы, то навѣрное тѣмъ ускорите предверіе взаимной дружбы между обоими дворами.

Миръ грядущимъ въ путь праведенъ.

№ 34.

Переводъ съ письма къ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, отъ верховнаго визиря, 13-го луны Режебъ 1186 года, изъ лагеря подъ Шумлою. Получено 4 октября 1772 года.

Въ дружелюбномъ и миролюбивомъ письмѣ нашемъ, отправленномъ вашему сіятельству нѣсколько дней передъ симъ, изъяснено

и предложено было, что согласно съ правосудіемъ, умѣренностью и откровенностію вашими и вслѣдствіе постоянныхъ стараній вашихъ о совершеніи того, что можетъ даровать при помощи Божіей тишину и благоденствіе взаимнымъ подданнымъ, перемѣняя въ дружбу и доброе согласіе холодность и вражду, предопредѣленіемъ Божіимъ, возставшую между сими двумя Имперіями; равномѣрно старанія наши и раченія, съ искренностію сопряженныя, состоятъ въ томъ, чтобы получить отъ Господа благодать и посредствомъ таковаго примиренія, предохранить жизнь и честь столькихъ созданій Божіихъ отъ настоящей погибели и крайняго разоренія. Съ помощію Всевышняго, положили мы желаемымъ образомъ основаніе строенія и благаго успѣха сего спасительнаго дѣла. По силѣ дружелюбнаго письма вашего, полученнаго нами, нѣсколько дней назадъ, былъ назначенъ съ высокимъ званіемъ чрезвычайнаго посла уполномоченный, славный и прочее: (титулъ, какъ и въ прежнемъ письмѣ) рейсъ эфендій; и что сообщена вамъ будетъ записка о числѣ сопровождающихъ его лицъ, съ увѣдомленіемъ о днѣ отъѣзда его изъ лагеря императорскаго. Въ этомъ состоитъ содержаніе послѣдняго нашего къ вамъ письма. Къ отъѣзду вышепомянутаго эфендія изъ лагеря императорскаго назначено 24 число луны Режебъ въ четвергъ, а прибытіе его въ Рущукъ послѣдуетъ на 6 день по его отъѣздѣ. Сдѣлано росписаніе, означающее число и достоинство составляющихъ свиту его и прочихъ служителей, которое при письмѣ нашемъ послано къ вашему сіятельству. Посему и написано сіе дружелюбное наше письмо, въ надеждѣ при томъ ускорить также и отъѣздъ въ назначенный для конгресса городъ Бухарестъ, почтеннѣйшаго друга нашего, господина Обрѣскова, уполномоченнаго отъ державнѣйшаго россійскаго двора, по чину равнаго, упомянутому эфендію, и послано съ N. N. Когда съ помощію Божіею вы его получите, то будьте извѣстны объ отправленіи упомянутаго уполномоченнаго рейсъ эфендія. Надѣемся, что вы употребите стараніе объ отъѣздѣ въ городъ Бухарестъ вышеупомянутаго друга нашего, вашего уполномоченнаго, съ чиномъ и званіемъ равнаго вышеупомянутому эфендію и увѣдомите насъ въ который день слѣдуетъ переправляться послу нашему, рейсъ эфендію, изъ Рущука на противный берегъ. Миръ грядущимъ въ путь праведенъ.

№ 35.

Переводъ съ приложенія къ визирскому письму отъ 11-го луны Режебъ 1186 года, изъ лагеря подъ Шумлою.

Къ споспѣшествованію и облегченію при помощи Божіей постановленія взаимной доброй дружбы и благоденствія обѣихъ сторонъ, сообразуясь съ правилами, употребляемыми между державами, представляются отъ насъ слѣдующіе артикулы, дабы они служили основаніемъ, и которые, когда апробованы и приняты будутъ со стороны вашего сіятельства, и почтеннѣйшаго друга нашего господина Обрѣскова, уполномоченнаго россійскаго двора, то устранится тѣмъ всякая медленность въ желаніяхъ обѣихъ сторонъ, относительно сего дѣла, и вѣроятно это послужитъ орудіемъ къ совершенному приведенію, безъ всякихъ затрудненій, сего спасительнаго дѣла къ желаемому концу.

Артикулъ 1-й

Признано за нужное, чтобы въ предыдущихъ конференціяхъ, съ помощію Божіею учрежденныхъ, по прошествіи срока перемирія, который можетъ быть минуетъ пока уполномоченные съѣдутся въ опредѣленное мѣсто, то чтобы уполномоченные обѣихъ сторонъ, съѣхавшись вновь, постановили бы потребное и достаточное продолженіе армистиціи къ споспѣшествованію конгресса.

Артикулъ 2-й

Вѣроятно намѣреніе россійскаго двора относительно вольности татаръ состоитъ въ томъ, чтобы обезопасить себя отъ наносимаго ими вреда; но еще вѣроятнѣе, что совершенная вольность сего народа заключаетъ въ себѣ предосудительности не только для обѣ-

ихъ сторонъ, но можетъ быть и для прочихъ державъ, почему постановленными артикулами вольность сего народа должна быть опредѣлена такъ, чтобы впредь не произошло ничего противнаго между двумя державами чистосердечію.

Артикулъ 3-й.

Сохраняя величіе высочайшей Порты, дѣло о торговлѣ между смежными державами постановляются взаимными дружескими договорами; почему и нынѣ соглашеніе о торговлѣ имѣетъ быть постановлено по взаимному согласію, сходственно съ обоюдною ихъ пользою.

№36.

Копія съ письма генералъ-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному визирю Оттоманской Порты, октября 7-го 1772 года.

Два письма вашего сіятельства съ приложеніями, первое отъ 11-го луны Регнебъ, черезъ чегодаря вашего Мустафу въ 3-й день октября, а другое отъ 13-го той же луны, черезъ курьера, въ 4-й сего же мѣсяца, я имѣлъ честь получить, съ такимъ удовольствіемъ, какое свойственно одинаково благонамѣреннымъ въ дѣлахъ и въ твердой дружбѣ пребывающимъ. Желая изъявить и нынѣ мою готовность къ содѣйствію въ предлежащемъ дѣлѣ, поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей и всеавгустѣйшей Государыни Императрицы чрезвычайный и уполномоченный посолъ, высокородный и превосходнѣйшій господинъ тайный совѣтникъ, Ея Императорскаго Величества государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ, разныхъ орденовъ кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Обрѣсковъ, на сихъ дняхъ отправляется въ Бухарестъ и не опоздаетъ прибыть туда ко времени назначенія пріѣзда превосходительнаго господина Елгази Абдулъ Разакъ, рейсъ эфендія Порты Оттоманской.

Превосходныя качества и добронравіе, отличающія обоихъ пословъ, искуство въ дѣлахъ и полное знаніе обрядовъ обоихъ высокихъ государствъ, при подобныхъ случаяхъ употребляемыхъ, достаточно могутъ насъ обнадежить лучшими успѣхами сей возобновляемой негоціаціи, и найдутся они въ состояніи артикулы, въ вашемъ приложеніи упоминаемые, и другіе, имъ предлежащіе, привесть въ порядокъ и рѣшить такъ, какъ достоинство, взаимная польза обоихъ высокихъ дворовъ и дружественныя отношенія между ними того требовать будутъ: а потому и срокъ продолженія перемирія въ первыхъ своихъ конференціяхъ, смотря по надобности, они вновь должны постановить. Не оставляя нигдѣ ни малѣйшаго слѣда къ сомнѣнію въ моей съ вами чистосердечной откровенности, и доказывая вездѣ мое желаніе способствовать сближенію добраго согласія обѣихъ высокихъ Имперій, сходно съ разсужденіемъ вашего сіятельства, что господа послы, едва только съѣхаться могутъ къ сроку настоящаго перемирія, далъ я новыя повелѣнія, всѣмъ подвластнымъ мнѣ генераламъ, о возстановленіи конгресса, и предоставленіи оному продолжить перемиріе, дабы между тѣмъ, постановленіемъ онаго, и по истеченіи срока, вездѣ прекращены были непріязненныя дѣйствія на прежнемъ основаніи. А потому я имѣю право ожидать соотвѣтственно тому взаимныхъ и отъ вашего сіятельства, къ подчиненнымъ вашимъ, повелѣній, о непрерывномъ сохраненіи перемирія, до воспослѣдованія отъ господъ полномочныхъ новаго о томъ постановленія, чтобы, между тѣмъ, не произошли случаи, для насъ обоихъ непріятные, въ которыхъ покушающіеся не дѣлу, но собственнымъ своимъ видамъ споспѣшествовать ищутъ. О учиненномъ до истеченія срока перемирія прошу меня увѣдомить.

Хотя его превосходительство господинъ тайный совѣтникъ Обрѣсковъ облеченъ саномъ, имѣющимъ степень наравнѣ съ первостатейными государственными чинами и орденами, яко отличными знаками высочайшаго къ нему благоволенія и милости Ея Императорскаго Величества; но въ удовлетвореніе требованія вашего сіятельства о возвышеніи его, я взойду всеподданнѣйшимъ представленіемъ моимъ къ подножію освященнаго престола Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей моей Государыни. Я хочу

при томъ сказать вашему сіятельству, что избраніе превосходительнаго господина рейсъ эфенди къ дѣлу сему весьма мнѣ пріятно, ибо будучи предувѣдомленъ о высокихъ его качествахъ, давно уже имѣлъ къ нему особое уваженіе. Не преминулъ я также дать, кому надлежало, повелѣніе, чтобы его превосходительство при вступленіи на здѣшній берегъ встрѣченъ и препровожденъ былъ съ благопристойными и подобающими достоинству его почестями, и чтобы въ пути и во время пребыванія своего въ Бухарестѣ, нашелъ бы все для себя нужное по запискѣ отъ васъ мнѣ сообщенной.

Заключаю сіе возсылая къ Всевышнему, всѣхъ благъ Подателю, теплыя мои молитвы, чтобы Онъ благословилъ начинаемое дѣло благополучнѣйшимъ успѣхомъ къ прекращенію пагубной войны, къ успокоенію столь многихъ народовъ, подвластныхъ обоимъ государствамъ, и, къ счастію нашему, принимающихъ въ семъ участіе; возобновляю искреннія мои увѣренія, съ совершеннымъ къ вашему сіятельству почтеніемъ.

№ 37.

Реэстръ ежедневному таину (*) блистательной Порты полномочнаго посла.

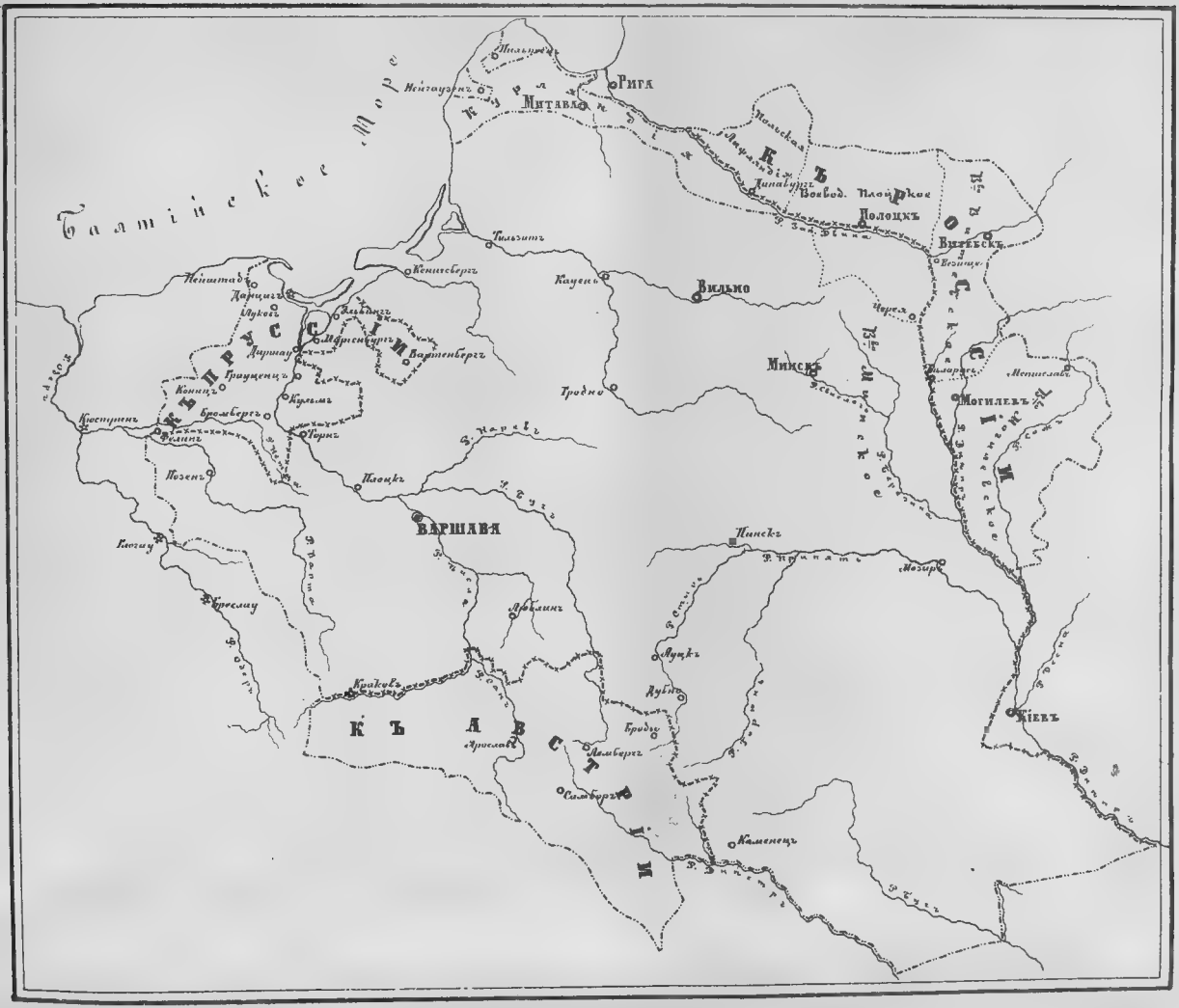
А именно:

Хлѣба числомъ.	540.
Баранины окъ (**).	146.
Ягнятины окъ	15.
Коровьяго масла окъ.	26.
Меду окъ.	5.
Сальныхъ свѣчей окъ.	11.
Куръ и цыплятъ	18.

(*) Содержанію.
(**) Око = 3 фунтамъ.

Сарачинскаго пшена окъ . . . . . 85.
Сахару окъ . . . . . 4.
Корицы драхмъ . . . . . 2.
Гвоздики драхмъ . . . . . 3.
Мастиче . . . . . 5.
Коринки окъ . . . . . 1.
Яицъ . . . . . 25.
Пистаки окъ . . . . . 1/2.
Изюму . . . . . 1.
Кардамону драхмъ . . . . . 5.
Перцу . . . . . 5.
Уксусу окъ . . . . . 5.
Лимоновъ . . . . . 15.
Пшеницы окъ . . . . . 8.
Тмину драхмъ . . . . . 50.
Гороху окъ . . . . . 8.
Миндалю . . . . . 1/2.
Луку . . . . . 27.
Соли . . . . . 5.
Шафрану драхмъ . . . . . 10.
Деревяннаго масла окъ . . . . . 4.
Крахмалу . . . . . 7.
Муки пшеничной окъ . . . . . 25.
Фасоли окъ . . . . . 8.
Мыла . . . . . 2 1/2.
Кофе . . . . . 6.
Ячменю кулей . . . . . 109.
Соломы возовъ . . . . . 17.
Дровъ возовъ . . . . . 17.

КАРТА
1го Раздѣла Польши въ 1772 году.



Театра войны

1772, 1773 и 1774 Годовъ.

II

КАМПАНІЯ 1773 ГОДА

КАМПАНІЯ 1773 ГОДА.

ГЛАВА I.

Въ началѣ 1773 года можно было ожидать, что бухарестскіе переговоры объ окончаніи войны съ Турціей не увѣнчаются успѣхомъ. Уполномоченные Порты не рѣшились взять на себя отвѣтственность въ уступкѣ Россіи нѣкоторыхъ крѣпостей въ Крыму и въ признаніи гарантіи Россіи надъ татарами. Графъ Румянцевъ, расположивъ свою армію на зимнихъ квартирахъ въ дунайскихъ княжествахъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ бухарестской конференціи, отъ результатовъ которой зависѣлъ образъ дальнѣйшихъ его дѣйствій.

Прекращеніе переговоровъ въ Бухарестѣ. Приготовленіе обѣихъ сторонъ къ продолженію войны въ 1773 году.

Съ своей стороны, турки, теряя надежду на скорую возможность окончанія войны, готовились къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ и визирь разослалъ повелѣнія собрать до 70,000 новыхъ войскъ изъ болгаръ, сербовъ и арнаутовъ, объявивъ что въ случаѣ замедленія или ослушанія въ исполненіи его приказанія, все имущество виновныхъ будетъ разорено.

Русскій полномочный посолъ на бухарестской конференціи, тай-

ный совѣтникъ Обрѣсковъ, истощивъ всѣ средства привести переговоры къ желаемому исходу, оставилъ Бухарестъ, откуда выѣхалъ 11 февраля и уполномоченный Порты—рейсъ-эфенди.

Желая, однако, удержать хотя тѣнь надежды на лучшій исходъ дѣла, оба уполномоченные согласились установить между собою переписку по вопросамъ о мирныхъ переговорахъ. Гр. Румянцевъ и рейсъ-эфенди размѣнялись письмами, съ изъявленіемъ сожалѣнія о прекращеніи бухарестскаго конгресса (*), что не имѣло, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, съ половины февраля должны были возобновиться военныя дѣйствія.

Императрица Екатерина, въ рескриптѣ къ гр. Румянцеву, указывала на необходимость, тотчасъ же, открыть кампанію 1773 года, чтобы воспользоваться раздробленіемъ турецкихъ войскъ, которыя не были еще собраны, и большая часть которыхъ, кромѣ защищавшихъ гарнизоны крѣпостей, были распущены по квартирамъ.

Планъ кампаніи, высказанный Императрицей Екатериною и затрудненія къ его выполненію.

Императрица полагала, что перенеся немедленно наши дѣйствія за Дунай, будетъ легко разбить немногочисленную армію визиря, стоявшаго въ Бабадагѣ, и занять все пространство по ту сторону Дуная до самыхъ Балканъ.

Но гр. Румянцевъ, столько же рѣшительный, какъ и осторожный, не видѣлъ возможности открыть кампанію ранѣе конца апрѣля или мая мѣсяца; а относительно перенесенія главныхъ силъ за Дунай находилъ препятствіе въ малочисленности своей арміи, которая много потерпѣла отъ разныхъ лишеній, неразлучныхъ съ продолжительною кампаніею.

Солдаты ощущали большой недостатокъ въ одеждѣ. Аммуничныя вещи были доставлены къ арміи въ двадцатыхъ числахъ фев-

(*) См. Приложеніе № 1 и 2. Реляціи гр. Румянцева за 1773 г., стр. 10 и 14.

раля и не было времени построить ихъ. Рекруты, высланные на укомплектованіе арміи, не дошли еще до своихъ полковъ и вовсе не были обучены; а съ такими людьми нельзя было начинать кампаніи. Семь пѣхотныхъ полковъ, отправленныхъ изъ арміи гр. Румянцева въ Польшу, когда была надежда на успѣшный ходъ бухарестскихъ переговоровъ о мирѣ, и которые велѣно было возвратить въ армію, въ виду предстоящихъ дѣйствій на Дунаѣ—не успѣли дойти по назначенію. Отдаленность театра войны затрудняла доставку продовольственныхъ припасовъ, высылавшихся изъ Польши; австрійскія войска заняли районы, изъ которыхъ получалась главнѣйшая часть продовольственныхъ средствъ для арміи гр. Румянцева. Къ тому же, чрезвычайно холодная и продолжительная зима лишила возможности пользоваться раннимъ подножнымъ кормомъ, какъ въ княжествахъ, такъ и за Дунаемъ. Разсчитывать же на какой бы то ни было кормъ, по стаяніи снѣга, было нельзя, потому что турки выжигаютъ прошлогоднюю траву, въ надеждѣ на лучшіе травяные всходы весною.

Числительность арміи гр. Румянцева къ марту 1773 г., и расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ.

Числительность арміи гр. Румянцева къ марту мѣсяцу доходила до 77,000 человѣкъ; за исключеніемъ же больныхъ и бывшихъ въ отлучкахъ, оставалось подъ ружьемъ всего 50,543 рядовыхъ. На укомплектованіе войскъ требовалось 16,263 чел., изъ числа которыхъ только 3,000 человѣкъ выступило изъ Кіева для слѣдованія къ арміи отдѣльными партіями, и послѣдняя партія вышла изъ Кіева только 28 февраля, такъ что не могла прибыть къ арміи ранѣе апрѣля мѣсяца. Армія гр. Румянцева имѣла задачею охранять на протяженіи 750 верстъ теченіе Дуная, защищать княжества, въ которыхъ начало уже проявляться сомнительное расположеніе къ русскимъ, вслѣдствіе слуха о возвращеніи этихъ княжествъ подъ скипетръ Порты по окончаніи войны (*); наконецъ

(*) См. Приложеніе № 3 реляціи Румянцева.

необходимость охранять спокойствіе въ тылу арміи со стороны Польши, гдѣ были главные продовольственные склады, — все это заставило гр. Румянцева держать свои войска отдѣльными корпусами и отрядами, раздѣленными между собою большими разстояніями. Такъ корпусъ генералъ-маіора Потемкина стоялъ зимою на Нижнемъ Дунаѣ противъ Силистріи; Вейсмана въ Бессарабіи въ Измаилѣ, и генералъ-поручика гр. Салтыкова на верхнемъ Дунаѣ, противъ Рущука, Турно, Никополя и Туртукая. Главныя силы расположены были въ Яссахъ, откуда гр. Румянцевъ имѣлъ въ виду образовать связь между правымъ и лѣвымъ крыломъ арміи, и въ случаѣ надобности поддержать то или другое изъ нихъ.

Турки, съ своей стороны, провели зиму занимая крѣпости по Дунаю отъ Силистріи до Виддина, а армія визиря стояла около Шумлы. Отдѣльные отряды занимали Бабадагъ, Базарджикъ и другіе пункты за Дунаемъ.

15 галіотовъ съ пушками и 60 чел. на каждомъ, отправлены были изъ Константинополя въ Очаковъ, вмѣстѣ съ 15 другими меньшими галіотами съ провіантомъ. Кромѣ того, большое число судовъ съ войсками отправлялось къ городу Таману.

Султанъ публиковалъ въ Константинополѣ фирманъ отъ 9 марта, въ которомъ сказано было: «что война съ русскими возобновляется и всякій вѣрующій и усердно почитающій Магомета пусть готовится служить при великомъ визирѣ».

Изъ Константинополя получались извѣстія, что султанъ былъ скорѣе расположенъ не возобновлять войны и прійти къ мирнымъ соглашеніямъ, но диванъ требовалъ войны, не допуская возможности потерять Крымъ.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій было тѣмъ затруднительнѣе для турокъ, что султанскій фирманъ, отправленный въ Анатолію о собраніи тамъ войскъ для визирской арміи, оказался не исполненнымъ, потому что азіатскіе турки были озабочены собственною защитою отъ Али-бея, усилившагося въ Сиріи и особенно около Іерусалима.

Что касается до продовольствія турецкихъ войскъ въ предстоящую кампанію, то чрезвычайный урожай хлѣба въ Анатоліи обез-

печивалъ продовольствіе войскъ изъ обширныхъ складовъ, учрежденныхъ въ Константинополѣ (*).

Съ прекращеніемъ срока перемирія ни та, ни другая стороны не начинали военныхъ дѣйствій, потому что не были къ нимъ готовы.

Императрица Екатерина, какъ мы говорили, требовала наступательныхъ дѣйствій, перенесенія главныхъ силъ за Дунай и разбитія визиря.

Гр. Румянцевъ, въ реляціи отъ 25 марта 1773 г., изложилъ свой взглядъ на затрудненія и невозможность перенести въ настоящее время главныя дѣйствія за Дунай, указывая на раздробленіе его арміи, и на то, что съ переходомъ за Дунай непріятельскія крѣпости останутся у насъ въ тылу и на флангахъ; а наши сообщенія и доставка къ арміи припасовъ подвергнутся крайней опасности. Брать же непріятельскія крѣпости штурмомъ или правильной осадой, потребовало бы много времени и потери людей, число которыхъ и безъ того не велико, тогда какъ непріятель, прикрытый своими крѣпостями, въ которыхъ всегда упорно обороняется, будетъ имѣть всѣ выгоды защиты на своей сторонѣ. Если же, не приступая къ осадѣ крѣпостей, и не перенося главныхъ силъ на ту сторону Дуная, ограничиться одною диверсіею на армію визиря подъ Шумлой, то непріятель всего вѣроятнѣе уйдетъ въ горы, во внутрь страны, и войска наши, не имѣя возможности углубиться во враждебный край, должны будутъ возвратиться обратно безъ всякаго результата, что можетъ только послужить къ невыгоднымъ для чести нашего оружія толкованіямъ.

Планъ кампаніи по предположеніямъ гр. Румянцева.

Такимъ образомъ гр. Румянцевъ находилъ возможнымъ дѣйствовать наступательно только малыми отрядами противъ турецкихъ войскъ, стоявшихъ вблизи Дуная, и только при помощи благопріят-

(*) Показаніе грека Пахо Плу. Рел. Рум. стр. 38.

ныхъ обстоятельствъ, углубляться въ непріятельскій край на большее или меньшее разстояніе, смотря по возможности, и потомъ снова отходить назадъ. Такими дѣйствіями гр. Румянцевъ полагалъ возможнымъ удерживать турокъ за Дунаемъ и предохранять занятый нами край отъ частыхъ набѣговъ и рѣшительныхъ дѣйствій противника. Поэтому взглядъ Румянцева на предстоящую кампанію расходился съ желаніями Императрицы. Гр. Румянцевъ такъ выражается въ своемъ донесеніи: «я, не имѣвъ и въ лучшемъ вѣкѣ большихъ способностей и искусства, въ преклонномъ, нынѣ, чувствую, ежели не отъ долговременныхъ трудовъ, то отъ частыхъ припадковъ, всю слабость и оскудѣніе въ силахъ и не могу имѣть довольной довѣренности къ своимъ средствамъ и мѣроположеніямъ.» Напротивъ того, сообразивъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ была наша армія, едва ли образъ дѣйствій, предлагаемый гр. Румянцевымъ, не былъ самымъ раціональнымъ.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ мартѣ мѣсяцѣ: дѣла близъ Силистріи, Турно и Рущука.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній изъ Петербурга, гр. Румянцевъ приказалъ тревожить непріятеля въ разныхъ пунктахъ теченія Дуная. Вслѣдствіе чего генералъ-маіоръ Потемкинъ, находившійся съ своимъ отрядомъ противъ Силистріи, сдѣлалъ 16 марта высадку на островъ Дуная ниже Силистріи и показывалъ видъ, что намѣренъ перейти Дунай въ этомъ мѣстѣ. Оставшись на всю ночь на островѣ, Потемкинъ отправилъ 300 гренадеръ при подполковникѣ князѣ Голицынѣ на запорожскихъ лодкахъ, для высадки на тотъ берегъ рѣки и аттаки 500 коннаго отряда, стоявшаго въ 20 верстахъ ниже Силистріи, подъ командою Джефира и Куртъ Пашей. Кн. Голицынъ, ротой гренадеръ съ запорожцами, аттаковалъ и разбилъ турецкій отрядъ, заставивъ его отступить. Запорожцы перегнали черезъ Дунай значительное количество взятаго у непріятеля рогатаго скота и лошадей, и уничтожили девять мельницъ бывшихъ на Дунаѣ. Г. М. Потемкинъ отдалъ весь скотъ запорожцамъ въ

поощреніе ихъ храбрости, а лучшихъ лошадей купилъ, по дешевой цѣнѣ, въ пикинерный полкъ.

Не менѣе удачный поискъ былъ произведенъ 15 марта арнаутами, при премьеръ-маіорѣ Богдановѣ, который сдѣлалъ нападеніе на деревни Фламунду и Магуряны, лежащія близь г. Турно.

Турки, съ своей стороны, готовились къ подобнымъ же дѣйствіямъ и начали производить нападенія на разные пункты, занятые нашими войсками по Дунаю.

Такъ, замѣчено было, что непріятель усиливается въ Гуробалахъ и готовится къ поиску. Генералъ-маіоръ Потемкинъ отправилъ поэтому, 21 марта, подполковника барона Ферзена съ премьеръ-маіорами Шипиловымъ и Волковымъ къ Гуробаламъ и далъ каждому изъ нихъ по 100 чел. пѣхоты, посаженныхъ на запорожскія лодки. Маіоръ Волковъ и запорожскій полковникъ Дупличь, подойдя скрытно къ деревнѣ Еникюй, близь Гуробалъ, аттаковали спавшихъ турокъ, бывшихъ подъ начальствомъ двухбунчужнаго паши Мустафы и истребили ихъ совершенно. Встревоженная непріятельская конница прибыла изъ Козлуджилара, но была немедленно аттакована подполковникомъ Ферзеномъ и обращена въ бѣгство, а маіоръ Шипиловъ направился для прогнанія непріятеля, засѣвшаго въ шанцахъ, по берегу Дуная, ниже отъ деревни Еникюй. По разбитіи непріятеля, отдѣльные отряды наши соединились и съ добычей возвратились назадъ.

Услышавъ перестрѣлку со стороны Гуробалъ и полагая, что Потемкинъ отрядилъ туда большую часть своихъ войскъ, стоявшихъ противъ Силистріи, силистрійскій паша Османъ рѣшился сдѣлать нападеніе на отрядъ Потемкина. Пѣхота непріятельская, числомъ до 2,000 чел., отправилась изъ Силистріи на 23 лодкахъ, и пристала къ острову, лежащему противъ деревни Ликорештъ. Замѣтивъ это, секундъ-маіоръ Шембергъ, стоявшій при истокѣ рѣки Борщъ(*) посадилъ 200 гренадеръ и казаковъ на восемь запорожскихъ лодокъ, и направился къ мѣсту высадки непріятеля, съ намѣреніемъ овладѣть его лодками и лишить его возможности отступленія. Въ то

(*) Небольшой протокъ, начинающійся близь Силистріи и идущій параллельно лѣвому берегу Дуная до Гирсова.

же время на подкрѣпленіе Шемберга, подполковникъ Уваловъ высадилъ на островъ эскадронъ пикинеръ. Турки, опасаясь отдѣлиться отъ своихъ лодокъ, завязали перестрѣлку, и поспѣшили возвратиться въ Силистрію, понеся значительную потерю, такъ что двѣ ихъ лодки были наполнены ранеными.

Вообще можно было замѣтить, что непріятель, озабоченный рѣшительными дѣйствіями отряда Потемкина, предполагалъ усиленіе нашихъ войскъ противъ Силистріи, гдѣ было до 8,000 гарнизона. Считая и этотъ гарнизонъ слабымъ, непріятель началъ усиливать силистрійскій отрядъ, и съ этою цѣлью отозвалъ изъ Туртукая и другихъ пунктовъ по Дунаю значительныя части войскъ.

Гр. Румянцевъ, вѣрный своей системѣ, тотчасъ же приказалъ командовавшему, за отсутствіемъ гр. Салтыкова, 2-ю дивизіею генералъ-маіору князю Трубецкому, озабочивать непріятеля въ тѣхъ частяхъ его расположенія, откуда были отозваны войска къ Силистріи и, такимъ образомъ, воспрепятствовать сосредоточію значительныхъ непріятельскихъ силъ на одномъ пунктѣ.

Съ этою цѣлью журжевскій комендантъ, премьеръ-маіоръ Іохемсенъ и подполковникъ Пеутлингъ, занимавшій постъ при устьѣ рѣки Тилормана, сдѣлали нѣсколько удачныхъ нападеній на турецкія суда, которыя подходили съ припасами къ Рущуку и Систову, и даже овладѣли нѣкоторыми изъ нихъ. Пеутлингъ получилъ, сверхъ того, приказаніе сдѣлать, при случаѣ, попытку овладѣть Систовымъ, который былъ слабо укрѣпленъ и гдѣ находилось не болѣе 1000 чел. гарнизона. Съ этою цѣлью изъ Журжи были отправлены отъ Пеутлинга легкія лодки для поднятія 500 чел. пѣхоты. Доставка лодокъ производилась ночью, по одному изъ рукавовъ Дуная, такъ что, проходя мимо Рущука, онѣ не подвергались выстрѣламъ съ этой крѣпости.

Что касается до намѣреній непріятеля и его расположенія, то къ концу марта мѣсяца было извѣстно только, что отъ 8—10,000 турокъ находятся въ Силистріи, до 5000 въ Рущукѣ, укрѣпленія котораго усиливались и гдѣ былъ большой провіантскій магазинъ. До 1,000 чел. находилось въ Систовѣ; до 10,000 чел. въ Никополѣ и 3,000 чел. въ Турно, при которомъ были и всѣ лодки, отобранныя отъ жителей, и на который турки ожидали нападенія главныхъ

силъ нашей арміи. О татарскомъ ханѣ было извѣстно, что онъ выступилъ изъ Черноводъ въ Константинополь, а визирь намѣревается выступить изъ Шумлы въ Плевенъ.

Гр. Румянцевъ полагалъ, что передвиженіе визиря въ Плевенъ имѣетъ цѣлью образовать родъ резерва для поддержанія, въ случаѣ надобности, крѣпостей Рущука, Никополя и Виддина, или же визирь намѣренъ приблизиться къ Дунаю для вторженія въ Валахію.

Поэтому гр. Румянцевъ приказалъ тщательно наблюдать за движеніями непріятеля за Дунаемъ, и въ особенности имѣть осторожность во время праздниковъ предстоящей пасхи, такъ какъ турки всегда становятся рѣшительнѣе въ эти дни, разсчитывая на оплошность нашихъ войскъ во время праздниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій рѣшился сосредоточить свои силы на правомъ берегу р. Серета, чтобы оттуда имѣть возможность подкрѣпить правый или лѣвый флангъ нашего расположенія по Дунаю, еслибы визирь открылъ противъ нихъ свои дѣйствія изъ Плевенъ.

Съ этою цѣлью онъ полагалъ собрать возможно большее количество судовъ, сосредоточивъ ихъ близъ главныхъ силъ, чтобы посылать подкрѣпленія на судахъ; это было-бы особенно удобно для подкрѣпленія лѣваго фланга, куда суда доходили бы внизъ по теченію.

Но сдѣлать предполагаемое передвиженіе главныхъ силъ не было возможности ранѣе появленія подножнаго корма и уменьшенія грязи по дорогамъ, которыя до того были испорчены, что даже нашъ уполномоченный въ Бухарестѣ, г. Обрѣсковъ, не могъ выѣхать изъ города; а посланный впередъ одинъ изъ его экипажей, пройдя три станціи отъ Бухареста, долженъ былъ остановиться. Съ другой стороны, всѣ сдѣланные въ княжествахъ запасы зимняго корма были израсходованы, такъ какъ гр. Румянцевъ былъ вынужденъ давать фуражъ для транспортовъ, приходившихъ изъ Польши, и для почтовыхъ лошадей, которыя едва держались на ногахъ, отъ гоньбы и недостатка корма.

При такихъ обстоятельствахъ гр. Румянцевъ имѣлъ въ виду отдалить срокъ начала кампаніи, и потому былъ очень радъ полученію письма отъ визиря, въ которомъ было сказано: что такъ

какъ уполномоченные обѣихъ державъ согласились имѣть между собою сношенія посредствомъ корреспонденціи для приведенія прерванныхъ мирныхъ переговоровъ къ желанному концу, то онъ, съ своей стороны, одобряетъ это соглашеніе и надѣется на его успѣхъ (*). Такое заявленіе визиря отдаляло срокъ рѣшительныхъ дѣйствій, и потому гр. Румянцевъ отвѣчалъ визирю отъ 27 марта, что онъ: „пріемля съ истиннымъ удовольствіемъ постановленіе, сдѣланное уполномоченными, обѣщаетъ наискреннѣйше, какъ сей ихъ конвенціи удовлетворить цѣлостнымъ и во всей полности ея наблюденіемъ, такъ и по мѣрѣ всей возможности способствовать благополучнѣйшему сего спасительнаго дѣла совершенію.“

Чрезвычайно суровая зима минувшаго года была причиною, что даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ трава не показывалась на поляхъ и притомъ снѣгъ не успѣлъ еще сойти. За неимѣніемъ корма мѣстные жители лишились лошадей и, сами бѣдствуя, оставляли жилища. Къ тому же въ Валахіи и Бессарабіи войска начали страдать скорбутомъ; число больныхъ постоянно увеличивалось, а рекруты все еще не подходили къ арміи; кромѣ того, по крайнему ихъ изнуренію и совершенному незнанію военнаго дѣла, они не годились для немедленнаго пополненія рядовъ арміи и выступленія въ походъ для открытія кампаніи.

Между тѣмъ изъ Петербурга снова послѣдовало приказаніе открыть военныя дѣйствія противъ визиря и о перенесеніи нашего оружія за Дунай. Гр. Румянцевъ доносилъ Императрицѣ, что въ настоящее время онъ еще болѣе находилъ «возможность держаться выгоднаго настоящаго положенія, и ежели не опасность, то сомнѣніе выходить изъ онаго, ища успѣховъ, зависящихъ отъ великой удачи».

Однакожъ, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность за вторичное неисполненіе приказаній Императрицы, онъ потребовалъ отъ главныхъ начальниковъ арміи ихъ мнѣніе относительно возможности перенести дѣйствія за Дунай.

(*) Приложеніе № 4 дон. Рум. стр. 40.
(**) Приложеніе № 5 дон. Рум. стр. 42.

Генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ представилъ по этому случаю слѣдующія соображенія:

Мнѣнія русскихъ военно-начальниковъ, касательно перенесенія дѣйствій за Дунай.

Непріятель, повидимому, намѣренъ охранять свой правый флангъ черноморскою флотиліею, и главныя усилія обращаетъ противъ нашего праваго фланга, имѣя здѣсь по близости Сербію, Боснію и Далмацію, изъ которыхъ пользуется разными вспоможеніями. Центръ непріятеля расположенъ по Дунаю, упираясь на сильныя укрѣпленія Силистріи, Рущука, Видина, Никополя и Турно. Визирь со своею арміею у Шумлы составляетъ общій резервъ. Такимъ образомъ до 100,000 чел. турецкихъ войскъ расположены противъ Валахіи и Баната Краіовскаго. Войска эти въ достаткѣ снабжены артиллеріею, провіантомъ и всѣмъ нужнымъ, имѣя притомъ для сообщенія отдѣльныхъ частей флотилію на Дунаѣ. Съ другой стороны, въ дивизіи гр. Салтыкова лучшіе люди уже были выведены изъ строя въ предшествовавшія кампаніи, наличный же составъ дивизіи былъ слабъ, состоялъ изъ недавно прибывшихъ рекрутъ, еще не обмундированныхъ и подверженныхъ частымъ болѣзнямъ, не успѣвшихъ еще акклиматизироваться и мало обученныхъ военному дѣлу. Поэтому гр. Салтыковъ полагалъ, что предпринимать съ его дивизіею наступленіе на визиря было дѣломъ рискованнымъ, а отрѣзать отъ Балканскихъ горъ, чтобы воспрепятствовать отступленію внутрь края, было еще труднѣе. Къ тому же, для переправы черезъ Дунай онъ могъ располагать только 52 лодками разной величины, на которыхъ въ одинъ разъ могло быть посажено не болѣе 2,000 человѣкъ пѣхоты. Кромѣ того, гр. Салтыковъ указывалъ на сомнительную преданность нашему оружію жителей Валахіи, которые, переходя то во власть русскихъ, то турокъ, за все время предшествовавшей кампаніи, не приминутъ содѣйствовать турецкому оружію, если войска наши будутъ выведены за Дунай. Такимъ образомъ, предпринимая движеніе за Ду-

най, нужно было бы оставить немалую часть войска для удержанія занятаго нами края. Наконецъ, гр. Салтыковъ находилъ необходимымъ—прежде рѣшительнаго наступленія на визиря, овладѣть Рущукомъ и Силистріей, чтобы обезпечить нашъ тылъ, и тогда уже произвести наступленіе отъ этихъ обоихъ пунктовъ и сосредоточить наши наступательныя войска у Разграда для совокупныхъ дѣйствій. При этомъ гр. Салтыковъ не надѣялся на успѣхъ разбить визиря или отрѣзать его отъ балканскихъ проходовъ. Имѣя полную возможность достичь проходовъ прежде чѣмъ наши войска успѣютъ воспрепятствовать ему въ этомъ, визирь, не вступая въ бой, займетъ горные дифилеи, откуда не легко будетъ его выбить, а войска наши не могутъ на долго удалиться отъ береговъ Дуная, по затруднительности подвоза припасовъ, которыхъ на мѣстѣ нельзя будетъ достать.

Представляя на усмотрѣніе главнокомандующаго всѣ эти затрудненія, гр. Салтыковъ составилъ въ то же время планъ своихъ дѣйствій на случай, еслибы, во чтобы то ни стало, было предпринято наступленіе на визиря. Для этого генералъ-маіоръ Потемкинъ долженъ былъ овладѣть Силистріей, а войска гр. Салтыкова Рущукомъ, гдѣ было, по послѣднимъ свѣденіямъ, до 10,000 чел., съ многочисленною артиллеріею, и снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для упорной обороны. Поэтому для овладѣнія Рущукомъ, гр. Салтыковъ находилъ необходимымъ употребить не менѣе 12,000 чел. пѣхоты, одинъ полкъ тяжелой и два полка легкой кавалеріи съ казаками, и имѣть при войскахъ 30 орудій полевой артиллеріи, кромѣ тѣхъ орудій, которыя входятъ въ составъ полевой артиллеріи.

Самую аттаку крѣпости гр. Салтыковъ намѣревался произвести слѣдующимъ образомъ. Оставивъ въ Журжѣ и слободзейскомъ редутѣ занимающія ихъ войска, отдѣлить 2,000 чел. съ 10 орудіями и полкомъ тяжелой кавалеріи для занятія острововъ и прикрытія Журжи со стороны поля. Остальной отрядъ раздѣлить на три части, для производства аттаки съ трехъ сторонъ. Двѣ аттаки со стороны рѣки должны были вестись: одна отъ слободзейскаго ретуда (*) прямо на гавань и замокъ, а другая лѣвѣе гавани на

(*) Въ двухъ верстахъ отъ Журжи.

прибрежныя батареи. Объ аттаки эти имѣли назначеніе фальшиваго нападенія, а третью, дѣйствительную аттаку, съ большею частію войскъ, гр. Салтыковъ намѣренъ былъ вести съ полевой стороны и со стороны горъ. Для этого, выждавъ прибыли воды въ Дунаѣ, наша журжевская флотилія должна была выйти изъ рукавовъ рѣки, спуститься четыре версты по Дунаю и высадить на непріятельскій берегъ, ниже Рущука, третью аттакующую колонну. Оставивъ для прикрытія судовъ и мѣста высадки полкъ пѣхоты съ 8 пушками, гр. Салтыковъ имѣлъ въ виду аттаковать Рущукъ одновременно съ трехъ сторонъ. При неудачѣ, отрядъ нашъ, подкрѣпленный оставленными на островахъ и въ Журжѣ войсками, долженъ былъ отступить къ журжевской крѣпости. Если же аттака увѣнчается успѣхомъ, и войска не понесутъ слишкомъ чувствительнаго урона, въ такомъ случаѣ, оставивъ 2,000 чел. пѣхоты и полкъ кавалеріи въ Рущукѣ, обратить его оборону къ сторонѣ Турно и, присоединивъ къ себѣ журжевскій гарнизонъ и войска бывшія въ окрестностяхъ Журжи, двинуться къ Шумлѣ и соединиться въ Разградѣ съ войсками Потемкина, которыя должны направиться туда же по овладѣніи Силистріей. Для задунайской экспедиціи гр. Салтыковъ полагалъ необходимымъ употребить мѣсяцъ времени. Продовольственныя средства на это время, по невозможности поднять весь требуемый запасъ при войскахъ, предполагалось получать частями, посредствомъ особыхъ транспортовъ, для охраненія которыхъ необходимо было назначить особыя войска, потому что отдѣлить ихъ изъ своего отряда гр. Салтыковъ находилъ невозможнымъ. Въ отрядѣ его, за отдѣленіемъ войскъ для наблюденія постовъ противъ Туртукая и по Дунаю отъ Ольты, насчитывалось всего 4,449 чел. пѣхоты при 13 орудіяхъ, а всего съ кавалеріей и казаками 7,085 чел. Бывшіе при отрядѣ арнауты почти всѣ разбѣжались, такъ что ихъ было не болѣе 100 чел., занимавшихъ посты.

Вообще же гр. Салтыковъ полагалъ, что было бы менѣе рисковано охранять и удерживать занятый нами край, чѣмъ искать новыхъ пріобрѣтеній и подвергать себя сомнительному успѣху. Если же непріятель покусится самъ перейти съ главными своими силами на нашъ берегъ Дуная, тогда, разбивъ его и отбросивъ за

Дунай, съ большимъ разсчетомъ на успѣхъ можно будетъ преслѣдовать его, и пользуясь разстройствомъ, въ которое турки всегда приходятъ послѣ пораженія, занять по ихъ слѣдамъ пространство на томъ берегу Дуная (*).

Въ этомъ же родѣ состояло и мнѣніе генералъ-маіора Потемкина, который представлялъ невозможность предпринять, съ своей стороны, наступательное движеніе противъ визиря прежде овладѣнія Силистріей, въ которой считалось отъ 8—12 тысячъ войскъ и 75 орудій, подъ начальствомъ трехбунчужныхъ пашей: Сераскира Османа и Мухафизъ Галана. Разсчитывать на легкость овладѣнія крѣпостью было нельзя, потому что турки соблюдали крайнюю осторожность по Дунаю, и потому разсчетъ на неожиданную переправу и нападеніе съ нашей стороны на крѣпость являлся разсчетомъ мало основательнымъ (**).

Къ тому же Силистрія находится всего въ 80 верстахъ отъ визирской арміи, которая въ нѣсколько дней могла подойти на помощь крѣпости, тогда какъ въ отрядѣ Потемкина находилось всего до 3,500 чел. пѣхоты при 24 орудіяхъ и три полка кавалеріи. Чтобы имѣть какой нибудь шансъ на успѣхъ, Потемкинъ требовалъ на усиленіе своего отряда три полка пѣхоты и восемь 12-ти фунтовыхъ орудій, къ которымъ намѣренъ былъ прибавить еще орудія браиловской крѣпости и доставить ихъ водою къ Силистріи.

Если аттака Силистріи будетъ признана необходимою въ видахъ дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ, то планъ Потемкина состоялъ въ томъ, чтобы собрать суда, которыхъ у него было въ количествѣ достаточномъ для поднятія 6,000 чел. пѣхоты, и переправить свой пѣхотный отрядъ, а также кавалерію, на островъ ниже Силистріи, а потомъ навести понтонный мостъ на непріятельскій берегъ Дуная. Браиловскія осадныя орудія должны были дѣйствовать по крѣпости

(*) Мнѣніе гр. Салтыкова отъ 30 марта 1773 г. Д. Румян. ст. 50.

(**) Расположеніе турокъ въ окрестностяхъ Силистріи было слѣдующее: въ 15 верстахъ отъ крѣпости въ деревнѣ Деврентъ до 1000 ч. пѣхоты и конницы подъ нач. Какиджи-Паши. У Гуробалъ столько же при Мустафѣ и Джафиръ Пашахъ. Въ Рисоватѣ арнауты Ахмедъ-Паши. Въ 80 вер. ниже Силистріи у Праводъ 4,000 чел. конницы трехбунчужнаго Кога-Неуманъ Паши.

со стороны рѣки, и облегчить полевую аттаку Силистріи. Въ случаѣ неудачи нападенія, отступленіе было обезпечено. Если же крѣпость будетъ взята, тогда послать вооруженную флотилію вверхъ по Дунаю для уничтоженія непріятельскихъ береговыхъ укрѣпленій между Силистріей и Туртукаемъ, и потомъ уже, съ 15 дневнымъ запасомъ провіанта, выступить противъ визиря отъ Силистріи, и на пути соединиться съ отрядомъ гр. Салтыкова, который долженъ былъ перейти Дунай у Туртукая или въ другомъ удобномъ пунктѣ. Вообще же наступательное движеніе противъ визиря, по мнѣнію Потемкина, не могло быть произведено ранѣе появленія новой травы для подножнаго корма.

Что касается до мнѣнія генералъ-маіора Вейсмана, командовавшаго бессарабскимъ корпусомъ, то оно состояло въ томъ, что наступленія противъ визиря не слѣдуетъ предпринимать ранѣе половины мая. Переправу черезъ Дунай слѣдовало произвести на судахъ у Измаила на островъ, по которому подойти къ Тульчѣ, и съ помощью измаильской флотиліи переплыть съ острова Дунай, около Тульчи, и устроить укрѣпленіе для прикрытія переправы.

По свѣденіямъ, собраннымъ Вейсманомъ, особенныхъ препятствій во время наступленія противъ визиря не предвидѣлось, потому что непріятель былъ слабъ на всѣхъ пунктахъ. Такъ онъ имѣлъ въ Базарджикѣ до 4000 чел. при Абды-Пашѣ, въ Бабадагѣ до 1000 чел. и столько-же въ Варнѣ. О силѣ визирской арміи при Шумлѣ ничего не было извѣстно. Но полагая, что визирь можетъ быть усиленъ гарнизономъ съ дунайскихъ крѣпостей, Вейсманъ находилъ нужнымъ имѣть для наступленія противъ визиря отъ 10 до 11 тысячъ пѣхоты съ артиллеріею, кавалеріи до 4000 чел. съ 2500 казаками и отъ 50 до 60 орудій полевой артиллеріи; кромѣ того, отрядъ долженъ быть обезпеченъ провіантомъ на мѣсяцъ, или, по крайней мѣрѣ, на 25 дней, при чемъ на Дунаѣ близъ Карасу, слѣдовало имѣть на фурахъ еще новый запасъ продовольствія на срокъ отъ 15 до 30 дней.

Составленный, такимъ образомъ, отрядъ, генералъ-маіоръ Вейсманъ полагалъ переправить черезъ Дунай въ Измаилѣ и Браиловѣ, и не останавливаясь для овладѣнія Силистріей или Рущукомъ, прямо двинуться къ Шумлѣ, со всею поспѣшностью, и аттаковать визиря.

Для достиженія Шумлы (отъ Тульчи до 300 верстъ) полагалось 17 или 18 дней. Разбивъ визиря, слѣдовало преслѣдовать его до горъ; а потомъ, раздѣливъ наши войска на двѣ части, аттаковать Варну и Силистрію. Вейсманъ основательно полагалъ, что по разбитіи визирской арміи, обѣ эти крѣпости будутъ пріобрѣтены нами безъ большихъ усилій. Если же приступить къ овладѣнію крѣпостями ранѣе разбитія визиря, то непріятель будетъ упорно защищаться, въ надеждѣ получить помощь изъ визирской арміи.

Тѣмъ не менѣе, Вейсманъ, всегда столь рѣшительный, находилъ подобное предпріятіе противъ Шумлы дѣломъ весьма рискованнымъ. Съ одной стороны предстояло переплыть Дунай, который широко разливается, и при томъ не только весною, но даже иногда лѣтомъ, какъ было въ 1770 и 1771 годахъ, когда среди лѣта всѣ острова на Дунаѣ залились водою, державшеюся въ такомъ видѣ два мѣсяца. Но преодолѣвъ препятствія переправы, предстояло пройти до Шумлы 300 верстъ, по мѣстности изобилующей дефилеями, маловодной и, къ тому же, намъ почти неизвѣстной. При такихъ обстоятельствахъ, войска наши могли быть заведены въ безводныя мѣста и стать въ опасное положеніе. Сверхъ того, въ случаѣ дождя, грунтовыя дороги сильно распускаются и обозы не поспѣли-бы за быстрымъ движеніемъ арміи; да и во всякомъ случаѣ обозы будутъ останавливаться въ дефилеяхъ, растянутся и потребуютъ конвоя, котораго изъ отряда отдѣлить невозможно. Конвой же въ прикрытіе обозовъ долженъ быть силенъ, потому что непріятель, имѣя множество судовъ на Черномъ морѣ, станетъ производить дессанты у Аккермана, Киліи, Мангаліи и Коварны, откуда можетъ нападать на наши обозы. Допустивъ же возможность неудачи противъ визиря, армія наша была-бы поставлена въ крайнее затрудненіе. Съ одной стороны, ей предстояло-бы отступать 300 верстъ, имѣя передъ собой многочисленные дефилеи, а съ другой преслѣдующія визирскія войска. Кромѣ того, гарнизоны турецкихъ крѣпостей по Дунаю могли бы выслать сильныя партіи войскъ, для отрѣзанія намъ отступленія къ Дунаю, который оставалось перейти съ большими, а можетъ быть непреодолимыми затрудненіями. (*)

*) Мнѣніе ген.-маіора Потемкина. Дон. Румянцева стр. 51 и ген.-маіора Вейсмана отъ 29 марта 1773 г. Дон. Рум. стр. 60.

Поэтому, чтобы рѣшиться предпринять поиски противъ визиря, Вейсманъ требовалъ значительнаго усиленія своего отряда, потому что у него въ 3-й дивизіи, за исключеніемъ оставленныхъ для занятія необходимыхъ постовъ, считалось всего 5500 чел., которые могли выступить къ Шумлѣ.

Такимъ образомъ всѣ отдѣльные начальники войскъ подтвердили только взглядъ гр. Румянцева, относительно перенесенія значительныхъ силъ за Дунай. Сверхъ того, всѣ отдѣльныя части требовали, какъ мы видѣли, подкрѣпленій, такъ что по удовлетвореніи этихъ требованій, въ главныхъ силахъ гр. Румянцева осталось-бы такое малое число войскъ, что самое охраненіе занятыхъ нами княжествъ становилось невозможнымъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, возможность задунайской экспедиціи, если и не представлялась неосуществимою, то, во всякомъ случаѣ, являлась преждевременною, и не могла быть предпринята ранѣе появленія подножнаго корма.

Въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для открытія рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, положеніе дѣлъ на Дунаѣ ограничивалось по прежнему отдѣльными стычками. Въ особенности турки были предпріимчивы со стороны Силистріи. Уже нѣсколько разъ прежде они предпринимали поиски на Ликорешты, но всегда безуспѣшно.

ГЛАВА II.

Военныя дѣйствія въ апрѣлѣ при Силистріи, Журжѣ, Негоешти и друг.

5-го апрѣля генералъ-маіоръ Потемкинъ получилъ отъ передовыхъ постовъ извѣстіе, что 2000 чел. непріятельской пѣхоты отплыли изъ Силистріи на островъ, ниже крѣпости, въ намѣреніи сбить наши посты при истокѣ Борща. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, со-

ставивъ небольшой отрядъ изъ лучшей конницы, приказалъ полковнику Норову сдѣлать съ этимъ отрядомъ засаду въ камышахъ близъ р. Борща, а капитану Горичу съ арнаутами завязать перестрѣлку съ непріятелемъ и, постепенно отступая, навести турокъ на засаду. Въ то же время, запорожскія лодки должны были подняться вверхъ по Дунаю и отрѣзать непріятельскимъ судамъ отступленіе въ Силистрію.

Турки не замедлили завязать перестрѣлку съ капитаномъ Горичемъ, который, отступая, завлекалъ ихъ въ засаду. Ничего не подозрѣвая, турки подошли къ истоку Борща и здѣсь неожиданно были аттакованы конницею Норова. Въ чрезвычайномъ безпорядкѣ бросились они къ мѣсту высадки и подъ сильнымъ огнемъ преслѣдовавшихъ ихъ войскъ сѣли на суда, откуда, подъ прикрытіемъ крѣпостныхъ орудій, продолжали пальбу. Къ сожалѣнію, запорожскія лодки, по случаю сильнаго противнаго вѣтра, не могли подняться вверхъ по теченію Дуная и, такимъ образомъ, не могли отрѣзать отступленія непріятелю, который, однако, потерялъ въ этомъ дѣлѣ до 500 человѣкъ. Подвезенныя на островъ орудія пикинернаго полка открыли огонь по непріятельскимъ судамъ и заставили ихъ отойти къ крѣпости.

На другихъ пунктахъ попытки турокъ не были удачнѣе. 5-го апрѣля, изъ Рущука, непріятель выслалъ на судахъ до 400 чел. пѣхоты для дессанта на островъ противъ Силистріи, съ цѣлью сорвать нашу казацкую цѣпь и захватить кого-нибудь въ плѣнъ. При первыхъ выстрѣлахъ съ нашей стороны турки отказались отъ своего намѣренія. Такимъ же образомъ кончилась ихъ попытка и 8-го числа. Тогда на другой день, 9-го апрѣля, непріятель выслалъ изъ Рущука сильный отрядъ на 30 лодкахъ и сдѣлалъ дессантъ на островъ.

Журжевскій комендантъ, полковникъ Бекельманъ, выслалъ въ подкрѣпленіе передовыхъ постовъ на островѣ двѣ роты Ингерманландскаго полка съ 4-мя пушками, подъ начальствомъ маіора Тренделя, а маіоръ Іохемсепъ, съ 2-мя ротами Сибирскаго полка, получилъ приказаніе сѣсть на суда при Журжѣ и стараться отрѣзать туркамъ отступленіе къ Рущуку.

Маіоръ Трендель завязалъ перестрѣлку съ турками, которые

замѣтивъ появленіе на Дунаѣ отряда маіора Іохемсена, получили изъ Рущука подкрѣпленіе на 12 галерахъ, и усилили нападеніе на отрядъ Тренделя. Тогда Іохемсенъ высадилъ свой отрядъ на островъ и, вмѣстѣ съ Тренделемъ, аттаковалъ непріятеля. Завязалось жаркое дѣло, въ которомъ силы непріятеля постоянно возрастали и дошли до 6000 чел. Тѣмъ не менѣе, продолжая перестрѣлку съ 6 часовъ пополудни до 5 часовъ по полуночи, войска наши заставили непріятеля отступить и нанесли ему значительный вредъ при переправѣ, не смотря на то, что турки были поддержаны пушечными выстрѣлами изъ крѣпости и береговыхъ батарей. (*)

Хотя попытки непріятеля не достигали никакихъ результатовъ, но онѣ возобновлялись довольно часто на разныхъ пунктахъ Дуная. Послѣ неудачи 9 апрѣля подъ Журжей, турки открыли, 14 числа, пальбу по крѣпости изъ рущукскихъ батарей и трое сутокъ безполезно тратили военные снаряды, не нанеся намъ никакого вреда. Одному только солдату оторвало ногу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выше и ниже Журжи, непріятель обнаруживалъ намѣреніе къ десанту, но неуспѣшно. Въ тѣ же дни были три раза возобновляемы нападенія непріятельскихъ партій со стороны Орсовы и Калафата, не достигшія никакой цѣли.

Подобное усиленіе предпріимчивости со стороны турокъ наводило на мысль о намѣреніи ихъ разузнать расположеніе нашихъ войскъ, для вторженія въ Валахію. Полученныя о непріятелѣ свѣденія подтверждали эту мысль. Было извѣстно, что гарнизоны дунайскихъ крѣпостей, особенно Никополя и Турно, усиливались, а наблюденіе теченія Дуная было до того бдительно, что на пространствѣ отъ Систова, Рущука и Туртукая, непріятельскіе посты могли перекликаться. Визирская армія у Шумлы постоянно усиливалась и приступлено было къ разчисткѣ дорогъ отъ Шумлы къ Дунаю.

Въ виду такихъ свѣденій, генералъ-поручикъ гр. Салтыковъ приказалъ генералъ-маіору Текелли перейти изъ за Ольты въ Русс—Веде, для усиленія войскъ противъ Турно. За Ольтой же оставлены были, въ Банатѣ, только легкія войска, при устьѣ Ти-

*) Рапортъ полковника Бекельмана графу Салтыкову отъ 9 марта 1773 г.

лормана и въ Слатинѣ, для наблюденія пространства со стороны Виддина.

Соображая получаемыя о непріятелѣ свѣденія, гр. Румянцевъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, разъяснить, настоящія намѣренія турокъ, узнать ихъ слабыя и сильныя мѣста и, въ то же время, воспрепятствовать сосредоточенію значительныхъ ихъ силъ на одномъ пунктѣ.

Съ этою цѣлью онъ приказалъ генералъ-маіору Вейсману сдѣлать поискъ на Карасу, не стѣсняясь никакими препятствіями; Потемкину—озабочивать непріятеля при Силистріѣ, и, въ то же время, овладѣть укрѣпленнымъ замкомъ въ Гирсовѣ; а гр. Салтыкову произвести поискъ на Туртукай, такъ какъ этотъ пунктъ не считался сильно занятымъ непріятелемъ. Если же непріятель, пользуясь передвиженіемъ генералъ-маіора Текелли изъ Баната въ Русе-Веде, откроетъ наступленіе со стороны Баната, въ такомъ случаѣ, отрядъ Текелли долженъ былъ снова вступить въ Банатъ и, пользуясь развлеченіемъ вниманія непріятеля на другихъ пунктахъ Дуная, вытѣснить турокъ изъ Баната и снова занять его.

Между тѣмъ, турки не прекращали своихъ поисковъ на нашъ берегъ Дуная. 16 апрѣля изъ Рущука отплыло 102 судна, въ томъ числѣ 12 большихъ галеръ, съ цѣлью произвести нападеніе на Журжу. Непріятельская конница, сдѣлавъ дессантъ, подошла къ крѣпости, подкрѣпляемая сильнымъ пушечнымъ огнемъ изъ Рущука; но нѣсколько выстрѣловъ съ журжевскихъ батарей обратили ее въ бѣгство. На другой день, попытка непріятеля противъ слободзейскаго редута также была неудачна, равно какъ и нападеніе, того же, 17 числа, на наши передовые посты противъ Турно.

Вслѣдъ затѣмъ, 18 апрѣля, значительный турецкій отрядъ выступилъ изъ Туртукая и аттаковалъ передовые посты, бывшіе подъ командой премьеръ-маіора Каспарова, 2 эскадрона карабинеръ при подполковникѣ Мауринѣ и казаковъ эсаула Сенюшкина, которые, соединившись съ Каспаровымъ въ 12 верстахъ отъ Негоешти, аттаковали турецкую конницу и разстроили ее. Но турки, получивъ подкрѣпленіе, сдѣлали натискъ на казаковъ и заставили ихъ отступить. Тогда карабинеры возстановили дѣло и опрокинули непріятеля.

Наступила весна, и послѣ чрезвычайно продолжительной зимы, какой не могли запомнить сторожилы, на поляхъ начала показываться трава. Время болѣе рѣшительныхъ дѣйствій приближалось, и гр. Румянцевъ видѣлъ, наконецъ, необходимость озаботить непріятеля собственной защитой, чтобы прекратить его частые поиски на нашъ берегъ.

Наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ за Дунаемъ. Поискъ Полковника Кличко на Карасу.

Первый рѣшительный поискъ противъ непріятеля былъ произведенъ по приказанію генералъ-маіора Вейсмана, который былъ предпріимчивѣе другихъ, и котораго мнѣніе, относительно предстоящихъ дѣйствій, наиболѣе отвѣчало видамъ главнокомандующаго.

Генералъ-маіоръ Вейсманъ назначилъ для поиска къ Карасу полковника Кличку, въ распоряженіе котораго было назначено 600 гренадеръ, 400 егерей, 1400 донскихъ казаковъ съ полковою артиллеріею и 6 полевыми орудіями.

Отрядъ полковника Клички, отплывъ изъ Измаила къ Тульчѣ и въ ночь на 16 апрѣля, высадился на непріятельскій берегъ возлѣ Тульчи. Егеря и казаки, бывшіе въ авангардѣ, сбили турецкій отрядъ изъ 200 чел., стоявшій на берегу, и самаго начальника отряда, Халиль-агу, взяли при этомъ въ плѣнъ и овладѣли однимъ знаменемъ.

Оставивъ Тульчу въ сторонѣ, Кличко быстро двинулся къ Бабадагу. Этотъ переходъ былъ произведенъ съ безпримѣрными трудностями. Не зная мѣстности, идя ночью по дефилеямъ, находящимся близъ Тульчи, войска наши преодолѣвали всѣ мѣстныя препятствія и подвигались такъ быстро, что къ вечеру 16 числа были уже на ночлегѣ въ 20 верстахъ отъ Бабадага. Съ ночлега полковникъ Кличко отправилъ партію казаковъ, при капитанѣ Балбековѣ, вправо, къ деревнямъ Монастырь, Теличь и къ Исакчѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, внезапное появленіе русскихъ наводило па-

ническій страхъ на непріятельскія партіи, которыя заботились только о скорѣйшемъ бѣгствѣ.

Въ 3 часа по полупочи на 17 число, отрядъ Кличко двинулся къ Бабадагу, куда прибылъ къ разсвѣту. Непріятельскія войска вышли на встрѣчу и расположились впереди моста, находившагося на дорогѣ въ Бабадагъ. Мгновенно сбитые съ позиціи, турки обратились въ бѣгство, сломали мостъ и зажгли его приготовленными заблаговременно горючими матеріалами. По приказанію полковника Кличко, инженеръ-поручикъ Канавинъ, приступилъ къ починкѣ моста. Турецкая пѣхота, расположившись вдоль берега, по обѣимъ сторонамъ моста, открыла сильный огонь, съ цѣлью воспрепятствовать починкѣ моста. Но подвезенная къ мосту артиллерія, заставила непріятеля отступить и мостъ вскорѣ былъ возстановленъ. Казаки, перейдя мостъ, настигли непріятеля въ 5 верстахъ отъ переправы и докончили его разстройство, продолжая преслѣдованіе его на 15 верстъ. Турки потеряли при этомъ не менѣе 300 чел. убитыми. Наша потеря состояла изъ 13 казаковъ.

Дѣло при Бабадагѣ 17 апрѣля.

Разбитый при Бабадагѣ непріятель состоялъ изъ 2000 чел., пѣшихъ и конныхъ, подъ начальствомъ двухбунчужнаго Асеанъ-Черкесъ паши. Послѣ пораженія, турецкія войска разошлись по разнымъ направленіямъ; значительная же часть направилась къ Карасу. На пути встрѣчались на каждомъ шагу слѣды поспѣшнаго безпорядочнаго бѣгства турокъ—валялись раненые, убитыя лошади, разныя брошенныя имущества и оружіе.

Пройдя 14 верстъ отъ Бабадага до моста Чахтай, отрядъ остановился для ночлега, а на другой день прошелъ 38 верстъ до мостовъ Ташаулъ.

Не смотря на столь быстрыя движенія, произведенныя нашимъ отрядомъ, прошедшимъ въ двое сутокъ 72 версты, трудно было настигнуть бѣжавшихъ турокъ. Но желая довершить разстройство непріятеля, полковникъ Кличко отправилъ для преслѣдованія его

три партіи казаковъ: маіора Лалаша, съ двумя полками, по дорогѣ на Карасу; маіора Дмитріева, правѣе его, на Истрію, и маіора Фризъ, лѣвѣе, къ сторонѣ Чернаго моря. Всѣ эти партіи привели не мало турокъ и молдаванскихъ семействъ, которыя Черкесъ-паша выгонялъ въ горы. Маіоръ же Лалашъ отбилъ обозъ Черкесъ-паши.

Въ самомъ Ташаулѣ оказался складъ матеріаловъ для наводки моста, которые хранились въ домѣ принадлежавшемъ рущукскому коменданту Али-пашѣ. Отрядъ нашъ овладѣлъ 40 кожанными понтонами, а остальные по неудобству перевозки, уничтожилъ вмѣстѣ съ брусьями, якорями и другими принадлежностями для устройства моста.

Дѣла при Карамуратѣ 19 и Карасу 20 апрѣля.

На другой день, 19 апрѣля, отрядъ нашъ двинулся далѣе, къ деревнѣ Карамурату, опрокидывая попадавшіяся на пути непріятельскія партіи. При Карамуратѣ татарскій султанъ Бахты-Гирей, съ 500 человѣкъ, завязалъ перестрѣлку съ передовымъ отрядомъ казаковъ—полковниковъ Мартынова и Денисова, которые, разбивъ на голову татаръ, нанесли имъ въ преслѣдованіи потерю 300 человѣкъ и 70 взяли въ плѣнъ, вмѣстѣ съ ихъ женами.

Другая партія казаковъ, полковника Голова, настигла обозъ турецкихъ жителей уходившихъ въ горы, и овладѣла 25 фурами.

Подобные поиски навели ужасъ на всѣхъ жителей, которые не рѣшались уже больше сражаться, такъ что 20 апрѣля многія турецкія семейства съ 300 возовъ, присоединились къ нашему отряду, изъявивъ готовность переселиться на нашу сторону Дуная.

Подойдя затѣмъ къ Карасу, при которомъ непріятель собралъ значительный отрядъ, полковникъ Кличко отправилъ для аттаки казаковъ, а самъ остался на позиціи для подкрѣпленія аттаки. Казаки замѣтили, что турецкія войска прикрываютъ собою значительный обозъ молдаванскихъ жителей, уведенныхъ турками. Сбить непріятеля и овладѣть обозомъ изъ 330 повозокъ было дѣломъ одной минуты.

Разсѣянные по всѣмъ направленіямъ, турки собрались въ дерев-

нѣ Караурманѣ и заперлись въ замкѣ, вооруженномъ 6 пушками, въ которомъ былъ большой складъ шанцеваго инструмента и военныхъ припасовъ.

Сдача Караурмана.

Отрядъ полковника Кличко подступилъ къ Караурману и потребовалъ сдачи непріятеля. Турки сперва отказали, но потомъ рѣшились сдать замокъ подъ условіемъ права свободнаго выхода въ Варну. Зная, что одна уступка устрашеннаго противника ведетъ за собой другую, Кличко потребовалъ, чтобы весь турецкій отрядъ сдался военнопленнымъ. Долго не соглашались на это засѣвшіе въ замокъ, но когда Кличко приказалъ устроить двѣ батареи, одну противъ воротъ замка, а другую противъ самаго замка, и преградилъ войсками всѣ выходы,—турки сдались военнопленными. Взявъ съ собою на провіантскихъ подводахъ 3 пушки и часть новаго шанцеваго инструмента, полковникъ Кличко приказалъ заклепать и бросить въ море остальныя пушки, 200 ружей, 20 бочекъ пороху и проч., имущество замка, и въ заключеніе взорвалъ на воздухъ самый замокъ.

Этимъ закончились дѣйствія перваго посланнаго за Дунай значительнаго нашего отряда. Нуждаясь въ полевомъ кормѣ и прѣсной водѣ, отрядъ полковника Кличко, въ тотъ же день, возвратился обратно къ Тульчѣ, и 23 числа остановился на ночлегъ у моста Орта-Море-Терли; 24 дошелъ до моста Чахтая, а 26 остановился у рѣки Конжасъ, на половинѣ дороги отъ Бабадага къ Тульчѣ.

Въ бытность свою въ Караурманѣ, Кличко хотѣлъ сдѣлать поискъ на русскихъ раскольниковъ, поселившихся при Бабадагскомъ заливѣ. Но поискъ этотъ не состоялся, потому что плѣнные турки сообщили, что раскольники, узнавъ о прибытіи русскихъ къ Караурману, удалились изъ своихъ жилищъ.

Возвращаясь къ Тульчѣ, полковникъ Кличко разослалъ по всѣмъ направленіямъ легкія партіи войскъ, предлагая защиту жителямъ, которые пожелаютъ перейти на нашъ берегъ Дуная. Отъ Гирсова,

Мачина и другихъ мѣстъ стали сходиться молдавскія семейства, а 25 и 26 апрѣля явилось даже до 10 турецкихъ семействъ, прося нашей защиты и покровительства. Переправясь обратно при Тульчѣ черезъ Дунай, отрядъ Кличко возвратился въ Измаилъ, привезя съ собою, сверхъ прочей добычи, 3336 плѣнныхъ, кромѣ христіанъ, которыхъ было еще больше, 800 штукъ телятъ и 3500 барановъ. Остальной скотъ потонулъ въ Дунаѣ во время переправы, которая вообще была очень затруднительна по причинѣ сильнаго вѣтра. Во время экспедиціи полковника Кличко, для поддержанія его и развлеченія вниманія непріятеля на разныхъ пунктахъ, браиловскій комендантъ выслалъ 22 апрѣля партію казаковъ для разъѣздовъ за Дунаемъ. Партія эта привела съ собою изъ окрестностей Мачина 160 христіанскихъ и 4 турецкихъ семейства, нигдѣ не встрѣчаясь съ непріятелемъ. Съ своей стороны, генералъ-маіоръ Потемкинъ, отправилъ маіора Киргашина, съ 200 запорожцевъ, къ Гирсову. Отрядъ этотъ, выгнавъ турецкій отрядъ изъ Гирсова, занялъ его 24 числа, и приказалъ исправить поврежденія гирсовскаго замка. Наконецъ третья партія, подполковника Блюхера, занимавшаго постъ у Чатала, была выслана генералъ-маіоромъ Вейсманомъ въ Бабадагское озеро, называемое Резукъ. Команда Блюхера, со 160 мушкетерами, спустилась 17 числа на трехъ козачьихъ лодкахъ по Дунаю и, вступивъ въ протокъ Дунавецъ, вошла въ озеро для поддержанія отряда Кличко, при чемъ она должна была подойти озеромъ къ Караурману. Слѣдуя по берегу озера, Блюхеръ выслалъ команды для поисковъ въ ближайшія деревни, при чемъ въ Партищѣ найдено было болѣе 50 лодокъ, много неводовъ, сушеной и соленой рыбы. Взявъ съ собою 19 лодокъ и нагрузивъ ихъ чѣмъ было можно, остальное все было уничтожено и, 24 числа, Блюхеръ обратно возвратился къ Чаталу.

Во время описанныхъ дѣйствій отряда полковника Кличко за Дунаемъ, журжевскій комендантъ, полковникъ Бекельманъ, получилъ извѣстіе, что рущукскій трехбунчужный паша Дашетанли, поручилъ Дервишъ-пашѣ сдѣлать сильный поискъ на Журжу; причемъ имѣлось въ виду — открыть фальшивую аттаку со стороны острововъ, лежащихъ противъ крѣпости и, въ то же время, дѣйствительною аттакою овладѣть слободзейскимъ редутомъ.

Попытка турокъ противъ Журжи, въ ночь на 20 апрѣля.

Въ ожиданіи нападенія, полковникъ Бекельманъ, за три дня до аттаки, получилъ отъ гр. Салтыкова подкрѣпленіе изъ 600 лучшихъ выборныхъ людей Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Дурново, при 2 орудіяхъ полевой и полковой артиллеріи. Отрядъ этотъ прибылъ въ Журжу ночью, при чемъ были приняты всѣ мѣры, чтобы турки не узнали объ усиленіи нашего журжевскаго гарнизона.

Дѣйствительно, въ 4 часа по полуночи на 20 апрѣля, турки открыли переправу на острова лежащіе противъ Журжи. 14 галеръ и до 100 судовъ разной величины, постоянно перевозили войска на острова; а 49 судовъ съ войсками пошли вверхъ по Дунаю, для высадки и аттаки слободзейскаго редута.

Въ ожиданіи нападенія, полковникъ Бекельманъ расположилъ пѣхоту скрытно въ садахъ, собралъ къ крѣпости всѣ отдѣльные посты, а 2 эскадрона гусаръ и 2 тяжелой кавалеріи, поставилъ въ засаду близъ крѣпости.

Какъ только непріятель началъ высаживаться на острова, всѣ посты наши были уведены оттуда. Принимая это за признакъ побѣды, турки открыли сильный пушечный огонь по крѣпости съ противуположнаго берега; а высадившіяся на острова войска начали смѣло приближаться къ крѣпости и строить на островахъ редуты. Полковникъ Бекельманъ отдалъ приказаніе не препятствовать ни однимъ выстрѣломъ высадкѣ турокъ и приближенію ихъ къ крѣпости. Поставивъ на островѣ, ближайшемъ къ крѣпости, батарею изъ 8 пушекъ и 1 мортиры, а на другомъ, ниже Журжи, высадивъ до 2000 чел., турки старались ввесть свои суда въ проливъ, отдѣляющій оба названные острова, и надѣялись сдѣлать вылазку къ самой крѣпости. Журжевскій комендантъ въ этомъ не препятствовалъ непріятелю.

Ободренные турки, принимая такое бездѣйствіе за паническій страхъ съ нашей стороны, все ближе и ближе подходили къ крѣ-

пости. Съ другой стороны, войска, высланныя вверхъ по Дунаю, сдѣлали въ трехъ верстахъ выше Слободзеи вылазку изъ 1700 чел. и начали приближаться къ редуту.

Когда непріятель подошелъ со стороны острововъ, на картечный выстрѣлъ къ крѣпости, Бекельманъ приказалъ вдругъ открыть самый частый картечный огонь со всѣхъ орудій крѣпости и поражать въ то же время суда, вошедшія въ проливъ между островами, гдѣ они тѣснились въ узкомъ проходѣ.

Пораженные неожиданностью, турки поспѣшно отступили отъ крѣпости и бросились къ судамъ, осыпаемымъ ядрами; многія суда уже были потоплены. Батареи на островахъ мгновенно сбиты и турки метались во всѣ стороны отыскивая путь къ спасенію. Тогда полковникъ Яновскій, съ донскими казаками, кинулся вплавь и переплывъ рукавъ Дуная, вышелъ на островъ для окончательнаго пораженія непріятеля. Въ то же премя подпоручикъ Поскочинъ, посадилъ свою команду на одно изъ непріятельскихъ судовъ и также высадился на островъ, чтобы довершить разстройство турокъ.

Со стороны Слободзеи аттака турокъ была еще неудачнѣе. Полковникъ Дурново съ своею пѣхотою, пользуясь мѣстными препятствіями, провелъ свой отрядъ въ тылъ непріятелю, подступившему къ слободзейскому редуту и аттаковалъ его, отрѣзавъ такимъ образомъ отъ судовъ. Турки поняли безвыходность своего положенія и съ отчаяніемъ бросились на отрядъ Дурново, въ надеждѣ пробить себѣ путь къ переправѣ. Но въ это время была сдѣлана вылазка изъ слободзейскаго редута, и непріятель, ставъ между двухъ огней, не успѣвъ пробиться къ судамъ, метался во всѣ стороны. Многіе бросились въ воду и потонули. Къ тому же, полковникъ Дурново заблаговременно отправилъ двѣ полковыя пушки съ 50 рядовыми для дѣйствія противъ непріятельскихъ судовъ, которыя поспѣшно начали отступать, въ надеждѣ подать помощь бросившимся въ Дунай туркамъ. Тогда на берегу выставлены были еще 2 полевыя орудія для дѣйствія противъ судовъ, съ цѣлью не допустить ихъ близко къ берегу, а вдоль берега были разсыпаны 2 роты пѣхоты маіора Теглева, стрѣлявшей по непріятелю, старавшемуся подплыть къ судамъ.

Только въ 6 часовъ вечера прекратилось сраженіе, въ которомъ

турки потеряли до 1500 чел. Въ нашихъ глазахъ непріятельскія суда, приставшія къ островамъ, переполнялись войсками, кидавшимися на нихъ безъ всякаго порядка, и опускались ко дну. Со стороны слободзейской аттаки, неожиданность нападенія въ тылъ аттакующимъ, по сознанію самихъ турокъ, поразила ихъ паническимъ страхомъ. Наша потеря состояла всего изъ 34 нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ, покушенія непріятеля перейти въ наступленіе противъ разныхъ пунктовъ Дуная, оканчивались его погибелью, тогда какъ наши поиски превосходили ожиданія. Гр. Румянцевъ увидѣлъ, что стоитъ только развить подобныя дѣйствія за Дунаемъ и тогда получится возможность перенести и главныя силы на тотъ берегъ рѣки. Съ этою цѣлью онъ приказалъ г.-м. Вейсману произвесть новый поискъ на Бабадагъ и Карасу, противъ Абды-паши, который стоялъ у Караси и, какъ было извѣстно, готовился перейти къ Бабадагу. Въ тоже время генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ долженъ былъ сдѣлать нападеніе на Туртукай. Самъ же главнокомандующій намѣренъ былъ перейти съ главною арміею къ устью Яломицы и стать противъ Гирсова, занятаго нашими войсками и оттуда, по мѣрѣ надобности, подкрѣплять дѣйствія за Дунаемъ. Но по затрудненію перевести армію къ устью Яломицы, такъ какъ для этого предстояло пройти значительное безводное пространство и, по неудобству переправы противъ Гирсова, гдѣ Дунай очень широкъ, гр. Румянцевъ предпочелъ расположить главную квартиру въ Браиловѣ и здѣсь устроить переправу черезъ Дунай.

Между тѣмъ, въ ожиданіи поиска на Туртукай, гр. Румянцевъ приказалъ тревожить непріятеля на другихъ пунктахъ Дуная, для того что-бы развлечь вниманіе непріятеля.

Съ этою цѣлью генералъ-маіоръ Потемкинъ отправилъ, на 10 число мая, запорожскихъ казаковъ, на 20 лодкахъ къ Туртукаю. На половинѣ пути, казаки, выйдя изъ протока въ рѣку, увидѣли непріятельскую флотилію, стоявшую при лагерѣ на берегу Дуная. Казаки тотчасъ же двинулись противъ турецкихъ судовъ, которыя отошли подъ защиту пушекъ турецкаго лагеря.

По теченію Дуная противъ Силистріи также высланы были разныя команды, которыя сильно озаботили непріятеля въ крѣпости, такъ что, ожидая переправы, турки убрали главный лагерь, быв-

шій въ полѣ, расположили его на высотахъ при самой крѣпости. Другой лагерь оставался въ полѣ. Полковникъ Гинцель, съ 300 чел. пѣхоты и съ запорожцами, при капитанѣ Горичѣ, сдѣлавъ высадку, аттаковалъ этотъ лагерь. Турки поспѣшно обратились въ бѣгство, такъ что войска наши разошлись партіями по ближайшимъ деревнямъ и освободили болѣе 100 христіанскихъ семействъ. Турки, получивъ подкрѣпленіе изъ крѣпости, хотя и намѣревались воспрепятствовать выводу валаховъ и болгаръ на нашъ берегъ, но и въ этомъ не имѣли успѣха.

Подъ вліяніемъ постоянныхъ неудачъ и пораженій, силистрійскій гарнизонъ взбунтовался противъ своего коменданта Гассанъ-паши, и втеченіи 11 и 12 чиселъ мая, янычары, занявъ всѣ выходы изъ крѣпости, ходили по всѣмъ домамъ въ городѣ, отыскивая Гассана-пашу, котораго упрекали въ измѣнѣ и въ готовности сдать крѣпость Потемкину, съ которымъ онъ, будто-бы, велъ тайные переговоры и переписку. Успѣвъ скрыться, Гассанъ-паша только этимъ избавился отъ неминуемой смерти. Даже всѣ слуги его были избиты, въ надеждѣ, что истязанія заставятъ ихъ сказать, гдѣ находится паша.

Но всѣ эти отдѣльныя дѣйствія нашихъ войскъ блѣднѣютъ въ сравненіи съ поискомъ на Туртукай, произведеннымъ по распоряженію гр. Салтыкова.

ГЛАВА III.

Нападеніе Суворова на Туртукай съ 9 по 10 мая.

Мы видѣли, что еще прежде приказано было отправить изъ Журжи къ Туртукаю флотилію, которая должна была переправить на тотъ берегъ Дуная назначенныя для поиска войска; но флотилія эта не успѣла дойти по назначенію, потому что подвергалась сильному непріятельскому огню съ береговыхъ батарей.

Между тѣмъ поискъ на Туртукай рѣшено было произвести во что бы то ни стало. Съ этою цѣлью гр. Салтыковъ поручилъ генералъ-маіору Суворову, занимавшему постъ въ Негоештахъ на рѣкѣ Аржисѣ, принять мѣры для поиска на Туртукай. Генералъ-маіоръ Суворовъ, имѣя свѣденія, что въ Туртукаѣ находится значительный гарнизонъ, просилъ подкрѣпленія, почему ему и высланъ былъ отъ гр. Салтыкова отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Мещерскаго, состоящій изъ трехъ эскадроновъ кавалеріи. Съ главными же силами своей дивизіи гр. Салтыковъ, медленными переходами, двинулся къ Журжѣ, куда впередъ была выслана вся его кавалерія, которая расположилась обширнымъ лагеремъ у деревни Фрасенъ, въ виду рущукской крѣпости. Вслѣдъ за тѣмъ вся дивизія гр. Салтыкова, соединившись у Фрасенъ, перешла къ деревнѣ Станешти, раскинувъ лагерь какъ можно обширнѣе.

Этотъ маневръ заставилъ непріятеля предполагать, что съ нашей стороны готовится нападеніе на Рущукъ, почему все вниманіе его и сосредоточилось на этой крѣпости.

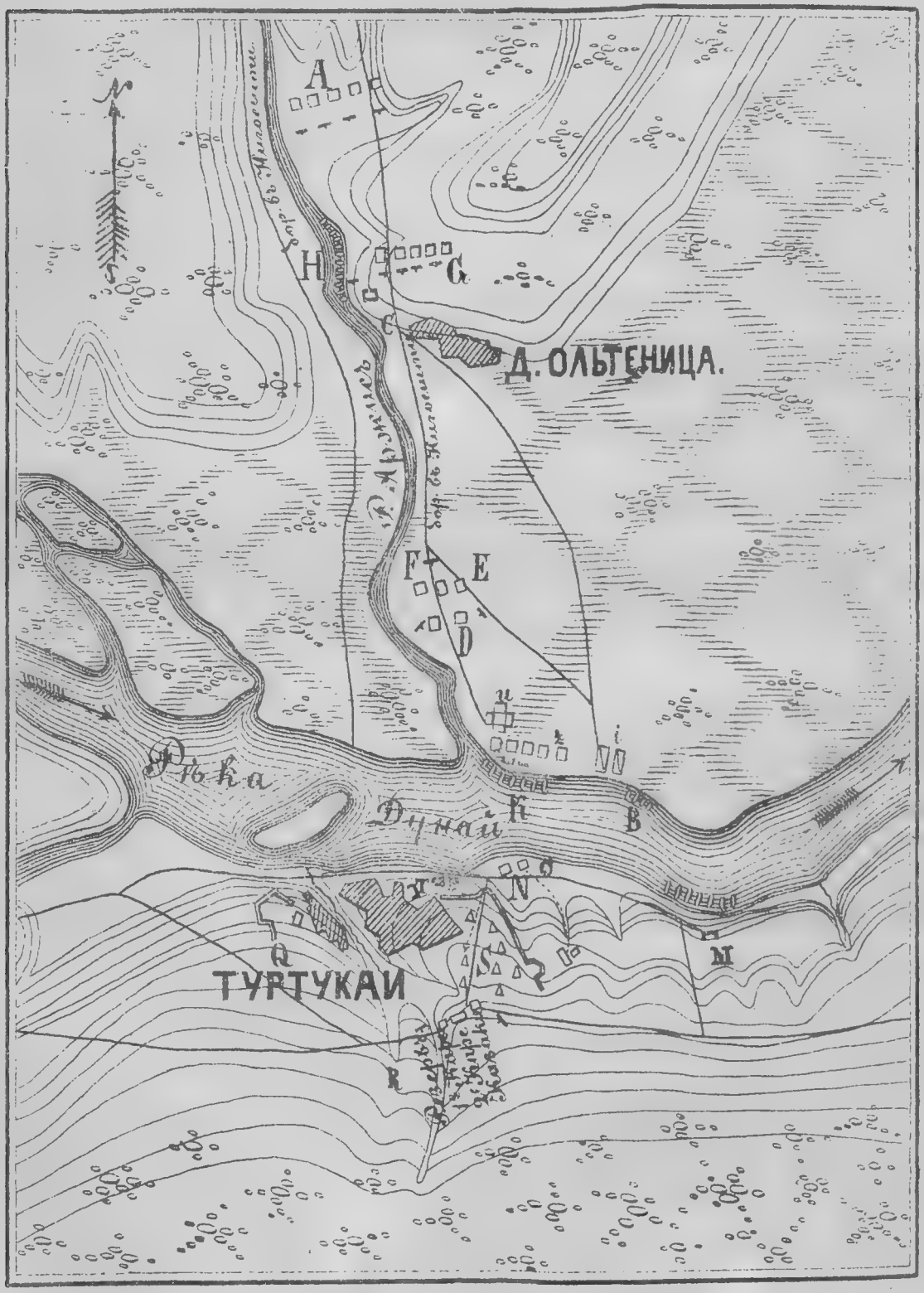
Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Суворовъ, обрадованный приказаніемъ произвести поискъ на Туртукай, создалъ въ 10 дней флотилію на рѣкѣ Аржисѣ. На Дембовицѣ было собрано 23 небольшія лодки, которыя доставлены въ Аржисъ къ Негоештамъ. Созвавъ мѣстныхъ жителей, Суворовъ приказалъ имъ исправлять лодки, изъ которыхъ каждая могла поднять отъ 35 до 40 чел. пѣхоты, не считая гребцовъ. 10 такихъ лодокъ было приготовлено жителями, а 7 войсками, такъ что вся флотилія состояла изъ 17 лодокъ.

Дождавшись 8-го мая прибытія кавалеріи князя Мещерскаго, Суворовъ, тотчасъ же, приступилъ къ экспедиціи и собралъ съ края, сколько могъ, воловыхъ фуръ для перевозки тяжестей. Для посадки на суда сдѣланы были спуски; не имѣя достаточнаго числа мѣстныхъ жителей, и для того чтобы полнѣе нагрузить лодки войсками, въ гребцы были выбраны люди изъ пѣхотныхъ солдатъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляли и боевую силу отряда. Экспедиціонный отрядъ Суворова состоялъ изъ Астраханскаго пѣхотнаго полка съ 4 полковыми и 3 турецкими орудіями и 3 эскадроновъ ка-

№ 1

ПЛАНЪ

поиска Г. М. Суворова на г. Туртукай 10 го мая 1773 года.



Масштабъ 400 саж. въ дюймѣ

400 саж.

валеріи, съ полкомъ донскихъ казаковъ. При отрядѣ, сверхъ того, было незначительное число навербованныхъ волонтеровъ.

Разсчитывая, главнымъ образомъ, на внезапность и быстроту нападенія на Туртукай, генералъ-маіоръ Суворовъ посадилъ къ ночи свой отрядъ на суда въ Негоештахъ, приказалъ имъ спуститься къ устью Аржиса и остановиться скрытно въ камышахъ, при Ольтеницѣ (A) (*).

Но непріятель, озабоченный диверсіею гр. Салтыкова противъ Рущука, въ намѣреніи развлечь наше вниманіе, самъ готовился сдѣлать поискъ къ Негоештамъ. Случилось, что время для этого поиска совпало съ предпріятіемъ Суворова, такъ что обѣ стороны неожиданно встрѣтились при Ольтеницѣ, гдѣ наши войска стояли уже на позиціи, къ разсвѣту 9-го мая.

Турки, переправившись ночью черезъ Дунай, высадились въ *B.*, аттаковали на разсвѣтѣ 9-го мая передовые казацкіе пикеты и принудили ихъ отступить къ редуту *C*, устроенному прежде. Тогда генералъ-маіоръ Суворовъ отправилъ для подкрѣпленія казаковъ два эскадрона Астраханскаго карабинернаго полка, при полковникѣ кн. Мещерскомъ (*D*), а остальные три эскадрона полка выслалъ впередъ, въ видѣ резерва, *E*, къ которому присоединилъ 2 пѣхотныя роты, состоящія изъ выборныхъ стрѣлковъ Астраханскаго пѣх. полка и казаковъ при маіорѣ Ребокѣ (F). Наконецъ Астраханскій пѣхотный полкъ былъ раздѣленъ на 2 карре, подъ командою полковника Батурина и подполковника Маурина. Эти карреи назначались для оказанія помощи пѣхотѣ или кавалеріи, высланнымъ на передовую позицію.

Казаки, поддержанные эскадрономъ карабинеръ, возобновили аттаку на непріятеля, а высланный кн. Мещерскимъ изъ резерва другой эскадронъ карабинеръ врубился въ толпу непріятеля и принудилъ его искать спасенія въ бѣгствѣ къ своимъ судамъ. Преслѣдуемые турки толпою усаживались на суда, при чемъ многіе упали въ воду; на мѣстѣ же сраженія сосчитано 85 труповъ, кромѣ тѣхъ, которые были скрыты въ большой травѣ и камышѣ.

Турецкій отрядъ состоялъ подъ начальствомъ Бимъ-паши, у

(*) Планъ № 1.

котораго было 600 чел. конницы и 300 пѣхоты. Самъ Бимъ-паша съ 8 турками былъ взятъ въ плѣнъ, и показалъ, что въ Туртукаѣ находится болѣе 4,000 чел. конницы и пѣхоты.

По разбитіи отряда Бимъ-паши, дѣйствовавшія противъ него войска возвратились въ *G*. Генералъ-маіоръ Суворовъ, къ вечеру того же 9-го мая, рѣшился переправиться черезъ Дунай, для нападенія на Туртукай. Для этого имъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія. Маіору Ребоку приказано спустить лодки къ устью Аржиса и до наступленія темноты держаться скрытно за камышами въ H; въ прикрытіе судовъ назначался пѣхотный резервъ. Самъ Суворовъ съ княземъ Мещерскимъ, выѣхавъ къ Дунаю для рекогносцировки, указалъ мѣста, которыя должно было занять на берегу Дуная казаками и карабинерами для обезпеченія переправы. 4 пушки поставлены на берегу (k) противъ турецкой батареи, стоявшей выше предполагаемой переправы.

Когда смерклось, лодки вышли изъ устья Аржиса и пристали къ мѣсту переправы, куда двинулась и пѣхота (Астраханскій полкъ), раздѣленная на двѣ колонны.

Чтобы скрыть малочисленность нашего отряда, Суворовъ выслалъ впередъ воловыя фуры, которыя, подымая пыль по пути слѣдованія, заставляли непріятеля предполагать у насъ большое количество артиллеріи и соотвѣтственное ей количество пѣхоты.

Когда пѣхотныя колонны *i* прибыли къ переправѣ, онѣ тотчасъ же были посажены на суда, каждая колонна отдѣльно, а двѣ роты пѣхоты при маіорѣ Ребокѣ составили резервъ для обѣихъ колоннъ.

Переправа началась когда уже стемнѣло. На неожиданность нападенія разсчитывать было нельзя. Непріятель, замѣтивъ переправу, открылъ сильный огонь съ своей главной береговой батареи, устроенной ниже города, на которой стояло 4 пушки; а пикеты, расположенные по берегу, собрались противъ мѣста нашей переправы у *M*. и открыли ружейный огонь. Выставленныя для покровительства переправы наши четыре пушки ослабляли дѣйствіе непріятельскаго огня, на который переправляющіяся войска не обращали вниманія. Выйдя на берегъ, обѣ колонны двинулись къ главной турецкой батареѣ.

Первая колонна полковника Батурина (N) немедленно аттаковала лагерь, стоявшій сзади главной батареи. Самъ Суворовъ находился при этой колоннѣ и распоряжался ея дѣйствіями.

Главная турецкая батарея, находясь на большой крутизнѣ и обнесенная глубокимъ рвомъ, представляла большія затрудненія для аттаки ея, и потому наносила большой вредъ нашимъ войскамъ, аттакующимъ лагерь.

Не смотря на это, колонна Батурина ворвалась въ лѣвый флангъ непріятельскаго лагеря, а подоспѣвшая въ это время вторая колонна подполковника Мауринова(O), аттаковала правый его флангъ, и овладѣла бывшею тамъ батареею о 4 орудіяхъ.

По овладѣніи лагеремъ, полковникъ Батуринъ отрядилъ одну роту пѣхоты при подполковникѣ Мельгуновѣ (*P*), для овладѣнія другимъ лагеремъ и береговою батареею, прикрывавшею непріятельскую флотилію (*T*) при Туртукаѣ. Батарея эта о 3 орудіяхъ, была взята штыками.

Послѣ того, генералъ-маіоръ Суворовъ отправилъ маіора Ребока, съ его двумя резервными ротами (Q), для овладѣнія самимъ городомъ Туртукаемъ, со стороны Рущука.

Здѣсь стоялъ третій турецкій лагерь, усиленный также батареею. Маіоръ Ребокъ мгновенно овладѣлъ какъ этимъ лагеремъ, такъ и батареею и остановился на мѣстѣ ея расположенія.

Тогда генералъ-маіоръ Суворовъ приказалъ колоннѣ Батурина вступить въ самый городъ и выбивать штыками засѣвшаго въ домахъ непріятеля.

Въ скоромъ времени весь городъ былъ очищенъ отъ непріятеля и находился въ полномъ нашемъ распоряженіи. Турки разбѣжались по разнымъ направленіямъ, не заботясь о сосредоточеніи, а спасаясь какъ кто могъ. Большая часть туртукайскаго отряда ушла въ Шумлу, чтобы присоединиться къ арміи визиря, а другая часть собралась въ 20 верстахъ отъ Туртукая и расположилась въ шалашахъ. Войска наши стали на высотахъ въ *R* и *S*.

Какъ только войска наши овладѣли городомъ, Суворовъ, на клочкѣ бумаги, величиною не болѣе двухъ квадратныхъ вершковъ и неправильной формы, послалъ гр.Салтыкову слѣдующее лаконическое донесеніе: «Ваша свѣтлость! мы побѣдили. Слава Богу, слава Вамъ»,

Донося объ этомъ же дѣлѣ 13 мая, генералъ-маіоръ Суворовъ выражается такъ: «Могу ваше сіятельство увѣритъ—во ввѣренномъ мнѣ корпусѣ, какъ о штабъ, оберъ и унтеръ-офицерахъ и солдатахъ, о ихъ храбрости, что крайне страшна была непріятелю, хотя они и сами по батареямъ держались долго; но противу быстроты нашего нападенія держаться не могли, и уронъ со стороны его простирается, пѣхоты и конницы, до полуторы тысячи человѣкъ. Солдаты-жъ, разсвирѣпѣвъ, безъ помилованія всѣхъ кололи, и живой, кромѣ спасшихся бѣгствомъ, ни одинъ не остался; и часто похвально было видѣть, что ни одинъ солдатъ въ сраженіи до вещей непріятельскихъ не касался, а стремился только поражать непріятеля. По окончаніи же дѣла, дана отъ меня воля нижнимъ чинамъ пользоваться имѣніемъ, что довольно и получили въ добычу».

Соображая многочисленность непріятеля, сравнительно съ нашимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 500 чел. пѣхоты, къ которымъ, уже во время боя, было переправлено, вплавь, 150 карабинеръ и 60 чел. казаковъ, нужно отнести успѣхъ дѣла той несокрушимой рѣшительности, которою такъ умѣлъ Суворовъ поражать своихъ противниковъ.

Трофеями нашими въ этомъ дѣлѣ были 12 большихъ пушекъ, стоявшихъ на батареяхъ, изъ числа которыхъ было взято на суда только четыре меньшихъ, а остальныя были брошены въ Дунай. Сверхъ того, взяты всѣ суда, собранныя при Туртукаѣ, изъ которыхъ было 19 большихъ, 11 средней величины и 21 небольшая лодка. Сверхъ того, взято 6 знаменъ. Большой пороховой и провіантскій магазины были сожжены, также какъ большой пашинскій домъ, и самый городъ, можно сказать, были уничтожены до основанія и обращены въ пепелъ. Жившіе въ Туртукаѣ болгары, въ числѣ 299 мущинъ и 364 женщинъ, были переправлены на нашъ берегъ. Уронъ съ нашей стороны, во время дѣла при Ольтеницѣ и при Туртукаѣ, состоялъ всего изъ 88 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Возвратясь назадъ, Суворовъ построилъ войска кареемъ на позиціи въ *U* и отслужилъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду.

Вслѣдъ за пораженіемъ непріятеля при Туртукаѣ, ему нанесенъ былъ чувствительный ущербъ при Турно.

Дѣло при Турно 13-го и при Мавродинѣ 15 мая.

13 мая генералъ-маіоръ Текелли, желая сдѣлать рекогносцировку г. Турно, выступилъ къ этому пункту изъ Русе-Веде, имѣя при себѣ 3 эскадрона гусаръ, 2 пикинеръ, Муромскій пѣхотный и ханской казачій полки, съ 2 орудіями полевой артиллеріи, и остановился, того же числа, у деревни Бранешти. Маіоръ Шенкъ съ казаками былъ высланъ къ Турно, съ цѣлью вызвать непріятеля въ поле. Шенкъ остановился при Магурянахъ, откуда выслалъ разъѣзды къ самому Турно. Турки завязали перестрѣлку съ разъѣздами, но не рѣшились выйти изъ крѣпости.

Тогда генералъ-маіоръ Текелли пѐрешелъ со своимъ отрядомъ къ Калмацую и расположился тамъ скрытно, въ ожиданіи, что турки, ничего не подозрѣвая и разсчитывая на слабость нашего отряда, сами предпримутъ рекогносцировку окрестностей Турно. Дѣйствительно, въ первомъ часу по полудни, турки выступили изъ Турпо и раздѣлились на три части, для рекогносцировки.

Не смотря на то, что непріятель состоялъ изъ 2000 чел. конницы и татаръ, подъ начальствомъ Осмаскали-Халилъ и Мегметъ-пашей, генералъ-маіоръ Текелли выступилъ противъ него съ 5 эскадронами, а маіору Шенку съ его казаками приказалъ ударить непріятелю во флангъ.

Турки немедленно были опрокинуты и отступили по дорогѣ къ Турно, откуда выслано было къ нимъ подкрѣпленіе. Три раза турки возобновляли нападеніе и спѣшили даже до 200 чел. конницы, но, постоянно опрокидываемые, были преслѣдуемы нашимъ отрядомъ на разстояніи 10 верстъ отъ мѣста сраженія. Потеря непріятеля состояла въ болѣе чѣмъ 100 чел. убитыми и 15 плѣнныхъ. Наша потеря была ничтожна. Вслѣдъ за описанными дѣйствіями подъ Турпо, на среднемъ Дунаѣ, охраняемомъ гр. Салтыковымъ.

происходило слѣдующее замѣчательное по энергическому со стороны турокъ отпору дѣло.

Для воспрепятствованія свободному плаванію нашихъ судовъ на среднемъ Дунаѣ, турки выставили небольшой лагерь на берегу рѣки при деревнѣ Мавродинъ, верстахъ въ 20 ниже Рущука. При лагерѣ устроена была батарея на 4 орудія. Желая скрыть малочисленность отряда стоявшаго въ лагерѣ, турки раскинули палатки на протяженіи 2 верстъ, расположивъ ихъ въ одну линію и оставивъ разстояніе между палатками до 5 саженей.

Гр. Салтыковъ, основываясь на малочисленности непріятеля, приказалъ полковнику князю Рѣпнину собрать легкія лодки отъ Журжи и на Аржисѣ и сорвать турецкій лагерь у Мавродина, а также другой лагерь, бывшій по близости при деревнѣ Табанъ.

Въ отрядъ князя Рѣпнина назначены были Апшеронскій полкъ съ гренадерскими ротами Низовскаго полка, 4 орудія полковой и 2 полевой артиллеріи; команда казаковъ и 2 эскадрона кавалеріи. Для переправы пѣхотнаго отряда доставлены были изъ Журжи легкія суда, а для кавалеріи 9 шаекъ.

Гр. Салтыковъ приказалъ сдѣлать нечаянное нападеніе на непріятельскій лагерь, ночью, и къ разсвѣту отрядъ кн. Рѣпнина долженъ былъ возвратиться обратно.

Поэтому, за нѣсколько часовъ до разсвѣта 15 мая, князь Рѣпнинъ долженъ былъ посадить войска на суда. Но доставка судовъ къ мѣсту переправы замедлилась, такъ что отрядъ могъ отплыть для поисковъ только съ разсвѣтомъ въ 3 часа ночи, почему нельзя уже было разсчитывать на неожиданность нападенія.

Въ прикрытіе переправы на нашемъ берегу Дуная было оставлено два эскадрона тяжелой кавалеріи съ 2 шестифунтовыми пушками, которыя должны были препятствовать проходу турецкихъ судовъ изъ Рущука къ Мавродину. Князь Рѣпнинъ имѣлъ въ виду высадиться у мавродинской батареи и овладѣть ею; потомъ оставить для ея занятія свой авангардъ изъ 2 ротъ гренадеръ и одной пушки при маіорѣ Юргенсѣ, а съ остальнымъ отрядомъ сжечь деревню Мавродинъ и занять находящійся при ней лагерь. Послѣ чего онъ намѣревался, подъ прикрытіемъ береговыхъ высотъ, двинуться къ деревнѣ Табанъ и спустить къ этому пункту лодки отъ Мавро-

дина; сжечь Табанъ, уничтожить лагерь и тогда возвратиться обратно.

Маіоръ Юргенсъ съ своимъ авангардомъ началъ переправу, направляясь къ острову противъ мавродинской батареи.

Находясь на передней лодкѣ, подплывшей уже къ берегу, онъ замѣтилъ, что прочія лодки авангарда далеко отъ него отстали. Дождавшись подъ прикрытіемъ острова, сбора всего авангарда, маіоръ Юргенсъ направился къ мѣсту высадки.

Турки встрѣтили наши суда пушечными и ружейными выстрѣлами, отчего всѣ лодки, кромѣ той, на которой находился Юргенсъ, не приставая къ берегу, спустились внизъ по рѣкѣ къ деревнѣ Табанъ, при которой не было батареи.

Такимъ образомъ маіоръ Юргенсъ остался передъ батареей съ одной своей лодкой. Напрасно онъ кричалъ прочимъ лодкамъ, чтобы онѣ къ нему пристали, «никто не послушался (*)».

Тогда Юргенсъ также спустился съ своею лодкою къ Табану, собралъ высадившійся авангардъ и, выбивъ турокъ изъ этой деревни, остановился на высотахъ близъ Табана.

Вслѣдъ затѣмъ къ мѣсту высадки прибыли 4 роты Апшеронскаго полка при маіорѣ Брянчаниновѣ и стали лѣвѣе маіора Юргенса.

Остальной отрядъ, при самомъ князѣ Рѣпнинѣ, занялъ мѣсто правѣе Юргенса. Въ прикрытіе судовъ было оставлено только 40 человѣкъ. Въ это время маіоръ Юргенсъ замѣтилъ, что непріятель, въ большихъ массахъ, приближается къ нашимъ судамъ. Приказавъ маіору Брянчанинову, именемъ князя Рѣпнина, остаться въ прикрытіи судовъ, Юргенсъ соединился съ карреемъ Рѣпнина и берегомъ двинулся къ Мавродину. При этомъ по плану кн. Рѣпнина, суда наши должны были подняться къ Мавродину, которымъ кн. Рѣпнинъ хотѣлъ овладѣть, вмѣстѣ съ находившимися при немъ батарею и лагеремъ, и потомъ отплыть обратно отъ Мавродина. Такимъ образомъ, первоначальныя намѣренія кн. Рѣпнина должны были исполниться въ обратномъ порядкѣ.

(*) Этотъ фактъ показываетъ какъ неудобно въ военное время поручать команду людямъ, которыхъ войска не успѣли узнать: Юргенсъ только что прибылъ изъ Журжи къ отряду князя Рѣпнина.

Но въ это самое время замѣчено было приближеніе изъ Рущука 7 непріятельскихъ лодокъ, въ числѣ которыхъ находились 2 большія галеры. Опасаясь за свою флотилію, князь Рѣпнинъ хотѣлъ начать отступленіе и приказалъ маіору Юргенсу отсылать изъ своего карре къ судамъ людей повзводно.

Между тѣмъ, непріятель собралъ изъ лагеря и ближайшихъ деревень до 4000 чел. конныхъ; 1500 чел. пѣхоты двинулось отъ деревни Мавродинъ на карреи кн. Рѣпнина и Юргенса, а конница показывала намѣреніе окружить наши войска со стороны поля, тогда какъ со стороны рѣки, приближавшаяся изъ Рущука флотилія должна была отрѣзать отряду путь отступленія. «Намъ пора ретироваться», сказалъ кн. Рѣпнинъ.—«Стыдно объ ретирадѣ думать, возразилъ на это подполковникъ Дурново: мы еще у непріятеля ничего не выиграли». Князь Рѣпнинъ рѣшился остаться на берегу еще цѣлый часъ, безъ всякой пользы, и только въ 9 часовъ утра, когда рущукская флотилія подошла къ переправѣ, кн. Рѣпнинъ отдалъ приказаніе всему отряду садиться на суда. Въ арріергардъ назначенъ былъ маіоръ Юргенсъ съ 160 гренадерами и одной пушкой. Началось отступленіе.

Турки аттаковали нашъ отрядъ съ разныхъ сторонъ; мѣткая пальба и стройность отступленія дозволили кн. Рѣпнину отступить въ порядкѣ, не смотря на всѣ натиски противника. Первою заботою было установить пушки на суда, которыя, по случаю мелководья, не могли подойти къ самому берегу. Такъ какъ при этомъ пушечная пальба прекратилась, то турки, съ удвоеннымъ стремленіемъ, возобновили свои аттаки, которыя было тѣмъ труднѣе отражать, что часть отряда также садилась на суда. Турки, конные и пѣшіе, вскакивали въ воду, подплывали къ самымъ судамъ, растаскивали ихъ и мѣшали войскамъ садиться, а со стороны поля, остатокъ нашего отряда долженъ былъ употреблять неимовѣрныя усилія для отраженія противника.

Князь Рѣпнинъ опасаясь приближенія непріятельской флотиліи велѣлъ нагруженнымъ судамъ отваливать, а самъ, съ своею шайкою, остался для помощи аррьергарду, для котораго оставлены были свободныя лодки.

Рѣшившись отступить послѣднимъ, кн. Рѣпнинъ съ горстью

людей остался на своей шайкѣ, чтобы облегчить посадку прочихъ людей аррьергарда на лодки. Турки окружили остатокъ аррьергарда, а частью бросились въ воду, въ намѣреніи задержать двѣ шайки, только что принявшія часть арріергарда и готовившіяся къ отплытію. Пробившись чрезъ толпу противника, аррьергардъ кинулся въ воду; кн. Рѣпнинъ приказалъ людямъ хвататься за весла и борты нашихъ лодокъ, чтобы имѣть возможность отплыть отъ берега и тамъ уже сѣсть на суда. Но плававшіе вокругъ лодокъ турки много препятствовали исполненію этого приказанія. Къ довершенію затрудненія, люди успѣвшіе подплыть къ лодкамъ схватились кто за что могъ, за весла, руль и борты, и тѣмъ лишили лодки возможности двинуться съ мѣста, какъ потому, что нельзя было ими управлять, такъ и потому, что отъ чрезмѣрной тяжести суда погрузились и сѣли на мель. На шайкѣ, на которой находился князь Рѣпнинъ, турки обрубили руль. Другое судно было захвачено непріятелемъ. Употребляя неимовѣрныя усилія, судно кн. Рѣпнина сошло съ мели и пустилось въ Дунай. Но за неимѣніемъ руля его нельзя было направить къ нашему берегу и оно было снесено внизъ по теченію, болѣе чѣмъ на версту, притомъ такъ, что не отходило отъ непріятельскаго берега болѣе чѣмъ на 50 саженей. Турки слѣдуя по берегу, поражали нашихъ людей выстрѣлами, а съ низовьевъ рѣки вышли скрытыя на берегу шесть непріятельскихъ лодокъ, которыя, окруживъ судно кн. Рѣпнина, стали съ нимъ бортъ о бортъ. Выстрѣливъ послѣдній зарядъ изъ пушки и потопивъ одну непріятельскую лодку, остатокъ нашего отряда вступилъ въ рукопашный бой съ противникомъ на штыкахъ и тесакахъ, но наконецъ кн. Рѣпнинъ, получивъ въ этой схваткѣ три раны, былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми людьми бывшими на его суднѣ.

При этомъ также взяты въ плѣнъ два маіора, братья Дивовы, а подполковникъ Дурново убитъ. Кромѣ того, отрядъ нашъ потерялъ двѣ пушки, 265 человѣкъ убитыми и 49 раненыхъ, не считая взятыхъ въ плѣнъ (*).

Не одобряя дѣйствій князя Рѣпнина, но уважая его храбрость, гр. Румянцевъ отправилъ визирю письмо, прося его обмѣнить кня-

(*) Вѣдомость о потерѣ въ сраженіи 15 мая. Донесенія Румянцева, стр. 142.

зя Рѣпнина на кого либо изъ турецкихъ плѣнныхъ, или оказать ему особую заботливость. Визирь отказался принять посланнаго гр. Румянцева, маіора Касперова, въ своемъ лагерѣ, но поручилъ передать ему черезъ переводчика, отъ своего имени, слѣдующія слова: «я очень желалъ и знаю, что г. фельдмаршалъ, также какъ и я, желалъ скорѣе окончить безполезную войну, чтобы возстановить между обѣими державами покой и благоденствіе, на память потомкамъ нашимъ,—но не успѣлъ въ этомъ. Сколько въ такое короткое время пролито невинной крови съ обѣихъ сторонъ, и кто за нее будетъ отвѣчать передъ Богомъ! Съ начала моего знакомства съ фельдмаршаломъ, я имѣлъ съ нимъ частую, дружескую переписку, которая, къ сожалѣнію, теперь прекратилась. Что до меня, я всегда радуюсь, когда получаю его письма и освѣдомляюсь о его здоровьѣ».

Хотя, по собраннымъ впослѣдствіи свѣденіямъ, оказалось, что потеря турокъ была еще болѣе значительна, чѣмъ у насъ, тѣмъ не менѣе, это былъ первый случай сдачи въ плѣнъ русскаго отряда. Неудача поиска на Мавродинъ произвела весьма невыгодное впечатлѣніе на наши войска, чѣмъ были какъ бы ослаблены послѣдствія пораженія противника при Туртукаѣ.

Главною причиною неудачи мавродинскаго поиска нужно считать оплошность кн. Рѣпнина и неумѣніе его выбрать моментъ для производства нападенія. Гр. Салтыковъ, зная кн. Рѣпнина за человѣка энергическаго и исполнительнаго, поручилъ ему сдѣлать поискъ, указавъ на необходимость ночнаго нападенія, и на немедленное, вслѣдъ затѣмъ, возвращеніе, а въ остальномъ предоставилъ ему полную свободу дѣйствій.

Замедленіе въ доставкѣ судовъ къ мѣсту переправы не дозволило сдѣлать поискъ ночью; слѣдовало бы отложить нападеніе до слѣдующаго дня, вмѣсто того, чтобы начать переправу съ разсвѣтомъ. Сверхъ того, гр. Салтыковъ послалъ къ кн. Рѣпнину маіора Юргенса, который бывалъ нѣсколько разъ въ Мавродинѣ, и потому долженъ былъ знать мѣстность. Однако, мѣсто для высадки отряда на непріятельскій берегъ не было опредѣлено заранѣе, такъ что флотилія наша подошла сперва къ мавродинской батареѣ, потомъ, подъ ружейными выстрѣлами съ берега, спустилась внизъ

между Мавродиномъ и Табаномъ, а потомъ искала мѣста для десанта у самой деревни Табана. Поэтому нельзя было ожидать совокупнаго дѣйствія отряда на непріятельскомъ берегу. Наконецъ, оставаясь безъ пользы съ 3 до 9 часовъ утра на непріятельскомъ берегу, кн. Рѣпнинъ далъ непріятелю время сосредоточиться для нападенія. Что касается до производства обратной переправы, то и въ этомъ отношеніи распоряженія кн. Рѣпнина были весьма неудачны.

Вмѣсто того, чтобы, посадивъ часть войскъ на суда, приказать имъ открыть пальбу и поддерживать оставшіяся на берегу войска, онъ отослалъ ихъ къ противуположному берегу и съ горстью людей остался въ виду сильнѣйшаго непріятеля, готоваго окружить его со всѣхъ сторонъ. Суда же, отплывшія обратно, видя бѣдственное положеніе нашихъ двухъ послѣднихъ шаекъ съ аррьергардомъ, хотя и хотѣли сами прійти къ нимъ на помощь, но, по неопытности гребцовъ, не могли подняться вверхъ по теченію Дуная. Равнымъ образомъ ни къ чему не могло послужить и то подкрѣпленіе, которое гр. Салтыковъ выслалъ изъ Журжи, какъ только узналъ, что отрядъ кн. Рѣпнина предпринялъ поискъ не ночью, а на разсвѣтѣ, что одно уже указывало на слабый шансъ успѣха.

ГЛАВА IV.

Неудачный поискъ на Мавродинъ ободрилъ турокъ, которые начали усиливаться на разныхъ пунктахъ Дуная, обнаруживая намѣренія къ диверсіямъ на нашъ берегъ рѣки. Къ тому же наступило время рѣшительныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ; почему гр. Румянцевъ рѣшился подвинуть главную армію ближе къ театру войны. Съ этою цѣлью онъ выступилъ 17 мая изъ Фокшанъ къ Браилову, куда прибылъ 22 числа, предполагая устроить здѣсь мостъ для переправы.

Выступленіе главной арміи изъ Фокшанъ. Начало рѣшительныхъ дѣйствій.

Предписавъ гр. Салтыкову держать свой отрядъ на среднемъ Дунаѣ такимъ образомъ, чтобы непріятель предполагалъ его отсутствіе, и потому покусился сдѣлать переходъ на нашу сторону и попалъ въ засаду; гр. Румянцевъ поручилъ въ тоже время генералъ-маіору Вейсману произвесть рѣшительный поискъ за Дунай въ нижнихъ его частяхъ, и намѣревался перенести на тотъ берегъ рѣки и главныя свои силы, если дозволятъ обстоятельства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 23 мая, на турецкомъ, болгарскомъ, греческомъ и молдавскомъ языкахъ, было издано воззваніе къ жителямъ на той сторонѣ Дуная. Въ этомъ воззваніи гр. Румянцевъ указывалъ на то, что «лютость и грабленіе никогда не были и не будутъ свойствомъ россійскихъ войскъ; что мечъ казни и отомщенія простираемъ мы только на однихъ противящихся непріятелей, и благотворимъ, напротивъ, всякому прибѣгающему подъ защиту россійскаго оружія и оному повинующимся».

Упоминая о томъ, что всѣ искавшіе защиты у русской арміи были переселены на лѣвый берегъ Дуная, и что имъ оказывалось всегда возможное содѣйствіе, гр. Румянцевъ объявилъ, что равнымъ образомъ—«какъ христіане, такъ и турки, обитающіе за Дунаемъ, да надѣятся тѣхъ же самыхъ благотвореній при вступленіи въ ихъ предѣлы россійской арміи», если не будутъ дѣйствовать враждебно нашимъ интересамъ (*).

Воззваніе гр. Румянцева къ жителямъ за Дунаемъ было, въ большомъ числѣ экземпляровъ, отправлено въ корпусъ генералъ-маіора Вейсмана, который, какъ увидимъ, началъ уже свои дѣйствія за Дунаемъ. Гр. Румянцевъ, предполагая усиливать его со стороны Браилова, нашелъ необходимымъ измѣнить свои предположенія и выступить 24 мая отъ Браилова къ рѣкѣ Яломицѣ. При-

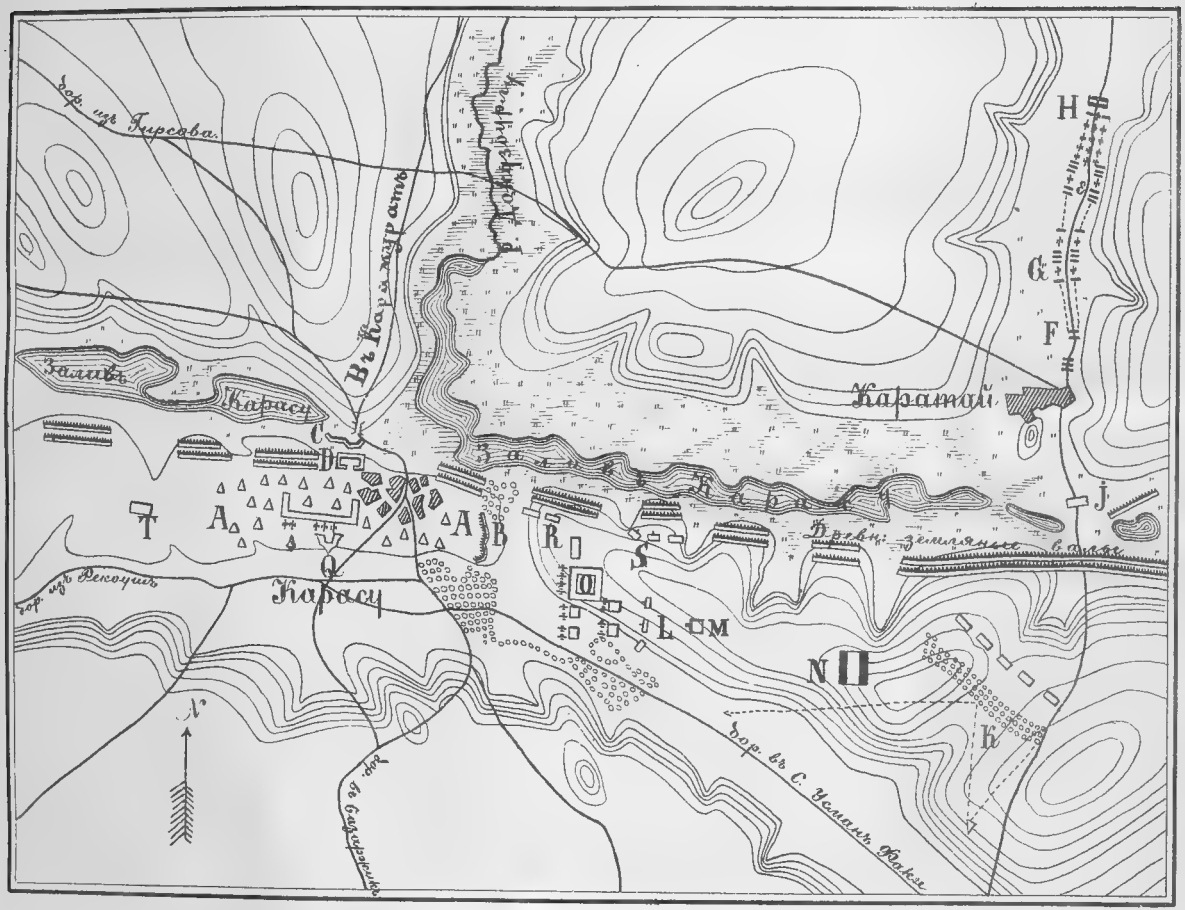
(*) См. Приложеніе № 6. (Донес. Рум. стр. 122).

IV

№ 2

ПЛАНЪ

сраженія при Карасу 24 мая 1773го года



Масштабъ 6 вер: въ дюймѣ

0 1 2 3 4 5 6 7 вер.

чина этого передвиженія состояла въ томъ, что переправа у Браилова найдена была неудобною, и въ особенности были затруднительны дефилеи на той сторонѣ рѣки, по которымъ слѣдовало бы проходить, но исправить которыя не было возможности. Къ тому же, получились свѣденія, что турки показываютъ видъ серьозныхъ дѣйствій со стороны Валахіи, почему нужно было имѣть главныя силы ближе къ этой сторонѣ. Успѣшныя же дѣйствія Вейсмана со стороны нижняго Дуная не возбуждали никакихъ на его счетъ опасеній. Къ разсмотрѣнію этихъ дѣйствій мы теперь и обратимся.

Поискъ г.-м. Вейсмана на Карасу и сраженіе 27 мая 1773 года.

26 мая экспедиціонный отрядъ г.-м. Вейсмана, силою до 6,500 чел. (*), собрался у деревни Карамуратъ, въ 16 верстахъ отъ Карасу, на который предполагалось сдѣлать поискъ. Непріятель стоялъ спокойно въ лагерѣ, что дало Вейсману возможность выѣхать на рекогносцировку и разсмотрѣть непріятельское расположеніе.

Обширный турецкій лагерь (**) былъ раскинутъ на высотахъ при деревнѣ Карасу (A), и прикрывался съ сѣверной стороны заливомъ того же имени и двумя валами старыхъ земляныхъ укрѣпленій. Въ перешейкѣ, образованномъ заливомъ, устроенъ былъ мостъ (C), черезъ который проходила дорога въ Карамуратъ. Мостъ этотъ былъ прикрытъ батареей. Кромѣ этихъ затрудненій, предстоявшихъ при переходѣ черезъ мостъ, нужно было подниматься на чрезвычайно крутыя высоты за мостомъ, въ виду непріятеля, занимавшаго высоты и подъ выстрѣлами батареи (D); къ тому же остатки двойнаго древняго вала, проходящаго вдоль залива, могли служить непріятелю закрытіемъ при защитѣ высотъ и стѣсняли движеніе нашихъ войскъ.

Сообразивъ затруднительность наступленія съ этой стороны, г.-м. Вейсманъ рѣшился сдѣлать обходъ съ дороги отъ Караму-

(*) Вѣдомость № 7. (Донес. гр. Рум. стр. 150).

(**) Планъ № 2.

рата къ Карасу, съ тѣмъ чтобы обойти заливъ и вести аттаку съ восточной стороны, гдѣ не предстояло надобности въ переправѣ черезъ мостъ и было достаточно мѣста для дѣйствія войскъ. Непріятельскій лагерь былъ покрытъ съ этой стороны однимъ только ретраншаментомъ при Карасу (B).

Въ два часа по полуночи 27 мая, отрядъ Вейсмана выступилъ изъ Карамурата, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ (F) подъ командою полковника Левиза назначены были три полка казаковъ— полковника Левиза, премьеръ-маіора Лалаша и секундъ-маіора Фриза. Кавалерійскій резервъ авангарда (G) состоялъ изъ Московскаго и Тверскаго карабинерныхъ полковъ, а изъ пѣхоты къ авангарду были приданы, при подполковникѣ графѣ Румянцевѣ, бывшій подъ его командою батальонъ гренадеръ и егерскій батальонъ подполковника Мекноба. Сверхъ того, при авангардѣ находилось пять полковыхъ орудій.

За авангардомъ слѣдовали главныя силы отряда, въ двухъ колоннахъ (E), изъ которыхъ одна состояла подъ командою г.-м. Вейсмана, а другою командовалъ генералъ-маіоръ князь Голицынъ; артиллерія слѣдовала въ хвостѣ между колоннами. Аррьергардъ (H), подъ начальствомъ премьеръ-маіора Глѣбова, состоялъ изъ 300 чел. пѣхоты при 4 орудіяхъ, одного казачьяго полка, секундъ-маіора Дмитріева, и 100 чел. арнаутъ.

Пройдя въ такомъ порядкѣ 12 верстъ, отрядъ подошелъ въ 5 часовъ утра къ мѣсту, гдѣ оканчивается заливъ Карасу.

Непріятель выслалъ на встрѣчу нашему отряду значительную часть своей конницы, которая послѣ кратковременной перестрѣлки при (J), обратилась въ бѣгство къ своимъ главнымъ силамъ (K) стоявшимъ на высотахъ, въ числѣ до 2,000 чел. конницы. Полковникъ Левизъ, выстроивъ казаковъ и карабинеровъ въ линію, немедленно двинулся противъ турецкой конницы.

Непріятель не выждалъ нападенія и, раздѣлясь на двѣ части, отступилъ къ Карасу и къ деревнѣ Усманъ-Факи. Премьеръ-маіоръ Лалашъ преслѣдовалъ эту послѣднюю часть и, настигнувъ ее, положилъ на мѣстѣ до 15 человѣкъ, а 30 чел. взялъ въ плѣнъ.

Видя слабое сопротивленіе непріятеля и заключая изъ того о слабости при Карасу, г.-м. Вейсманъ приказалъ полковнику Ле-

визу продолжать движеніе къ Карасу, но не предпринимать ничего рѣшительнаго до прибытія нашей пѣхоты.

Полковникъ Левизъ, съ двумя карабинерными и однимъ казачьимъ полками (маіора Фризе) двинулся за отступавшимъ къ лагерю непріятелемъ, который, получивъ подкрѣпленіе отъ Карасу, вдругъ остановился и перешелъ въ наступленіе, но былъ опрокинутъ. Слѣдуя за бѣгущими, Левизъ приблизился къ турецкому ретраншаменту (B). Непріятельская конница быстро свернула влѣво въ лощину и открыла свой ретраншаментъ, откуда началась сильная пушечная пальба по нашему отряду (L), который долженъ былъ остановиться и пришелъ въ замѣшательство. Тогда турецкая конница вышла изъ лощины и аттаковала лѣвый флангъ нашего отряда. Стоявшій на этомъ флангѣ эскадронъ Тверскаго полка былъ смѣшанъ и въ безпорядкѣ наскакалъ на другой ближайшій эскадронъ, который тоже привелъ въ разстройство. Турецкая конница окружила лѣвый флангъ отряда Левиза и принудила его къ отступленію для соединенія съ поспѣшавшею къ нему на помощь пѣхотою подполковника гр. Румянцева, который, расположившись въ *M*, открылъ пушечную пальбу изъ пяти орудій и вскорѣ остановилъ непріятеля, давъ время нашей кавалеріи прійти снова въ порядокъ. Непріятель вывелъ изъ ретрашамента свою пѣхоту съ нѣсколькими пушками, для дѣйствія противъ нашей пѣхоты, но не могъ остановить ея дальнѣйшаго наступленія, и потому отступилъ въ ретраншаментъ, а конница его снова спустилась въ лощину и стала правѣе ретраншамента.

Между тѣмъ приближались къ мѣсту сраженія и главныя силы отряда г.-м. Вейсмана (N), который приказалъ генералъ-маіору князю Голицыну, подойдя на близкое разстояніе къ турецкому ретраншаменту, остановиться, а подполковникъ баронъ Вейсманъ долженъ былъ открыть сильную пальбу по ретраншаменту и конницѣ непріятельской. Дѣйствія нашей артиллеріи были такъ удачны, что турецкая конница начала колебаться, а пальба изъ ретраншамента ослабѣла. Тогда, приблизясь еще болѣе къ непріятельскому ретраншаменту (O), артиллерія наша открыла по немъ еще болѣе губительное дѣйствіе; такъ что вскорѣ непріятель прекратилъ пальбу, а кавалерія его начала отступленіе.

Замѣтя это, г.-м. Вейсманъ приказалъ пѣхотѣ двинуться на ретраншаментъ. Непріятель не выждалъ аттаки и пѣхота его, оставивъ лагерь и ретраншаментъ, начала въ 8 часовъ отступленіе.

г.-м. Вейсманъ выслалъ, для преслѣдованія турецкой пѣхоты, кавалерію полковника Лалаша, чтобы дать ей случай отомстить за свое разстройство, и не велѣлъ брать плѣнныхъ, чтобы не стѣснять наши войска излишнимъ за ними надзоромъ. Непріятель въ сильномъ безпорядкѣ отступилъ по дорогѣ въ Базарджикъ и дер. Магметкуюсъ, при чемъ былъ преслѣдуемъ нашею кавалеріею 10 верстъ, пока лошади не пришли въ совершенное утомленіе.

Турецкая пѣхота останавливалась по временамъ для отпора, но кавалерія наша немедленно врубалась въ нее и обращала въ окончательное разстройство. Въ этомъ преслѣдованіи турки потеряли не менѣе 900 чел. убитыми, 4 пушки и весь обозъ. Вообще же въ этотъ день турки потеряли до 1200 чел. убитыми и 104 чел. взятыхъ въ плѣнъ. Сверхъ того, 16 пушекъ—$1^1/_2$, 3-хъ и 4-хъ фунтовыхъ, нѣсколько ящиковъ съ зарядами, много бочекъ съ порохомъ и ядрами, 10 знаменъ, весь лагерь и обозъ. У насъ убито 58, ранено 121 человѣкъ (*).

По объявленію плѣнныхъ, главный начальникъ при Карасу, Сераскиръ-Абды-паша былъ сосланъ въ ссылку за три дня до дня сраженія, такъ что турецкими войсками въ дѣлѣ 27 мая командовали Абдулъ-Арнаутъ-паша, Наминетъ-Сераскиръ-паша, Черкесъ-Паша и Калга Султанъ Бахты-Гирей, сынъ крымскаго хана. Силы непріятеля простирались отъ 4—5 тысячъ пѣхоты, 7000 конницы и 1000 татаръ.

Дѣло при Гуробалѣ 7 іюня и переправа въ этомъ пунктѣ главной арміи черезъ Дунай 9 іюня.

Плѣнные показали также, что въ Карасу ожидали прибытія новыхъ 8000 чел. Относительно арміи визиря извѣстно было только,

(*) Рапортъ г.-м. Вейсмана къ гр. Румянцеву отъ 28 мая 1773 года.

что она, въ числѣ 10,000 чел., стоитъ около Шумлы, гдѣ визирь предполагалъ остаться на все лѣто.

Удачный поискъ на Карасу ускорилъ переходъ за Дунай главной арміи гр. Румянцева.

Намѣреваясь, какъ мы видѣли, устроить переправу сперва у Браилова, а потомъ при устьѣ рѣки Яломицы, чтобы съ помощью закрытія этой переправы Гирсовскою крѣпостью, установить соединеніе съ корпусомъ г.-м. Вейсмана при Карасу, гр. Румянцевъ полагалъ, при удобномъ случаѣ, переправиться у Гирсова съ Вейсманомъ для общихъ дѣйствій; но на всякій случай приказалъ Вейсману, если непріятель будетъ на него сильно наступать, отступить къ Гирсову и для того установить по дорогѣ къ этой крѣпости надежное сообщеніе. Если же непріятель покусится гдѣ нибудь перейти на нашъ берегъ Дуная, то дѣйствовать ему въ тылъ. Но графъ Румянцевъ нашелъ переправу у Гирсова неудобною. Осматривая лично эту переправу, онъ долженъ былъ употребить четыре часа времени, чтобы въ легкой запорожской лодкѣ съ 26 гребцами, переплыть рѣку съ ея проливами.

Затруднительность подобной переправы для арміи побудила гр. Румянцева предпочесть переправу у Гуробалъ, въ 30 верстахъ отъ Силистріи. Непріятель занималъ Гуробалы 6000 отрядомъ, подъ командою двухбунчужныхъ пашей Джаферъ и Абдула, при 13 орудіяхъ артиллеріи. Гр. Румянцевъ приказалъ г.-м. Вейсману двинуться отъ Карасу къ Гуробаламъ для аттаки непріятеля съ тыла, а генералъ-маіору Потемкину велѣлъ, одновременно съ тѣмъ, посадить свой отрядъ у Ликорештъ на суда и переплыть Дунай для нападенія на гуробальскій отрядъ съ фронта, со стороны Силистріи. Гр. Румянцевъ справедливо полагалъ, что оставленіе ликорештскаго поста не можетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій, потому что появленіе нашихъ войскъ на томъ берегу Дуная, вблизи Силистріи, не дозволитъ непріятелю предпринять что нибудь изъ Силистріи на наши посты при Ликорешти,—иначе турки рисковали потерять Силистрію. Такимъ образомъ, совокупность и, главное, одновременность дѣйствій отрядовъ Потемкина и Вейсмана на томъ берегу Дуная, должны были обезпечить производство переправы у Гуробалъ. Корпусъ Потемкина могъ прибыть къ Гуробаламъ, отъ

мѣста своего расположенія, въ одинъ переходъ, и потому долженъ былъ сообразиться съ движеніями Вейсмана отъ Карасу, отъ котораго до Гуробалъ было два перехода.

Вообще нужно сказать, что, приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ за Дунаемъ, гр. Румянцевъ съ чрезвычайною подробностію и искуствомъ составлялъ подробныя, соотвѣтственныя для этой цѣли предположенія. Въ настоящее время все вниманіе было сосредоточено на производствѣ переправы главной арміи за Дунай при Гуробалѣ, гдѣ переправа эта, какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и по стратегическому ея положенію была признана наиболѣе удобною.

Но значительный непріятельскій отрядъ занималъ гуробальскія укрѣпленія, что препятствовало переправѣ, для которой имѣлось мало, да и то плохихъ, судовъ, на которыхъ вся армія должна была совершить переправу. Еслибы переправа, для которой нужно было не менѣе 3 дней, была задержана, непріятель могъ бы собрать къ Гуробалу значительныя войска изъ Силистріи, гдѣ было до 15000 войскъ, при трехбунчужномъ Хассанъ-пашѣ и сверхъ того 20000 стояло въ лагерѣ выше Силистріи, подъ командою Османъ-паши. Поэтому гр. Румянцевъ прежде всего считалъ необходимымъ разбить непріятельскій отрядъ въ Гуробалѣ и тогда уже присупить къ переправѣ.

Обращая вниманіе на малѣйшія подробности, гр. Румянцевъ, по нѣскольку разъ въ день, посылалъ предписанія въ корпуса Вейсмана и Потемкина, согласуя ихъ дѣйствія такимъ образомъ, чтобы они одновременно могли вступить съ непріятелемъ въ дѣлѣ при Гуробалѣ. Генералъ-маіору Вейсману, было приказано выслать, прежде выступленія къ Гуробалу, значительную партію къ Базарджику, чтобы показать видъ дальнѣйшаго наступленія противъ базарджикской арміи, и черезъ то, озаботивъ ее собственной защитой, удержать отъ движенія въ помощь Гуробалу. Съ другой стороны, съ тою же цѣлью, гр. Салтыковъ получилъ приказаніе озаботить непріятеля на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ, выслать 2000 отрядъ для поиска или для демонстраціи противъ Турна, а генералъ-маіору Суворову гр. Румянцевъ, прямо отъ себя, для ускоренія времени, послалъ приказаніе произвесть новый поискъ на Туртукай,

разсчитывая такимъ образомъ, чтобы поискъ былъ произведенъ одновременно съ назначеннымъ на Гуробалъ нападеніемъ. Къ сожалѣнію, по малочисленности судовъ и слабости войскъ, поиски на Туртукай и Турно не были произведены. Впрочемъ, обстоятельство это не имѣло вліянія на дѣйствія нашихъ войскъ при Гуробалѣ.

Что касается до отряда генералъ-поручика Потемкина, то ему приказано было, во что бы то ни стало, отдѣлить хоть часть своего отряда, для содѣйствія г.-м. Вейсману, а съ другою сдѣлать поискъ на лагерь Османъ-паши, стоявшій въ 4 верстахъ выше Силистріи, чтобы подступить къ этой крѣпости съ двухъ сторонъ, послѣ пораженія противника при Гуробалѣ.

Въ исполненіе этихъ приказаній, отрядъ г.-м. Вейсмана двинулся, 5 іюня, по утру, черезъ Рисовату къ Гуробалу. На пути слѣдованія къ нему присоединился Харьковскій гусарскій полкъ полковника Чорбы, который былъ высланъ къ нему изъ Гирсова, а также егерскій баталіонъ подполковника Ферзена и гренадерскій маіора Галахова. Полковникъ Огаревъ, съ его полкомъ и тремя пушками, стоявшій въ Черноводахъ, принялъ подъ свою защиту обозы отряда г.-м. Вейсмана, который, утромъ 7 іюня, подошелъ къ непріятельскому лагерю у Гуробала. Генералъ-поручикъ Потемкинъ еще 6 числа перевезъ свой отрядъ за Дунай, и оставался скрытно до 7-го, въ ожиданіи прибытія отряда Вейсмана.

Вмѣстѣ съ движеніемъ Вейсмана изъ Карасу, главная армія перешла 5 іюня р. Яломицу по двумъ понтоннымъ мостамъ и быстро двинулась къ Гуробалу, куда по Дунаю сплавлены были суда, для устройства переправы. 7 іюня, непріятель, занимавшій лагерь при Гуробалѣ, увидя приближеніе противъ себя отрядовъ Вейсмана и Потемкина и зная, что на лѣвомъ берегу Дуная находятся и главныя наши силы, началъ, послѣ слабой перестрѣлки, оставлять въ сильномъ замѣшательствѣ свой лагерь, отступая къ Силистріи и прикрывая свое бѣгство конницею.

Авангардъ корпуса Вейсмана, при полковникѣ Чорба, преслѣдовалъ непріятеля и настигнувъ его при дефилеи въ 10 верстахъ выше Гуробала, нанесъ ему потерю до 310 чел. убитыми и болѣе 60 взятыми въ плѣнъ. Сверхъ того, при этомъ было за-

хвачено 8 мѣдныхъ пушекъ, 3 знамени и весь обозъ съ запасами, бывшими въ Гуробалѣ. Наша потеря не превышала 20 человѣкъ.

Взятіе Гуробала дало возможность получить нѣкоторыя свѣденія о непріятелѣ.

До сихъ поръ непріятель, встревоженный перенесеніемъ нашихъ дѣйствій за Дунай, постоянно убѣгалъ при встрѣчѣ съ нашими войсками, такъ что, не смотря на то, что гр. Румянцевъ, желая получить какія нибудь свѣденія о непріятелѣ, велѣлъ объявить награду въ 100 р. за каждаго турка, — такихъ плѣнныхъ не могли добыть. Плѣнные же, взятые при Гуробалѣ, показали, что въ Силистріи находится 15000 чел., при Хассанъ-пашѣ и, сверхъ того, 20000 чел. съ 10 или 15 трехфунтовыми пушками, стоятъ лагеремъ въ 5 верстахъ выше Силистріи, подъ командою Османа-паши, и что въ Силистріи ожидаютъ прибытія войскъ изъ Адріанополя и другихъ мѣстъ. Въ Рущукѣ непріятель имѣлъ 15000, въ Никополѣ 12000 чел., подъ командою Сулейманъ-арнаутъ-паши и 6000 чел. въ Варнѣ. Дней десять передъ симъ войска, стоявшія въ Базарджикѣ, были усилены 6,000 чел., что составляло тамъ всего до 20,000 ч. подъ командою Сераскира-паши, который недавно принялъ командованіе вмѣсто Абды-паши, сосланнаго въ Адріанополь за пораженіе при Карасу. Плѣнные передавали также, что визирь намѣренъ былъ выслать 12,000 чел. изъ Базарджика противъ отряда генералъ-маіора Вейсмана, а самъ продолжаетъ стоять у Шумлы.

Такимъ образомъ, главное вниманіе непріятеля, судя по расположенію его войскъ, было обращено на Силистрію, какъ главный пунктъ на Дунаѣ, который необходимо было занять для упроченія нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ.

Желая воспользоваться страхомъ, наведеннымъ на непріятеля недавними пораженіями его при Карасу и Гуробалѣ, гр. Румянцевъ намѣренъ былъ, безотлагательно, открыть рѣшительныя дѣйствія противъ Силистріи.

Чтобы развлечь вниманіе непріятеля и не дозволить ему стянуть къ Силистріи отряды, расположенные на другихъ пунктахъ по Дунаю, гр. Румянцевъ приказалъ генералъ-маіору Суворову оставить небольшую часть своего отряда въ Негоепитахъ, спуститься на судахъ къ Чикопештамъ и предпринять поискъ на тотъ берегъ

рѣки, въ удобномъ пунктѣ, какимъ гр. Румянцевъ находилъ мѣсто при деревнѣ Аншиндъ.

Равнымъ образомъ, поручено было гр. Салтыкову безпокоить непріятеля рѣшительными дѣйствіями на среднемъ Дунаѣ.

Между тѣмъ, главная армія гр. Румянцева готовилась къ переправѣ у Гуробала, для чего приказано было 1 и 2-й боевымъ линіямъ, главной квартирѣ и части обоза, съ 15 дневнымъ запасомъ провіанта, боевыми запасами и медикаментами, начать переправу. Люди, сверхъ того, должны были имѣть на себѣ 4 дневный запасъ продовольствія; всѣ остальные обозы отосланы въ вагенбургъ и расположены въ удобномъ мѣстѣ, на правомъ берегу Дуная.

9-го іюня главная армія подошла къ переправѣ на рѣкѣ Борщъ, и 1-я бригада, съ 10 орудіями полевой артиллеріи, перешла эту рѣку по понтонному мосту и, пройдя островомъ 8 верстъ, переплыла на судахъ Дунай, окончивъ переправу къ 4 часамъ по полуночи. На другой день вся главная армія была уже на той сторонѣ Дуная, а 11 іюня, въ легкой казачьей лодкѣ, переплылъ Дунай и самъ главнокомандующій.

Въ виду дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ, гр. Румянцевъ составилъ особый нормальный боевой порядокъ и росписаніе арміи. Правое крыло арміи поручено было въ командованіе генералъ-поручика Ступишина, лѣвое генералъ-поручика Потемкина, центръ состоялъ подъ командою самого фельдмаршала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составлено было гр. Румянцевымъ 6 пунктовъ правилъ для дѣйствія противъ непріятеля. Пѣхота должна была всегда строиться въ карре, имѣя боковые фасы длиною равными половинѣ длинѣ фронта.

Кавалеріи запрещалось заниматься ружейною пальбою, а артиллерія должна была сосредоточить свой огонь въ поддержаніе той части войскъ, на которую болѣе всего будетъ обращено дѣйствіе непріятеля. При производствѣ же пальбы по непріятельскимъ укрѣпленіямъ стараться открывать анфиладный огонь.

ГЛАВА V.

Дѣйствія гр. Румянцева подъ Силистріей 12—18 іюня.

Такимъ образомъ наступило время рѣшительныхъ дѣйствій за Дунаемъ. Силы непріятеля въ Силистріи были весьма значительны и могли еще болѣе усилиться.

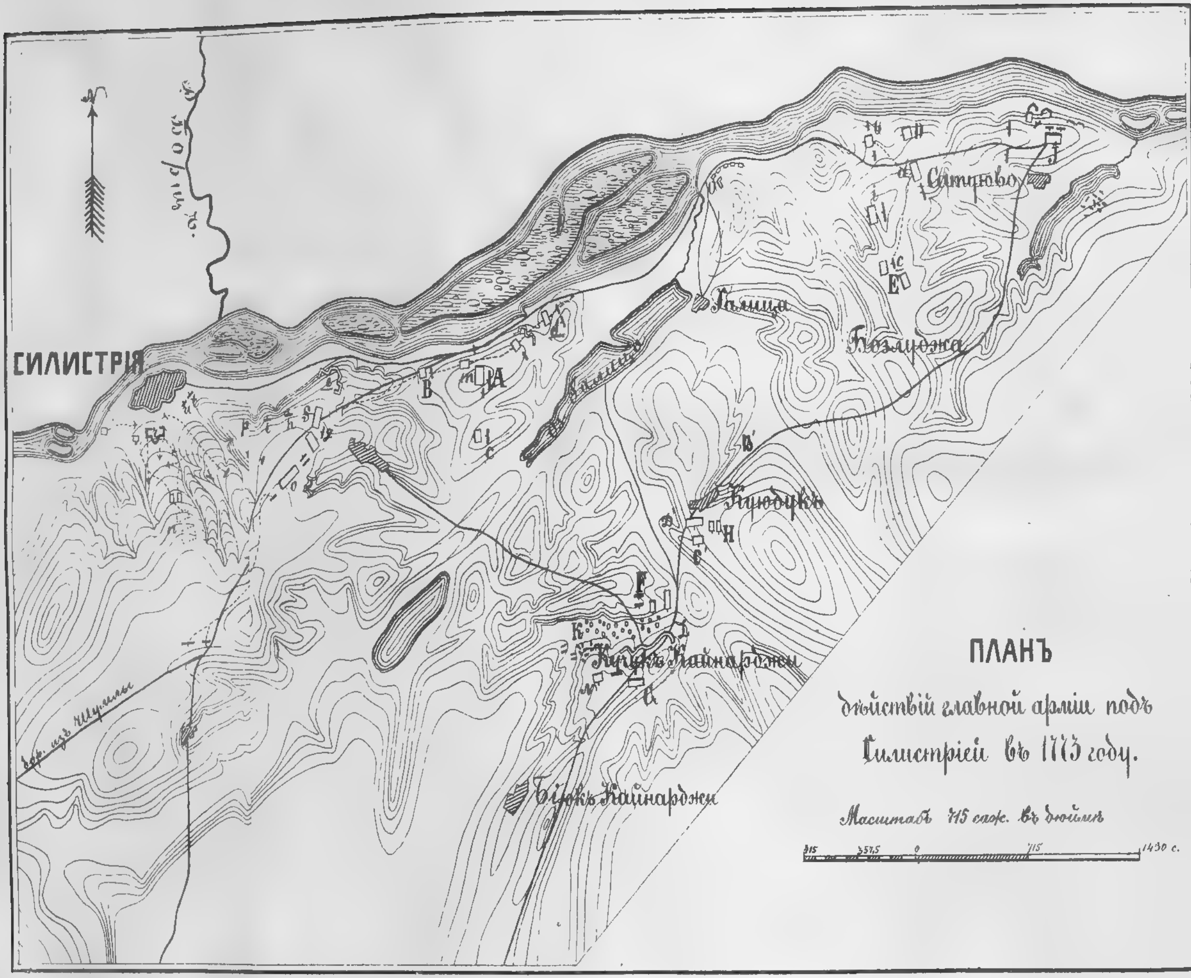
Диверсія ген.-маіора Суворова со стороны Чиконешть не была исполнена. Суворовъ, не получая просимыхъ подкрѣпленій, рапортовался больнымъ и отправился въ Бухарестъ, передавъ начальство ген.-маіору кн. Мещерскому, который ограничился только устройствомъ береговой батареи при Чиконештахъ, для воспрепятствованія прибытію судовъ къ Силистріи съ верховьевъ рѣки.

Между тѣмъ войска главной арміи, по переправѣ черезъ Дунай (*), расположились лагеремъ въ 5 верстахъ отъ мѣста переправы, имѣя фронтъ къ Силистріи (a). Корпуса Потемкина (b) и Вейсмана (c) заняли позиціи впереди фланговъ главной арміи. Передовой отрядъ защищалъ дефиле при впаденіи рѣки Галица въ Дунай, гдѣ былъ устроенъ понтонный мостъ черезъ рѣку Галицъ. Съ этой позиціи на высотахъ видны были укрѣпленія Силистріи и значительный непріятельскій лагерь, стоявшій на берегу рѣки ниже крѣпости. Гр. Румянцевъ приказалъ генералъ-маіору Муромцову проложить удобныя дороги къ Силистріи, срѣзывая для того крутости, снимая верхушки холмовъ и расширяя дефилеи.

12 іюня корпуса генералъ-поручика Потемкина и генералъ-маіора Вейсмана, подъ общею командою генералъ-поручика Ступишина, высланы были двумя колоннами, по направленію къ Силистріи.

(*) Планъ № 3.

№3


СИЛИСТРІЯ
Козлуджа
Кучукъ Кайнарджи
Біюкъ Кайнарджи
ПЛАНЪ
дѣйствій главной арміи подъ Силистріей въ 1773 году.
Масштабъ 715 саж. въ дюймѣ
1430 с.

Отрядъ Потемкина, слѣдуя впереди, прошелъ дефиле при устьѣ рѣки Галицы, извѣстное подъ именемъ Дерфентулъ, и затѣмъ переправился по понтонному мосту черезъ р. Галицу, безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля, не смотря на то, что значительныя его силы стояли въ виду на берегу Дуная.

Вслѣдъ за корпусомъ ген.-поручика Потемкина, прошелъ дефиле и переправу корпусъ г.-м. Вейсмана. Слѣдуя по низменности между озеромъ Галица и р. Дунаемъ, оба корпуса вступили, въ 8 часовъ утра, на высоту (d), на которой былъ расположенъ непріятельскій ретраншаментъ. Ретраншаментъ этотъ не былъ занятъ непріятелемъ, который сосредоточилъ свои полевыя войска за другимъ ретраншаментомъ, также на берегу Дуная, ближе къ крѣпости, гдѣ былъ разбитъ и обширный лагерь Османа-паши (e), который былъ прежде расположенъ, какъ мы видѣли, выше Силистріи.

Желая обозрѣть мѣстность, генералъ-поруч. Ступишинъ остановилъ свой отрядъ на высотахъ и подъ прикрытіемъ легкихъ войскъ выѣхалъ впередъ для рекогносцировки. Непріятель выслалъ изъ лагеря часть своей кавалеріи, которая завязала перестрѣлку съ нашими легкими войсками. Тогда подполковникъ Мекнобъ былъ высланъ съ своимъ егерскимъ батальономъ для прогнанія непріятеля. Но подкрѣпленіе, высланное изъ турецкаго лагеря, не дозволило подполк. Мекнобу исполнить его порученіе. Непріятель все болѣе и болѣе усиливался, что побудило ген.-пор. Ступишина, выслать противъ него еще 1-й гренадерскій полкъ, придавъ къ нему 6 орудій полевой и 4 полковой артиллеріи, которыми командовалъ полковникъ графъ Воронцовъ. По просьбѣ ген.-маіора Вейсмана, ему поручено было командованіе всѣми этими передовыми войсками, включая въ число ихъ и батальонъ подполковника Мекноба. Ген.-маіоръ Вейсманъ двинулся въ аттаку передовыхъ войскъ непріятеля и опрокинулъ ихъ. Но въ это время Османъ-паша выслалъ изъ лагеря новыя подкрѣпленія, что составило до 10000 чел. непріятельской конницы, которая снова понеслась въ аттаку на отрядъ ген.-маіора Вейсмана. Мѣткая пушечная пальба остановила противника, но не надолго. Прійдя въ порядокъ, турки аттаковали лѣвый флангъ нашего отряда, гдѣ стояли арнауты, и опрокинули ихъ; тогда,съ чрезвычайною быстротою, турецкая конница перенеслась

съ лѣваго фланга на правый, гдѣ стоялъ егерскій батальонъ Мекноба и, окруживъ его съ фланга и тыла, аттаковала такъ упорно, что угрожала захватить пороховые ящики и артиллерію. Видя это, подполковникъ Мекнобъ оборотилъ пушки для пораженія непріятеля, заскакавшаго ему въ тылъ, а третьей шеренгѣ приказалъ двинуться въ штыки. Непріятель былъ отбитъ отъ передоваго отряда ген.-маіора Вейсмана и всею массою понесся на остальной отрядъ ген.-пор. Ступишина, стоявшій сзади. На встрѣчу этой аттакѣ ген.-пор. Ступишинъ выслалъ Харьковскій гусарскій полкъ и, сверхъ того, изъ корпуса ген.-пор. Потемкина 3 эскадрона Венгерскаго гусарскаго полка и Елисаветградскій пикинерный полкъ, за которыми двинулись впередъ и главныя силы ген.-пор. Ступишина. Въ это время ген.-пор. Потемкинъ, со всею остальною кавалеріею своего корпуса, выскакалъ впередъ и лично повелъ ее въ аттаку. Непріятель былъ опрокинутъ и преслѣдовался до самаго ретраншамента, огонь котораго принудилъ наши войска остановиться. Не желая прекращать дальнѣйшаго наступленія, ген.-пор. Ступишинъ выслалъ генералъ-маіора князя Голицына, съ Невскимъ полкомъ и гренадерскимъ батальономъ полковника Блюхера, въ подкрѣпленіе передовыхъ войскъ, а самъ, съ остальнымъ отрядомъ, двинулся вслѣдъ за ки. Голицынымъ. Получивъ, такимъ образомъ, значительныя подкрѣпленія, ген.-маіоръ Вейсманъ открылъ наступленіе на непріятельскій лагерь и ретраншаментъ (е). Турки оставили то и другое и бросились черезъ сады къ Силистріи и подъ стѣнами крѣпости снова собрались для нападенія. Ген.-пор. Потемкинъ, со своею кавалеріею и съ Харьковскимъ гусарскимъ полкомъ, отдѣлился влѣво и вторично аттаковалъ противника, съ такою смѣлостью, что въ нѣсколько минутъ разсѣялъ его совершенно и только выстрѣлы съ крѣпости удержали его отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Харьковскій полкъ отбилъ при этомъ 9 пушекъ. Вообще въ этомъ дѣлѣ турки потеряли весь свой лагерь, въ которомъ было 18 мѣдныхъ пушекъ, 8 знаменъ и весь обозъ. На мѣстѣ сраженія найдено не менѣе 200 непріятельскихъ труповъ. Наша потеря состояла изъ 6 убитыми и 69 ранеными.

Въ этомъ дѣлѣ, оставленію непріятельскаго лагеря много способствовали запорожцы, которые выставили 38 своихъ лодокъ на

Дунаѣ противъ турецкаго лагеря и обстрѣливали его со стороны рѣки, а при отступленіи непріятеля поражали его во флангъ.

Овладѣвшія лагеремъ войска расположились на высотахъ, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости, а корпусъ Потемкина въ g. Впереди же, на ближайшихъ къ крѣпости высотахъ, были выставлены—баталіонъ гренадеръ Блюхера при h и егерскій баталіонъ Меклоба при i, которые должны были наблюдать непріятеля со стороны крѣпости и прикрывать водопой. Главныя силы заняли лагерь въ m.

Пораженіе Османа-паши, 12 іюня, сильно встревожило визиря и устрашило силистрійскій гарнизонъ, который не впустилъ въ крѣпость разбитыхъ войскъ. Самъ Османъ былъ раненъ и остался въ Силистріи, войска его разбрелись по окрестностямъ; большая же часть отступила въ Шумлу, откуда визирь выслалъ на усиленіе Силистріи 10,000 чел. Чаушъ-Баши, за отдѣленіемъ которыхъ и у него самого въ Шумлѣ почти не оставалось войскъ.

Продолжая дальнѣйшія дѣйствія противъ Силистріи, гр. Румянцевъ перешелъ, 15 іюня, на позицію (o) ближе къ крѣпости, а корпусъ ген.-пор. Потемкина, былъ высланъ еще лѣвѣе въ (n) противъ значительнаго непріятельскаго редута (r) на высотахъ окружающихъ крѣпость. Турецкая конница до 500 чел., стоявшая въ лѣсу по близости новой позиціи ген.-пор. Потемкина, въ (n), поспѣшно отступила, но вскорѣ значительная непріятельская конница выступила изъ того же лѣса, противъ праваго фланга корпуса Потемкина. Въ то же время, противъ лѣваго его фланга выступилъ изъ Силистріи значительный отрядъ пѣхоты, а часть конницы была направлена по оврагу для обхода лѣваго фланга Потемкина и аттаки его въ тылъ. Противъ этой части конницы были высланы казаки маіора Рахманова, который и опрокинулъ непріятеля. Въ то же время конница, выступившая противъ праваго фланга Потемкина аттаковала кирасиръ и гусарскій Острогожскій полкъ. Но полковникъ Чертовъ, какъ только турецкая конница отдѣлилась отъ лѣсу, аттаковалъ ее во флангъ и совершенно разстроилъ, заставивъ снова обратиться въ лѣсъ. Устроившись въ лѣсу, эта часть турецкой конницы быстро перенеслась съ праваго фланга на лѣвый и готовилась къ аттакѣ съ этой стороны; но прибытіе въ это вре-

мя къ корпусу ген.-пор. Потемкина двухъ кавалерійскихъ полковъ, при поручикѣ князѣ Долгоруковѣ, принудило непріятеля отмѣнить предполагаемую аттаку и скрыться въ лѣсъ. Часть же разбитаго непріятеля ушла въ Туртукай. Позиція, занятая корпусомъ ген.-пор. Потемкина, давая возможность прекратить всякое сообщеніе крѣпости съ окрестностями и наблюдать туртукайскую дорогу, была очень важна. Гр. Румянцевъ, сдѣлавъ въ тотъ же день рекогносцировку Силистріи, пришелъ къ заключенію въ необходимости овладѣть редутомъ (г), который находился на высотахъ противъ позиціи Потемкина и имѣлъ командованіе надъ всею крѣпостью. Овладѣть этимъ редутомъ было чрезвычайно важно, въ виду дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Силистріи. Поэтому гр. Румянцевъ поручилъ г.-п. Потемкину, не оставляя своей настоящей позиціи, овладѣть этимъ укрѣпленіемъ.

Между тѣмъ, пользуясь неудачнымъ исходомъ нападенія турокъ на корпусъ Потемкина, въ тотъ же день 15 іюня, Ступишинъ отправилъ, на имя коменданта Силистріи, Сераскира-паши, письмо, въ которомъ излагалъ, что составляя передовой отрядъ главной арміи, которая въ настоящее время дѣйствуетъ противъ визиря и не допуститъ никакихъ подкрѣпленій къ Силистріи, и что имѣя приказанія главнокомандующаго овладѣть этою крѣпостію, онъ разбилъ уже полевыя войска, назначенныя для обороны Силистріи и готовится къ овладѣнію самою крѣпостью. Но желая избѣжать безполезнаго кровопролитія, онъ требуетъ сдачи крѣпости, обѣщая въ такомъ случаѣ пощаду ея защитникамъ и угрожая имъ всѣми бѣдствіями, если обстоятельства принудятъ его взять крѣпость силою оружія (*). Въ ночь на 16 іюня, Сераскиръ-паша, съ тѣмъ же посланнымъ капитаномъ Зимбатовымъ, прислалъ въ отвѣтъ письмо, въ которомъ выставлялъ на видъ, что онъ принялъ уже мѣры окружить наши войска своею кавалеріею, для того чтобы удобнѣе ихъ разбить и что не только противъ находящихся при Силистріи русскихъ войскъ, но и противъ всей русской арміи, онъ находитъ себя въ силахъ сопротивляться, что ничто его устрашить не можетъ и что онъ не намѣренъ, не только отдать русскимъ всю крѣпость,

(*) См. Приложенія № 8. (Донес. Румян. стр. 283).

«но ни одного камня и ни одного гвоздя изъ нея русскіе не получатъ» (*).

Въ доказательство своей энергіи, Сераскиръ-Паша, на другой же день, т. е. 16 іюня, выслалъ изъ крѣпости почти половину своихъ войскъ, которыя, занявъ окрестные сады, показывали свою многочисленность и сбили передовые пикеты корпуса Потемкина, почему корпусъ этотъ былъ, на всякій случай усиленъ еще Рижскимъ и Рязанскимъ кавалерійскими полками.

Чѣмъ болѣе гр. Румянцевъ соображалъ дальнѣйшія свои дѣйствія противъ Силистріи, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію въ необходимости овладѣть нагорнымъ редутомъ (г).

Пользуясь этимъ укрѣпленіемъ и весьма пересѣченною мѣстностью съ южной стороны крѣпости, непріятель могъ неожиданно проходить по ущельямъ и производить нападенія на разныя части нашихъ войскъ, разобщенныя между собою рытвинами и лѣсомъ.

Нападеніе на редутъ (г) предположено было на 18 іюня, для чего назначены были, кромѣ корпуса г.-п. Потемкина, 1206 гренадеръ изъ главнаго корпуса, 1039 мушкатеръ, подъ командою генералъ-маіора барона Игельстрома; сверхъ того, подъ командою ген.-маіора Вейсмана, Ширванскій и Кабардинскій полки и баталіонъ гренадеръ подполковника Блюхера.

По диспозиціи, составленной для аттаки, нападеніе на редутъ возлагалось на корпуса г.-п. Потемкина и г.-м. Вейсмана, которые должны были наступать съ нагорной стороны.

Одновременно съ нагорною аттакою, г.-м. Игельстромъ, спустясь съ горъ, долженъ былъ слѣдовать берегомъ Дуная, для показанія наступленія съ этой стороны и отвлеченія непріятельскаго вниманія въ эту сторону. Когда же корпуса Вейсмана и Потемкина начнутъ аттаку редута, тогда г.-м. Игельстромъ долженъ былъ аттаковать это укрѣпленіе съ тылу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ запорожцы должны были подплыть на лодкахъ къ крѣпости, которая со стороны рѣки оставалась почти не защищенною, открыть пальбу съ этой стороны и дѣйствовать по непріятелю, который выступитъ изъ крѣпости, имѣя въ тоже время

(*) См. Приложеніе № 9 (Дон. Рум. стр. 285)

въ виду сдѣлать высадку и присоединиться къ корпусу г.-м. Игельстрома, для тыльной аттаки редута.

Войска должны были имѣть при себѣ шанцовый инструментъ, фашины и рогатки, для употребленія ихъ вмѣсто лѣстницъ. Обозы оставлены въ вагенбургѣ.

Резервъ г.-п. Ступишина, въ который входили—1-й гренадерскій, Куринскій полкъ и батальонъ ген.-ад. графа Румянцева, — долженъ былъ слѣдовать за серединою аттакующихъ, подать помощь, гдѣ окажется нужнымъ и вступить въ редутъ вслѣдъ по его овладѣніи. Главный же корпусъ арміи долженъ былъ находиться во всей готовности для движенія по назначенію.

Чтобы препятствовать войскамъ обращаться къ грабежу, въ случаѣ овладѣнія самимъ городомъ, гр. Румянцевъ приказалъ каждой части войскъ имѣть при себѣ зажигательные припасы для производства пожара въ занятыхъ частяхъ города (*).

На разсвѣтѣ 18 іюня при корпусѣ ген.-пор. Потемкина пущена была сигнальная ракета, дававшая знать, что онъ готовъ къ бою. Тогда батареи корпусовъ Потемкина и Вейсмана открыли огонь по редуту (г), равно какъ и батарея, выставленная на позицію изъ резерва, въ прикрытіе которой находился Невскій пѣхотный полкъ.

Гр. Румянцевъ во время сраженія разъѣзжалъ въ сферѣ артилерійскаго огня. Привлекая дѣйствіе непріятельскихъ орудій на пали батареи, но не останавливаясь на производствѣ пальбы, назначенныя войска двинулись въ аттаку нагорнаго редута (г).

Корпусъ г.-пор. Потемкина былъ раздѣленъ на двѣ колонны съ резервомъ. Правую велъ Ярославскаго пѣхотнаго полка полковникъ Языковъ; обѣ эти колонны, а также и резервъ, бывшій подъ командою полковника Розенберга, состояли подъ общею командою генералъ-маіора Коковинскаго. Съ этой же стороны двинулась въ аттаку третья колонна, которую составляли запорожцы и 300 чел. пѣхоты, подъ общею командою премьеръ-маіора Фаминцына.

Правая колонна полковника Лукина, пользуясь оврагомъ, выходившимъ къ редуту, подошла къ нему на близкое разстояніе,

---

(*) См. Приложеніе № 10 (Донес. Рум. стр. 211).

мало потерпѣвъ отъ непріятельскаго огня и ей оставалось только броситься въ аттаку. Но въ это время полковникъ Лукинъ былъ убитъ. Войска его пришли въ замѣшательство, пользуясь которымъ турки большою массою вышли изъ редута, стремительно аттаковали, въ сабли, правую колонну и опрокинули ее. Та же участь постигла и лѣвую аттакующую колонну, которая, обратившись въ бѣгство, разстроила и резервъ.

Третья колонна пр.-маіора Фаминцына, наступая со стороны рѣки выше крѣпости, обращала на себя дѣйствіе крѣпостнаго огня, потомъ снова отступала и маневрируя подобнымъ образомъ, развлекала вниманіе непріятеля и не давала ему возможности имѣть противъ нея успѣхъ. Опрокинувъ обѣ аттакующія колонны, непріятель съ громкими криками радости и съ запальчивою энергіей, вывелъ почти всѣ свои войска изъ редута и крѣпости и стремился на преслѣдованіе отбитыхъ войскъ. Но въ это самое время г.-м. Вейсманъ, стоявшій правѣе Потемкина, выслалъ отъ своего корпуса, не разъ уже отличавшагося своею храбростью и искуствомъ, полковника Кличку, для поддержанія аттаки. Замѣтивъ, что непріятель, увлекшись преслѣдованіемъ, оставилъ свой редутъ подъ слабою защитою, Кличка, съ своею кавалеріею, аттаковалъ нагорный редутъ и мгновенно овладѣлъ имъ. Въ то-же время, изъ колонны Фаминцына, которая, въ моментъ аттаки редута, была отъ него въ близкомъ разстояніи, выслано было 300 чел. пѣхоты при подполковникѣ Циглерѣ, который, вмѣстѣ съ Кличкою, выбилъ непріятеля изъ редута и занялъ его, овладѣвъ 10 пушками. Тогда полковникъ Леонтьевъ, выставленный отъ корпуса г.-м. Вейсмана, съ Кабардинскимъ полкомъ, для связи съ корпусомъ г.-пор. Потемкина, и который направился было для поддержанія аттаки полковника Клички на редутъ, увидя, что редутъ былъ уже занятъ войсками, двинулся для аттаки въ тылъ непріятеля, преслѣдовавшаго отбитыя отъ редута колонны.

Аттакованный съ тыла и видя свой редутъ потеряннымъ, непріятель прекратилъ преслѣдованіе и, поражаемый огнемъ Кабардинскаго полка, проскакалъ мимо него для возвращенія своего редута. Но занявшія редутъ войска открыли по непріятелю, изъ его же орудій, такой губительный огонь, что массы турецкой конницы

начали замѣтно рѣдѣть. Тѣмъ не менѣе, непріятель, какъ бы потерявъ разсудокъ, нѣсколько разъ формировался подъ картечнымъ огнемъ съ редута и съ невыразимою настойчивостью бросался въ аттаку. Но въ это время отбитыя колонны нами были приведены уже въ порядокъ, усилены резервомъ г.-п. Ступишина, двинулись вторично къ редуту и аттаковали непріятеля передъ редутомъ съ тылу. Приведенные въ ужасъ, разстроенные и много пострадавшіе отъ перекрестнаго огня, турки искали спасенія въ бѣгствѣ и бросились въ крѣпость, постоянно сопровождаемые жестокою пушечною и ружейною пальбою съ нашей стороны.

Сбивъ непріятеля съ его главной позиціи, гр. Румянцевъ приказалъ колоннѣ г.-м. Вейсмана вступить въ занятый редутъ, чтобы предохранить его отъ будущихъ попытокъ со стороны непріятеля, а г.-п. Ступишину, съ резервомъ, приказалъ присоединиться къ главному корпусу, чтобы безъ надобности не подвергать его дѣйствію непріятельскаго огня.

Сраженіе 18 іюня продолжалось 6 часовъ; но во весь этотъ день турки не прекращали огня изъ крѣпости, направляя выстрѣлы преимущественно на потерянный редутъ.

Многочисленность непріятеля занимавшаго Силистрію, видиѣвшагося въ ближайшихъ садахъ, прочность самыхъ укрѣпленій и упорство обороны, не дозволяли надѣяться на возможность легкаго овладѣнія крѣпостью. Поэтому гр. Румянцевъ имѣлъ только въ виду нанести непріятелю возможно большій вредъ и съ этою цѣлью, пользуясь господствующимъ положеніемъ занятаго редута надъ крѣпостью и городомъ, открыть по нимъ на другой день сильную пальбу и произвесть пожаръ. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы имъ были, тотчасъ послѣ кончившагося сраженія, предварительныя распоряженія корпусамъ Потемкина и Вейсмана, послѣ чего графъ Румянцевъ, безъ всякаго прикрытія, поѣхалъ къ главному своему корпусу, стоявшему на позиціи (въ о). Но едва онъ отъѣхалъ отъ корпуса Потемкина, какъ къ нему прискакалъ изъ передовыхъ войскъ вѣстовой, съ объявленіемъ, что значительныя массы непріятельской конницы приближаются отъ Базарджика для аттаки корпуса Потемкина съ тыла и нападенія на стоявшій тамъ вагенбургъ.

Поскакавъ на позицію Потемкина, гр. Румянцевъ приказалъ

ему немедленно выслать на встрѣчу непріятеля всю его конницу, а вслѣдъ затѣмъ двинуться противъ него со всѣмъ остальнымъ корпусомъ.

Намѣреваясь выслать въ помощь Потемкину часть войскъ изъ главной арміи, гр. Румянцевъ поскакалъ на свою главную позицію. Но въ это время непріятельская конница успѣла уже сбить наши передовые посты по базарджикской дорогѣ и ворвалась въ промежутокъ между главною нашею позиціею и корпусомъ Потемкина. Такимъ образомъ, гр. Румянцевъ, не имѣя при себѣ никого, былъ отрѣзанъ непріятелемъ отъ обѣихъ позицій и подвергался большой личной опасности. Но къ счастью г.-пор. Ступишинъ, который, какъ мы видѣли, былъ отправленъ для присоединенія къ главнымъ силамъ, находился въ это время еще въ пути и потому тотчасъ обратился на непріятеля, который, разсѣявшись по окрестностямъ, направился къ нашей главной позиціи. Пока г.-пор. Ступишинъ былъ занятъ дѣломъ съ непріятелемъ, гр. Румянцевъ, ближайшимъ лѣсомъ, проѣхалъ къ главной позиціи и оттуда тотчасъ выслалъ въ помощь Ступишину бывшіе на позиціи Тверской и Московскій кавалерійскіе полки.

Отбитый отъ главной позиціи непріятель обратился въ бѣгство и былъ преслѣдуемъ нашею кавалеріею, къ которой во время преслѣдованія присоединилась и кавалерія корпуса Потемкина.

Разсѣявшись по окрестностямъ, значительная часть войскъ Черкесъ-паши обратилась на шумлинскую дорогу, куда былъ высланъ для разъѣздовъ премьеръ-маіоръ Любимовъ, который, такимъ образомъ, оказался отрѣзаннымъ отъ арміи. Но съ малымъ отрядомъ Любимовъ пробился черезъ толпу непріятеля и присоединился къ арміи. Прибывшій изъ Базарджика непріятель состоялъ изъ 7000 чел., подъ начальствомъ Черкесъ-паши, и высланъ въ помощь Силитріи, какъ только въ Базарджикѣ были услышаны пушечные выстрѣлы со стороны этой крѣпости.

Такимъ образомъ, въ одинъ день, были одержаны нашими войсками двѣ значительныя побѣды. Но дѣло тѣмъ еще не кончилось. Получено было извѣстіе, что войска Черкесъ-паши были только передовымъ отрядомъ базарджикской арміи Нумана-паши, который

съ 20000 чел. конницы и пѣхоты спѣшилъ на помощь Силистріи и былъ уже отъ нея въ 30 верстахъ.

Въ надеждѣ на подкрѣпленіе, турки не теряли энергіи и съ 2 часовъ по полудни, того же числа, открыли свои вылазки противъ отряда ген.-пор. Игельстрома, который, подступая къ крѣпости съ низовой стороны во время аттаки редута, ничѣмъ особеннымъ не отличился. Теперь противъ него турки открыли нападеніе и принудили его оставить позицію и присоединиться къ главнымъ силамъ.

Къ ночи того же дня прибыло извѣстіе отъ ген.-маіор. Суворова о пораженіи имъ непріятеля при Туртукаѣ.

Но не смотря на то, что этотъ день былъ богатъ славою нашего оружія, гр. Румянцевъ, по полученіи извѣстія о приближеніи къ крѣпости 20000 новыхъ войскъ, и зная, что въ самой крѣпости было 30000 непріятеля, не рѣшился долѣе оставаться въ виду такого сильнаго противника, и потому, вечеромъ собралъ военный совѣтъ. На совѣтѣ было постановлено оставить непріятельскій редутъ, занятый съ такими трудностями и присоединить корпусъ Вейсмана къ корпусу Потемкина, для образованія лѣваго фланга, а главному корпусу перемѣнить позицію, такъ какъ настоящее его положеніе, имѣя не вдалекѣ лѣсъ, не позволяло слѣдить за движеніями непріятеля.

Бездѣйствіе гр. Салтыкова на среднемъ Дунаѣ было одною изъ причинъ, по которой предпріятіе главныхъ силъ на Силистрію не было доведено до желаемыхъ результатовъ. Гр. Румянцевъ неоднократно и съ настойчивостью требовалъ отъ гр. Салтыкова открытія дѣйствій его корпуса за Дунаемъ, одновременно съ дѣйствіями главныхъ силъ подъ Силистріей. Но гр. Салтыковъ всегда и во всемъ находилъ непреодолимыя трудности и упускалъ изъ виду тѣ средства, которыя, по выраженію гр. Румянцева, «были у него подъ глазами». Какъ бы то ни было, но турки, не развлекаемые дѣйствіями гр. Салтыкова на среднемъ Дунаѣ, имѣли возможность сосредоточить большія силы при Силистріи, что и воспрепятствовало предпріятію гр. Румянцева на эту крѣпость.

Во все время описанныхъ дѣйствій подъ Силистріей, только ген.-маіор. Суворовъ и ген.-пор. Каменскій оживили своими пред-

пріятіями бездѣйствіе гр. Салтыкова на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ.

Дѣйствія гр. Салтыкова на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ началѣ іюня, противъ расположенія гр. Салтыкова на среднемъ Дунаѣ, непріятель былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 3000 въ Туртукаѣ, 15000 въ Рущукѣ, 5000 въ Систовѣ, 15000 въ Турно и Никополѣ и 8000 въ Виддинѣ. Бездѣйствіе турокъ на верхнемъ Дунаѣ дозволило гр. Салтыкову вывести почти всѣ войска наши изъ Баната и присоединить ихъ къ войскамъ находившимся на лѣвомъ берегу Ольты. Главныя силы гр. Салтыкова находились въ Станештахъ.

По приказанію гр. Румянцева, когда главная армія готовилась къ переправѣ за Дунай, гр. Салтыковъ долженъ былъ, по присоединеніи къ себѣ заольтскаго отряда ген.-маіор. Текелли, сдѣлать диверсію къ Турно, чтобы привлечь вниманіе непріятеля въ эту сторону. Затѣмъ, усиливъ гарнизонъ въ Журжѣ, слѣдовало занять острова на Дунаѣ ниже Журжи, построить на нихъ батареи, чтобы преградить непріятелю, находившемуся въ Рущукѣ, возможность получить подкрѣпленіе съ низовьевъ рѣки и тогда, переправясь черезъ Дунай выше Журжи, аттаковать Рущукъ.

3 іюня гр. Салтыковъ, со своею дивизіею, подступилъ къ Турно. Но какъ въ это время готовилась уже переправа главныхъ силъ у Гуробалъ, то, чтобы озаботить непріятеля находившагося въ Рущукѣ и не позволить ему подать ближайшую помощь Силистріи, гр. Салтыковъ, не приступая ни къ какимъ дѣйствіямъ противъ Турно, возвратился 8 іюня къ Журжѣ, въ намѣреніи аттаковать Рущукъ 10 числа. Для наблюденія же Турно оставленъ былъ при устьѣ Калмацуя, бывшій заольтскій отрядъ ген.-маіор. Текелли, силою до 2000 человѣкъ.

Для облегченія предпріятія противъ Рущука, ген.-маіор. Суворовъ, находившійся въ Негоештахъ, долженъ былъ получить уси-

леніе отъ гр. Салтыкова, и сдѣлать поискъ на Туртукай; послѣ чего онъ долженъ былъ правымъ берегомъ Дуная слѣдовать къ Рущуку, для для аттаки его съ этой стороны 10 іюня, одновременно съ предполагаемою аттакою на эту крѣпость съ другой стороны корпусомъ гр. Салтыкова.

Съ этою цѣлью негоештскій отрядъ Суворова былъ усиленъ батальономъ Апшеронскаго полка и одною ротою гренадеръ съ двумя пушками. Для произведенія поиска, имѣя въ виду значительныя силы непріятеля въ Рущукѣ, Суворовъ требовалъ еще другой батальонъ Апшеронскаго полка и легкихъ войскъ. Но не получая просимыхъ подкрѣпленій онъ пришелъ къ Ольтеницѣ и сдѣлалъ распоряженія для нападенія на Туртукай 7 іюня, въ тотъ самый день, когда корпуса Вейсмана и Потемкина должны были сбить непріятельскій лагерь у Гуробала.

Войскамъ была уже роздана составленная для аттаки Туртукая диспозиція, которую Суворовъ диктовалъ, борясь съ мучившимъ его пароксизмомъ лихорадки. Съ наступленіемъ сумерокъ, отрядъ уже выстроился въ колонны и готовился сѣсть на суда, когда кн. Мещерскій, желая ознакомить начальниковъ войскъ съ мѣстными условіями переправы, выѣхалъ съ ними къ берегу Дуная. Осмотрѣвъ противуположный берегъ рѣки, начальники отдѣльныхъ частей отряда пришли къ заключенію, что предполагаемое нападеніе на Туртукай представляется дѣломъ весьма рискованнымъ, въ виду значительныхъ силъ противника. Не разсчитывая болѣе на энергію своихъ подчиненныхъ, Суворовъ, котораго всѣ предпріятія основывались на отвагѣ,—не хотѣлъ болѣе командовать своимъ отрядомъ и потому немедленно подалъ рапортъ о болѣзни лихорадкою и, въ ту же ночь, уѣхалъ въ Бухарестъ. Такимъ образомъ не состоялось нападеніе на Туртукай 8 іюня и даже диспозиція, продиктованная Суворовымъ, для аттаки, нигдѣ не сохранилась, тогда какъ, по собственнымъ словамъ Суворова, «она была хороша». Негодуя на своихъ подчиненныхъ и особенно на полковника Батурина, Суворовъ писалъ гр. Салтыкову: «Благоволите, ваше сіятельство, разсудить, могу ли я уже снова надъ такою подлою трусливостію команду принимать, и не лучше ли мнѣ, гдѣ на крылѣ примаючить, нежели подвергать себя фельдфебель-

ствомъ моимъ до стыда, видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы. Г. Б. причиною всему, всѣ оробѣли и до Касперова. Я чуть имѣлъ движеніе!... Какой позоръ! Всѣ оробѣли, лица не тѣ! Боже мой! когда подумаю—жилы рвутся!»

Принявъ команду надъ войсками Суворова, кн. Мещерскій, какъ мы видѣли, ничего не предпринималъ и ограничился только устройствомъ батареи при устьѣ р. Аржиса, для воспрепятствованія непріятелю имѣть сообщеніе съ Силистріею со стороны Рущука. По ночамъ на тотъ берегъ Дуная высылались имъ небольшія партіи казаковъ, которые доносили только, что турки хранятъ осторожность и, при первомъ сигналѣ съ своихъ постовъ, большими массами сбѣгаются къ Дунаю.

Мучимый лихорадкою и еще болѣе тревожимый мыслію, что предпріятіе на Туртукай, которое предлагалъ ему лично гр. Румянцевъ, не было исполнено, Суворовъ не переставалъ писать гр. Салтыкову о необходимости возобновить не состоявшійся поискъ, при чемъ настойчиво просилъ усилить его отрядъ вторымъ батальономъ Апшеронскаго полка. Батальонъ этотъ былъ наконецъ присланъ гр. Салтыковымъ и прибылъ 14 іюня къ Ольтеницѣ, гдѣ стоялъ кн. Мещерскій. Суворовъ, не оправившись еще отъ болѣзни, прибылъ къ своему отряду 16 іюня и принялъ начальство отъ кн. Мещерскаго.

Второй поискъ на Туртукай, въ ночь съ 16 на 17 іюня.

Въ тотъ же день, онъ уже сдѣлалъ распоряженіе для поиска на Туртукай съ 16 на 17 число іюня. Въ диспозиціи, составленной по этому случаю (*), Суворовъ приказалъ: «аттаковать быстро и мужественно, разбить, отнять суда и свесть къ переправѣ на нашъ берегъ. Артиллерію турецкую весьма всю въ цѣлости забрать съ лафетами. Ежели гдѣ куча турокъ будетъ просить ихъ

(*) См. Приложеніе № 11.

Аманъ, то давать. Погоню за турками чинить можно кавалеріею, токмо осторожно и недалеко».

Отрядъ Суворова состоялъ изъ 4,100 чел., изъ числа которыхъ подъ ружьемъ было—пѣхоты 1,720 ч., регулярной кавалеріи 855, арнаутовъ, присланныхъ изъ корпуса г.-п. Потемкина, 110, казаковъ полка Леонова и новонабранныхъ 680. При отрядѣ находилось 6 полковыхъ и 9 крѣпостныхъ орудій.

Непріятель въ Туртукаѣ состоялъ изъ 4,000 чел. расположенныхъ двумя лагерями, обнесенными валомъ. Меньшій лагерь находился на горѣ, противъ остатковъ уничтоженнаго при первомъ поискѣ города Туртукая, а другой, большій, нѣсколько выше бывшаго города, на самомъ берегу Дуная.

Суда, назначенныя для переправы отряда Суворова, собраны на Аржисѣ и спущены къ устью этой рѣки. Вся флотилія раздѣлена была на три части, изъ которыхъ на каждую назначалась особая часть отряда, въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ должны были дѣйствовать на непріятельской сторонѣ Дуная.

Первоначальное расположеніе отряда Суворова при Ольтепицѣ показано на планѣ № 4 подъ лит. *A*. Гренадерскія роты Астраханскаго пѣхотнаго полка *B* прикрывали суда при устьѣ Аржиса. Недавно прибывшій батальонъ Апшеронскаго полка *C* поставленъ для прикрытія двухъ редутовъ при устьѣ Аржиса, вооруженныхъ крѣпостными орудіями, которыя обстрѣливали теченіе Дуная ниже Туртукая. Полкъ казаковъ Леонова занималъ форпосты на лѣвомъ флангѣ *D*, а новобранный казачій полкъ маіора Касперова былъ выставленъ на правомъ берегу Аржиса въ *E*.

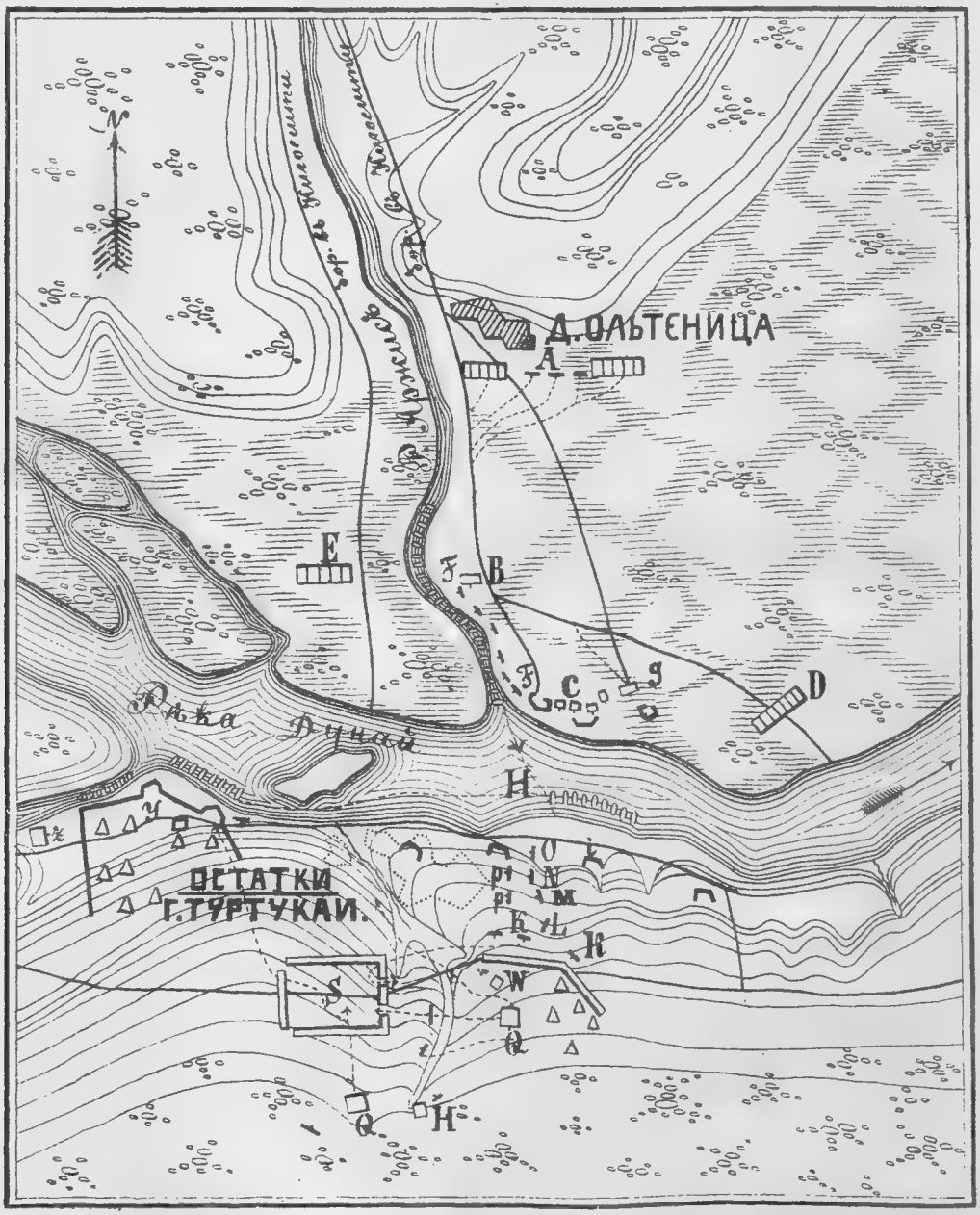
За три часа до разсвѣта 17 іюня, отрядъ Суворова расположился въ *F* для посадки на суда. Полковникъ Норовъ, съ Ингерманландскимъ карабинернымъ полкомъ, оставленъ былъ на лѣвомъ берегу Дуная, для наблюденія, и долженъ былъ составлять резервъ (*G*).

Авангардъ при маіорѣ Ребокѣ состоялъ изъ 2-хъ ротъ Астраханскаго пѣхот. полка и 60 выбранныхъ изъ того же полка стрѣлковъ. Главныя силы, при полковникѣ Батуринѣ, слѣдовали за авангардомъ и при построеніи должны были составить два карре. Одно Батурина, изъ четырехъ ротъ мушкетеръ, другое, секундъ-маіора

№ 4

ПЛАНЪ

второго поиска Г. М. Суворова на г. Туртукай въ ночь на 17 іюня 1773



Масштабъ 400 саж. въ дюймѣ

0 100 200 300 400 500 600 саж.

Мелина, изъ 4 ротъ Астраханскаго пѣхотнаго и 220 рекрутъ Капорскаго полка. За этою частью отряда слѣдовали 320 спѣшенныхъ карабинеръ Астраханскаго полка, вооруженныхъ пѣхотными ружьями. При дѣйствіи они должны были составить третье карре, подъ начальствомъ полковника кн. Мещерскаго. Премьеръ-маіоръ Касперовъ, съ 200 спѣшенныхъ казаковъ и арнаутовъ, получилъ приказаніе, когда войска выстроятся на противуположномъ берегу переправиться и, расположившись на правомъ флангѣ отряда, выгнать турокъ изъ лѣса, который они занимали.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были за три часа до наступленія ночи. Войска посажены были на суда и начали переправу къ Н. Для очищенія противуположнаго берега, подпоручику Бриммеру приказано было открыть изъ редутовъ пальбу, подъ покровительствомъ которой переправился сперва авангардъ, а потомъ остальныя войска. По выходѣ на берегъ, части отряда, по мѣрѣ ихъ прибытія, слѣдовали въ шестирядныхъ колоннахъ на позицію, упиравшуюся правымъ флангомъ въ рѣку Дунай. Преодолѣвая большія мѣстныя затрудненія, такъ какъ окрестности Туртукая чрезвычайно пересѣчены рытвинами и оврагами, войска наши опрокинули передовыя непріятельскія войска, стоявшія въ (I). Маіоръ Ребокъ (K) своимъ авангардомъ, не останавливаясь, прямо двинулся на непріятельскій лагерь и овладѣлъ имъ. Въ это время прибыли на позицію колонны подполковника Батурина (L) и маіора Мелина (M), которыя стали правѣе отряда Ребока. Возлѣ него колонна кн. Мещерскаго въ (N), а арріергардъ при маіорѣ Фишерѣ сталъ еще правѣе въ (O). Пѣшіе арнауты отряда Касперова выставлены впереди позиціи (PP).

Выбитый изъ лагеря, непріятель бѣжалъ въ нагорный ретраншаментъ (S), изъ котораго открылась сильная ружейная и пушечная пальба. Въ ретраншаментѣ находился главный начальникъ турецкихъ войскъ, двухбунчужный Физуплъ-Сари-паша и Арсланъ-паша, которые энергически защищали ретраншаментъ, отдѣленный отъ нашихъ войскъ двумя чрезвычайно крутыми и глубокими оврагами. Овладѣвъ лагеремъ и преслѣдуя выбитаго изъ него непріятеля, маіоръ Ребокъ (K) двинулся противъ непріятельскаго ретраншамента, перешелъ первый ровъ и началъ уже переходить черезъ

другой. Въ это время турки произвели на него сильную вылазку изъ ретраншамента, но были отбиты. Вбѣжавъ въ ретраншаментъ, непріятель открылъ по отряду Ребока сильную пушечную и ружейную пальбу. Но маіоръ Ребокъ, не обращая вниманія на то, что непріятель былъ вчетверо многочисленнѣе его отряда, вступилъ въ глубокій ровъ, окружавшій ретраншаментъ, и взобравшись потомъ на валъ, выбилъ турокъ изъ ретраншамента и овладѣлъ имъ вмѣстѣ съ 4 мѣдными пушками и снарядами. Непріятель потерялъ при этомъ до 300 чел. убитыхъ штыками. Но турки успѣли въ свою очередь возвратить свой ретраншаментъ. Въ это время колонны Батурина (L) и Мелина (M) перемѣнили позицію и расположились на окружающихъ ретраншаментъ высотахъ (въ QQ) откуда и двинулись для поддержанія аттаки маіора Ребока. Непріятель упорно держался за ретраншаментомъ втеченіи слишкомъ трехъ часовъ, когда наконецъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи былъ значительно ослабленъ. Тогда оба карре двинулись въ штыки и овладѣли ретраншаментомъ.

Турки бѣжали въ свой нижній лагерь, на берегу рѣки, котораго куртинная часть была совершенно открыта для нападенія со стороны горъ. Намѣреваясь выбить противника изъ этого лагеря или, такъ сказать, запереть его въ немъ, г.-м. Суворовъ далъ приказаніе оставленнымъ на лѣвомъ берегу Дуная войскамъ переплыть рѣку и соединиться съ отрядомъ занимавшимъ нагорный ретраншаментъ. Подполковникъ Шеміотъ и часть кавалеріи Ингерманландскаго карабинернаго полка, съ 2 полковыми пушками и 160 казаками полковника Леонова и эсаула Сенюшкина, началъ переправу съ лѣваго берега. Непріятель, замѣтивъ это, отдѣлилъ изъ нижняго лагеря значительную часть войскъ, которая, слѣдуя по берегу Дуная и засѣвъ въ бывшей тамъ пустой батареѣ, намѣревалась воспрепятствовать переправѣ полковника Леонова; вмѣстѣ съ тѣмъ, турки всѣми силами выступили изъ нижняго лагеря къ нагорному редуту, окружили его и повели аттаку, въ надеждѣ возвратить это укрѣпленіе обратно, прежде чѣмъ прибудутъ къ нему переправляющіяся наши войска. Но полковникъ Леоновъ сдѣлалъ высадку, выбилъ непріятеля изъ береговой батареи, заставилъ его обратиться къ нижнему лагерю и быстро двинулся въ тылъ непрія-

телю (W), аттаковавшему нагорное укрѣпленіе. Одновременно съ этою аттакою, г.-м. Суворовъ вывелъ изъ нагорнаго ретраншамента свой отрядъ и аттаковалъ непріятеля съ фронта. Турки были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ и снова обратились въ свой нижній лагерь, противъ котораго г-.м. Суворовъ двинулся со всѣмъ своимъ отрядомъ, имѣя впереди казаковъ съ эскадрономъ карабинеровъ и частью пѣхоты (У). Казаки и карабинеры врубились въ непріятельскую толпу, собравшуюся въ нижнемъ лагерѣ. Увидя же приближеніе пѣхоты и опасаясь быть запертыми въ открытомъ со стороны горъ лагерѣ, турки поспѣшно оставили и это послѣднее свое убѣжище и разными дорогами обратились въ бѣгство къ Рущуку. Преслѣдуя его кавалеріею, Суворовъ занялъ позицію въ (Z) и подведя къ этому мѣсту суда отъ переправы (H), отплылъ обратно на лѣвый берегъ Дуная. Въ нижнемъ лагерѣ турки оставили 9 мѣдныхъ пушекъ. Сверхъ того, взято много продовольственныхъ припасовъ, 25 новыхъ хорошихъ шаекъ, 6 мачтовыхъ судовъ и 4 лодки. Непріятель лишился въ этомъ дѣлѣ до 800 чел. убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и Физуилъ-Сари-паша. Другой паша Арсланъ опасно раненъ. Наша потеря состояла изъ 6 убитыхъ и 96 раненыхъ разныхъ чиновъ.

Но обратимся снова къ дѣйствіямъ подъ Силистріей.

Продолженіе военныхъ дѣйствій главной арміи подъ Силистріей.

Проливной дождь, бывшій втеченіи всего 19 іюня, не дозволялъ сдѣлать предполагаемыя передвиженія войскъ. Только 20 числа армія гр. Румянцева отступила 6 верстъ по направленію къ переправѣ на р. Галицѣ, для охраненія которой былъ оставленъ еще 12 числа полковникъ Огаревъ съ Пермскимъ пѣхотнымъ полкомъ (*).

По отступленіи, главная армія заняла позицію *A*, корпусъ Вейсмана *B* а Потемкина *C*.

(*) Планъ № 3.

На другой день, 20 іюня, полковникъ Огаревъ донесъ о замѣченномъ имъ новомъ непріятельскомъ лагерѣ, появившемся на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, между деревнями Біюкъ-Кайнарджи и Кучукъ-Кайнарджи.

Гр. Румянцевъ отправилъ генералъ-маіора Муромцова для рекогносцировки появившагося непріятеля. Оказалось, что непріятель былъ въ значительныхъ силахъ, которыхъ въ точности опредѣлить было невозможно, такъ какъ онѣ стояли за лѣсомъ, къ которому съ нашей стороны вели узкія дефилеи.

Положеніе непріятеля при Кучукъ-Кайнарджи, давая ему возможность угрожать тылу нашей арміи при ея отступленіи къ переправѣ, заставило гр. Румянцева отдѣлить противъ него корпусъ г.-м. Вейсмана, который и снялся съ своей позиціи на разсвѣтѣ 21 іюня и остановился при переправѣ черезъ р. Галицъ. Къ корпусу г.-м. Вейсмана были приданы отъ корпуса г.-п. Потемкина эскадроны Елисаветградскаго полка, а отъ главной арміи Донской полкъ полковника Сулина.

По приближеніи къ позиціи, занятой непріятелемъ при Кучукъ-Кайнарджи, г.-м. Вейсманъ обозрѣлъ ее, и далъ знать гр. Румянцеву, что непріятель прикрытъ съ фронта непроходимыми препятствіями. Гр. Румянцевъ приказалъ ему стараться обойти эти препятствія и аттаковать непріятеля; во всякомъ же случаѣ не допускать противника до нашей гуробальской переправы у Сатунова и на сообщенія, ведущія къ ней изъ Силистріи.

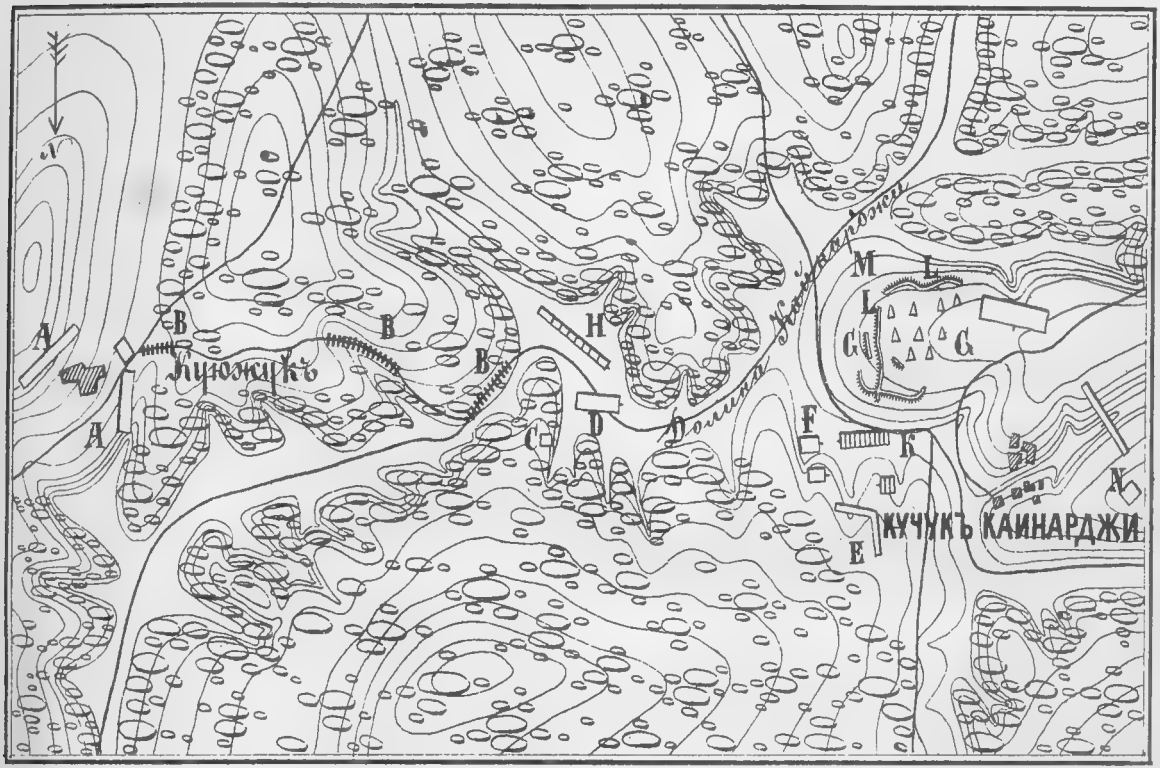
Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не рисковать переправою, гр. Румянцевъ съ главною арміею и корпусомъ г.-п. Потемкина, выступилъ 22 іюня къ переправѣ и остановился отъ нея въ 6 верстахъ при *Д*, а корпусъ Потемкина расположился при *Е*.

Непріятель, противъ котораго былъ высланъ г.-м. Вейсманъ, составлялъ тѣ самыя войска, которыя ожидались изъ Шумлы и Базарджика въ помощь Силистріи и состоявшія подъ начальствомъ Нумана-паши, котораго турки считали астрологомъ и искуснѣйшимъ полководцемъ, заявившемъ уже себя дѣйствіями въ Грузіи. Тутъ были лучшія турецкія войска, числомъ не менѣе 30000 чел., въ томъ числѣ 1000 чел. пѣхоты, извѣстной подъ названіемъ далкилычь, которые даютъ присягу сражаться только на саблякъ и

КЪ №3

ПЛАНЪ

сраженія при Кучукъ Кайнарджи 22го іюня 1773го года.



Масштабъ 300 саж. въ дюймѣ

300 150 0 300 600 с.

считаются лучшими войсками. Визирь твердо разсчитывалъ на эти войска и на Нумана-пашу. Появившись неожиданно со стороны Кучукъ-Кайнарджи, въ тылу нашей арміи, стоявшей при Силистріи, Нуманъ-паша намѣревался выйти на единственный путь сообщенія нашей арміи съ гуробальской переправой, овладѣть дефилеемъ при устьѣ рѣки Галицы и аттаковать армію гр. Румянцева съ тыла, тогда какъ съ другой стороны она будетъ аттакована войсками изъ Силистріи. Такимъ образомъ, турки разсчитывали на совершенное уничтоженіе нашей арміи. Визирь, въ приказаніяхъ своихъ Нуману-пашѣ, угрожалъ ему «гнѣвомъ султана и судомъ Божіимъ», если онъ не разобьетъ русской арміи, такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ у нея не остался. Но вышло иначе.

ГЛАВА VI.

Генералъ-маіоръ Вейсманъ, проведя ночь у деревни Куюджукъ, *A* (*), когда еще не объяснилось, что противъ него находится вся армія Нумана-паши, не могъ предполагать, что между его корпусомъ и непріятелемъ существуетъ чрезмѣрное неравенство силъ. Привыкнувъ считать противника только послѣ побѣды, не обращая вниманія на чрезвычайныя затрудненія мѣстности, которою непріятель былъ прикрытъ, Вейсманъ съ геройскою неустрашимостью двинулся, 22 іюня, противъ непріятеля; пройдя дефиле *B*, онъ выстроился на полянѣ Д, имѣя авангардъ въ *C* и конницу въ *H*. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Кличко, находились Кабардинскій пѣхотный полкъ, 2 батальона гренадеръ подполковника Блюхера и гвардіи капитана Лунина; при дальнѣйшемъ же слѣдованіи, къ нему присоединены—казацкій полкъ полковника Сулина и арнауты, подъ командой секундъ-маіора Дмитріева. Сверхъ того, къ авангарду было придано нѣсколько охотниковъ изъ стрѣлковъ для обстрѣливанія лѣса, въ которомъ засѣлъ непріятель.

(*) Пл. къ № 3.

Сраженіе при Кучукъ-Кайнарджи 22 іюня. Смерть Вейсмана.

Турецкій лагерь при Кучукъ-Кайнарджи находился на крутой возвышенности G, вершина которой занята была прочнымъ ретраншаментомъ L, за которымъ поставлена была вся непріятельская пѣхота. Многочисленные рвы и рытвины прикрывали фронтъ его со стороны наступленія корпуса Вейсмана. Сверхъ того, впереди непріятельской позиціи проходило длинное дефиле, которое занято было турецкою конницею. Авангардъ полковника Кличко, преодолѣвая всѣ мѣстныя препятствія, выбилъ непріятеля изъ дефиле и, пройдя его, тотчасъ построился въ карре. Непріятель открылъ по немъ сильную пушечную пальбу изъ ретраншамента. Тогда г.-м. Вейсманъ выслалъ на усиленіе авангарда 5 орудій полевой артиллеріи при капитанѣ Решнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, главныя силы отряда (шесть баталіоновъ пѣхоты) поспѣшно прошли дефиле и построились въ карре лѣвѣе авангарда F и тотчасъ же двинулись на непріятельскій ретраншаментъ. Но въ это время многочисленная турецкая конница аттаковала карре полковника Кличко и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, привела въ значительное разстройство, опрокинувъ въ тоже время легкія войска, находившіяся при этомъ карре. Артиллерія наша сдѣлала при этомъ свое дѣло, и только благодаря ея дѣйствію, аттакованное карре могло прійти въ порядокъ. Между тѣмъ карре г.-м. Вейсмана аттаковало нагорный ретраншаментъ. Въ это время до 10000 пѣхоты, стоявшей въ ретраншаментѣ, неожиданно выступило изъ него (K) и ударило въ сабли на аттакующее карре. Турки врывались во всѣ фасы карре, многочисленность придавала имъ мужество и дерзкую храбрость. Личная храбрость г.-м. Вейсмана, который самъ находился не внутри карре, а стоялъ въ шеренгѣ передняго фаса, необыкновенное довѣріе войска къ своему начальнику, такъ часто водившему его къ побѣдамъ, наконецъ его умѣнье подавать помощь, гдѣ она наиболѣе была необхомима, дали возможность нашему карре устоять и опрокинуть противника. Но эта побѣда дорого стоила.—Справедливо носившій въ арміи имя

героя, г.-м. Вейсманъ былъ убитъ въ этой схваткѣ пулею, которая пробила ему руку и пролетѣла черезъ грудь, поразивъ сердце.

Команду надъ войскомъ принялъ г.-м. Голицынъ. Раздраженныя смертью любимаго начальника, войска съ ожесточеніемъ двинулись на ретраншаментъ, вокругъ котораго засѣла во рвахъ и рытвинахъ многочисленная турецкая пѣхота, производившая частую пальбу по наступающимъ. Но ничто не могло остановить нашихъ войскъ. Овладѣвъ ретраншаментомъ, г.-м. Голицынъ выбилъ непріятеля изъ лагеря и отправилъ въ преслѣдованіе его бывшіе въ аррьергардѣ полки, Московскій и Тверской карабинерные, Харьковскій гусарскій и Елисаветградскій пикинерный. Затѣмъ войска наши заняли непріятельскій лагерь и расположились на позиціи въ *G* и *N*.

Потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ состояла до 3,000 ч. убитыми около ретраншамента и до 700 чел. погибшихъ при преслѣдованіи. Турки же, по свѣденіямъ собраннымъ впослѣдствіи, опредѣляютъ свою потерю въ этомъ дѣлѣ до 5,000 чел. При этомъ была захвачена канцелярія Нумана-паши. Въ числѣ взятыхъ бумагъ найденъ султанскій указъ, порицавшій нерѣшительность дѣйствій своихъ войскъ, письма визиря къ Нуману-пашѣ, упрекавшаго его въ бездѣйствіи, лживыя донесенія Османа-паши визирю о дѣйствіяхъ своихъ подъ Силистріей и прочее (*).

Вся артиллерія, съ ея припасами бывшая въ ретраншаментѣ, обширный лагерь, 2 знамени, булава и 25 пушекъ—достались побѣдителямъ. Наша потеря состояла изъ 152 чел. раненыхъ и 15 убитыхъ; но въ ихъ числѣ былъ знаменитый Вейсманъ. Трупъ Вейсмана фонъ-Вейсенштейна былъ набальзамированъ въ Измаилѣ и отвезенъ для погребенія въ Лифляндію, на мызу Сербенъ, пожалованную ему Императрицей.

Пораженіе при Кучукъ-Кайнарджи навело такой страхъ на визиря, что онъ оставилъ Шумлу и отступилъ въ Румынію.

Войска Нумана-паши, бѣжавшія съ поля сраженія къ Базарджику не остановились даже въ немъ и пошли по шумлинской дорогѣ, куда отправились и жители окрестностей Базарджика, приведенные въ ужасъ пораженіемъ Нуманъ-паши. Между тѣмъ

(*) См. Прилож. № 12 (Дон. Рум. стр. 327).

гр. Румянцевъ собралъ, 24 іюня, военный совѣтъ для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій главной арміи. На совѣтѣ большинство постановило, что при настоящихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ отказаться отъ дѣйствій за Дунаемъ и возвратиться на лѣвый берегъ этой рѣки. Кавалерія наша едва двигалась отъ чрезмѣрныхъ трудовъ. Лошади не выходили изъ сѣдла, находясь постоянно то въ сраженіи, то въ преслѣдованіи непріятеля. Травы на мѣстѣ положительно не было, такъ что за кормомъ нужно было посылать на большія разстоянія, да и то кормъ состоялъ изъ одного камыша, который, старѣя съ каждымъ днемъ, не годился уже болѣе для корма. Къ тому же, дѣйствовать въ настоящее время противъ визиря при Шумлѣ было крайне затруднительно и безполезно.

Съ одной стороны дорога въ Шумлу была чрезвычайно неудобна для движенія не только артиллеріи и обозовъ, но даже для слѣдованія пѣхоты; къ тому-же, движеніе къ Шумлѣ не могло обѣщать никакихъ выгодныхъ результатовъ, потому что при визирѣ почти не оставалось войскъ, а высланныя имъ къ Силистріи войска Нуманъ-паши, по разбитіи ихъ, думали только о бѣгствѣ черезъ Балканы, куда направился, какъ было извѣстно, и самъ визирь съ остатками своей арміи. Пресѣчь же непріятелю возможность уйти за Балканы было нельзя, потому что войска наши не могли занять горные проходы прежде непріятеля. Поэтому, рѣшивъ отступленіе главной арміи на лѣвый берегъ Дуная, Бессарабскій корпусъ, бывшій Вейсмана, направленъ въ тоже время по правому берегу Дуная къ Измаилу черезъ Карасу. Въ виду удаленія непріятеля во внутрь страны, такое отдѣльное слѣдованіе Бессарабскаго корпуса, не представляло никакихъ опасеній, напротивъ того, онъ самъ могъ дѣлать разные поиски за Дунаемъ. Гр. Румянцевъ распорядился, чтобы ко времени прибытія Бессарабскаго корпуса къ Измаилу, къ нему были доставлены отъ Силистріи суда для обратной переправы на лѣвый берегъ Дуная. Командованіе Бессарабскимъ корпусомъ поручено было генералъ-маіору Райзеру.

Корпусъ генералъ-маіора Райзера отступилъ къ деревнѣ Куюджукъ, потомъ въ *і* и, слѣдуя на Карасу, высылалъ по окрестностямъ разъѣзды, которые нигдѣ не встрѣтили непріятеля. Выступивъ 27 числа изъ Карасу, корпусъ перешелъ къ деревнѣ Ташаулъ,

гдѣ простоялъ сутки для починки обозовъ, а 29 числа расположился на рѣкѣ Сулекуѣ. На другой день взята имъ была позиція при Бабадагѣ, а 1-го іюня онъ перешелъ къ рѣкѣ Конгасъ, въ 15 верстахъ отъ Измаила. Отсюда генералъ-маіоръ Райзеръ началъ отправлять свой отрядъ частями для переправы при Тульчѣ, которая и началась со 2-го іюля. 5-го числа корпусъ Райзера былъ уже въ Измаилѣ.

Отступленіе главной арміи на лѣвый берегъ Дуная.

Войска главной арміи и корпуса Потемкина заняли 25 іюня, позицію при Гуробальской переправѣ (j), и въ тотъ же день полковые обозы и кавалерія начали переправляться, а 25 числа переправились войска главной арміи, которыя стали на позиціи при Жигалѣ, въ 10 верстахъ отъ переправы, а корпусъ Потемкина при проливѣ р. Борщъ.

Оставленіе нашими войсками праваго берега Дуная, успокоило визиря, почему онъ снова возвратился въ Шумлу и собралъ при ней до 6,000 чел. Татарскому хану, стоявшему у Никополя, велѣно было также слѣдовать къ Шумлѣ.

Общее наступательное движеніе турокъ черезъ Дунай.

Разсчитывая на удаленіе русскихъ войскъ отъ берега Дуная, визирь предпринималъ общее наступленіе черезъ Дунай и отдалъ соотвѣтственныя приказанія для одновременнаго наступленія изъ Силистріи, Рущука, Никополя и другихъ пунктовъ по Дунаю, изъ числа которыхъ въ Систовѣ находилось до 3,000 чел. и 5,000 въ деревнѣ Мавро́динъ. Съ этою цѣлью Ахмедъ-паша получилъ приказаніе выступить 24 іюня изъ Виддина и слѣдовать въ Рущукъ, для усиленія наступленія съ этой стороны.

28 іюня непріятельскія партіи вторглись въ Банатъ со стороны

Калафата; въ тотъ же день непріятель, въ значительныхъ силахъ, обнаружилъ себя со стороны Паланки и, сверхъ того, были атакованы имъ наши посты въ Зимницѣ, по рѣкѣ Калмацую, при деревнѣ Бранешти (около Турно), у Острой могилы (близь р. Ольты) и у деревни Уда. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной перестрѣлки, непріятель былъ отбитъ и снова удалился за Дунай.

Подобныя первоначальныя наступленія турокъ всегда служили предвѣстникомъ готовившагося болѣе серьезнаго съ ихъ стороны дѣйствія на нашъ берегъ Дуная. За Дунаемъ замѣчалось дѣятельное передвиженіе частей и появленіе въ разныхъ мѣстахъ, по берегу рѣки, новыхъ лагерей.

Турецкіе плѣнные показывали, что непріятель готовитъ сильное нападеніе со стороны Баната, гдѣ почти не было нашихъ войскъ и предполагаетъ даже идти на Бухарестъ, съ намѣреніемъ выжечь все на пути слѣдованія и увести жителей на свой берегъ рѣки.

Въ виду такихъ извѣстій, генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ принялъ мѣры для сосредоточенія своихъ силъ и чтобы, не обращая вниманія на защиту Баната, приготовить непріятелю сильный отпоръ на лѣвой сторонѣ рѣки Ольты.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ, непріятель въ значительныхъ силахъ сдѣлалъ 29 іюня нападеніе на наши передовые посты въ Банатѣ, противъ Кладова и Гирловскаго поста, при чемъ разорвалъ связь между постами и нѣкоторые изъ нихъ были даже отрѣзаны. Непріятель, въ числѣ отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ, занялъ въ ночь съ 1-го на 2-е іюня городъ Краіово, изъ котораго стоявшіе тамъ 2 эскадрона гусаръ, при подполковникѣ Вуковичъ, должны были выйти, чтобы избѣжать неравнаго столкновенія. Пробывъ въ Краіовѣ нѣсколько часовъ и предавъ пламени многія строенія, турки оставили этотъ городъ, который и былъ снова занятъ, 3-го іюня, подполковникомъ Вуковичемъ.

Генералъ-пор. графъ Салтыковъ приказалъ командовавшему въ Банатѣ легкими войсками, полковнику Уварову, перейти отъ Русе-Веде къ Слатину, чтобы сблизить его съ своимъ корпусомъ.

Гр. Румянцевъ не придавалъ большаго значенія демонстраці-

ямъ непріятеля со стороны Баната, принимая ихъ за маскированія какихъ нибудь другихъ предположеній противъ расположенія корпуса гр. Салтыкова на среднемъ Дунаѣ; и потому приказалъ не очищать Баната, а чтобы быть готовымъ на всѣ случайности, онъ велѣлъ корпусу г.-п. Потемкина двинуться на соединеніе съ графомъ Салтыковымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зависимости отъ новаго положенія дѣлъ на Дунаѣ, гр. Румянцевъ составилъ новое расположеніе своей арміи, по которому центръ ея состоялъ подъ командою генералъ-поручика Ступишина, правое крыло генералъ-поручика графа Салтыкова, а лѣвое генералъ-поручика барона Унгерна. Корпусъ ген.-поруч. Потемкина составлялъ резервъ арміи. Сверхъ того, въ непосредственномъ распоряженіи гр. Румянцева состояли гарнизоны въ крѣпостяхъ Бендеры, Аккерманѣ, Хотинѣ и другихъ, а также посты, охранявшіе пространство между этими крѣпостями и далѣе до Гаджибея, а также войска, находившіяся въ Польшѣ между Днѣпромъ и Днѣстромъ (*).

Расположеніе главной арміи, по переходѣ ея на лѣвый берегъ Дуная.

Правое крыло имѣло назначеніемъ охранять всю верхнюю Валахію и Банатъ, въ особенности же закрывать г. Бухарестъ до послѣдней возможности. Корпусъ г.-п. Потемкина долженъ былъ защищать нижнюю Валахію отъ устья р. Аржиса и Негоештъ; пространство между рр. Дембовицы и Яломицы, а также теченіе Дуная до постовъ главной арміи. Лѣвое крыло наблюдало всю нижнюю часть теченія Дуная отъ р. Прута до Днѣстра и Чернаго моря. Войска, находившіяся въ гарнизонахъ и наблюдавшія разные посты, должны были держать тѣсную связь съ ближайшими къ нимъ войсками, подавать имъ при случаѣ помощь и, въ свою очередь, получать отъ нихъ таковую. Съ другой стороны, войска пра-

(*) См. Приложеніе № 13 (журналъ 1773 г. стр. 150).

ваго и лѣваго крыла должны были имѣть между собою тѣсныя сношенія и взаимно увѣдомлять другъ друга о всѣхъ свѣденіяхъ, полученныхъ о непріятелѣ. Если же гдѣ либо обнаружится наступленіе значительныхъ силъ противника противъ одного изъ пунктовъ, занятыхъ нашими войсками на Дунаѣ, то ближайшія къ этому пункту войска, не дожидаясь высшаго приказанія, тотчасъ должны предпринять съ своей стороны такія передвиженія, чтобы оказать помощь угрожаемому пункту, или озаботить противника собственной защитой и тѣмъ удержать его отъ наступленія.

Главныя силы арміи, т. е. корпусъ г.-поруч. Ступишина, не получали особаго назначенія, почему и мѣсто ихъ расположенія не было опредѣлено: онѣ должны были направиться туда, куда потребуютъ обстоятельства. Въ ожиданіи же дальнѣйшаго назначенія войскъ главной арміи, гр. Румянцевъ, для доставленія имъ большихъ удобствъ, выступилъ 10 іюня съ позиціи при р. Борщъ и двинулся къ лѣвому берегу рѣки Яломицы, гдѣ было достаточно подножнаго корма для кавалеріи. 13 іюня главныя силы стали у р. Яломицы, а 16 числа, перейдя на лѣвый ея берегъ, расположились лагеремъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Румянцевъ приказалъ г.-п. Салтыкову и Унгерну, давъ войскамъ необходимый отдыхъ послѣ изнурительныхъ дѣйствій за Дунаемъ, быть въ полной готовности снова двидвинуться за Дунай, во всякое время, когда того потребуютъ обстоятельства, и для разъясненія настоящихъ намѣреній непріятеля, производить поиски на тотъ берегъ рѣки, противъ мѣстъ расположенія каждаго изъ нихъ. Ген.-пор. Каменскому, командовавшему въ Журжѣ, также было приказано изыскать средства для демонстраціи противъ Рущука.

Между тѣмъ, непріятель все чаще и чаще продолжалъ производить свои набѣги въ Банатъ, и хотя каждый разъ принуждаемъ былъ нашими легкими войсками возвращаться назадъ, но въ виду болѣе серьозныхъ съ этой стороны дѣйствій, гр. Салтыковъ рѣшился перемѣнить свое расположеніе у Баронештъ и двинулся, 22 іюня, къ сторонѣ Баната, занявъ 24 числа позицію у Габура, въ 40 верстахъ отъ Журжи и 45 отъ Турно. Отсюда было удобнѣе обратиться, по требованію обстоятельствъ,—вправо, къ сторонѣ Ба-

ната, или влѣво, для дѣйствій на среднемъ Дунаѣ, въ случаѣ наступленія непріятеля со стороны Рущука.

Для непосредственной же защиты Баната, г.-м. Текелли, съ легкими войсками, получилъ приказаніе занять Баронешти, при р. Ольтѣ (близь Турно); сверхъ того, небольшой отрядъ пѣхоты былъ высланъ въ Каракулъ. Легкія же войска, бывшія подъ начальствомъ полковника Уварова, направлены были внизъ по р. Жіѣ, ближе къ Орсовѣ, гдѣ ему велѣно было собрать имѣвшіяся на р. Жіѣ суда и сдѣлать поискъ на тотъ берегъ Дуная.

Предпринимать что нибудь болѣе рѣшительное противъ непріятеля съ этой стороны, значило бы только подвергать немногочисленныя войска гр. Салтыкова безполезной тратѣ и случайностямъ. Гр. Салтыковъ, для дѣйствій своихъ за Дунаемъ, не могъ употребить болѣе четырехъ, находившихся при немъ полковъ; а съ такими силами идти противъ Рущука, гдѣ было до 15000 чел. или противъ Никополя и Турно, гдѣ находилось также до 12000 чел.,— было дѣломъ рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что направляясь на одинъ изъ этихъ пунктовъ, нужно было отдѣлить часть войскъ для наблюденій со стороны другаго.

Такимъ образомъ, лучшій способъ дѣйствій, при настоящихъ обстоятельствахъ, состоялъ въ выжиданіи удобнаго случая для какихъ нибудь рѣшительныхъ предпріятій противъ турокъ и въ томъ, чтобы не давать имъ возможности предпринять что-либо противъ нашего расположенія.

Ожидая болѣе серьозныхъ дѣйствій непріятеля со стороны Баната, гр. Салтыковъ рѣшился занять позицію въ верховьяхъ рѣки Тилурмана, а такъ какъ отдаленіе его отъ Журжи могло подвергнуть эту крѣпость опасности со стороны Рущука, то охраненіе этого пункта, гр. Салтыковъ просилъ поручить ближайшимъ къ Журжѣ войскамъ корпуса Потемкина. Но гр. Румянцевъ не одобрилъ занятую гр. Салтыковымъ новую позицію и писалъ ему, что онъ забылъ возложенное на него порученіе—охранять теченіе Дуная между рѣкъ Ольты и Аржиса и прикрывать Бухарестъ. Къ тому же, не было никакихъ серьозныхъ основаній предполагать открытіе рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій непріятеля со стороны Баната и Ольты, да и значеніе Баната вовсе не такъ вс-

лико, чтобы защитою его подвергать риску оборону средняго Дуная. Равнымъ образомъ, поручать корпусу г.-пор. Потемкина защиту Журжи гр. Румянцевъ не признавалъ возможнымъ, потому что на тихъ войскахъ лежали другія важныя обязанности.

Удаленіе гр. Салтыкова отъ средняго Дуная къ Гобуру заставило непріятеля полагать, что онъ отступилъ во внутрь Валахіи; поэтому турки сильно увеличили свои войска на среднемъ Дунаѣ и готовились къ наступленію. По собраннымъ свѣденіямъ, въ Рущукѣ считалось уже до 30000 чел. и 2000 чел. въ ближайшихъ къ этой крѣпости деревняхъ. Въ Туртукаѣ было 6000 конницы и 2000 пѣхоты. Силистрійскія войска также умножались значительно. 4000 чел. стояло при Мавродинѣ и Тобанѣ. Кромѣ того, въ Рущукѣ ожидалось высланное визиремъ изъ Шумлы лучшее войско, по прибытіи котораго, рущукскій сераскиръ намѣревался въ концѣ іюня перейти Дунай въ двухъ пунктахъ—у Милкова и между Хіоротиномъ и Тобаномъ.

Гр. Салтыковъ объяснилъ свое перемѣщеніе въ Гобуръ въ томъ смыслѣ, что онъ хотѣлъ предохранить жителей Баната отъ постоянныхъ набѣговъ турокъ, отчего никто не могъ заняться уборкою хлѣба. Позиція у Гобура должна была, по мнѣнію гр. Салтыкова, удержать турокъ отъ набѣговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ 40 верстахъ отъ Журжи, онъ всегда могъ прибыть къ ней на помощь, и къ тому же, кромѣ журжевскаго гарнизона, онъ оставилъ при Журжѣ одинъ полкъ пѣхоты съ полкомъ кавалеріи, чтобы обезпечить эту крѣпость отъ всякихъ случайностей. Къ тому-же, силы непріятеля въ Рущукѣ были значительно менѣе 30000, какъ о томъ заявляли выходцы съ той стороны Дуная и не превосходятъ 15000 чел. Наконецъ, гр. Салтыковъ указывалъ на полученныя имъ свѣденія, что непріятель умножается въ Турно и потому нужно ожидать наступленія съ этой стороны въ верхнюю Валахію. Гр. Румянцевъ, напротивъ, полагалъ, что умноженіе непріятеля въ Турно было слѣдствіемъ занятой позиціи при Гобурѣ, такъ какъ непріятель могъ самъ ожидать нападенія на Турно и потому готовился къ защитѣ этого пункта. Не смотря на несходство взглядовъ на значеніе позиціи у Гобура, гр. Румянцевъ, тѣмъ не менѣе, не настаивалъ на перемѣнѣ этой позиціи, предоставивъ гр. Салтыкову

дѣйствовать по его усмотрѣнію, тѣмъ болѣе, что точныхъ свѣденій о намѣреніяхъ противника нельзя было имѣть.

Но хотя трудно было полагаться на всѣ свѣденія, которыя получались о непріятелѣ, тѣмъ не менѣе, слухъ о намѣреніи его открыть наступленіе въ среднихъ и нижнихъ частяхъ Дуная былъ очень вѣроятенъ. Ожидалось нападеніе турокъ на Гирсово. Сверхъ того, непріятель очень часто предпринималъ свои поиски противъ расположенія корпуса Потемкина.

Гр. Румянцевъ, полагая что подобныя попытки были слѣдствіемъ заблужденія непріятеля, принимавшаго главныя силы Потемкина передвинутыми вверхъ по Дунаю, приказалъ ему оставить въ Негоештахъ небольшой отрядъ для связи съ гр. Салтыковымъ, а для демонстраціи выслать небольшой отрядъ на тотъ берегъ Дуная, между Силистріей и Туртукаемъ; если же окажется возможнымъ, то произвести серьозный поискъ на Туртукай. 31 іюня Потемкинъ выслалъ свои легкія войска къ Чиконешти, а самъ, выступя изъ Обилештъ, остановился между Чиконештами и Курнацуй. Отрядъ при генералъ-маіорѣ Сашинѣ, состоящій изъ 4 батальоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, Донскаго казачьяго полка и 8 орудій, былъ поставленъ при устьѣ Аржиса. Но затрудненіе доставать фуражъ для кавалеріи отряда Потемкина принудили его вскорѣ возвратиться на прежнюю позицію при Обилешти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ген.-пор. Унгерну приказано было переправить весь его корпусъ за Дунай и сдѣлать рѣшительный поискъ къ Бабадагу.

Главныя же силы гр. Румянцева стали 30 іюля при устьѣ Яломицы, чтобы оказать помощь Гирсову, еслибы онъ былъ аттакованъ непріятелемъ. Къ Гирсову же былъ высланъ генералъ-маіоръ Милорадовичъ съ 2 пѣхотными полками, артиллеріею, 3 эскадронами гусаръ и 3 эскадронами карабинеръ.

Дѣло у Гирсова 30-го іюля.

Отрядъ Милорадовича весьма кстати прибылъ къ Гирсову, въ 5 часовъ по полудни 30 іюля. Въ 8 часовъ утра этого дня, до 4,000

чел. непріятельской конницы и пѣхоты аттаковали передовые гирсовскіе посты, сбили ихъ и сдѣлали нападеніе на самую крѣпость. Всѣ попытки непріятеля были уничтожены дѣйствіемъ крѣпостной артиллеріи, такъ что въ 12 часовъ дня, турки отступили за 8 верстъ отъ крѣпости и скрылись въ лощинѣ. Черезъ нѣсколько часовъ число непріятеля значительно увеличилось и онъ снова подошелъ къ крѣпости, завязавъ съ легкими войсками перестрѣлку, продолжавшуюся около трехъ часовъ. Прибытіе корпуса Милорадовича заставило непріятеля отступить къ Карасу. Мстя за свою неудачу, турки выжигали деревни на пути слѣдованія.

Отрядъ Милорадовича, кромѣ бывшихъ въ немъ 3 эскадроновъ карабинеръ, присоединенныхъ къ главной арміи, занялъ мѣсто при устьѣ Яломицы. Вверхъ и внизъ по Дунаю разосланы были разъѣзды для собранія свѣденій о непріятелѣ.

Такимъ образомъ, дѣйствія на среднемъ Дунаѣ, въ мѣстахъ расположенія корпусовъ Потемкина и Салтыкова не проявлялись ничѣмъ замѣчательнымъ, ограничиваясь незначительными нападеніями на передовые посты съ той и другой стороны и заботою воспрепятствовать судоходству по Дунаю.

Наиболѣе значительное нападеніе со стороны непріятеля, былъ недавній поискъ его на Гирсово. Предполагая, что турки могутъ имѣть свои виды на этотъ пунктъ, который былъ важенъ для насъ какъ опорная точка на той сторонѣ Дуная, гр. Румянцевъ назначилъ къ этому посту, прославившагося двукратнымъ поискомъ на Туртукай, г.-м Суворова, которому лично передалъ свой взглядъ на важное значеніе для насъ гирсовскаго поста.

Занимая Гирсовъ, Суворовъ долженъ былъ выслать разъѣзды по карасуйской дорогѣ, и при случаѣ, предпринять поискъ во внутрь расположенія непріятеля, и, озабочивая его такимъ образомъ, съ этой стороны, стараться обратить его исключительное вниманіе на Гирсово и черезъ то ослабить свои силы на верхнемъ Дунаѣ противъ графа Салтыкова и на нижнемъ, противъ г.-п. Унгерна, который готовился къ поиску на Бабадагъ. Гирсовскій отрядъ долженъ былъ сохранять тѣсныя сношенія съ отрядомъ Унгерна, во время дѣйствій послѣдняго за Дунаемъ, и въ случаѣ надобности помогать ему и даже соединиться для общихъ наступательныхъ дѣйствій.

Вообще можно замѣтить, что послѣ смерти г.-м. Вейсмана, вниманіе гр. Румянцева было обращено теперь на Суворова, который рѣшительностью своихъ дѣйствій и военною опытностью, въ состояніи былъ замѣнить потерю Вейсмана. Поэтому, независимо отъ порученія Суворову одного изъ важнѣйшихъ постовъ на Дунаѣ, гдѣ предстояло вторичное перенесеніе нашихъ рѣшительныхъ дѣйствій на тотъ берегъ рѣки, въ распоряженіе Суворова была отдана и бригада ген.-м. Милорадовича, которую онъ во всякое время имѣлъ право присоединить къ себѣ отъ устья Яломицы.

Въ донесеніи Императрицѣ отъ 8 августа, гр. Румянцевъ говоритъ: «сей важный (гирсовскій) постъ поручилъ я генералъ-маіору Суворову, ко всякому дѣлу свою готовность и способность подтверждающему».

ГЛАВА VII.

Между тѣмъ ген.-пор. Унгернъ открылъ уже вторичный переходъ черезъ Дунай. Принявъ мѣры для закрытія устья Дуная, съ цѣлью воспрепятствовать входу непріятельскихъ судовъ въ эту рѣку изъ Чернаго моря, для нападеній на Измаилъ и другіе пункты нижняго Дуная, и обезпечивъ защиту лѣваго берега рѣки на время своего поиска, ген.-пор. Унгернъ рѣшился произвесть наступленіе къ Бабадагу.

Движеніе ген.-пор. Унгерна къ Бабадагу въ началѣ августа.

2-го августа ген.-маіоръ Чорба съ его гусарскимъ, 4 казацкими полками, егерскимъ батальономъ и 2 ротами гренадеръ, отплылъ изъ Измаила на лежащій тутъ островъ Дуная, и пройдя 17 верстъ по острову, остановился противъ Тульчи въ скрытыхъ мѣстахъ. Въ третьемъ же часу по полуночи на 3-е августа, отрядъ Чорбы переплылъ Дунай и, занявъ тульчинское дефиле, ожидалъ прибытія глав-

ныхъ силъ отряда Унгерна, который посадилъ свой отрядъ на суда въ Измаилѣ 3-го августа, а переправился черезъ Дунай въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и отрядъ Чорбы, 4-го числа.

Отрядъ ген.-пор. Унгерна, перешедшій Дунай, состоялъ изъ 965 гренадеръ, 1,175 мушкетеръ, 384 егерей, 410 гусаръ, 800 карабинеръ и 1000 казаковъ (*). Остальныя войска оставлены были для защиты пунктовъ на лѣвомъ берегу Дуная (**).

Соединясь 4-го августа съ авангарднымъ отрядомъ г.-м. Чорбы, отрядъ Унгерна прошелъ тульчинское дефиле и остановился у рѣки Катулуй, въ 11 верстахъ отъ мѣста переправы.

Отсюда высланы были разъѣзды по карасуйской дорогѣ, для связи съ гирсовскимъ отрядомъ г.-м. Суворова, а также по дорогѣ караурманской и другимъ. Разъѣздамъ нигдѣ не попадались значительныя силы непріятеля, а небольшія его партіи разбѣгались при приближеніи нашихъ разъѣздовъ. Казачьи разъѣзды, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, достигли до Бабадага. Имѣя въ виду, что этотъ пунктъ всегда охранялся непріятелемъ, ген.-пор. Унгернъ, приказалъ г.-м. Чорбѣ, выступить утромъ 5-го августа, къ Бабадагу съ гусарскимъ полкомъ и егерскимъ батальономъ, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ, 6-го числа весь отрядъ Унгерна выступилъ къ Бабадагу и расположился, къ вечеру того же числа, лагеремъ у бабадагскаго моста, въ двухъ верстахъ отъ города.

Въ тотъ же день три полка донскихъ казаковъ, при полковникѣ Денисовѣ, были высланы къ Чехтайскому мосту за бабадагскимъ дефиле, а на другой день туда же былъ отправленъ г.-м. Чорба съ Харьковскимъ гусарскимъ полкомъ, съ приказаніемъ выслать двѣ партіи, изъ 600 человѣкъ каждая, по дорогамъ къ Карасу и Караурману, а третья партія, изъ ста человѣкъ, была поставлена для связи съ гирсовскимъ отрядомъ и Браиловымъ. Егерскій же батальонъ занялъ бабадагское дефиле, у Каменнаго колодца, для подкрѣпленія передовыхъ легкихъ войскъ отъ гирсов-

---

(*) См. Приложеніе № 14.
(**) Тоже № 15.

скаго отряда; для связи съ корпусомъ Унгерна былъ выставленъ постъ въ деревнѣ Танграверда.

Гр. Румянцевъ приказалъ ген.-пор. Унгерну послать также партію къ сторонѣ Мангаліи, на берегу Чернаго моря, чтобы воспрепятствовать тамошнимъ жителямъ производить уборку хлѣба и съ цѣлью перевести самихъ жителей на нашу сторону Дуная.

Между тѣмъ на другомъ пунктѣ Дуная былъ произведенъ удачный поискъ на Орсову. Мы видѣли, что къ устью р. Жіи, давно уже былъ высланъ полковникъ Уваровъ, которому поручено было сдѣлать при удобномъ случаѣ нападеніе на Орсову.

1-го іюня полковникъ Уваровъ, собравъ по рѣкѣ Жіѣ 4 большихъ и 26 малыхъ лодокъ, переправился черезъ Дунай при устьѣ рѣки Жіи, оставивъ для обороны переправы и устья упомянутой рѣки, 2 роты мушкетеръ при капитанѣ Шестаковѣ.

Поискъ полковника Уварова противъ Орсовы 1-го іюня.

Въ отрядѣ полковника Уварова состояли—егерскій батальонъ подполковника князя Мещерскаго, 1 рота гренадеръ Муромскаго полка, часть пѣшихъ арнаутъ и 2 пушки. Отрядъ этотъ переправился противъ самой Орсовы, въ три оборота судовъ, и продолжалъ переправу до трехъ часовъ по полуночи, причемъ въ отрядѣ соблюдалась такая осторожность, что непріятель замѣтилъ наши войска только подъ своими батареями на берегу Дуная. Неожиданность нападенія навела паническій страхъ на турокъ, которые поспѣшно оставили свои батареи и самый городъ, а также стоявшія у берега 17 большихъ и 30 малыхъ лодокъ.

Овладѣвъ такъ легко городомъ и оставленнымъ непріятельскимъ имуществомъ, полковникъ Уваровъ приказалъ свозить на суда взятыя пушки и прочее и готовился къ обратной переправѣ. Но непріятель, оставившій городъ, расположившись на ближайшихъ высотахъ, увидѣлъ малочисленность нашего отряда, въ которомъ было не болѣе 400 человѣкъ, бросился къ мѣсту высадки, съ цѣлью завладѣть какъ нашими судами, такъ и своими, которыя были уже

присоединены къ нашимъ. Случайно находившійся близъ Орсовы турецкій отрядъ, слѣдовавшій въ Турно, услышавъ перестрѣлку, поспѣшилъ на помощь непріятелю при Орсовѣ.

Видя чрезмѣрное усиленіе противника, Уваровъ поспѣшилъ посадить свой отрядъ на суда, отражая нападеніе непріятеля пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, и благополучно возвратился къ устью р. Жіи. Городъ Орсова былъ выжженъ. Непріятель потерялъ убитыми до 200 человѣкъ, 4 взятыхъ пушки брошены въ Дунай, а остальныя, по ихъ большой величинѣ, не могли быть сняты съ мѣста и потому заклепаны. Вся непріятельская флотилія при Орсовѣ была приведена къ устью Жіи и сожжена. Съ нашей стороны убито въ этомъ дѣлѣ 25, а ранено 91 человѣкъ, въ томъ числѣ ранены: полковникъ Уваровъ, подполковникъ князь Мещерскій и премьеръ-маіоръ Уваровъ.

Гр. Румянцевъ былъ недоволенъ поискомъ на Орсову, говоря, что наша потеря не соотвѣтствовала полученнымъ результатамъ и находилъ страннымъ, что полковникъ Уваровъ для того переводилъ взятую у непріятеля флотилію, чтобы сжечь ее на нашей сторонѣ; одно изъ двухъ—или ее слѣдовало зажечь у Орсовы, или оставить для себя.

Одновременно съ открытіемъ дѣйствій корпуса ген.-поручика Унгерна противъ Бабадага, получены были извѣстія, что турки готовятъ рѣшительное наступленіе со стороны средняго и верхняго Дуная. Сколько было извѣстно, планъ турокъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать наступленіе Унгерна за Дунаемъ, почему изъ визирской арміи при Шумлѣ выслано было въ Карасу до 12000 человѣкъ подъ командою Нумана-паши, при которомъ находился и извѣстный Черкесъ-паша. Къ Карасу были также высланы татары до 1000 человѣкъ. Для защиты Базарджика и дѣйствій съ этой стороны назначено 8000 человѣкъ.

Предпріятіе турокъ для овладѣнія Журжей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ визирь усилилъ войска въ Рущукѣ съ цѣлью овладѣть Журжей. Отдѣльные отряды, расположенные ниже Ру-

щука въ разныхъ пунктахъ по Дунаю, должны были собраться и сдѣлать высадку на острова противъ Журжи, а потомъ перейти на лѣвый берегъ Дуная ниже этой крѣпости и способствовать главной аттакѣ рущукскаго сераскира, которую онъ долженъ былъ вести со стороны Слободзеи, лежащей выше Журжи. Наконецъ войска, находившіяся въ Турно, усиливались присоединеніемъ къ нимъ части войскъ изъ Виддина и другихъ пунктовъ и подъ общею командою Ахмеда-паши должны были переправиться черезъ Дунай у Турно и по лѣвому берегу Дуная слѣдовать къ Журжѣ, для аттаки ея съ тыла, одновременно съ нападеніемъ на нее рущукскаго сераскира. Планъ этотъ показываетъ, что многолѣтній военный опытъ научилъ турокъ дѣйствовать иначе чѣмъ прежде. Визирь приказалъ рущукскому сераскиру взять Журжу во что бы то ни стало, указывая на малочисленность журжевскаго гарнизона и на средства, которыми сераскиръ могъ располагать, имѣя возможность подавить нашъ гарнизонъ своею многочисленностью, окружить крѣпость и отрѣзать отступленіе ея гарнизону, который, по мнѣнію визиря, неминуемо долженъ былъ погибнуть. Ничего не жалѣя, визирь сдѣлалъ распоряженія, чтобы войска Ахмеда-паши въ Турно были усилены еще 20,000 человѣкъ, и имѣя при Шумлѣ многочисленную армію, недавно собранную, готовился подать новую помощь при нападеніи на Журжу. Взятіе этой крѣпости дало бы визирю возможность укрѣпиться на лѣвомъ берегу Дуная и двинуться къ самому Бухаресту, что, какъ можно было замѣтить изъ прошлыхъ лѣтъ настоящей кампаніи, составляло всегда послѣднее предпріятіе противника, послѣ котораго онъ расходился на зимнія квартиры. За неудачу нападенія на Журжу визирь грозилъ рущукскому сераскиру позорною смертью.

Для облегченія предпріятія на Журжу, турки намѣревались также овладѣть Гирсовымъ, съ цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ Журжи и ослабить войска, которыя могли быть направлены для обороны этой крѣпости.

Такимъ образомъ планъ, составленный визиремъ, отличался рѣшительностью и, повидимому, обѣщалъ несомнѣнный успѣхъ;—оставалось только выполнить его.

Приступая къ исполненію этого плана, турки распустили слухъ

черезъ шпіоновъ о намѣреніи своемъ перейти Дунай около Чернеца и сдѣлать наступленіе вверхъ по рѣкѣ Мотрѣ, намѣреваясь отвлечь вниманіе гр. Салтыкова въ эту сторону и заставить его отдалиться еще болѣе отъ Журжи. Гр. Румянцевъ, съ свойственною ему проницательностью, тотчасъ угадалъ значеніе такого слуха, который гр. Салтыковъ принялъ было за дѣйствительное намѣреніе противника.

Указавъ гр. Салтыкову на его заблужденіе, гр. Румянцевъ приказалъ ему не удаляться въ верхнія части Дуная, а обратить все свое вниманіе на Журжу, откуда дѣйствительно можно было ожидать нападенія. Заключенія гр. Румянцева вскорѣ подтвердились. Желая сдѣлать ближайшій обзоръ Журжи, значительная часть войскъ, занимавшихъ Рущукъ, посажена была на суда въ 4 часа по полудни 12 августа и спустилась къ Мавродину, показывая видъ переправы въ этомъ мѣстѣ.

Одновременно съ тѣмъ, многочисленная непріятельская конница и пѣхота, числомъ до 8000 человѣкъ, стоявшая въ лагерѣ, показалась при Рущукѣ на самомъ берегу Дуная, выстроила батареи и подъ прикрытіемъ ихъ начала переправляться выше Журжи на 93 большихъ транспортныхъ судахъ, 16 шайкахъ съ пушками и 8 галерахъ.

Попытка турокъ противъ Журжи, въ ночь на 12 августа.

Генералъ-маіоръ Энгельгардъ немедленно выступилъ на встрѣчу непріятеля, построивъ свой отрядъ въ два карре, имѣя на флангахъ по одному эскадрону Вятскаго полка и два эскадрона между карреями. Вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ былъ высланъ подполковникъ Энгельгардъ съ 250 чел. Ингерманландскаго и Сибирскаго полковъ; а на островѣ противъ Журжи оставленъ былъ небольшой отрядъ мушкетеръ, съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю сдѣлать десантъ на островъ.

Между тѣмъ непріятель успѣлъ пристать къ лѣвому берегу Дуная и выслалъ впередъ до 100 человѣкъ конницы, которая сбила

передовые наши посты изъ арнаутовъ. Посланный впередъ эскадронъ кавалеріи обратилъ этотъ передовой непріятельскій отрядъ въ бѣгство и заставилъ его скрыться за отрядъ пѣхоты изъ 2000 человѣкъ, которая, не отдѣляясь отъ своихъ судовъ, выслала впередъ до 600 человѣкъ. Четырьмя удачными пушечными выстрѣлами изъ отряда ген.-м. Энгельгарда, непріятельская пѣхота была отброшена къ судамъ. Но вслѣдъ затѣмъ, весь переправившійся турецкій отрядъ открылъ наступленіе противъ ген.-м. Энгельгарда, который выслалъ на встрѣчу наступавшимъ три эскадрона кавалеріи; кавалерія эта опрокинула непріятеля, заставивъ его обратиться къ судамъ; турки, подъ пушечными выстрѣлами подошедшаго къ переправѣ отряда Энгельгарда, сѣли на суда и отплыли къ Рущуку. Два судна были при этомъ потоплены нашими выстрѣлами. Часть турецкой пѣхоты, не успѣвшая сѣсть на суда, была сброшена гренадерами въ воду и въ нашихъ глазахъ потонула. Хотя, такимъ образомъ, диверсія непріятеля противъ Журжи не удалась, тѣмъ не менѣе, она показывала, что наступаетъ время рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ.

Вскорѣ послѣ этого дѣла, получено было извѣстіе, что въ Карасу собралось не менѣе 20000 человѣкъ непріятельскихъ войскъ, отъ которыхъ высланъ былъ передовой отрядъ до 2000 человѣкъ, по бабадагской дорогѣ, для наблюденія за корпусомъ генер.-пор. Унгерна. 19 августа, въ 9 часовъ утра, непріятельскій авангардъ показался противъ передовыхъ постовъ при Бабадагѣ, занимаемыхъ казаками Денисова.

Видя многочисленность непріятеля, Денисовъ отступилъ 6 верстъ за рѣчку Делякій. Непріятель, видя, что за отступавшими передовыми постами виднѣются другія войска, которыя находились въ авангардѣ подъ командою ген.-м. Чорбы, — не рѣшился идти далѣе и отступилъ къ Карасу.

Гр. Румянцевъ заключилъ изъ этого, что непріятель готовитъ наступленіе отъ Карасу на Бабадагъ, и потому, для отвлеченія вниманія его на другіе пункты, приказалъ корпусу ген.-пор. Потемкина перейти къ Подулупѣ, чтобы показать видъ предпріятія противъ Силистріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Салтыкову поручалось сдѣлать нападеніе на непріятельскій лагерь, стоявшій подъ Турно.

Но гр. Салтыковъ не находилъ возможнымъ аттаковать упомянутый лагерь, какъ потому, что непріятель превосходитъ его въ силахъ, такъ и потому, въ особенности, что турки имѣли здѣсь весьма сильную позицію. Правый флангъ лагеря прикрывался болотомъ, по которому пролегала одна только узкая дорога, вблизи самаго Дуная.

Проходить это дефиле, въ виду сильнѣйшаго непріятеля и подъ пушечными выстрѣлами изъ Турно — было рисковано. Лѣвый же флангъ лагеря ограждался отъ нападенія рѣкою Ольтою, которая, въ настоящее время, широко разлилась изъ береговъ. Подступъ съ фронта оборонялся всею силою крѣпости Турно и, къ тому же, лагерь могъ быть обстрѣливаемъ съ крѣпости Никополя, расположенной на противуположномъ высокомъ берегу Дуная, противъ самого Турно.

Поэтому, не рискуя подвергать свои войска видимымъ опасностямъ, гр. Салтыковъ счелъ за лучшее, стараться вывести стоявшаго при Турно непріятеля изъ настоящей его позиціи и тогда аттаковать его.

Планъ Суворова о наступательныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ.

Между тѣмъ ген.-маіоръ Суворовъ, какъ только можно было полагать о намѣреніи непріятеля открыть наступленіе изъ Карасу, приказалъ ген.-маіору Милорадовичу выступить 24 августа изъ своей позиціи при устьѣ Яломицы, оставя тамъ подъ прикрытіемъ обозы и больныхъ, взять съ собою на полмѣсяца провіанта и переправиться въ Гирсово, на правый берегъ Дуная. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изложилъ ген.-поручику Унгерну свои предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Суворовъ совѣтовалъ Унгерну подвинуться верстъ на 15 впередъ, по дорогѣ къ Карасу, до того мѣста, гдѣ были расположены передовые посты Денисова, что значительно приблизило бы его къ Гирсову. Тогда, если непріятель обратится всѣми силами на Гирсово — корпусъ Унгерна можетъ аттаковать его съ тыла; равнымъ образомъ, если

непріятель направится на корпусъ Унгерна — Суворовъ, оставя часть войскъ для защиты Гирсова, предполагалъ съ остальными войсками своего отряда, оказать такую же помощь Унгерну. Но при всемъ томъ, Суворовъ находилъ, что такъ какъ оба упомянутые корпуса все-таки будутъ разобщены между собою на значительное разстояніе, представляющее не малыя мѣстныя затрудненія, то въ случаѣ рѣшительныхъ дѣйствій противника, каждый изъ нихъ можетъ быть аттакованъ отдѣльно всѣми силами непріятеля и подвергнуться опасности. Поэтому онъ предлагалъ назначить пунктъ, въ которомъ оба корпуса могли бы соединиться и, не ожидая нападенія, рѣшительно аттаковать непріятеля при Карасу.

Этотъ планъ, наиболѣе согласовавшійся съ характеромъ Суворова, не былъ исполненъ. Гр. Румянцевъ, обладая большею опытностью, не допускалъ возможности предполагать въ непріятелѣ такой рѣшительности, на которой основывался Суворовъ. Поэтому онъ поручилъ ему разузнать дѣйствительныя силы непріятеля при Карасу и о его намѣреніяхъ. Оказалось, что здѣсь число турокъ не превосходило 10000 человѣкъ, стоявшихъ въ лагерѣ, обнесенномъ рвомъ, въ 2 сажени глубиною и болѣе 3 саженъ въ ширину. Но силы непріятеля какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ пунктахъ, должны были въ скоромъ времени увеличиться изъ визирской арміи при Шумлѣ, куда прибыли войска изъ Адріанополя и другихъ мѣстъ, такъ что при визирѣ состояло до 50000 человѣкъ. Поэтому ген.-пор. Унгернъ рѣшился остаться на своей позиціи при Бабадагѣ. Суворову оставалось сдѣлать тоже — не выступать изъ Гирсова.

Между тѣмъ предусмотрительность Суворова, призвавшаго къ Гирсову бригаду ген.-м. Милорадовича оказалась какъ нельзя болѣе кстати.

Въ ночь на 3 число сентября замѣчено было на ночлегѣ, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, по дорогѣ изъ Карасу, непріятельская конница, числомъ до 3000 человѣкъ. Въ седьмомъ же часу утра, 3 числа, отрядъ этотъ, усиленный до 6000 человѣкъ, двинулся къ Гирсову и заставилъ отступить передовые посты гирсовскаго отряда, которые выставлены были для связи съ корпусомъ ген.-пор. Унгерна. За непріятельскою конницею, верстахъ въ шести, пока-

залось болѣе 4000 человѣкъ пѣхоты, на флангахъ которой стояла конница.

Дѣйствія турокъ противъ Гирсова 3-го сентября и пораженіе ихъ Суворовымъ.

Около полудня, турецкая конница подошла къ Гирсову на пушечный выстрѣлъ и остановилась.

Генералъ-маіоръ Суворовъ, желая подвести непріятеля на болѣе близкое разстояніе къ гирсовскимъ батареямъ, не приказалъ открывать пушечнаго огня и выслалъ противъ турецкой конницы казаковъ, при капитанѣ Нелюбовѣ и прапорщикѣ Ладовичѣ, поручивъ имъ завязать перестрѣлку и держаться упорно на мѣстѣ.

Болѣе часу продолжалась перестрѣлка съ непріятельскою конницею, которая выжидала прибытія своей пѣхоты и, наконецъ, вмѣстѣ съ нею двинулась къ гирсовскимъ укрѣпленіямъ (*).

Ген.-м. Суворовъ, приказавъ гирсовскому коменданту полковнику Думашеву, оборонять замокъ (*A*) до послѣдней крайности, самъ выступилъ въ поле противъ непріятеля почти со всѣми силами отряда.

Бригада ген.-маіора Милорадовича, по случаю болѣзни котораго ею командовалъ полковникъ князь Мочебеловъ, стоявшая лагеремъ на островѣ между Дунаемъ и рѣкою Боруй, была построена въ два карре (*g*), состоявшія изъ Сѣвскаго и 2-го Московскаго полковъ, имѣя впереди лѣваго фланга (K) три эскадрона Венгерскаго гусарскаго полка при полковникѣ Розенѣ. При каждомъ карре находились по одной ротѣ резерва.

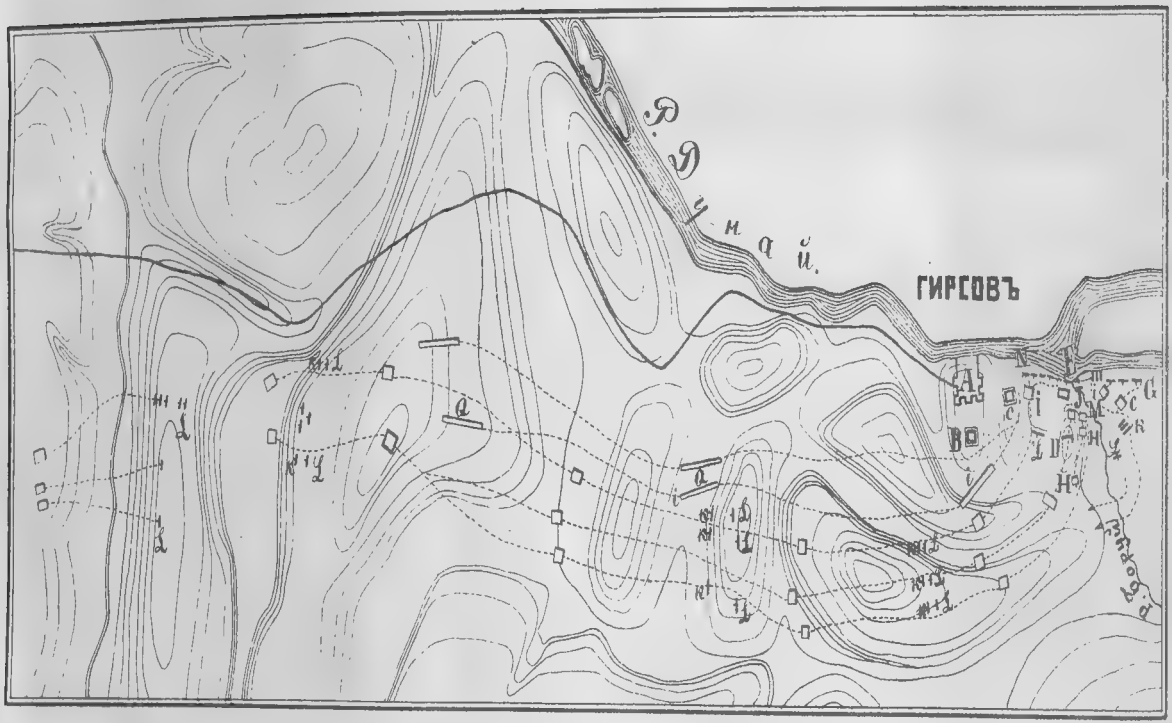
Непріятельская пѣхота стояла уже въ 2 верстахъ отъ гирсовскихъ укрѣпленій и была удивлена молчаніемъ нашихъ передовыхъ батарей, изъ которыхъ редутъ (B), ближайшій къ сторонѣ наступленія, могъ бы открыть пальбу по непріятелю, когда онъ былъ

(*) Планъ № 5.

№5

ПЛАНЪ

сраженія при Гирсовѣ 3го сентября 1773 года.



Масштабъ 3 вер. въ дюймѣ

0 1½ 3 6 вер

еще болѣе удаленъ отъ крѣпости. Полагая, что редутъ этотъ, бывшій подъ командою секундъ-маіора Бутурлина, оставленъ невооруженнымъ, непріятель быстро приближался къ крѣпости, довольный поспѣшнымъ отступленіемъ нашихъ передовыхъ постовъ.

Влѣво отъ редута *B* на отдѣльной высотѣ расположенъ былъ редутъ *C*, подъ командою секундъ-маіора Посьета, а при устьѣ рѣки Боруй—шанецъ *E*, въ которомъ былъ поставленъ 1-й Московскій полкъ при полковникѣ Бахметьевѣ. Здѣсь же находился и Суворовъ.

Подойдя наконецъ къ крѣпости на половину пушечнаго выстрѣла и недоумѣвая по случаю молчанія нашихъ батарей, непріятель не рѣшился однако идти прямо на гирсовскій замокъ *A*, и потому двинулся вправо, упирая правый свой флангъ въ р. Боруй и принявъ положеніе параллельное Дунаю. Выбравъ на правомъ флангѣ удобную высоту, близь устья рѣки Боруй, непріятель расположилъ здѣсь свою батарею *D*, для дѣйствія противъ шанца *E*, который, имѣя маскированныя амбразуры, не отвѣчалъ на огонь непріятельской батареи. Тогда значительная часть турецкой пѣхоты, далкеличевъ, разсыпалась по мѣстности и стала подходить къ шанцу E. Окруживъ его со всѣхъ сторонъ, турки приблизились на половину картечнаго выстрѣла и готовились уже сдѣлать нападеніе. Но въ это самое время полковникъ Бахметьевъ открылъ картечную пальбу. Пораженные турки, потерявъ болѣе 100 человѣкъ убитыми, бѣжали къ своей батареѣ. Тогда бригада полковника кн. Мочебелова, бывшая на острову, перешла рѣку Боруй и двинулась въ аттаку. Полковникъ кн. Мочебеловъ повелъ Сѣвскій полкъ H и полкъ венгерскихъ гусаръ, лощиною вверхъ по рѣкѣ Боруй, для аттаки праваго фланга противника, стоявшаго на высотахъ; а 2-й Московскій полкъ *J*, при полковникѣ князѣ Гагаринѣ, направленъ вверхъ по правому берегу Дуная, для аттаки непріятельскаго центра. Карре этого полка, расположившись между шанцемъ *E* и редутомъ *C*, двинулось впередъ. Наконецъ, для аттаки лѣваго непріятельскаго фланга, былъ высланъ, занимавшій шанецъ *E*, 1-й Московскій полкъ *I*.

Непріятель сосредоточилъ, повидимому, главное вниманіе на своемъ правомъ флангѣ. Карре Сѣвскаго полка, направленное противъ этого фланга, прошло лощиною; но когда начало взбираться на высоты, на которыхъ былъ расположенъ непріятель, то было

аттаковано многочисленною конницею и пѣхотою, такъ, что не смотря на всѣ усилія, не могло взобраться на крутизны. Тогда князь Мочебеловъ приказалъ премьеръ-маіору Фамицыну подкрѣпить аттаку Сѣвскаго полка, одною ротою гренадеръ и одною мушкетеръ, бывшихъ въ резервѣ *N*. Премьеръ-маіоръ Фамицынъ, построивъ эти роты въ карре *M*, двинулъ ихъ правѣе Сѣвскаго полка. Получивъ еще въ подкрѣпленіе двѣ роты пѣхоты, отъ полковника Мочебелова, Фамицынъ, не останавливаясь передъ жестокою пальбою и трудностями мѣстности, продолжалъ въ четырехугольномъ карре *N* движеніе впередъ и сбилъ непріятеля съ занимаемыхъ имъ высотъ.

Тогда и полковникъ Мочебеловъ, съ своимъ Сѣвскимъ полкомъ, вступилъ на высоты праваго непріятельскаго фланга, несмотря на все сопротивленіе противника, который, обратившись противъ Сѣвскаго полка, сталъ, такимъ образомъ, между двухъ огней, потому что карре Фамицына было у него въ тылу. Вскорѣ капитанъ Коцаревъ успѣлъ взвесть на высоты полевую артиллерію, огонь которой довершилъ пораженіе праваго фланга противника.

Пользуясь однако пересѣченною мѣстностью, непріятель засѣлъ въ оврагахъ и ущельяхъ, изъ которыхъ былъ выбиваемъ карреями Мочебелова и Фамицына.

Потерявъ послѣднюю надежду на успѣхъ, турки обратились наконецъ въ поспѣшное бѣгство, оставивъ на позиціи свою батарею. Часть же непріятельской конницы, спустясь съ высотъ, сдѣлала попытку перейти на правый берегъ рѣки Боруй, чтобы, показавшись съ этой стороны, остановить наступленіе противъ праваго своего фланга, но и эта часть была опрокинута маіоромъ Ширковымъ, который съ небольшимъ отрядомъ стрѣлковъ *L* и двумя пушками отбилъ непріятеля отъ брода на рѣкѣ Боруй.

Во время упорнаго сопротивленія противника на правомъ его флангѣ, 2 и 1-й Московскіе полки аттаковали высоты противъ центра и лѣваго фланга непріятеля и, выставивъ съ этой стороны батареи, отрѣзали правый флангъ противника отъ его центра и тѣмъ ускорили окончательное его бѣгство.

Тогда ген.-м. Суворовъ выслалъ для преслѣдованія непріятеля венгерскихъ гусаръ подполковника Розена *K*, а вслѣдъ за ними

двинулся и самъ съ двумя полками пѣхоты. Пѣхота наша не могла настичь непріятеля, бѣжавшаго безъ остановки и бросившаго на пути все, что могло облегчить бѣгство. Гусары Розена 30 верстъ гнали непріятеля и остановились только по наступленіи ночи, совершенно измучивъ лошадей. Казаки же, при секундъ-маіорѣ Завадовскомъ, даже ночью тревожили непріятеля и примѣчали его движенія. Давъ отдыхъ пѣхотѣ, ген. Суворовъ возвратился снова въ Гирсово.

Во время этого сраженія турки потеряли болѣе 300 человѣкъ убитыми, а при преслѣдованіи гусары изрубили болѣе 800 человѣкъ. Но потеря непріятеля была еще болѣе значительна, потому что многихъ труповъ нельзя было перечесть по причинѣ пересѣченной мѣстности, покрытой высокимъ бурьяномъ. Кромѣ того, взяты нами 6 пушекъ и 1 мортира, почти весь обозъ съ провіантомъ, много шанцоваго инструмента и прочаго. У насъ убито 10 и ранено 167 человѣкъ.

Взятые въ плѣнъ турки объявили, что число непріятельскихъ войскъ въ сраженіи при Гирсовѣ доходило до 10000 человѣкъ, подъ командою Джаферъ и Абдула-пашей, при 6 пушкахъ и 2 мортирахъ. Турки считали нашъ гирсовскій отрядъ не болѣе 1000 человѣкъ. Во время движенія къ Гирсову, 3000 человѣкъ отборной турецкой конницы, при Черкесъ-пашѣ, были высланы къ Бабадагу, для наблюденія за корпусомъ ген.-пор. Унгерна.

Гр. Румянцевъ чрезвычайно былъ доволенъ такимъ рѣшительнымъ пораженіемъ непріятеля и велѣлъ во всей арміи отслужить благодарственное молебствіе по случаю новой побѣды, одержанной Суворовымъ.

На другихъ пунктахъ непріятель также претерпѣвалъ неудачи. Бездѣйствіе турокъ противъ корпуса ген.-поручика Унгерна, продолжавшаго стоять въ Бабадагѣ, давало возможность высылась изъ Бабадага партіи во внутрь страны для разбитія небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ и воспрепятствованія жителямъ производить полевыя работы. Съ этою цѣлью 7 сентября отправлены были двѣ партіи, каждая изъ 250 казаковъ съ арнаутами, изъ которыхъ одна, при секундъ-маіорѣ Міоковичѣ, должна была слѣдовать къ Караурману, а оттуда между берегомъ моря и

озеромъ Ташауломъ, для поиска на Кюстенджи; другая же партія выслана къ Ташаулу по карасуйской дорогѣ съ тѣмъ, чтобы расположившись скрытно въ этомъ мѣстѣ, подать при случаѣ помощь первой партіи.

Секундъ-маіоръ Міоковичъ, выступя 7-го числа изъ Чехтая, остановился въ тотъ же день при устьѣ р. Ташаула, откуда выслалъ небольшую партію къ Кюстенджи, а по наступленіи ночи и самъ выступилъ туда же. По разложеннымъ при деревнѣ огнямъ, можно было замѣтить, что непріятель довольно многочисленъ. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь темнотою ночи и неожиданностью нападенія, стремительно ударить на непріятеля, Міоковичъ остановился въ бездѣйствіи и вскорѣ былъ замѣченъ передовыми постами противника. Тогда встревоженный непріятель началъ выстраиваться на высотахъ при Кюстеножи. Не рѣшаясь напасть на сильнѣйшаго противника, или выдержать его аттаку, Міоковичъ отступилъ къ устью Ташаула. Узнавъ объ этомъ, другая партія, высланная по карасуйской дорогѣ, также возвратилась.

Гр. Румянцевъ былъ очень недоволенъ такою нерѣшительностью Міоковича и велѣлъ назначить для поиска на Кюстенджи опытнаго офицера. Поэтому 14 сентября ген.-пор. Унгернъ выслалъ къ Кюстенджи партію при маіорѣ Дмитріевѣ, а по дорогѣ къ Карасу маіора Лалаша.

Подойдя скрытно къ Кюстенджи, партія маіора Дмитріева сбила передовой пикетъ и взяла въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, которые объявили, что въ лагерѣ при этомъ мѣстечкѣ находится войска до 1,000 человѣкъ при Черкесъ-пашѣ.

Не останавливаясь передъ вчетверо сильнѣйшимъ противникомъ, Дмитріевъ аттаковалъ его, не давъ ему времени приготовиться къ бою и положивъ при этомъ на мѣстѣ до 150 человѣкъ турокъ, взялъ 4 знамени и захватилъ нѣсколько плѣнныхъ, не потерявъ съ своей стороны ни одного человѣка. Пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, Дмитріевъ подошелъ къ самому мѣстечку и зажегъ его, не смотря на пальбу изъ четырехъ галеръ, въ которыя бросалась турецкая пѣхота, чтобы удалиться въ море. Уничтоживъ мѣстечко Кюстенджи и забравъ съ собою, что было можно, Дмитріевъ возвратился обратно, предавъ на пути пламени Анатолію.

Одновременно съ этимъ поискомъ, маіоръ Лалашъ сбилъ непріятельскій пикетъ изъ 150 человѣкъ и, взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, возвратился назадъ, когда узналъ, что партія Дмитріева отошла отъ Кюстенджи.

Предположеніе гр. Румянцева относительно Турно.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ гр. Салтыкова противъ Турно. Мы видѣли, что корпусъ гр. Салтыкова стоялъ на позиціи у Гобура въ 40 верстахъ отъ Журжи, съ цѣлью удержать вторженіе непріятеля въ Банатъ, и быть въ то же время, въ готовности обратиться къ Журжѣ, если послѣдуетъ ожидавшееся на нее нападеніе со стороны Рущука. Гр. Румянцевъ, какъ было сказано, не одобрялъ сначала позиціи у Гобура, потому что можно было ожидать нападенія на Журжу, почему гр. Салтыковъ занялъ позицію у деревни Гаванешти, ближе къ Журжѣ. Послѣдствія показали, что приближеніе гр. Салтыкова къ Журжѣ принесло пользу.

Рущукскій сераскиръ получилъ извѣстіе, что близь Журжи находится будто бы, 40,000 русскихъ войскъ, готовыхъ во всякое время подать помощь Журжѣ и потому не рѣшался на нападеніе. Такимъ образомъ, возвышая силы гр. Салтыкова до 40,000 арміи и принимая ее за новыя войска, рущукскій сераскиръ, имѣя огромное превосходство въ силахъ, оставался въ бездѣйствіи. Тогда гр. Румянцевъ неоднократно предлагалъ гр. Салтыкову обратиться противъ Турю и, по крайней мѣрѣ, разбить стоявшія подъ нею лагеремъ войска. Гр. Салтыковъ находилъ невозможнымъ подойти къ турновскому лагерю, и еще менѣе считалъ удобнымъ сдѣлать нападеніе на Турно, представляя въ объясненіе, что по всему Дунаю нѣтъ пункта сильнѣе Турно, намекая на то, что ежели главная армія не могла овладѣть Силистріей, то дѣйствія противъ Турно еще менѣе могутъ обѣщать успѣха. Что же касается до разбитія непріятеля, стоявшаго лагеремъ при Турно, то гр. Салтыковъ заявлялъ, что приметъ мѣры выманить его изъ настоящей позиціи и разбить его. На это гр. Румянцевъ, въ довольно рѣзкихъ выраже-

ніяхъ, замѣтилъ ему, что онъ отъ него не требовалъ разсужденій, относительно того, какой пунктъ на Дунаѣ сильнѣе, а требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турно, которая не представляетъ, по его мнѣнію, непреодолимыхъ преградъ, и указывалъ ему, что войска наши уже дѣйствовали противъ этой крѣпости; что же касается до принятыхъ имъ мѣръ вызвать непріятеля изъ лагеря при Турно, то въ чемъ будутъ состоять эти мѣры, и если онѣ возможны, то почему прежде не были приведены въ исполненіе?

На это гр. Салтыковъ отвѣчалъ, что хотя войска наши и дѣйствовали противъ Турно, но по результатамъ этихъ дѣйствій можно сказать, что лучше бы было вовсе ихъ не предпринимать. Относительно же осуществленія своего намѣренія противъ войскъ, стоявшихъ лагеремъ при Турно, гр. Салтыковъ принялъ слѣдующія мѣры.

Находясь на позиціи у деревни Гаванешти, гр. Салтковъ старался держать большую часть своихъ войскъ скрытно, въ надеждѣ, что прибытіе въ Турно ожидаемыхъ подкрѣпленій изъ Виддина заставитъ непріятеля быть предпріимчивѣе и что, поэтому, онъ самъ произведетъ нападеніе на корпусъ гр. Салтыкова. Но виддинское подкрѣпленіе прибыло, а непріятель ничего не предпринималъ со стороны Турно. Тогда гр. Салтыковъ рѣшился наконецъ самъ идти къ Турно и перешелъ 8-го сентября р. Тилоурманъ и остановился на р. Веде при мельницѣ Поростьѣ.

Дѣйствія гр. Салтыкова противъ Турно. Дѣло 16 сентября.

Здѣсь гр. Салтыковъ получилъ извѣстіе, что непріятель ничего не намѣренъ предпринимать со стороны Турно и что, напротивъ того, узнавъ объ удаленіи его корпуса отъ Журжи, начали обнаруживаться попытки на эту крѣпость со стороны Рущука. Поэтому гр. Салтыковъ рѣшился продолжать наступленіе къ Турно, такъ какъ можно было ожидать, что часть войскъ была направлена изъ этого пункта къ Рущуку. Съ другой стороны, чтобы парализовать

дѣйствія непріятеля съ этой стороны, на высотахъ противъ Журжи, гр. Салтыковъ расположилъ фальшивый пространный лагерь.

Когда фальшивый лагерь былъ устроенъ, гр. Салтыковъ, въ ночь на 15 сентября, перешелъ на позицію при р. Калмацуй, оставивъ на прежней позиціи обозъ и палатки, и расположился при урочищѣ Броскѣ. Отрядъ ген.-пор. Каменскаго, который, по случаю болѣзни ген.-м. Текелли, принялъ начальство надъ войсками въ Банатѣ, былъ направленъ изъ Русе-Веде къ Банясамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковнику Левашеву, стоявшему въ м. Раковецъ съ Капорскимъ полкомъ и двумя эскадронами кавалеріи, приказано было расположиться скрытно у Банясъ на р. Калмацуѣ; а секундъ-маіору Великопольскому, съ батальономъ егерей, эскадрономъ гусаръ и партіей казаковъ, перейти изъ урочища Гауричь къ устью рѣки Калмацуя. Наконецъ, отрядъ, стоявшій въ Краіовѣ, направленъ къ рѣкѣ Ольтѣ и ему приданы средства для переправы черезъ эту рѣку, для соединенія съ гр. Салтыковымъ при Турно. Собственно же подъ командою гр. Салтыкова состояло 6 полковъ пѣхоты, 3 полка карабинеръ, одинъ полкъ и 3 эскадрона гусаръ, 3 эскадрона пикинеръ и 3 полка казаковъ съ частью арнаутовъ, при 29 орудіяхъ полевой артиллеріи.

Когда всѣ предварительныя передвиженія войскъ были исполнены, гр. Салтыковъ выслалъ, 16-го сентября на разсвѣтѣ, всѣ свои легкія войска къ Турно, приказавъ имъ отважно аттаковать передовые непріятельскіе посты, сбить ихъ и произвесть тревогу въ лагерѣ. Когда же непріятель выйдетъ противъ нихъ въ значительныхъ силахъ, то отступать на корпусъ гр. Салтыкова, или на отрядъ Каменскаго, или же Левашева, съ цѣлью выманить непріятеля изъ подъ крѣпости въ поле и расположенными скрытно войсками разбить и отрѣзать его отъ Турно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подкрѣпленіе легкихъ войскъ, высланы были по дорогѣ къ Турно отъ гр. Салтыкова полковникъ кн. Кантемиръ съ двумя эскадронами карабинеръ и 1 эскадрономъ гусаръ, отъ отряда Каменскаго 2 эскадрона пикинеръ, а изъ отряда Левашева, эскадронъ гусаръ при капитанѣ Добровольскомъ.

Легкія войска неожиданно аттаковали непріятельскій лагерь и съ оглушительнымъ крикомъ разсыпались по немъ. Турки пришли

въ крайнее смятеніе, но потомъ, видя малочисленность нашего передоваго отряда, выслали противъ него до 5,000 своей конницы подъ начальствомъ виддинскаго Черкаджи-Арнаутъ-Мегмеда, двухбунчужнаго паши. Легкія войска начали отступленіе, направляясь на отрядъ ген.-пор. Каменскаго, который въ ночь на 16 сентября скрытно расположился при деревнѣ Баронешти.

Отрядъ гр. Салтыкова, находившійся верстахъ въ 20 отъ Турно, узнавъ о движеніи непріятеля къ Баронештамъ, усиленнымъ маршемъ старался занять дорогу изъ Турно въ Баронешти, чтобы отрѣзать турокъ отъ крѣпости и аттаковать ихъ въ тылъ. Отряды же кн. Кантемира и капитана Добровольскаго и Левашова были высланы на баронештскую дорогу.

Но во время этого движенія, противъ лѣваго фланга гр. Салтыкова, со стороны Фламунды, показался непріятельскій отрядъ болѣе 3,000 человѣкъ при трехбунчужномъ виддинскомъ пашѣ Ахмедѣ, при которомъ находился и никопольскій сераскиръ. Отрядъ этотъ былъ высланъ изъ Турно для наблюденія корпуса гр. Салтыкова, котораго непріятель разсчитывалъ найти еще на рѣкѣ Калмацуѣ. Гр. Салтыковъ остановилъ свой отрядъ, а противъ показавшихся отъ Фламунды войскъ выслалъ полковника князя Кантемира, усиливъ его частью тяжелой кавалеріи и Донскимъ полкомъ полковника Яновскаго. Князь Кантемиръ аттаковалъ и разбилъ Ахмедапашу, преслѣдуя его до самой Фламунды. Тогда гр. Салтыковъ продолжалъ свое движеніе въ тылъ непріятелю.

Между тѣмъ непріятель, направившійся къ Баронештамъ былъ встрѣченъ при этой деревнѣ отрядомъ Каменскаго, который пушечною и ружейною пальбою старался занимать противника, чтобы дать гр. Салтыкову время исполнить свое движеніе. Но непріятель скоро угадалъ опасность своего положенія и потому, не рѣшаясь оставаться долѣе противъ отряда Каменскаго, поспѣшно отступилъ къ Турно.

Въ это время гр. Салтыковъ, употребляя неимовѣрныя усилія, былъ уже близъ дороги изъ Баронешть къ Турно. Но чрезвычайный жаръ и быстрота перехода по безводной мѣстности до того изнурили его отрядъ, что люди падали въ изнеможеніи на дорогѣ, а двое даже умерли на походѣ отъ апоплексическаго удара. Не

останавливая однако движенія пѣхоты, гр. Салтыковъ поспѣшилъ съ одною кавалеріею на пересѣченіе непріятелю пути отступленія, въ чемъ и успѣлъ. Впереди кавалеріи, за неимѣніемъ казаковъ, слѣдовалъ отрядъ генералъ-маіора князя Долгорукова изъ 350 человѣкъ охотниковъ изъ гусаръ и карабинеръ. За нимъ двигалась остальная кавалерія, построенная въ двѣ линіи. Непріятель былъ уже на половинѣ пути изъ Баронештъ къ Турно. Въ это время кавалерія наша показалась противъ него и Сербскій гусарскій полкъ тотчасъ пошелъ въ аттаку. Непріятель былъ совершенно разбитъ. Одна его часть успѣла пробраться въ Турно, при чемъ была снова аттакована и совершенно разсѣяна отрядомъ князя Кантемира, который, слѣдуя отъ Фламунды, успѣлъ выйти на баронештскую дорогу; а другая часть была отброшена къ р. Ольтѣ. Преслѣдованіе продолжалось до высоты Мигурянъ, въ 8 верстахъ отъ Турно. Непріятель понесъ большую потерю въ этомъ дѣлѣ и лишился трехъ знаменъ. На полѣ сраженія онъ оставилъ до 1,500 однихъ труповъ. Казаки отогнали цѣлый табунъ лошадей, бывшихъ на пастьбѣ около Турно. Наша потеря состояла изъ 20 убитыми и 145 человѣкъ ранеными.

Изнуреніе отряда гр. Салтыкова и неудобство расположенія при Турно, гдѣ для кавалеріи не было никакого корма, принудили гр. Салтыкова не продолжать дальнѣйшаго движенія къ этой крѣпости. Почему, давъ отдыхъ отряду, гр. Салтыковъ на разсвѣтѣ 17-го сентября выступилъ обратно къ р. Калмацуй и остановился на прежней позиціи при урочищѣ Броскѣ; 18 числа перешелъ къ р. Веде на прежнюю позицію и затѣмъ расположился на р. Тилоурманѣ, въ 5 верстахъ отъ его устья, выставивъ отдѣльные отряды для наблюденія Дуная между рѣками Ольтою, Калмацуемъ и Веде. Отрядъ Каменскаго занялъ деревню Крецешты, на р. Ольтѣ. Въ Краіовѣ расположенъ батальонъ егерей, при полковникѣ князѣ Мещерскомъ; а 2 эскадрона гусаръ, 3 эскадрона пикинеръ и плокъ казаковъ высланы отъ Ольты къ австрійскимъ границамъ. Журжу занимали Сибирскій и Ингерманландскій пѣхотные полки, а Вятскій и Низовскій полки находились въ окрестностяхъ ея. Прибрежье Дуная въ разстояніи 6 верстъ отъ этой рѣки было совершенно опустошено и селенія находились въ развалинахъ.

Противъ этого расположенія гр. Салтыкова, непріятель находился въ слѣдующемъ положеніи въ началѣ октября: въ Рущукѣ до 12,000 человѣкъ подъ начальствомъ сераскира и трехбунчужнаго паши Еныше-Ербы-Измаилъ. Въ Систовѣ отъ 2,000 до 3,000 человѣкъ, при трехбунчужномъ пашѣ Зараръ-Оглу-Физуллагъ. Въ Никополѣ до 2,000 челов., подъ начальствомъ сераскира и другихъ. Изъ Виддина войска были выведены неизвѣстно куда и въ крѣпости оставленъ одинъ гарнизонъ до 500 человѣкъ, при Мустафѣ-пашѣ. Въ Орсовѣ находилось вмѣстѣ съ жителями, до 1,500 человѣкъ, при трехбунчужномъ пашѣ Абды. Въ Кладовѣ былъ расположенъ незначительный отрядъ. Въ Турно турки продавали лошадей, чтобы легче было уйдти къ зимѣ за Дунай, и часть войскъ уже оставила Турно.

Экспедиція противъ Турно вполнѣ достигла цѣли. Пораженный непріятель, разсыпавшись по окрестностямъ, частью бѣжалъ за Ольту, а частью къ Турно, куда онъ не былъ впущенъ и потому, снявъ свой лагерь подъ крѣпостью, переправился черезъ Дунай.

Приближалось уже суровое время года. Войска нуждались въ отдыхѣ, но прежде окончанія кампаніи настоящаго года, гр. Румянцевъ намѣревался произвесть за Дунаемъ новые поиски, зная, что по успѣшномъ ихъ результатѣ, турки не останутся болѣе на Дунаѣ и тѣмъ дадутъ намъ возможность провести зиму спокойно.

Съ этою цѣлью поручено было генералъ-поручику Унгерну условиться съ генералъ-маіоромъ Суворовымъ относительно предпріятія противъ непріятеля, стоявшаго при Карасу, съ тѣмъ, чтобы по разбитіи его выслать отряды для разоренія пунктовъ по берегу Чернаго моря, послѣ чего предполагалось расположить войска на зимнія квартиры по Дунаю, занимая нѣкоторые пункты на правомъ берегу его.

Чувствуя себя нездоровымъ, гр. Румянцевъ не могъ оставаться долѣе въ лагерѣ, и потому, назначивъ генералъ-поручика Глѣбова командовать главными силами арміи, все еще стоявшей на р. Яломицѣ, уѣхалъ 1-го октября въ Браиловъ.

ГЛАВА VIII.

Дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ. Дѣло при Тангравердѣ 30 сентября. Наступательное движеніе отрядовъ Унгерна, Суворова и князя Долгорукова.

Визирь былъ очень недоволенъ бездѣйствіемъ карасуйскаго отряда, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, отправленный для показаній къ самому визирю, объявилъ ему, что около Бабадага находится не болѣе 600 человѣкъ нашихъ войскъ. Выславъ въ Карасу до 1,000 человѣкъ изъ Шумлы и 600 человѣкъ бывшихъ въ Базарджикѣ, визирь рѣшительно требовалъ наступленія противъ бабадагскаго отряда.

3-го сентября, партія при донскомъ полковникѣ Денисовѣ, высланная для развѣдыванія по карасуйской дорогѣ, увидѣла приближающійся отъ Танграверды непріятельскій отрядъ до 3,000 человѣкъ конницы, а позади, на высотахъ, были видны еще другія войска. Полковникъ Денисовъ немедленно аттаковалъ передовой непріятельскій отрядъ и опрокинулъ его, заставивъ отступить до Танграверды.

Взятые при этомъ въ плѣнъ показали, что силы непріятеля при Тангравердѣ доходятъ до 6,000 человѣкъ при 5 пушкахъ, подъ командою Нумана и Арнаутъ пашей, выступившихъ изъ Карасу для рекогносцировки нашихъ войскъ. Генералъ-пор. Унгернъ выслалъ для подкрѣпленія передовыхъ легкихъ войскъ ген.-маіора Рейзера, съ гренадерскими ротами Бутырскаго и Кіевскаго полковъ; съ 4 эскадронами кавалеріи, вслѣдъ за которыми и самъ выступилъ къ Чехтаю, намѣреваясь идти далѣе къ Тангравердѣ; а корпусъ Суворова долженъ былъ выступить изъ Гирсова къ Вистіару

(верстахъ въ пяти отъ Танграверды къ Гирсову) и затѣмъ соединиться съ Унгерномъ, на дорогѣ изъ Танграверды къ Карамурату, для общаго наступленія къ Карасу. Хотя изъ Карамурата въ Карасу имѣется прямая дорога, но для того, чтобы подойти къ Карасу съ этой стороны, нужно было проходить мостъ на озерѣ Карасу; поэтому г.-п. Унгернъ рѣшился обойти Карасуйское озеро и слѣдовать изъ Карамурата къ Карасу не по дорогѣ, а влѣво отъ нея, по лѣвому берегу рѣчки, впадающей въ Карасуйское озеро.

Готовясь выступить изъ Гирсова, г.-м. Суворовъ предполагалъ оставить въ немъ всего 2 батальона пѣхоты, а съ остальными идти на соединеніе съ Унгерномъ. Редуты же и укрѣпленія, устроенные при Гирсовѣ, оставались незанятыми.

Опасаясь, чтобы непріятель не произвелъ на нихъ неожиданнаго нападенія, Суворовъ требовалъ прислать къ нему въ Гирсово нѣсколько пѣхоты и кавалеріи изъ главной арміи, что могло бы служить и для развитія дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ.

Между тѣмъ корпусъ Унгерна выступилъ 1-го октября къ Чехтаю. Въ это время непріятель возобновилъ свое наступленіе со стороны Танграверды и принудилъ наши передовые полки отступить къ своимъ резервамъ. Подкрѣпленіе, высланное наканунѣ съ ген.-м. Рейзеромъ, прибыло къ передовымъ постамъ еще къ разсвѣту 1-го числа. Ген.-пор. Унгернъ самъ поскакалъ къ отряду Рейзера, приказавъ своему отряду ускорить маршъ. Непріятель замѣтилъ приближающіяся войска отряда Унгерна, скрылся на высотахъ и потомъ началъ отступленіе. Для преслѣдованія его были высланы всѣ легкія войска при г.-м. Чорбѣ. Чтобы обезпечить себѣ отступленіе, непріятель остановился для отпора. Но г.-м. Чорба быстро аттаковалъ его и сбилъ съ позиціи, положивъ до 300 человѣкъ турокъ на мѣстѣ.

При этомъ взято въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ въ томъ числѣ отправленный недавно визиремъ посланный къ Нуману пашѣ, съ выговоромъ, за его бездѣйствіе въ Карасу. Нуманъ паша, взявъ съ собою посланнаго, предпринялъ настоящее наступленіе противъ Унгерна, желая показать свою рѣшительность и храбрость и тѣмъ ослабить гнѣвъ визиря. Претерпѣвая вездѣ пораженія, визирь рѣ-

шился быть строгимъ, и за пораженіе при Кюстенджи Али-паша лишился головы; а Ахмедъ-паша, за пораженіе при Кайнарджи, посаженъ въ тюрьму. Но Нуману-пашѣ не суждено было обратить визирскій гнѣвъ на милость.

Взятые въ плѣнъ полковникомъ Чорбою турки объявили, что въ Карасу имѣется 20,000 конницы и 10,000 пѣхоты, къ которымъ вскорѣ ожидается еще 10,000 изъ Шумлы, гдѣ у визиря имѣется до 50,000 человѣкъ.

Эти свѣденія смутили ген.-пор. Унгерна, но гр. Румянцевъ, считая ихъ ложными, приказалъ прислать къ себѣ плѣнныхъ и самъ намѣревался узнать отъ нихъ истину. Тогда плѣнные объявили, что они условились преувеличивать свои силы, чтобы избавить своихъ отъ неминуемаго пораженія, потому что въ дѣйствительности, положеніе дѣла состояло въ слѣдующемъ: визирь приказалъ Нуману-пашѣ открыть наступательныя дѣйствія противъ Унгерна и прислалъ изъ Шумлы до 1,000 человѣкъ, изъ которыхъ многіе разбѣжались на дорогѣ; и отъ 500—600 человѣкъ прибыло недавно въ Карасу изъ Базарджика. Всего же при Карасу имѣется не болѣе 5,000 человѣкъ съ 9 пушками, изъ которыхъ 3 негодны къ употребленію. Визирь же при Шумлѣ остался съ одною свитою и велѣлъ уже приготовить для себя квартиру за Балканами, такъ какъ при наступленіи нашихъ войскъ онъ не можетъ болѣе оставаться въ Шумлѣ. Въ Мангаліи находится не болѣе 200, а въ Варнѣ всего 600 человѣкъ.

По полученіи этихъ свѣденій, гр. Румянцевъ приказалъ ген.-пор. Унгерну и Суворову не медлить движеніемъ къ Карасу; а изъ главной арміи велѣлъ отправить къ Гирсову отрядъ ген.-пор. Долгорукова изъ 3 полковъ пѣхоты, полка карабинеръ и 10 орудій полевой артиллеріи съ провіантомъ на 15 дней. Отрядъ этотъ долженъ былъ переправиться у Гирсова черезъ Дунай и слѣдовать на соединеніе съ корпусомъ Суворова, а въ Гирсовѣ оставить команду для занятія полевыхъ укрѣпленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по переправѣ черезъ Дунай, князь Долгоруковъ долженъ былъ выслать значительную часть легкихъ войскъ, при надежномъ и опытномъ офицерѣ, къ Чернымъ водамъ и даже далѣе, съ цѣлью обезпокоить непріятеля съ этой стороны и тѣмъ

ослабить его при Карасу. Всѣ же три отряда должны были соединиться въ Карамуратѣ и слѣдовать къ Карасу.

Корпусъ же главныхъ силъ арміи, при ген.-пор. Глѣбовѣ, долженъ былъ находиться въ полной готовности подать помощь Гирсову или перейти Дунай въ этомъ мѣстѣ, если бы того потребовали обстоятельства.

Наконецъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю предпринять что нибудь со стороны Силистріи, гдѣ было до 20,000 человѣкъ, ген.-пор. Потемкину приказано было перейти со всѣмъ отрядомъ къ Гуробалу и предпринять поискъ на Туртукай, гдѣ однако находилось до 12,000 человѣкъ, а изъ Браилова выслать на судахъ къ Силистріи осадную артиллерію, для устройства здѣсь сильной береговой батареи и зажженія города. Генералъ-же поручикъ Салтыковъ получилъ приказаніе остаться озабочивать непріятеля на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ, а на островѣ между Журжею и Рущукомъ выставить батарею и дѣйствовать зажигательными снарядами по Рущуку, съ цѣлью произвести пожаръ въ крѣпости, пользуясь которымъ, если окажется возможнымъ, сдѣлать поискъ на эту крѣпость.

Такимъ образомъ предстоялъ новый рѣшительный поискъ за Дунаемъ. Всѣ случаи были предвидѣны и сдѣланы соотвѣтственныя имъ распоряженія. Было условлено также, что еслибы непріятель рѣшился предпринять отдѣльное нападеніе на корпусъ Унгерна или Суворова, прежде ихъ соединенія, то въ такомъ случаѣ аттакованный долженъ задерживать съ фронта, а другой дѣйствовать на тылъ аттакующаго, стараясь отрѣзать его отъ Карасу и овладѣть этимъ пунктомъ.

Между тѣмъ корпусъ ген.-пор. Долгорукова переправлялся 13 сентября черезъ Дунай у Гирсова въ то время, когда отрядъ ген.-пор. Унгерна былъ у Чехтая. Такъ какъ отъ Чехтая до Карасу дальше, чѣмъ отъ Карасу до Гирсова, то въ виду одновременнаго наступленія на Карасу условлено было, что отрядъ Унгерна выступитъ изъ Чехтая къ Тангравердѣ 14 октября, а 15 числа оба отряда двинутся такимъ образомъ, чтобы въ то время какъ Унгернъ прибудетъ въ Карамуратъ, кн. Долгоруковъ будетъ въ Балджешти. Затѣмъ соединеніе должно было послѣдовать въ Карамуратѣ.

Прибывъ 15 октября въ Балджешти, кн. Долгоруковъ выслалъ 16 числа партію къ деревнѣ Дѣвчи, на половинѣ разстоянія между Балджешти и Черноводами, а самъ съ отрядомъ двинулся къ Карамурату, гдѣ и соединился съ корпусомъ Унгерна.

Партіи, высланныя ген.-пор. Унгерномъ по дорогѣ къ Карасу 15-го числа, подъ командою донскаго полковника Денисова, увидѣли при Карамуратѣ значительный отрядъ турецкой конницы, бывшій подъ командою Черкеса-паши. Турки въ числѣ до 300 человѣкъ аттаковали наши передовые посты. Полковникъ Денисовъ, расположивъ въ засадѣ свой отрядъ, приказалъ передовымъ войскамъ отступать и завлекать непріятеля въ засаду, что и было съ успѣхомъ исполнено. Аттакованные внезапно, турки оставили на мѣстѣ до 50 человѣкъ убитыми и ускакали къ Карасу. Между тѣмъ 17 октября ген.-пор. Унгернъ вмѣстѣ съ корпусомъ кн. Долгорукова, продолжалъ движеніе къ Карасу.

Непріятель, имѣя въ Карасу до 25,000 человѣкъ, подъ командою трехбунчужнаго паши Дагистангли, который назначенъ былъ на мѣсто Нумана-паши, отправленнаго въ ссылку за пораженіе при Гирсово. Кромѣ того, здѣсь находились трехбунчужный Омеръ-паша, Черкесъ-паша и другіе турецкіе начальники, неоднократно испытавшіе уже на себѣ дѣйствія нашихъ войскъ. Послѣ неудачи 16-го числа, въ карасуйскомъ отрядѣ открылись значительные побѣги, такъ что при Карасу осталось къ 17 числу сентября до 20,000 человѣкъ, которые вскорѣ уменьшились до 15,000 чел. Съ этими войсками Дагистангли-паша рѣшился держаться въ Карасу и дать отпоръ нашимъ войскамъ. Сдѣлавъ однако распоряженіе объ отсылкѣ изъ Карасу въ Базарджикъ тяжелыхъ обозовъ, непріятель занялъ устроенные при Карасу шанцы и приготовился къ бою.

Сильный туманъ скрывалъ движеніе нашихъ войскъ, такъ что турки не ожидали нападенія 17 числа и потому, выступивъ изъ шанцевъ, расположились въ лагерѣ. Но когда туманъ разсѣялся, передовые посты открыли, что войска находятся уже въ 8 верстахъ отъ Карасу при деревнѣ Каратай, и не останавливаясь идутъ впередъ.

Всегда приходящія въ ужасъ отъ всякой неожиданности, непрія-

тельскія войска, не слушая своихъ начальниковъ, разбѣжались, такъ что при Карасу оставалось уже не болѣе 6,000 человѣкъ.

Сраженіе при Карасу 17 сентября.

Въ это время наши легкія войска въѣхали на высоты верстахъ въ шести отъ Карасу и, замѣтивъ безпорядочное бѣгство противника понеслись для преслѣдованія его. Тогда и бывшіе до сихъ поръ въ строю турки, также начали отступать, при чемъ каждый пользовался удобнымъ случаемъ оставить ряды и скрыться въ одиночку. Только въ шести верстахъ за Карасу по базарджикской дорогѣ, легкія войска наши успѣли настичь бѣгущихъ и поражали ихъ почти безъ сопротивленія. Вскорѣ къ легкимъ войскамъ прибыли на рысяхъ гусары и, продолжая преслѣдованіе, настигли бѣгущую турецкую пѣхоту въ 12 верстахъ за Карасу. Чтобы обезпечить себѣ дальнѣйшее отступленіе, непріятельская конница остановилась и соединясь съ бѣгущими приготовилась къ отпору. Но турецкая конница, не выждавъ нападенія гусаръ, какъ только увидѣла приближеніе послѣднихъ, обратилась въ бѣгство и была преслѣдуема казаками на 13 верстъ. Предоставленная собственной защитѣ, турецкая пѣхота расположилась на позиціи при деревнѣ Магмуткуй, пользуясь находившимися тутъ развалинами каменной ограды, впереди которой на значительномъ разстояніи были выкопаны многочисленныя ямы. Эти мѣстныя препятствія не дозволяли нашей кавалеріи подойти къ непріятельской позиціи. Тогда была спѣшена часть карабинеръ, подъ командою секундъ-маіора Вульфа, который, приблизясь къ непріятельской позиціи, открылъ по засѣвшему въ Магмуткуѣ непріятелю пальбу изъ отбитой у него при отступленіи пушки и затѣмъ потребовалъ сдачи, обѣщая въ такомъ случаѣ помилованіе.

Но турки, не принявъ предложенія, продолжали упорно обороняться, пока не прибылъ къ Магмуткую егерскій батальонъ секундъ-маіора Блума. Построившись въ двѣ колонны, егеря двинулись въ

аттаку; тогда непріятель, не видя возможности защищаться, сдался военноплѣннымъ въ числѣ 708 человѣкъ пѣхоты.

Во время преслѣдованія турки потеряли убитыми не менѣе 1,500 человѣкъ и болѣе 60 плѣнными. Кромѣ того, достался намъ въ добычу лагерь при Карасу съ 11 бывшими въ немъ пушками, въ числѣ которыхъ было 4 нашихъ восьмифунтовыхъ единорога; 18 знаменъ, 3 бунчука, много боевыхъ снарядовъ и пр. досталось побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились самъ Омеръ паша, Чаумъ-паша съ ихъ чиновниками и другими знатными турецкими сановниками.

Непонятное бѣгство непріятеля изъ Карасу объяснилось впослѣдствіи тѣмъ, что Черкесъ-паша высланный къ Карамурату для рекогносцировки, объявилъ, что число русскихъ войскъ по крайней мѣрѣ втрое сильнѣе турецкихъ, слѣдовательно, по его опредѣленію, число нашихъ войскъ должно было бы доходить до 60,000 человѣкъ. Съ нашей же стороны убито всего 4 человѣка и ранено 27 человѣкъ.

Желая воспользоваться такимъ рѣшительнымъ пораженіемъ непріятеля при Карасу, ген.-пор. Унгернъ условился съ кн. Долгоруковымъ продолжать 19 сентября движеніе изъ Карасу къ Базарджику, гдѣ, какъ было извѣстно, непріятель намѣревался остановиться на зимовку и гдѣ, поэтому, были расположены продовольственные магазины и устроены землянки. Съ другой стороны, чтобы не дозволить непріятелю выслать изъ другихъ пунктовъ подкрѣпленіе къ Базарджику, для защиты этого пункта выслана была сильная партія отъ Карасу къ Рисовитѣ и далѣе, къ Гуробалѣ, чтобы обезпокоить непріятеля со стороны Силистріи; а другая партія направлена къ Мангаліи и другимъ пунктамъ по берегу Чернаго моря, для разоренія побережья. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе, чтобы 15-дневный запасъ провіанта, оставленный въ Тульчѣ, былъ доставленъ въ Бабадагъ, а такой же запасъ изъ Гирсова, долженъ былъ находиться въ полной готовности направиться куда будетъ приказано.

Такъ какъ время приходило къ окончанію кампаніи настоящаго года, то въ виду паники, въ которой находился непріятель, гр. Румянцевъ предлагалъ гр. Салтыкову дѣйствовать рѣшитель-

нѣе противъ Рущука; ген.-пор. Потемкину указывалъ на возможность овладѣть Силистріей, а ген.-пор. Глѣбову поручилъ дѣйствовать по его усмотрѣнію, съ цѣлью еще болѣе распространить дѣйствія за Дунаемъ и перейти къ Гуробаламъ для поданія помощи Потемкину противъ Силистріи.

Дѣло у Базарджика 23 октября.

Продолжая движеніе къ Базарджику соединенные отряды ген.-пор. Унгерна и кн. Долгорукова подошли 23 октября къ этому городу. Слѣдовавшія впереди легкія войска были встрѣчены при городѣ 3,000 отрядомъ непріятельской конницы при Черкесъ-пашѣ. Завязалась перестрѣлка. Въ подкрѣпленіе легкихъ войскъ высланы были два карабинерныхъ полка. Не дожидая аттаки этихъ войскъ, турки обратились въ бѣгство и вскорѣ городъ Базарджикъ былъ занятъ нашими войсками. Турки потеряли во время бѣгства 4 пушки и одно знамя.

Кромѣ того, при занятіи города взято нашими войскаии 18 пушекъ, 1 мортира и значительное количество съѣстныхъ припасовъ, что дало возможность остановить въ Базарджикѣ для отдыха наши войска, изнуренныя предшествовавшими форсированными маршами. Сюда же прибыла и партія секундъ-маіора Завадовскаго, который, во время наступленія изъ Карасу къ Базарджику, былъ высланъ къ Рисоватѣ и Гуробалѣ для демонстраціи противъ Силистріи. Отогнавъ передовые посты непріятеля, выставленные отъ Силистріи къ сторонѣ Карасу, Завадовскій трудными тропинками прибылъ къ Базарджику, оставивъ непріятеля въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій съ этой стороны.

Легкое занятіе Базарджика и повсемѣстное бѣгство турокъ поощряло дальнѣйшія дѣйствія за Дунаемъ. Гр. Румянцевъ приказалъ, поэтому, базарджикскому отряду, употребить усилія для занятія Варны и особенно Шумлы, гдѣ была главная квартира визиря, но гдѣ не было почти никакихъ войскъ.

Чтобы обезпечить тылъ этого отряда со стороны Силистріи,

ген.-п. Потемкинъ открылъ бомбардированіе этой крѣпости, а отрядъ ген.-п. Глѣбова, въ числѣ 4,418 челов., оставивъ при устьѣ р. Яломицы небольшой отрядъ, выступилъ 21 октября къ Гуробалу, куда и прибылъ 23 числа. Суда были проведены отъ Гирсова къ Гуробалу по р. Борщъ, на которой немедленно наведенъ былъ мостъ и сдѣланы всѣ приготовленія для перехода Дуная, еслибы непріятель выслалъ изъ Силистріи отрядъ къ Базарджику.

Батарея для бомбардированія Силистріи была устроена Потемкинымъ на островѣ Нечаѣ противъ этой крѣпости въ ночь на 24 октября и съ разсвѣтомъ открыла дѣйствія. Тогда изъ Силистріи отправленъ былъ отрядъ на 150 лодкахъ для овладѣнія этою батареею. Одна часть высланныхъ войскъ пристала къ острову близь батареи и тотчасъ двинулась противъ нея въ аттаку; а другая часть намѣревалась высадиться на островъ ниже; 2 батальона пѣхоты, бывшіе въ прикрытіи батареи, подъ начальствомъ бригадира Потемкина, штыками отбили аттаку, при чемъ вся аттакующая часть противника была переколота до послѣдняго человѣка.

Дѣло при Силистріи 24 октября.

Тогда часть судовъ, не успѣвшихъ еще пристать къ острову, поспѣшно возвратилась къ Силистріи подъ выстрѣлами съ нашей батареи. Нѣсколько судовъ было при этомъ потоплено.

Послѣ этого турки не рѣшались уже нападать на нашу батарею, дѣйствіемъ которой въ крѣпости безпрестанно производился пожаръ. Имѣя только одну мортиру для навѣсной стрѣльбы зажигательными снарядами, нельзя было распространить въ городѣ пожаръ до значительныхъ размѣровъ, почему Потемкинъ приказалъ доставить къ себѣ имѣвшуюся одну мортиру въ Гирсово и одну въ Браиловѣ.

Почти одновременно съ бомбардированіемъ Силистріи, Салтыковъ открылъ дѣйствія противъ Рущука.

Находясь въ лагерѣ близь Журжи, при деревнѣ Аджи-Саалы, гр. Салтыковъ оставилъ лагерь на мѣстѣ, перешелъ въ ночь на

24 октября къ Журжѣ и расположилъ на островѣ противъ Рущука двѣ батареи, на которыя поставлены были 4 осадныя и двѣ 12-ти фунтовыя пушки, 2 мортиры и 6 полу-картаульныхъ единороговъ.

Дѣйствія гр. Салтыкова противъ Рущука.

Дѣйствуя съ разстоянія 450 саженъ по крѣпости, батареи наши не могли нанести непріятелю большаго вреда и только разрушили часть крѣпостной ограды, заставивъ рущукскую флотилію подняться вверхъ по рѣкѣ. Непріятель открылъ по нашимъ батареямъ огонь изъ восьми береговыхъ батарей и изъ 17 вооруженныхъ судовъ. Повидимому турки не придавали значенія бомбардированію крѣпости, считая ее неважною. Гр. Салтыковъ ожидалъ нападенія на наши батареи и потому расположилъ часть войскъ въ засадѣ, но турки ничего не предпринимали. Тогда приказавъ очистить островъ и разрыть батареи, гр. Салтыковъ снова расположился въ своемъ лагерѣ, въ ожиданіи дальнѣйшей предпріимчивости противника; а между тѣмъ намѣренъ былъ сдѣлать диверсію на тотъ берегъ Дуная, переправившись у Табана и такимъ образомъ вывести непріятеля изъ бездѣйствія.

Демонстраціи противъ Варны и Шумлы.

Продолжая занимать Базарджикъ, соединенные корпуса Унгерна и кн. Долгорукова выслали партіи для развѣдыванія — первый къ Варнѣ, а послѣдній къ Шумлѣ.

Гр. Румянцевъ настаивалъ, чтобы обѣ эти крѣпости были одновременно аттакованы отдѣльными корпусами, дѣйствовавшими за Дунаемъ.

Партія при маіорѣ Дмитріевѣ подходила къ самой Варнѣ, имѣла перестрѣлку и, взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, возвратилась

обратно доставивъ свѣденія объ укрѣпленіяхъ Варны и ея гарнизонѣ. Комендантомъ въ Варнѣ находился Арнаутъ-паша при 3,000 челов., въ числѣ которыхъ большую часть составляли жители. Вокругъ крѣпости было возведено шесть батарей, съ 2 и 3 пушками на каждой; крѣпость обнесена рвомъ глубиною въ $1^1/_2$ и шириною въ одну сажень. За рвомъ расположенъ довольно низкій земляной валъ, а за валомъ устроенъ былъ невысокій палисадъ.

Вообще, судя по показаніямъ плѣнныхъ, оборона Варны была слаба и гарнизонъ не имѣлъ въ виду упорно сопротивляться, не смотря на то, что въ крѣпости находилось большое количество разныхъ продовольственныхъ припасовъ.

Такія свѣденія побуждали ген.-пор. Унгерна предпринять рѣшительное движеніе къ Варнѣ.

По дорогѣ къ Шумлѣ также высылались партіи. Одна изъ нихъ встрѣтилась съ непріятельскою, слѣдовавшею изъ Шумлы къ Базарджику. Плѣнные, взятые при происшедшемъ столкновеніи съ непріятелемъ, объявили, что они составляютъ авангардъ визирской арміи, находящейся въ движеніи противъ Базарджика.

Князь Долгоруковъ, корпусъ котораго долженъ былъ дѣйствовать противъ Шумлы, получивъ это извѣстіе, пришелъ въ недоумѣніе. До сихъ поръ извѣстно было, что въ Шумлѣ нѣтъ почти никакихъ войскъ и что визирь готовится перенести свою квартиру за Балканы. Если же визирь наступаетъ на Базарджикъ, то долженъ имѣть большую армію и тогда планъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ за Дунаемъ долженъ былъ измѣниться. Кн. Долгоруковъ не рѣшался наступать къ Шумлѣ, и совѣтовалъ Унгерну также отложить свое движеніе къ Варнѣ, чтобы не раздѣлять общихъ силъ. Но Унгернъ былъ рѣшительнѣе, не хотѣлъ упустить удобнаго случая овладѣть Варной, и, къ тому же, онъ не допускалъ возможности дѣйствительнаго наступленія со стороны визиря, потому что еслибы визирь могъ это сдѣлать, то не стоялъ бы до сихъ поръ въ полномъ бездѣйствіи. Тогда кн. Долгоруковъ намѣренъ былъ отступить отъ Базарджика къ Карасу, опасаясь стать съ одной стороны между арміею визиря отъ Шумлы, а съ другой быть атакованнымъ въ тылъ отъ Силистріи.

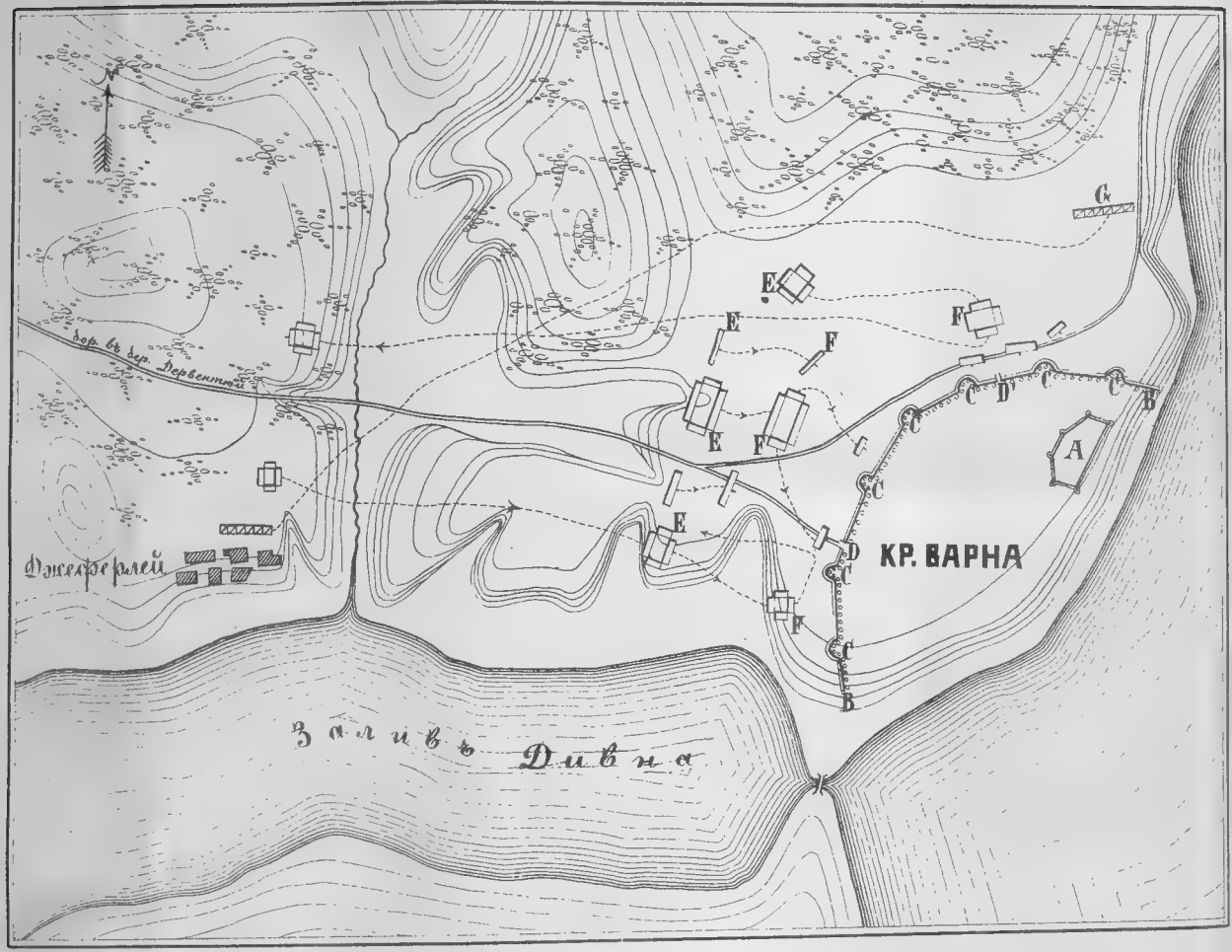
Гр. Румянцевъ, понимая, что медлить и терять время въ пустыхъ

опасеніяхъ было менѣе всего умѣстно въ настоящую минуту, когда рѣшительнымъ ударомъ слѣдовало закончить кампанію, указалъ кн. Долгорукову на неосновательность его нерѣшительности. Такъ какъ на показаніи однихъ плѣнныхъ нельзя было основываться, потому что они обыкновенно преувеличиваютъ числительность своихъ войскъ, то гр. Румянцевъ полагалъ, что высланная изъ Шумлы къ Базарджику непріятельская конница, можетъ быть, не составляла авангарда визирской арміи, а имѣла цѣлью удержать наши войска отъ наступленія и тѣмъ дать время визирю уйти свободно изъ Шумлы за Балканы. Съ другой стороны, еслибы визирь дѣйствительно открылъ наступленіе противъ кн. Долгорукова, въ то время когда корпусъ Унгерна будетъ дѣйствовать противъ Варны, то, въ случаѣ надобности, кн. Долгоруковъ могъ всегда направиться на соединеніе съ Унгерномъ и, такимъ образомъ, не быть въ опасномъ положеніи. Наконецъ, непріятельскія войска въ Силистріи, которыхъ опасался кн. Долгоруковъ, были заняты бомбардированіемъ этой крѣпости со стороны ген.-пор. Потемкина, а корпусъ Глѣбова 30-го октября переправился уже черезъ Дунай у Гуробалъ и былъ въ готовности двинуться къ Силистріи, въ виду чего непріятель не рѣшится ослабить защиту этой крѣпости, для того чтобы угрожать кн. Долгорукову съ этой стороны. Но если бы онъ на это рѣшился, тогда корпусъ Глѣбова и часть корпуса Потемкина могли двинуться на соединеніе съ кн. Долгоруковымъ и съ двухъ сторонъ аттаковать отрядъ вышедшій изъ Силистріи.

Остановясь на этихъ вѣрныхъ соображеніяхъ, гр. Румянцевъ снова настаивалъ на движеніи корпуса Унгерна къ Варнѣ, а кн. Долгорукова къ Шумлѣ. Для большаго же еще ручательства въ успѣхѣ, онъ приказалъ ускорить маршъ войскамъ, слѣдовавшимъ на усиленіе нашей арміи изъ Польши. Войска эти были уже въ Фокшанахъ и состояли изъ Каргопольскаго и Новгородскаго карабинерныхъ полковъ, Сумскаго гусарскаго, Донскаго казачьяго, полковника Рябрикова, Суздальскаго, Казанскаго, Углицкаго и Черниговскаго пѣхотныхъ полковъ, при генералъ-маіорѣ Лопухинѣ. Войска эти получили приказаніе слѣдовать изъ Фокшанъ къ Браилову и поступить въ распоряженіе ген.-пор. Глѣбова, который, въ случаѣ надобности, могъ присоединить ихъ къ своему корпусу при

ПЛАНЪ

атаки крѣпости Варны 30-го октября 1773 г.



Масштабъ 300 сажъ. въ дюймѣ

300 150 0 300 600 сажъ.

Гуробалѣ для рѣшительныхъ дѣйствій за Дунаемъ. Вслѣдствіе чего, оставивъ въ Браиловѣ только два полка изъ отряда г.-м. Лопухина, Глѣбовъ приказалъ остальнымъ войскамъ этого отряда слѣдовать къ Гуробалу.

Убѣжденный этими соображеніями, кн. Долгоруковъ рѣшился предпринять движеніе къ Шумлѣ, одновременно съ покушеніемъ г.-п. Унгерна на Варну.

Отрядъ Унгерна двинулся, между тѣмъ, къ Варнѣ, и 29 октября прибылъ къ деревнѣ Дервентюй, въ восьми верстахъ отъ этой крѣпости. Оставивъ здѣсь отрядъ въ лагерѣ, Унгернъ выслалъ къ Варнѣ Харьковскій гусарскій полкъ и легкія войска, чтобы занять дефиле, бывшее въ сторонѣ Варны, близь деревни Дервентюй. Въ подкрѣпленіе же авангарда высланы были батальонъ гренадеръ и батальонъ егерей, которымъ назначалось охранять дефиле и служить резервомъ для передовыхъ войскъ. Непріятель выслалъ изъ Варны до 400 человѣкъ своей конницы, которая завязала перестрѣлку съ передовыми нашими войсками, но была аттакована, разбита и обращена въ бѣгство. Войска наши въ преслѣдованіи доходили до самой крѣпости.

Г.-п. Унгернъ лично находился въ этомъ дѣлѣ съ цѣлью разсмотрѣть укрѣпленія Варны. Но крѣпость эта расположена въ лощинѣ закрытой горами; поэтому нельзя было рекогносцировкою опредѣлить систему ея верковъ, состоявшихъ изъ прочной каменной ограды съ глубокимъ рвомъ и палисадомъ. Семь батарей *C* и замокъ *A* усиливали ея оборону (*). Тѣмъ не менѣе Унгернъ убѣдился, что окрестная мѣстность, хотя и покрытая кустами, не можетъ препятствовать войскамъ вести открытую аттаку на крѣпость, и потому рѣшился подойти 30-го октября къ ней и открыть сперва канонаду, а потомъ вести войска на штурмъ.

(*) Планъ № 6.

Неудачный штурмъ Варны 30-го октября.

Принявъ такое рѣшеніе, Унгернъ раздѣлилъ свой отрядъ на три колонны и подступилъ къ Варнѣ 30-го октября, остановившись въ 350 саж. отъ крѣпости на позиціи EE. Для аттаки генералъ-маіоръ Рейзеръ получилъ команду надъ гренадерскимъ батальономъ, составлявшимъ лѣвое крыло. Полковникъ принцъ Беренбургскій принялъ начальство надъ егерскимъ и однимъ гренадерскимъ батальонами, поставленными на правомъ флангѣ, а третью колонну, центральную, состоявшую изъ остальныхъ войскъ отряда, г.-п. Унгернъ велъ въ аттаку лично. Карабинерные полки находились между кареями, а легкія войска г.-м. Чорба, *G*, стояли на лѣвомъ флангѣ.

Первая колонна должна была вести аттаку съ лѣвой, вторая съ правой стороны, а колонна Унгерна, которой назначался главный ударъ, направилась между ними, по дорогѣ отъ Дервентюй.

Открывъ канонаду съ позиціи *EE*, аттакующія войска подошли вскорѣ ближе къ крѣпости, на позицію *FF*. Въ тоже время изъ карре Унгерна высланы были гренадерскія роты къ самому рву крѣпости, для произведенія штурма. Двѣ изъ этихъ ротъ, при секундъ-маіорѣ Озеровѣ, двинулись противъ середины крѣпости; а остальныя двѣ, съ премьеръ-маіоромъ Глѣбовымъ, направились правѣе, на соединеніе съ карреемъ праваго фланга, которое также двинулось въ аттаку противъ воротъ *D*, лѣваго фланга крѣпостной ограды. Лѣвое карре, г.-м. Рейзера, подошло къ самому рву крѣпости, противъ воротъ *D'*, и выдвинувъ пушки, открыло артиллерійскій и ружейный огонь. Вскорѣ лошади и артиллерійская прислуга были перебиты. Рейзеръ намѣревался отступить на ружейный выстрѣлъ, но не могъ взять съ собою пушекъ, увязшихъ и засѣвшихъ въ рытвинахъ. Тогда, бросивъ пушки, онъ отступилъ на пушечный выстрѣлъ. Турки сдѣлали по немъ вылазку, но были отбиты легкими войсками Чорбы—*G*.

Не обращая вниманія на непріятельскій огонь, аттакующія кол-

лонны праваго фланга и центра также подошли къ самому крѣпостному рву; но тутъ вмѣсто того, чтобы броситься въ штыки на крѣпость, солдаты начали колебаться и, не смотря на побужденія офицеровъ, смѣшались и начали отступать; какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ наибольшая потеря въ нашихъ рядахъ послѣдовала при отступленіи.

Непріятель, дѣйствуя по войскамъ, идущимъ въ атаку, бываетъ торопливъ и нехладнокровенъ; когда же ему приходится дѣйствовать по отступающему, вслѣдствіе неудачи, противнику, тогда въ немъ проявляется особенная энергія, тѣмъ болѣе, что при этомъ вообще отступающій защищается слабо. Этимъ и объясняется, почему потеря наша въ этомъ незначительномъ дѣлѣ простирается до 700 человѣкъ убитыми и ранеными, что составляетъ почти пятую часть отряда; кромѣ того, мы потеряли шесть легкихъ орудій, брошенныхъ при отступленіи.

Отбитый отъ Варны, отрядъ Унгерна отступилъ къ деревнѣ Аджимлеръ, съ тѣмъ, чтобы отойти потомъ къ Базарджику на соединеніе съ кн. Долгоруковымъ.

Отрядъ Долгорукова, выступившій къ Шумлѣ, остановилъ дальнѣйшее движеніе, какъ только узналъ о неудачѣ подъ Варною и возвратился въ Базарджикъ, намѣреваясь отступить 2-го ноября въ Карасу. Такимъ образомъ, ожидаемые результаты задунайской экспедиціи не осуществились.

Гр. Румянцевъ имѣлъ было въ виду соединить оба отряда при Базарджикѣ и произвесть рѣшительный поискъ на Шумлу. Но пока было передано въ задунайскіе корпуса это приказаніе, корпусъ кн. Долгорукова былъ уже на̀ пути къ Карасу, а ген.-пор. Унгернъ находился въ движеніи по берегу Чернаго моря для разоренія приморскаго края, тогда какъ прежде онъ увѣдомлялъ гр. Румянцева, что намѣренъ слѣдовать къ Базарджику.

Такимъ образомъ гр. Румянцевъ не имѣлъ почти возможности согласовать дѣйствія корпусовъ Унгерна и кн. Долгорукова. Предоставивъ имъ, по необходимости, дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію, въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ могъ только основываться на ихъ предположеніяхъ, а предположенія эти мѣнялись прежде, чѣмъ получались приказанія глав-

покомандующаго, сдѣланныя согласно полученнымъ имъ донесеніямъ.

Еслибы болѣзнь гр. Румянцева не удерживала его въ Браиловѣ, задунайская экспедиція, веденная подъ его личнымъ руководствомъ, имѣла бы далеко большіе результаты.

Отступленіе отрядовъ Унгерна и кн. Долгорукова къ Карасу.

Въ настоящихъ же обстоятельствахъ гр. Румянцевъ ограничился только тѣмъ, что далъ приказаніе обоимъ корпусамъ остановиться тамъ, гдѣ ихъ застанетъ приказъ, направиться къ Карасу для взаимнаго соединенія и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Гр. Румянцевъ все еще имѣлъ надежду произвесть поискъ къ Шумлѣ, гдѣ силы визиря по всѣмъ соображеніямъ, были очень слабы.

Желая ослабить вредное вліяніе, произведенное въ войскахъ Унгерна неудачею при Варнѣ, онъ указывалъ ему на то, что одна неудача еще ничего не доказываетъ, что ускорять поэтому отступленіемъ нѣтъ никакой надобности, потому что непріятель, не рѣшившійся преслѣдовать его въ день неудачи, конечно, не можетъ предпринять противъ него ничего рѣшительнаго въ настоящее время. Видя одну смѣлость нашихъ войскъ, покусившихся на открытый приступъ противъ такой крѣпости, какъ Варна, непріятель, не смотря на неудачу приступа, долженъ, во всякомъ случаѣ, отдать справедливость нашему мужеству и потому считаетъ себя счастливымъ, что могъ удержаться въ крѣпости, а о дѣйствіяхъ въ открытомъ полѣ не можетъ имѣть и рѣчи.

Но такъ какъ движеніе къ Шумлѣ отъ Карасу по позднему времени года и затруднительности дорогъ, могло встрѣтить непреодолимыя препятствія, то на случай, когда предполагаемый новый поискъ будетъ признанъ невозможнымъ, гр. Румянцевъ сдѣлалъ распоряженіе о вступленіи войскъ на зимнія квартиры.

Что касается до задунайской арміи, то корпусъ кн. Долгорукова долженъ былъ оставаться въ Карасу до тѣхъ поръ, пока кор-

пусъ Унгерна прибудетъ въ Карамуратъ, если этотъ послѣдній отступаетъ по убережи; если же оба корпуса находятся въ общемъ отступленіи, отъ Базарджика къ Карасу, то имъ продолжать общее движеніе до Карамурата. Отсюда корпусъ Унгерна продолжаетъ отступленіе и когда перейдетъ р. Ташаулъ, то кн. Долгоруковъ идетъ къ Гирсову, но переходъ черезъ Дунай дѣлаетъ не прежде, какъ Унгернъ достигнетъ Бабадага.

Очищеніе праваго берега Дуная.

Корпусъ г.-п Глѣбова, когда отрядъ кн. Долгорукова прибудетъ къ Карасу, переправляется въ Гирсово на свой берегъ Дуная и всѣ суда высылаетъ къ правому берегу рѣки для переправы кн. Долгорукова. Когда же посты изъ отряда Потемкина прибудутъ къ Гирсовской дистанціи, то корпусъ Глѣбова идетъ на зимнія квартиры.

Корпусъ Потемкина, когда отрядъ Глѣбова переправится на лѣвый берегъ Дуная, долженъ былъ прекратить бомбардированіе Силистріи, если нельзя было ожидать отъ того рѣшительныхъ результатовъ и осадную артиллерію отправить въ Браиловъ, принявъ за тѣмъ мѣры, чтобы скрыть отъ непріятеля предпринятое отступленіе отъ Силистріи, очистить занятый имъ островъ и расположиться на зимнія квартиры такимъ образомъ, чтобы правымъ флангомъ вступить въ связь съ корпусомъ гр. Салтыкова, а лѣвый распространить до Гирсова. Равнымъ образомъ, корпусъ гр. Салтыкова также долженъ былъ занять зимнія квартиры, согласно составленному гр. Румянцевымъ общему для арміи дислокаціонному росписанію.

Расположеніе арміи гр. Румянцева на зимнія квартиры.

На основаніи этого росписанія (*), главная квартира назначалась въ Яссахъ. 1-я дивизія, подъ начальствомъ гр. Салтыкова, въ

(*) См. Приложеніе № 16.

Верхней Валахіи, имѣя дивизіонную квартиру въ Бухарестѣ. Она должна была занимать пространство отъ Обилешть по р. Мостищѣ до впаденія ея въ Дунай, затѣмъ, по Дунаю до р. Тилоурмана и по этой рѣкѣ до Питишты.

2-я дивизія генералъ-поручика Бибикова въ Молдавіи, между рѣкъ Серета и Прута, начиная отъ Хотина, имѣя дивизіонную квартиру въ Яссахъ. 3-я дивизія генералъ-поручика Унгерна, главная квартира въ Измаилѣ, заняла Бессарабію. Резервный корпусъ генералъ-поручика Потемкина, главная квартира въ Фокшанахъ, расположенъ въ нижней Валахіи. Отдѣльный корпусъ генералъ-поручика Каменскаго, имѣя главную квартиру въ Краіовѣ или Снятинѣ, занялъ пространство отъ р. Тилоурмана по окрестнымъ селеніямъ въ Банатѣ.

Корпусъ генералъ-маіора Ширкова въ Польшѣ имѣлъ главную квартиру въ Дубно.

Сдѣлавъ, на всякій случай, росписаніе войскъ для зимней стоянки, еслибы обстоятельства принудили прекратить въ настоящемъ году дальнѣйшія военныя дѣйствія, гр. Румянцевъ, тѣмъ не менѣе, все еще не хотѣлъ отказаться отъ развитія дѣйствій отдѣльныхъ корпусовъ, находившихся за Дунаемъ. Поэтому, когда корпусъ гр. Салтыкова, согласно полученному прежде приказанію, переправлялся 3-го ноября черезъ Дунай у деревни Мавродинъ и занялъ на другой день непріятельскій лагерь при этомъ мѣстечкѣ, то графъ Румянцевъ поручилъ ему произвести диверсію къ Рущуку и отдѣлить значительный отрядъ къ Шумлѣ, для содѣйствія кн. Долгорукову.

ГЛАВА IX.

Дѣйствія гр. Салтыкова.

Обратимся къ дѣйствіямъ гр. Салтыкова.

Гр. Салтыковъ готовился къ переправѣ черезъ Дунай у деревни Мавродинъ. Въ этомъ мѣстѣ непріятель имѣлъ хорошо укрѣпленный ретраншаментъ на мавродинскихъ высотахъ; въ ре-

траншаментѣ нѣсколько пушекъ и для защиты его до 5,000 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, анатолійскихъ и румелійскихъ войскъ, подъ начальствомъ двухбунчужнаго Али-паши. Сверхъ того, по близости, въ деревнѣ Табанъ, стояло до 1,000 человѣкъ конныхъ войскъ при Углу-Ахметѣ, и можно было ожидать прибытія къ мѣсту переправы войскъ рущукскаго гарнизона.

Приготовляясь къ переправѣ, гр. Салтыковъ употребилъ восемь сутокъ на расчистку обмелѣвшаго рукава Дуная, для проведенія по немъ своей флотиліи и, приказавъ выслать изъ Журжи флотилію къ мѣсту переправы, перешелъ, въ ночь на 2-е ноября, изъ своей позиціи при деревнѣ Аджисали къ берегу Дуная противъ Мавродина, намѣреваясь начать переправу утромъ 2-го ноября. Предварительно имъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Генералъ-поручикъ Каменскій долженъ былъ наблюдать лѣвый берегъ Дуная отъ австрійской границы до урочища Мало; а отсюда до Журжи. Наблюденіе поручалось полковнику князю Шаховскому, который долженъ былъ занять слободзейскій редутъ (близъ Журжи) Вятскимъ карабинернымъ полкомъ. Полковникъ кн Мещерскій (*) оставленъ у мѣста переправы, какъ для охраненія этого мѣста, такъ и для наблюденія теченія Дуная отъ Журжи до устья р. Аржиса. Въ Журжѣ находился полковникъ Бекельманъ съ четырьмя батальонами мушкетеръ; ему приказано было навести понтонный мостъ на островѣ, лежащемъ ниже Журжи, чтобы, подъ прикрытіемъ огня съ крѣпости, имѣть прочное сообщеніе съ островомъ и препятствовать движенію непріятельской флотиліи отъ Журжи къ Мавродину. Съ этою цѣлью на островъ назначенъ былъ премьеръ-маіоръ Рахмановъ, съ небольшою командою при 6 орудіяхъ полевой артиллеріи и 4 полковыми пушками.

2) На берегу Дуная противъ Мавродина была устроена батарея на 12 орудій, для содѣйствія переправѣ.

3) Переправа черезъ Дунай должна быть произведена частями. Въ авангардъ назначены 2 батальона пѣхоты подъ командою подполковника Пеутлинга; за нимъ назначены къ переправѣ обѣ боевыя линіи, каждая особо. Кавалеріею командовалъ генералъ-маі-

(*) Съ Астраханскимъ карабин. и Низовскимъ пѣхотн. полками.

оръ князь Долгоруковъ, первою боевою линіею полковникъ князь Долгоруковъ, а второю Беклемишевъ.

4) Авангардъ, переправясь на противуположный берегъ, имѣлъ назначеніе прикрывать переправу, и для того ему приказано выстроиться въ одну линію, имѣя казаковъ впереди. Когда переправится первая линія, авангардъ дѣлаетъ наступленіе, а по окончаніи переправы второй линіи становится за нею въ резервѣ.

5) Пѣхотные солдаты должны имѣть при себѣ по 60 патроновъ, а гренадерскіе батальоны по 300 ручныхъ гранатъ, артиллерійскихъ снарядовъ по 150, продовольствія на четыре дня. Остальное количество продовольствія и другихъ припасовъ имѣло прибыть послѣ переправы.

Дѣло у Мавродина 3-го ноября.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, гр. Салтыковъ намѣренъ былъ приступить къ переправѣ утромъ 2-го ноября. Но противный вѣтеръ заставилъ отложить ее до слѣдующаго дня. Тѣмъ не менѣе, непріятель замѣтилъ приготовленія къ переправѣ и потому отправилъ для воспрепятствованія ей 3,000 человѣкъ пѣхоты изъ Рущука и 18 галеръ съ пушками, подъ командою Кегая-Мехмеда и Асеки-агу-Мехмеда. Турки выставили на берегу Дуная при Мавродинѣ батареи, а галеры намѣревались пристать къ островамъ на Дунаѣ противъ Мавродина. Весь день 2-го ноября производилась съ обѣихъ сторонъ живая перестрѣлка. Дѣйствіе нашей артиллеріи было такъ удачно, что каждое ядро попадало или въ непріятельскую береговую батарею, или въ массы войскъ, а одна галера съ людьми была потоплена.

Турки, какъ оказалось впослѣдствіи, не допускали возможности переправы отряда гр. Салтыкова, въ виду сильнаго отряда войскъ стоявшихъ въ Мавродинѣ и по затруднительности переправы черезъ извилистые протоки Дуная въ этомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, авангардъ гр. Салтыкова началъ переправу утромъ 3-го ноября. Сильный вѣтеръ, быстрое теченіе рѣки, тяжесть судовъ и неопыт

ность гребцовъ, изъ простыхъ солдатъ, дѣйствительно очень затрудняли переправу. Суда не могли пристать къ одному мѣсту и каждое изъ нихъ причаливало къ непріятельскому берегу, тамъ, куда сносило его теченіемъ. Турки, казалось, не знали, что дѣлать и опомнились только тогда, когда въ 10 часовъ утра, весь авангардъ успѣлъ уже переправиться, собрался и выстроился къ бою. Только тогда передовыя турецкія войска завязали перестрѣлку, а вскорѣ выступилъ противъ авангарда самъ Али-паша съ отрядомъ до 12,000 чел. изъ Мавродина и Табана. Въ помощь ему спѣшили изъ Рущука войска и вооруженныя галеры. Но дѣйствіемъ береговой батареи гр. Салтыкова, непріятельскія суда не были допущены къ Мавродину, а батареи, выставленныя на берегу для дѣйствія противъ нашихъ судовъ во время переправы, — были сбиты. Число войскъ, вступившихъ на непріятельскій берегъ, быстро увеличивалось. До часа по-полудни дѣйствія переправленныхъ войскъ ограничивались одною перестрѣлкою, съ цѣлью не допустить противника къ переправѣ. Во второмъ часу, когда почти весь уже отрядъ гр. Салтыкова успѣлъ переправиться, непріятель повелъ на него смѣлую аттаку.

Рущукскій сераскиръ ударилъ на правый, а Али-паша на лѣвый флангъ гр. Салтыкова. Войска эти состояли изъ одной пѣхоты. Турки ударили въ сабли, желая обогнуть фланги и пробраться къ мѣсту переправы, чтобы отрѣзать нашимъ войскамъ путь къ отступленію. Сильная пальба принуждала непріятеля нѣсколько разъ отступать и возобновлять нападеніе. Наконецъ, янычары успѣли пробраться къ берегу подъ покровительствомъ своихъ галеръ, которыя, не смотря ни на какой огонь нашихъ орудій съ лѣваго берега Дуная, успѣли подойти къ Мавродину.

Наши тяжелыя суда и самая переправа были въ опасности. Но гренадеры Архангелогородскаго полка ударили на янычаръ въ штыки и опрокинули ихъ. Послѣ того непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и былъ преслѣдуемъ на значительное разстояніе. Самъ Али-паша былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ турки потеряли до 300 человѣкъ убитыми. Съ нашей стороны убито 40 человѣкъ.

На другой день, 4-го ноября, гр. Салтыковъ намѣренъ былъ

аттаковать мавродинскій ретраншаментъ. Но турки не рѣшались принять новый бой и потому очистили свой ретраншаментъ, сдѣланный весьма прочно и дозволявшій упорную оборону.

Непріятель, оставивъ ретраншаментъ, отступилъ къ Рущуку и къ деревнѣ Липникъ. Разбитыя наканунѣ, непріятельскія войска, отступили къ Черноводамъ и къ нимъ присоединились отдѣльные небольшіе отряды, стоявшіе въ Пергосѣ и другихъ деревняхъ.

Занявъ мавродинскій ретраншаментъ и разбивъ лагерь, гр. Салтыковъ намѣренъ былъ держать Рущукъ въ постоянномъ страхѣ и не выпускать изъ него непріятельскихъ войскъ. Отважиться же на открытое овладѣніе этою крѣпостью было слишкомъ рисковано, какъ по значительности ея гарнизона и силѣ укрѣпленій, такъ и потому, что турки, какъ было извѣстно, намѣрены были отчаянно защищаться.

На другой день прибылъ къ Мавродину и г.-п. Каменскій со своею пѣхотою (*), что еще болѣе упрочило пребываніе нашихъ войскъ на той сторонѣ Дуная.

Оставаясь въ Мавродинѣ, гр. Салтыковъ выслалъ къ сторонѣ Черноводъ и къ Туртукаю сильныя партіи. Во время расположенія гр. Салтыкова при Мавродинѣ, случилось обстоятельство, которое могло поставить его отрядъ въ затруднительное положеніе. Въ ночь на 6 ноября поднялась жестокая буря, которая сорвала съ якорей и разбила въ щепки всю флотилію отряда, уничтоживъ, такимъ образомъ, всякое сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ. Еслибы непріятель въ Рущукѣ, силы котораго доходили до 11,000 челов., былъ предпріимчивѣе, то отряду гр. Салтыкова угрожала бы не малая опасность, тѣмъ болѣе, что отъ постоянной непогоды въ войскахъ начались сильныя болѣзни (**). Оставивъ въ Мавродинѣ небольшой отрядъ для занятія ретраншамента, гр. Салтыковъ сталъ лагеремъ на болѣе выгодной для здоровья солдатъ позиціи, между Мавродиномъ и Табаномъ, и на одной найденной въ Табанѣ лодкѣ отправилъ нѣсколько храбрѣйшихъ казаковъ въ Негоешти къ генералу Сатину, съ при-

(*) Муромскій пѣхотн. полкъ и гренадер. роты Тенгинскаго полка.

(**) Въ ночь на 6 ноября въ отрядѣ умерло 15 человѣкъ, заболѣло 447 человѣкъ и 24 лошади.

казаніемъ доставить немедленно перевозочныя средства къ Мавродину. Буря продолжала свирѣпствовать и играла лодкой съ отважными гребцами, погибель которыхъ могла быть гибельна для всего отряда. Но поощряемые криками товарищей стоявшихъ на берегу, гребцы геройски боролись съ волнами и благополучно достигли лѣваго берега Дуная.

Когда, такимъ образомъ, гр. Салтыковъ готовъ былъ поддержать предполагавшееся наступленіе къ Шумлѣ, корпусъ генералъ-поручика Глѣбова также долженъ былъ усилить отряды кн. Долгорукова и ген.-пор. Унгерна, которые, оставивъ небольшой отрядъ въ Карасу, должны были соединиться съ корпусомъ Глѣбова и сдѣлать совокупное нападеніе на Шумлу, направляясь черезъ Кайнарджи, чтобы сблизиться съ корпусомъ ген.-пор. Потемкина, дѣйствовавшимъ около Силистріи, и съ корпусомъ гр. Салтыкова. Этимъ обоимъ корпусамъ гр. Румянцевъ поставилъ главною задачею не выпускать непріятеля изъ Рущука и Силистріи для содѣйствія Шумлѣ, чтобы, такимъ образомъ, охранить тылъ нашихъ войскъ, во время ихъ наступленія къ этой крѣпости.

Недовольный кн. Долгоруковымъ за его отступленіе къ Базарджику, отступленіе, которое не вызывалось никакими серьозными обстоятельствами и которое воспрепятствовало осуществленію поиска къ Шумлѣ, гдѣ непріятель былъ въ то время въ весьма слабыхъ силахъ, гр. Румянцевъ поручилъ общее начальство надъ всѣми войсками, бывшими за Дунаемъ, ген.-пор. Унгерну и потребовалъ отъ кн. Долгорукова объясненій въ его дѣйствіяхъ. Кн. Долгоруковъ оправдывалъ свое отступленіе къ Базарджику тѣмъ обстоятельствомъ, что неудача корпуса Унгерна подъ Варною могла вызвать преслѣдованіе этого корпуса со стороны Варны, и что, поэтому, корпусъ Унгерна могъ быть отброшенъ къ Базарджику или къ сторонѣ моря и потерять связь съ его корпусомъ. Тогда непріятельскія войска преслѣдовавшія Унгерна, могли обратиться къ Шумлѣ и дѣйствовать въ тылъ нашего корпуса, противъ котораго открыто уже было наступленіе съ фронта, со стороны Шумлы, и сверхъ того, можно было ожидать прибытія отдѣльныхъ отрядовъ со стороны Рущука и Силистріи.

Неудача покушенія на Варну не могла имѣть ничего общаго

съ дѣйствіями корпуса кн. Долгорукова. Силы его были сами по себѣ на столько значительны, что позволяли дѣйствовать противъ Шумлы независимо отъ корпуса Унгерна. Князь Долгоруковъ принялъ незначительный передовой отрядъ, высланный изъ Шумлы для рекогносцировки за наступательное противъ него движеніе визирской арміи, которой не существовало. Опасеніе его на счетъ возможности прибытія въ Шумлу новыхъ войскъ изъ Рущука и Силистріи не могло имѣть мѣста, потому что корпуса гр. Салтыкова и ген.-пор. Потемкина, озабочивали эти крѣпости своими дѣйствіями и, сверхъ того, во всякое время могли перейти Дунай и дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, еслибы они дѣйствительно рѣшились оставить свои крѣпости и идти къ Шумлѣ. Наконецъ, кн. Долгоруковъ зналъ, что корпусъ ген.-пор. Глѣбова былъ уже переправленъ черезъ Дунай и всегда могъ поддержать его.

Самое предположеніе на счетъ возможности преслѣдованія корпуса Унгерна со стороны Варны показывало только, что кн. Долгоруковъ не сообразилъ ни обстоятельствъ, ни характера турокъ. Если Унгернъ не могъ взять приступомъ сильныхъ укрѣпленій Варны, то изъ этого никакъ нельзя было заключить, что турки, всегда упорно обороняющіеся въ крѣпости, рѣшатся выступить въ поле, гдѣ они постоянно были разбиваемы нашими войсками, превосходство которыхъ при дѣйствіяхъ въ полѣ турки хорошо знали изъ предшествовавшихъ лѣтъ кампаніи. Да къ тому же, кн. Долгоруковъ увѣдомилъ Унгерна отъ 31 октября, что отступаетъ къ Базарджику «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ», когда онъ не могъ еще получить даже извѣстія о неудачѣ подъ Варною.

Отступленіе корпуса Унгерна и кн. Долгорукова.

Защитники Варны считали себя счастливыми, что успѣли отстоять крѣпость и ни однимъ движеніемъ не рѣшались препятствовать отступленію корпуса Унгерна, который, какъ мы видѣли, отступилъ по базарджикской дорогѣ и расположился у деревни Дервентюй. Сильный дождь, выпавшій ночью, испортилъ дорогу въ Ба-

зарджикъ, такъ что слѣдованіе тяжелыхъ обозовъ было бы очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что при дальнѣйшемъ слѣдованіи пришлось бы дѣлать большіе переходы по недостатку воды.

Поэтому ген.-пор. Унгернъ рѣшился отправить въ Базарджикъ только обозы съ ранеными и свернуть вправо отъ базарджикской дороги, для слѣдованія берегомъ моря къ Карасу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ 31 октября отъ кн. Долгорукова увѣдомленіе объ отступленіи его къ Базарджику и о намѣреніи отступить далѣе, онъ просилъ его подождать въ Базарджикѣ прибытія раненыхъ подъ Варною, потому что иначе они могли подвергнуться опасности со стороны Шумлы.

Кн. Долгоруковъ отвѣтилъ на это, что впереди Базарджика оставлены имъ передовые посты, которые охранятъ обозъ съ ранеными и что, намѣреваясь выступить 3-го ноября изъ Базарджика къ Мусунбею, онъ совѣтуетъ отправлять туда и раненыхъ.

Считая такимъ образомъ, своихъ раенныхъ обезпеченными, Унгернъ выслалъ ихъ по базарджикской дорогѣ къ Мусунбею, а самъ двинулся къ Балчику, съ намѣреніемъ идти далѣе по берегу Чернаго моря.

Между тѣмъ, обозъ съ ранеными, подойдя на пять верстъ къ Базарджику, узналъ, что городъ этотъ совершенно оставленъ войсками кн. Долгорукова и что непріятель находится въ весьма близкомъ разстояніи отъ города. При такихъ обстоятельствахъ, оставалось только поставить обозъ вагенбургомъ и ожидать своей участи до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ прикрытіе отъ корпуса Унгерна, которому и было послано увѣдомленіе о безвыходномъ положеніи раненыхъ.

Ген.-пор. Унгернъ тотчасъ же отправилъ въ прикрытіе транспорта два эскадрона кавалеріи и 50 казаковъ и, не зная, остановится ли кн. Долгоруковъ въ Мусунбеѣ или будетъ продолжать отступленіе, велѣлъ транспорту возвратиться и потому отложилъ свое движеніе къ Балчику, не смотря на то, что отрядъ его началъ уже ощущать недостатокъ въ продовольствіи. По возвращеніи раненыхъ, Унгернъ двинулся, 5-го ноября, къ Балчику, въ которомъ не было уже непріятеля. Здѣсь отрядъ нашъ нашелъ до

800 четвертей пшеницы и ячменя, что обезпечило его продовольствіе на все время обратнаго движенія.

Балчикъ, Коварна, Мангалія и другіе пункты на пути слѣдованія отряда были сожжены.

Между тѣмъ отрядъ кн. Долгорукова прибылъ въ Карасу 7-го ноября и остановился здѣсь въ ожиданіи прибытія корпуса Унгерна, для открытія предполагаемаго наступленія къ Шумлѣ.

Въ то время какъ корпуса лѣваго фланга отступили къ Карасу,—на правомъ флангѣ отрядъ гр. Салтыкова оказывалъ болѣе энергіи къ наступленію. Партіи, высланныя по дорогѣ къ Туртукаю, извѣщали, что непріятель очистилъ уже Туртукай и находится въ окрестныхъ деревняхъ.

Дѣло у Черноводъ 10-го ноября.

Поэтому гр. Салтыковъ поручилъ генералу Сатину переправиться на правый берегъ Дуная и занять Туртукай. Съ другой стороны, отрядъ, высланный къ Черноводамъ подъ начальствомъ полковника Кантемира (*), нигдѣ не замѣчалъ непріятеля. Но 10-го ноября до 3,000 турецкой конницы и 1.000 человѣкъ пѣхоты при Али-пашѣ, выступившихъ изъ Рущука и окрестныхъ деревень, а также прибывшихъ изъ Разграда, направились къ деревнѣ Кодыкіой, съ намѣреніемъ сбить отрядъ Кантемира у Черноводъ. Но Кантемиръ предупредилъ непріятеля, аттаковалъ и разбилъ его совершенно, положивъ на мѣстѣ до 600 человѣкъ; послѣ того, Кантемиръ разослалъ партіи во всѣ стороны, причемъ высланные встрѣчали отдѣльныя небольшія партіи турокъ, уходившихъ изъ Силистріи и Туртукая къ Рущуку и Разграду. Гр. Салтыковъ приказалъ, поэтому, разсѣевать подобныя мелкія партіи непріятеля и посылать разъѣзды до самаго Разграда.

(*) Батал. гренадеръ полковн Неутлинга и бат. егерей, 2 эскадрона Нижегородскаго и одинъ Сербскаго полковъ съ командою казаковъ.

Дѣло близъ Туртукая 12-го ноября.

Почти въ тоже время былъ разбитъ 5,000 отрядъ турокъ при деревнѣ Ескисмиль близъ Туртукая. Предписавъ генералу Сатину овладѣть Туртукаемъ, который турки оставили и расположились лагеремъ при Ескисмили, гр. Салтыковъ, въ помощь Сатину, отрядилъ отъ себя батальонъ пѣхоты съ двумя пушками и часть легкой кавалеріи. Едва этотъ отрядъ выступилъ изъ деревни Опиръ къ Ескисмилю 12 ноября, какъ былъ аттакованъ со всѣхъ сторонъ несравненно сильнѣйшимъ противникомъ. Завязался ужасный бой, котораго послѣдствія для насъ были весьма сомнительны. Генералъ Сатинъ, котораго по разсчету ожидали со стороны Туртукая, вовсе не переправлялся черезъ Дунай, потому что послѣ отправленія большей части своей флотиліи къ Мавродину, у него оставалось годнымъ одно только судно.

Пользуясь своимъ превосходствомъ, турки продолжали стѣснять нашъ отрядъ на эскисмильской дорогѣ. Но въ это время полковникъ Вуковичъ, бывшій съ конной командой въ Орсовѣ для фуражировки, заслышавъ выстрѣлы по ту сторону Туртукая, быстро прибылъ на помощь аттакованнымъ и, ударивъ въ тылъ непріятелю опрокинулъ его. Турки потеряли на мѣстѣ до 300 человѣкъ и разсѣялись по окрестностямъ; большая же ихъ часть направилась на Разградъ, откуда ожидалось подкрѣпленіе для нападенія на отрядъ гр. Салтыкова.

Такимъ образомъ гр. Салтыковъ, съ своей стороны, былъ готовъ поддержать общее наступленіе къ Шумлѣ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ полагалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ было удобно выслать отъ его корпуса кавалерію по шумлинской дорогѣ. Князь Долгоруковъ, такъ поспѣшно отступившій не за долго передъ симъ, также увѣдомилъ гр. Румянцева, что находитъ наступленіе къ Шумлѣ возможнымъ, но по какимъ причинамъ онъ это находитъ не объяснилъ, не смотря на запросъ гр. Румянцева, который съ видимымъ укоромъ спросилъ его, почему онъ находитъ

наступленіе отъ Карасу къ Шумлѣ возможнымъ, когда онъ не считалъ его возможнымъ даже отъ Базарджика. Напротивъ того, генералъ Глѣбовъ представлялъ на видъ затруднительность дорогъ, позднее время года и недостатокъ подножнаго корма. Основательнѣе всѣхъ оказалось мнѣніе ген.-пор. Унгерна, который, прибывъ съ своимъ отрядомъ 15-го ноября въ деревнѣ Дуранляръ, въ 16 верстахъ отъ Карасу, донесъ гр. Румянцеву, что идти далѣе въ Карасу онъ не считаетъ возможнымъ, такъ какъ тамъ чрезвычайно трудно достать подножный кормъ. Лошади отъ безпрестанныхъ переходовъ по топкимъ дорогамъ, до того изнурились, что едва въ состояніи были двигаться. Недостатокъ подножнаго корма, по позднему времени года, еще болѣе увеличивалъ изнуреніе лошадей. Съ половины октября постоянно стояла ненастная погода съ дождями и бурями, отчего люди, находясь въ постоянныхъ походахъ, претерпѣвали крайнія лишенія; одежда изорвалась, сапоги до того обносились, что рѣдко у кого не было видно голыхъ пальцевъ. При такихъ обстоятельствахъ предпринимать новый походъ изъ Карасу къ Шумлѣ было болѣе чѣмъ рисковано, если не изъ опасенія непріятеля, то въ силу физической невозможности, тѣмъ болѣе, что дорога въ Шумлу и въ сухое время года была почти непроходима для обозовъ, а при настоящемъ ненастьѣ едва ли была возможна для движенія одиночныхъ людей. Къ тому же, колеса подъ телѣгами и даже орудіями дѣлались часто на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, изъ сыраго лѣсу, почему безпрестанно ломались.

Вопросъ о новомъ наступленіи къ Шумлѣ и невозможность выполненія его.

Въ силу такихъ доводовъ нельзя было не отказаться отъ предполагаемаго движенія къ Шумлѣ и нужно было сознаться, что удобный для этого моментъ былъ упущенъ, благодаря нерѣшительности дѣйствій кн. Долгорукова.

А многаго можно было ожидать отъ этого рѣшительнаго удара на визиря, удара, который, казалось, такъ хорошо былъ сообра-

женъ и могъ бы кончить кампанію, длившуюся столько лѣтъ, но который не удался вслѣдствіе частнаго недоразумѣнія.

Зимнія квартиры.

Гр. Румянцевъ приказалъ войскамъ вступить въ назначенныя имъ, по росписанію, зимнія квартиры.

17 ноября корпусъ Унгерна выступилъ изъ деревни Дуранляръ на Кагорлыкъ и Чехтай къ Бабадагу, а 21 ноября приступилъ къ обратной переправѣ черезъ Дунай при Карталѣ и вступилъ въ Измаилъ.

Корпусъ кн. Долгорукова выступилъ 18 ноября изъ Карасу и 20 прибылъ къ Гирсову; а генералъ-поручикъ Глѣбовъ началъ обратную переправу 17-го ноября.

Такимъ образомъ, на правой сторонѣ Дуная оставался только отрядъ гр. Салтыкова, съ передовымъ постомъ въ Черноводахъ.

Разбитые при этомъ мѣстечкѣ 10 ноября, турки, отступивъ къ Разграду, соединились съ бывшими тамъ войсками и, пользуясь отдѣльнымъ положеніемъ отряда гр. Салтыкова, рѣшились аттаковать его.

18 ноября значительныя силы противника подступили къ Черноводамъ, гдѣ стоялъ отрядъ полковника кн. Кантемира, за болѣзнію котораго отрядомъ командовалъ полковникъ Уваровъ. Узнавъ о наступленіи непріятеля, Уваровъ присоединилъ къ себѣ ближайшіе небольшіе отряды подполковниковъ Мауринова и Пеутлинга и занялъ позицію на высотахъ, пересѣкавшихъ лощину, по которой приближался непріятель.

На этотъ разъ турки дѣйствовали уже не такъ какъ прежде, не нападали всею массою съ цѣлью окружить противника, но раздѣлялись на части, изъ которыхъ каждая имѣла особое назначеніе. Это былъ первый примѣръ примѣненія болѣе раціональныхъ началъ въ дѣйствіяхъ турокъ.

Дѣло при дер. Кодыкіой, 18 ноября, которымъ закончилась кампанія 1773 года.

Правый флангъ турокъ при Чадырджи-Углу, состоя изъ кавалеріи и пѣхоты, направился, со стороны деревни Кодыкіой, въ обходъ лѣваго фланга нашихъ войскъ, гдѣ находился подполковникъ Пеутлингъ. Бинбаша съ кавалеріею аттаковалъ Пеутлинга съ фронта; а Измаилъ-паша, имѣя сзади резервъ изъ пѣхоты при 2 пушкахъ, двинулся противъ позиціи Уварова. Пушечный огонь удержалъ первые натиски противника. Между тѣмъ непріятель втеченіи уже двухъ часовъ производилъ нападеніе на отрядъ Пеутлинга, разстройство котораго становилось замѣтнымъ. Тогда полковникъ Уваровъ приказалъ Пеутлингу, стоявшему отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи, присоединиться къ его отряду. Непріятель намѣревался воспрепятствовать этому соединенію, но безуспѣшно. По соединеніи съ отрядомъ Пеутлинга, полковникъ Уваровъ поставилъ батальонъ маіора Болта въ карре на правомъ, а егерскій, маіора Великопольскаго, на лѣвомъ флангѣ. Свой же полкъ и батальонъ Пеутлинга расположилъ карреемъ въ центрѣ, а кавалерію поставилъ въ двѣ линіи между карреями. Непріятель, пользуясь мѣстностью, засѣлъ въ лощину и открылъ огонь по нашимъ войскамъ, искусно закрываясь отъ выстрѣловъ. Чтобы лишить турокъ такого выгоднаго расположенія, полковникъ Уваровъ предпринялъ ложное отступленіе. Принимая этотъ маневръ за начало бѣгства, турки выступили изъ лощины и двинулись для преслѣдованія отступавшихъ. Выманивъ, такимъ образомъ, противника въ открытое поле, Уваровъ неожиданно перешелъ въ наступленіе, разбилъ совершенно непріятеля и преслѣдовалъ его пѣхотою на три, а кавалеріею на шесть верстъ. Турки потеряли при этомъ убитыми до 400 человѣкъ и одну пушку, но и наша потеря простиралась до 150 ч. раненными.

Между тѣмъ отрядъ генералъ-маіора Сатина (*), по болѣзни котораго принялъ надъ нимъ команду бригадиръ Потемкинъ, получивъ перевозочныя средства отъ генералъ-поручика Потемкина, переправился на правый берегъ Дуная, занялъ Туртукай и распространилъ свои набѣги на его окрестности.

Непріятель вездѣ уклонялся отъ боя и настичь его не было возможности. За то до 10,000 христіанъ были собраны къ Туртукаю и 25 ноября переправлены на нашъ берегъ Дуная, послѣ чего переправился и отрядъ бригадира Потемкина при Ольтеницѣ, а вслѣдъ за тѣмъ снята была осада Силистріи и генералъ-поручикъ Потемкинъ перешелъ къ Ликорешты; 2-го декабря войска его разошлись по зимнимъ квартирамъ.

Переправа гр. Салтыкова на лѣвый берегъ Дуная.

Оставаться долѣе на правомъ берегу Дуная было опасно и для отряда гр. Салтыкова, противъ котораго, какъ было получено извѣстіе, готовилъ наступленіе визирь со стороны Шумлы, вмѣстѣ съ отрядами отъ Рущука, Никополя и Силистріи. Поэтому гр. Салтыковъ также переправился обратно черезъ Дунай при Мавродинѣ и 24 ноября былъ уже на лѣвомъ берегу рѣки, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны непріятеля.

Во время всѣхъ дѣйствій за Дунаемъ отряда гр. Салтыкова, турки потеряли до 3,000 человѣкъ убитыми, не считая раненныхъ, число которыхъ было гораздо значительнѣе. Взято въ плѣнъ 165 человѣкъ, 4 пушки и 1 знамя. Разнаго скота захвачено до 30,000 штукъ; множество разныхъ съѣстныхъ припасовъ и фуража было взято и сожжено по окрестнымъ деревнямъ между Рущукомъ и Туртукаемъ, и всѣ селенія на 30 верстъ отъ берега были

(*) Австрійскій, Пермскій и Нижегородскій пѣхотные, Елисаветградскій пикинерный и Донской Леонова полки.

сожжены. Въ отрядѣ же гр. Салтыкова, за все это время, убито 40 и ранено 346 человѣкъ.

Съ расположеніемъ войскъ на зимнихъ квартирахъ, кампанія 1773 года была кончена.

А. Н. Петровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ 1773 ГОДА.

№ 1.

Копія письма генералъ-фельдмаршала графа Румянцева къ верховному турецкому визирю Муссинъ-Заде Мегмедъ-пашѣ, отъ 16 февраля 1773 года.

Два всепочтеннѣйшія вашего сіятельства писанія, отъ 13-го и 26-го луны Зулпадъ, имѣлъ я честь получить, изъ коихъ первымъ изволили требовать о продолженіи перемирія, сверхъ настоящаго оному срока, на нѣсколько еще мѣсяцевъ; а другимъ препоручили мнѣ къ доставленію письмо и деньги почтеннымъ визирямъ Емину и Ибрагимъ-пашамъ. Сіе послѣднее учиню я въ самой скорости, увѣряя ваше сіятельство, что всякій случай, при которомъ могу я удовлетворить моею услугою желаніямъ вашимъ, поставляю я себѣ за наиприятнѣйшее пріобрѣтеніе. Но относительно до перваго вашего отзыва о дольшемъ срокѣ перемирія, я ожидая отъ Высочайшаго моего двора резолюціи на взнесенныя мои о томъ представленія оному предъ нѣкоторымъ уже временемъ; могу между тѣмъ примѣтить вашему сіятельству, что теченіе негоціаціи достигло уже нынѣ той степени, что полномочный посолъ на конгресѣ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Государыни, г. Обрѣсковъ, предложилъ съ своей стороны кондиціи, послѣднія преисполненныя умѣренности, снисходительства и наискреннѣйшихъ намѣреній къ рѣшенію важныхъ пунктовъ для заключенія мира; то

не могу я за симъ ни мало усумниться, чтобъ его императорское султанское величество, яко искренно же благожелательствующій возстановить дружбу и согласіе между своею и Россійскою имперіями, не ощутилъ въ учиненныхъ тѣхъ послѣднихъ отъ нашего посла предложеніяхъ чрезмѣрнаго и великодушнаго снисходительства, неприкосновеннаго никакимъ корыстолюбивымъ или же сокровеннымъ видамъ, и благосердыхъ склонностей къ примиренію, которыя только убѣдительно Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая наша Государыня ознаменяетъ въ семъ дѣлѣ не меньше. Увѣренъ я, по многодознаннымъ опытамъ вашихъ миролюбивыхъ стараній, что и собственныя свои споспѣшествованія къ прекращенію бѣдствій военныхъ и разлитія народной крови подвигнете тѣмъ болѣе, ваше сіятельство, сколь способы къ тому предложенные, содержащіе обоюдную пользу, и больше нежели кѣмъ либо ожидаемые; слѣдственно я всю надежду имѣть долженъ увидѣть прежде истеченія настоящаго перемирія конецъ желаемый благословеннаго мира и славу, возвеличенную на вѣчныя времена зиждителей онаго; а если паче лучшаго чаянія не принесли бы желаемаго согласія къ заключенію мира всѣ отъ нашей стороны предложенныя для блистательной Порты пользы и умѣренности, въ такомъ случаѣ не умедлю я вашему сіятельству отписать тогда, коль скоро по вышеписанному получу ожидаемыя на то отъ высочайшаго двора повелѣнія.

№ 2.

Переводъ съ письма отъ турецкаго посла Абдулъ-Разакъ-Ефендія къ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву (*).

Достойнѣйшій, почтеннѣйшій, храбрѣйшій, великолѣпнѣйшій и великій другъ нашъ, фельдмаршалъ высокаго достоинства и великихъ дѣлъ. Вашему сіятельству представляю наисходственнѣйшее съ искреннею дружбою привѣтствіе, испрашивая о дражайшемъ

(*) Переводы печатаются въ томъ видѣ, въ какомъ имѣются въ современныхъ дѣлахъ гр. Румянцева. А. П.

здравіи вашемъ; дружественно и откровенно увѣдомляю васъ, что предопредѣленіемъ Всевышняго, будучи невозможно въ нѣкоторыхъ артикулахъ согласить оба высочайшіе дворы, ниже очистить на семъ бухарестскомъ конгрессѣ прахъ вражды и непріязни и соорудить зданіе согласія и мира, между блистательною Портою Отоманскою и высочайшею имперіей Россійскою, то и нужна дальшая кореспонденція для приведенія къ концу и постановленія спасительнаго сего дѣла. Приближается же срокъ перемирія и пребыванія нашего въ Бухарестѣ, влеча за собою слѣдствія непріятойныя. Какъ я всеискреннѣйшій другъ вашего сіятельства, такъ превосходительнѣйшій и почтеннѣйшій тайный совѣтникъ и кавалеръ Обрѣсковъ, полномочный посолъ высочайшей имперіи Россійской, такъ онъ, какъ и я, не разсудили за благо совсѣмъ изъ рукъ нашихъ упустить цѣпь спасительной негоціаціи. Вслѣдствіе чего единственно по природной и искренней нашей благосклонности, согласились и послѣ разстанія нашего, гдѣ бы мы ни обрѣтались, воспріять и производить письменную между нами корреспонденцію, для постановленія и соглашенія дѣлъ мирныхъ, и если соблаговолитъ Всемогущій Творецъ даровать миръ, то чтобы посредствомъ взаимной переписки нашей, дѣла окончены быть могли и по причинѣ разстанія нашего не имѣютъ быть ни въ чемъ ни повреждены, ни уменьшены наши полныя мочи Такожъ-де согласилися мы, чтобы тѣ артикулы, кои такимъ образомъ при помощи Божіей заключены будутъ, были столько же достовѣрны и сохраняемы, какъ когда бы въ присутствіи нашемъ заключены были въ конгресныхъ засѣданіяхъ. Сей нашей конвенціи написаны два акта въ 9-ти артикулахъ единаго содержанія, которыя нами подписаны, печатями нашими утверждены и между нами размѣнены.

Вышеупомянутый же г. посолъ Обрѣсковъ оказалъ намъ толикую дружбу и благопріятство, что почтенная, въ разсужденіи насъ, учтивость и благонравіе его суть неизреченны, а сверхъ обязанности и благодарности моей за поступки г. посла, я, искренній другъ вашъ, не видѣлъ въ Бухарестѣ отъ стороны всѣхъ главныхъ особъ и начальниковъ ничего кромѣ дружбы и благопріятства; чего ради, дабы увѣдомить ваше сіятельство, что отъѣзжаемъ, мы обязаны благонравіемъ и учтивостію поступкамъ превосходительнѣйшаго г.

посла Обрѣскова, и дабы принесть благодарность вашему сіятельству за дружелюбное ваше благопріимство и ласковость, и для испрошенія о благосостояніи вашемъ, написано сіе должное мое къ вамъ письмо и послано къ прославленной вашего сіятельства сторонѣ. Богу изволяюще вы оное получите, а мнѣ, наискреннѣйшему другу вашему, во всегдашнюю честь и славу обратится, что я просвѣщенъ сіяніемъ дружбы вашей.

Подписано тако:

Уповающій на милосердіе Бога Создателя,
Хаджи-Абдулъ Разакъ, полномочный блистательной Порты.

28-го луны Зилгиж
1186 года.

№ 3.

Содержаніе письма, поданнаго генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву отъ митрополита молдавскаго Гавріила.

По отдаленіи бѣдствій нами претерпѣнныхъ, достигли мы къ тихому пристанищу, и обрѣли для себя радость и прохладу. Въ сердечномъ ощущеніи благополучія нашего, возсылаемъ гласъ и моленія наши ко Господу, да вознесетъ родъ христіанскій. Но отъ нѣкотораго времени, дошелъ до ушей сыновъ паствы моея слухъ, поражающій ихъ страхомъ. Да не будетъ жребіемъ ихъ возвращеніе въ руки первыхъ ихъ мучителей; и для того на меня, яко пастыря своего, взираютъ и чрезъ посредство мое ищутъ утѣшенія и отвращенія вихря имъ грозящаго. Я единаго имѣю себѣ благодѣтеля и защитника въ особѣ вашего сіятельства, котораго и прошу предстательствовать о неотчужденіи насъ отъ милости и заступленія Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и подать мнѣ слова утѣшительныя, для ободренія меня и словеснаго моего стада.

№ 4.

Копія съ перевода письма верховнаго Оттоманской Порты визиря, къ генералъ-фельдмаршалу и кавалеру графу Румянцеву.

Прежде всего съ намѣреніемъ, чтобы сыскать способъ, къ доставленію тишины созданію Божіему, и для заключенія между двумя имперіями мирнаго трактата, уполномоченные обѣихъ сторонъ дважды съѣзжались въ назначенныя для конгрессовъ мѣста, но прежде заключеннаго вожделеннаго мира. Проходя срокъ перемирію, чрезвычайный и полномочный Порты посолъ, дѣйствительный Разакъ Эфендіи, его превосходительство седуръ Разакъ Эфенди, по природному своему благоразумію не похотѣлъ, чтобъ послѣ разрыва конгресса, уже безъ произвожденія и совершенія спасительной негоціаціи продолжались военныя дѣйствія, но и для охраненія отъ дальнѣйшихъ напастей обывателей обѣихъ имперій и отъ пагубы толикихъ душъ человѣческихъ, съ пріятнымъ Богу намѣреніемъ не разсудилъ за благо разорвать негоціацію, и сіе богоугодное средство, бывъ апробовано и отъ почтеннѣйшаго друга нашего господина Обрѣскова, то есть: чтобъ цѣпь сношеній не была изъ рукъ упущена, ниже разорвана, но оба вышеупомянутые уполномоченные согласились имѣть между собою сношеніе посредствомъ корреспонденціи или переписки такъ, чтобъ симъ образомъ можно было и привесть къ совершенію вожделенное сіе дѣло; въ чемъ и вручили они другъ другу подписанные и печатьми ихъ утвержденные акты, и послѣ таковаго уже постановленія разъѣхались. Вышеупомянутый же уполномоченный блистательной Порты, по пріѣздѣ своемъ къ намъ, словесно увѣдомилъ насъ о томъ, и для сего, когда внутреннее обѣихъ сторонъ намѣреніе было бы сходственное, то апробуемъ и мы оное, и находя въ семъ средствѣ основанную на возможности надежду, привесть къ вожделенному окончанію благое сіе дѣло, ратификовали вышеупомянутую конвенцію, вслѣдствіе чего пристоитъ и съ вашей дружественной стороны подобная ратификація артикуловъ, находящихся въ актахъ, Размѣненныхъ вышеупомянутыми уполномоченными; дабы впредь

вышеозначеннымъ образомъ могла, посредствомъ взаимной переписки, производиться негоціація, и дабы тѣмъ скорѣе отъ стороны вашей прислана была вашего сіятельства ратификація. Написана сія наша, утвержденная собственною нашею печатью и отъ насъ подписанная ратификація, дабы совершенно исполняемы были всѣ кондиціи помянутой конвенціи, и послана къ дружелюбной вашего сіятельства сторонѣ «1187» 5 луны Мугарремъ въ Шумлѣ.

№ 5.

Копія письма генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Румянцева къ верховному Оттоманской Порты визирю отъ 27-го марта 1773 года.

Всемилостивѣйшій вашего сіятельства отъ 5 луны Мугарремъ я имѣлъ честь получить ваше сіятельство въ толь многихъ случаяхъ оказавши мнѣ знаки вашего дружелюбнаго благопризнанія къ искренности и чистосердечію, которымъ я по всей возможности моей тщился способствовать, къ прекращенію вражды между обоими высокими имперіями, и доставленію толь многимъ народамъ вожделеннаго спокойствія, — безъ сомнѣнія удостовѣрены въ томъ сердечномъ сожалѣніи съ каковымъ принялъ я увѣдомленіе, что труды и подвиги чрезвычайныхъ и полномочныхъ пословъ обѣихъ великихъ государствъ, превосходительныхъ господъ тайнаго совѣтника и кавалера Обрѣскова, и блистательной Порты Реизъ-Эфендія-Хаджи-Абдуръ-Разакъ, не достигли на съѣздѣ ихъ совершенія; но съ другой стороны пріятно и служитъ къ доказательству благонамѣренныхъ расположеній въ сихъ особахъ, когда они изшествіемъ срока перемирія бывъ убѣждены разъѣхаться, изустные свои переговоры премѣнили въ образъ письменнаго сношенія, на достиженіе конца въ дѣлѣ блаженномъ ихъ попеченію ввѣренномъ и учиненною между ними взаимною конвенціею, всѣ нужныя постановленія къ продолженію сей негоціации на пользу роду человѣческому заключили. Пріемля съ истиннымъ удовольствіемъ сіе ихъ постановленіе, на которое они по силѣ данныхъ имъ отъ всепресвѣтлѣйшихъ государей нашихъ полномочій имѣли право во всей

его силѣ и точномъ содержаніи, и видя не меньше и вашего сіятельства на то согласіе, обѣщаю наиискреннѣйше, какъ сей ихъ конвенціи удовлетворять цѣлостнымъ и во всей полности ея наблюденіемъ, такъ и по мѣрѣ всей возможности моей поспособствовать съ моей стороны благополучнѣйшему сего спасительнаго дѣла совершенію. Въ равномъ тому обнадеженъ я и со стороны вашего сіятельства, въ котораго особѣ находилъ я всѣ добродѣтели и особливо чувства человѣколюбія и собственную къ себѣ дружбу и благосклонность, коихъ продолженіемъ себя лаская, есмь съ почтеніемъ.

№ 6.

Графъ Петръ Румянцевъ, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей генералъ-фельдмаршалъ, повелѣвающій первою арміею, малороссійскій генералъ-губернаторъ, коллегіи президентъ, россійскихъ орденовъ святыхъ: апостола Андрея, Александра Невскаго, военнаго побѣдоносца Георгія и голштинскаго святыя Анны кавалеръ, объявляю всѣмъ жителямъ и всякаго званія живущимъ въ области турецкой на правой сторонѣ рѣки Дуная какъ благочестивымъ христіанамъ, такъ и исповѣдующимъ законъ магометовъ.

Неможно не знать каждому, а паче живущимъ въ сихъ странахъ, гдѣ войска турецкія еще имѣютъ свое пребываніе, коликими надъ ними побѣдами въ войну нынѣшнюю благословилъ Всевышній оружіе россійское на обоихъ берегахъ рѣки Дуная; но распространеніе вдоль завоеваній и всякое непріязненное дѣйствіе удержаны были въ прошедшемъ году, коль Порта Оттоманская искала мира и поколику всемилостивѣйшая наша самодержица, слѣдуя природнымъ въ ней и высокой добродѣтели чувствамъ, снизошла къ сему предложенію, яко дѣлу спасительному, искреннимъ согласіемъ со всякою и наибольшею умѣренностію, хотѣвши видѣть, паче торжественныхъ побѣдъ, возстановленіе тишины народной. Чтобъ не быть проливаемой болѣе человѣческой крови, и дабы во вѣки не могли уже возвратиться бѣдствія военныя между обоихъ имперій, то сію истинную благость въ себѣ имѣю всѣ съ сто-

роны ея императорскаго величества безкорыстныя намѣренія и предложенія къ миру, къ благопризнанію цѣлаго свѣта. Не содѣлали однако сіи блаженныя расположенія своего плода, сколь ни были они для всѣхъ ощутительны, по единой Порты непреоборимой крѣпительности, къ возстановленію покоя и тишины; потому съ окончаніемъ перемирія воспріяла россійская императорская армія и паки свои военныя дѣйствія, приступая теперь перенести твердымъ образомъ свое оружіе за рѣку Дунай, какъ уже видятъ часто то исполняемымъ, въ открытіе сей кампаніи. Предувѣдомляя о томъ всѣхъ и каждаго жителей сопротивной стороны Дуная, подаю я вмѣстѣ и то имъ обнадеживаніе, что лютость и грабленіе никогда не были и не будутъ свойствомъ россійскихъ войскъ; что мечь казни и отмщенье простираемъ мы только на однихъ противящихся непріятелей и благотворимъ напротивъ всякому прибѣгающему подъ защиту россійскаго оружія и оному повинующемуся. Примѣромъ сего послѣдняго суть всѣ обыватели, покойно всѣмъ своимъ добромъ пользующіеся, въ странахъ завоеваніемъ въ руки россіянъ доставшихся; и еще примѣръ новѣйшій подаютъ многія семьи самихъ турковъ, которые теперь, при разбитіи непріятеля при Бабадагѣ и при Карасу, добровольно просили себѣ переселенія на лѣвый берегъ Дуная, и приняты здѣсь нами съ оказательствомъ всякаго имъ благодѣянія. Равнымъ образомъ всѣ прочіе какъ христіане, такъ и турки обитающіе за Дунаемъ, да надѣются тѣхъ же самыхъ благотвореній при вступленіи въ ихъ предѣлы россійской арміи, что они если не возьмутъ участія, обще съ непріятелемъ, въ воспротивленіе, или ко вредному какому либо дѣйствію, — покровительствомъ сего оружія охранены будутъ отъ всякаго имъ заключенія, поживутъ каждый по состоянію своему; воинъ отложившій оружіе, торговщикъ и землевладѣлецъ и со всѣмъ добромъ имъ принадлежащимъ безмятежно, и пользуясь онымъ, найдутъ въ россійскомъ войскѣ ко всѣмъ ихъ нуждамъ по всей возможности добродѣтелей, какъ въ пребываніи ихъ въ своихъ мѣстахъ, такъ и въ переселеніи, ежелибъ они того сами пожелали, въ другія. И сіе дознаютъ всѣ и каждый увѣрившійся и полагающійся въ томъ на мое слово, и событія да ожидаютъ, пребывая съ спокойнымъ духомъ, живущіе въ городахъ и деревняхъ

всякаго званія христіане и турки, и да не укрываются отъ лица оружія россійскаго, которое никакъ не ударяетъ, какъ выше я сказалъ, на повинующихся, но на однихъ только противниковъ оному. Данъ въ маршѣ къ Дунаю, мая дня 1773 года.

№ 7.

Рапортъ сколько какихъ чиновъ бессарабскаго корпуса выступило въ походъ за Дунай.

мая 22-го 1773 года.

Званіе чиновъ.	Число людей.
Штабъ-офицеровъ	18
Оберъ-офицеровъ	131
Унтеръ-офицеровъ и капраловъ	355
Музыкантовъ, барабанщиковъ и флейщиковъ	136
Рядовыхъ: Гренадеръ	1,378
Рядовыхъ: Мушкетеръ	1,785
Рядовыхъ: Егерей	466
Полевой артиллеріи и полковыхъ артиллерійскихъ служителей	435
Нестроевыхъ чиновъ	697
Донск. войска четыре казач. полк.: Полковниковъ	4
Донск. войска четыре казач. полк.: Старшинъ	60
Донск. войска четыре казач. полк.: Казаковъ	1,050
Всего корпуса всѣхъ чиновъ	6,515

Орудій, состоящихъ при полевой артиллеріи: 12 фунтовыхъ пушекъ 8, единороговъ полукартаульныхъ 4, четверть-картаульныхъ 2. осьми-фунтовыхъ 4, шуваловская гаубица 1, полковыхъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ 4, единороговъ осьми фунтовыхъ 15. Всего 38 орудій.

Подлинный подписалъ
Генералъ-маіоръ баронъ Вейсманъ.

№ 8.

Превосходительнѣйшій господинъ Сераскиръ-паша, командующій въ городѣ Силистріи.

Извѣстно вамъ да будетъ, что его сіятельство россійскихъ войскъ генералъ-фельдмаршалъ и многими другими знаменитыми чинами въ имперіи почтенный, предводящій арміею на здѣшней уже сторонѣ рѣки Дуная, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, соизволилъ отдѣлить меня съ сильнымъ и многолюднымъ войскомъ на овладѣніе городомъ Силистріею, къ которой ради того я теперь пришелъ. Вы сами знаете, сколько потерпѣли на сихъ дняхъ ваши корпусы отъ лица оружія на нихъ наступавшаго; а я вѣдаю и вамъ говорю, что вашъ городъ отрѣзанъ теперь отъ всякаго полученія себѣ помощи, войска ваши, учинить то хотѣвшіе, разбиты и прогнаны, и его сіятельство, нашъ господинъ генералъ-фельдмаршалъ, своими силами держитъ теперь верховнаго визиря Муссинъ-Заде-Мегмедъ-пашу и другихъ вашихъ пашей въ полной заботѣ спасенія ихъ собственнаго. Въ такомъ положеніи, смотря на городъ Силистрію и не ища причинить лютыя бѣдствія, но паче желая отвратить пролитіе крови людей неповинныхъ, какъ я знаю, что тутъ есть жены и дѣти ваши, схотѣлъ я на нѣкоторые часы удержать силу оружія, и предложить вамъ, что вы имѣете время еще сей день, если отложите тщетную оборону, испросить всякія себѣ выгоды при сдачѣ города, и обнадежены быть можете о цѣлости домовъ и всего имѣнія, къ коимъ не прикоснется рука нашихъ войскъ; а напротивъ всѣ исповѣдающіе законъ магометовъ и другіе жители поживутъ спокойно при всемъ своемъ хозяйствѣ во всей своей свободѣ, и дознаютъ благотвореніе, которымъ пользуются уже многіе турки, отдавшіеся подъ защиту россійскаго оружія, и которые обыкли мы всегда чинить, слѣдуя великодушію и несравненному человѣколюбію нашей великой монархини. Въ доводъ того я къ вамъ сіе пишу, желая чтобы вы сего жъ дня сдѣлали мнѣ отповѣдь, но буде того не учините, то потерявъ спасительныя минуты, падетъ на упорство вина пролитой крови и

всѣхъ тѣхъ бѣдствій, каковы дѣйствіе оружія, держимаго надъ городомъ, должно произвесть, вслѣдъ за тѣмъ, въ полной ярости и безъ пощады. Имѣя надежду, что ваше превосходительство во спасеніе отъ пагубы толикаго числа народа, примете способы отъ меня вамъ выше предлагаемые, которые весьма обычны въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь. Пребываю съ моимъ доброжелательствомъ, вашего превосходительства къ услугамъ готовый, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Всемилостивѣйшей Государыни моей генералъ-поручикъ — командующій передовымъ корпусомъ, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеръ.

№ 9.

Почтеннѣйшій нашъ пріятель господинъ генералъ Алексѣй Алексѣевичь Ступишинъ!

Какъ прошлыхъ дней, такъ и нынѣ имѣвъ намѣреніе нѣкоторую кавалерію, завсегда у насъ впереди шедшую, обучить, и того ради окружилъ ваше войско, дабы оное разбить; нынѣ же письмо ваше получилъ, въ которомъ мнѣ пишете, что уже войско къ намъ въ помощь придти не можетъ, и посему бы я отдалъ вамъ Силистрію. Но благодаря Всевышняго, что съ войскомъ, которое имѣя при себѣ, ежели Создатель мнѣ поможетъ, то не то, что противъ при васъ находящагося войска, но хотя бы собрали всѣ свои войска въ кучу, то и тогда бы напротиву стоять въ состояніи, и ни подъ какимъ видомъ ничего опасаться не имѣю, и почитая за долгъ препоручившимъ намъ здѣсь въ срединѣ находящихся жителей, даже до послѣдняго нашего изнеможенія охранять, и ни одного изъ Силистріи камня, ниже одного гвоздя дать не намѣренъ. Что-же упоминаете, что секурсъ нашъ пресѣкли, то въ томъ полагаюсь на Всевышняго, что не буду нужды имѣть ни въ чемъ, и сіе мое къ вамъ написалъ и послалъ не ради чего инаго, какъ только объявить, что какъ предъ симъ имѣлъ войну,

такъ и паки продолжать намѣренъ, котораго по полученіи да будетъ вамъ еще извѣстно, что крѣпость Силистрію, по приказу самаго нашего Государя, я долженъ сохранять, и потому я, оную на волю Всевышняго предавъ, покуда жить буду, ни одного изъ Силистріи камня выдать не намѣренъ; и коль скоро обо всемъ вышеписанномъ свѣдомы будете, будьте готовы завсегда. Что-жъ касается до дружества нашего, оно продолжаться между нами вѣчно будетъ и свидѣтельствую почитаніе. Писано Луны Ребіулъ Ревель 6-го дня.

№ 10.

Диспозиція на 18 іюня 1773 г.

По открытіи горы у непріятеля ретраншаментомъ запятой, предполагается завтра, то есть 18-го числа іюня, сдѣлать покушеніе отъ корпуса генералъ-поручика и кавалера Потемкина.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ баронъ Вейсманъ всѣмъ корпусомъ, состоящимъ въ командѣ полковника и кавалера Клички, съ своей стороны какъ артиллеріею, такъ и дѣйствительною атакою по согласію взаимному и за знакомъ обвѣщательнымъ содѣйствовать въ семъ предпріятіи имѣетъ.

Въ тоже время наряженная команда отъ перваго корпуса, подъ предводительствомъ г-на генералъ-маіора барона Игельстрома, къ которой и часть г-на генералъ-поручика и кавалера Ступишина, по малолюдству не составляя особливой для генерала части, присовокупится, сойдя съ горы по береговой дорогѣ противъ поста г-на генералъ-поручика Ступишина, сама, первозанятою, дѣлаетъ непріятелю разными демонстраціями заботу, чтобъ онъ на подкрѣпленіе или усиліе атакованнымъ на горѣ не могъ вспомоществовать.

Произведя удачливо поискъ на гору, ежели сбитъ будетъ непріятель, и ежели послѣдствіемъ того удобность откроется, то и ретраншаментъ городовой отъ вышеписанныхъ корпусомъ г-на Потемкина и барона Вейсмана атаковать, а въ такомъ случаѣ г-ну Игельстрому

искать съ своею частью гдѣ ему удобность откроется, равнымъ образомъ, форсировать себѣ входъ въ оный ретраншаментъ.

Но какъ по примѣчанію непріятель меньше всѣхъ другихъ мѣстъ сторону отъ Дуная теперь наблюдаетъ, то Запорожцамъ части, которая останется при ихъ полковникѣ на судахъ, въ тоже самое время войдя въ заливъ, произвесть пушечную пальбу на непріятельскія, поставя батареи на берегу Дуная противъ всего корпуса дѣйствующія, и искать способнымъ же образомъ ворваться въ ретраншаментъ и слѣдовать при этомъ по даваемымъ предположеніямъ отъ господина генералъ-маіора Игельстрома.

Пути же, ведущіе какъ двумъ лѣвымъ колоннамъ къ атакѣ горы, такъ и впослѣдствіи всѣмъ тремъ на самый городъ, какъ уже обозримый самыми генералами предводителями сихъ колоннъ, не кажутся нужны здѣсь быть объясняемы, какъ и распредѣленіе имъ ввѣренныхъ войскъ на ихъ распоряженіе оставляется.

Шанцовый инструментъ имѣть при себѣ каждому въ достаточномъ числѣ, равно и фашинъ по исчисленію, также нѣсколько рогатокъ для употребленія въ нужномъ случаѣ вмѣсто лѣстницъ.

Вся сія атака должна начинаема быть при самомъ разсвѣтѣ; на своихъ же мѣстахъ, съ которыхъ атака начнется должны всѣ части сегодня въ вечернюю зарю быть въ готовности.

Г-нъ генералъ-поручику Ступишину съ своимъ корпусомъ составляя резервъ, взять свою позицію за средней колонной, за которою слѣдовавъ, разсматривая удобности, и въ случаѣ занятія передовыми городоваго ретраншамента, какъ при таковыхъ случаяхъ бываетъ иногда безпорядокъ, войтить въ оный же съ построеннымъ войскомъ. Обозъ свой оставить построеннымъ въ вагенбургѣ, въ прежде овладѣтомъ непріятельскомъ ретраншаментѣ.

Главному корпусу состоять во всякой готовности.

Напослѣдокъ примѣтить хочу 6-й пунктъ 8-го числа іюня, приказъ господамъ колоннъ предводителямъ, дабы наистрожайше подтвердили своихъ частей артиллеріи командирамъ: чтобъ пункты, на которые ихъ дѣйствія стремиться будутъ, жестокимъ огнемъ очищаемы были, не упуская изъ вниманія и то, что когда тѣхъ пунктовъ пѣхота достигать будетъ, обращали-бъ свои орудія поспѣшно

въ тѣ мѣста, которыя въ распространеніе къ пораженію непріятеля и къ очищенію окажутся нужными, или гдѣ наиболѣе непріятель къ отпору онаго стремиться будетъ.

Въ настоящемъ-же случаѣ не надлежитъ и то изъ виду упустить, что какъ при атакѣ горы дѣйствіе нашихъ войскъ будетъ съ двухъ сторонъ, то остерегаться, чтобы иногда перекрестными выстрѣлами артиллеріи не принесть вреда одинъ другому.

Долженъ твердо въ памяти нижнихъ чиновъ подтвержденъ быть приказъ 9-го числа, о удержаніи отъ грабежа, воображая имъ живо тѣ пагубныя слѣдствія, которыя отъ сего послѣдовать могутъ. Въ способность сего каждый частію командующій долженъ при себѣ имѣть зажигательные припасы, которые и истребовать отъ генерала-артиллеріи, которыми, вошедши въ ретраншаментъ, стараться зажечь городъ, что неотмѣнно будетъ препятствіемъ грабежа.

№ 11.

Диспозиція аттаки на кочующихъ на Туртукайской горѣ, на основаніи прежней, прибавляя къ тому:

1. Всѣ пѣхотныя (войска) надлежатъ раздѣлены быть на взводы въ 6-ть рядовъ; такъ переправляются на судахъ, и пойдутъ быстро и мужественно на атаку взводною колонною, взводы намыкая въ раздѣленіяхъ колонны одинъ на другой, и задніе напихивая на передніе весьма. Колонна будетъ одна.

2. Раздѣленіе ея суть: 1) Ребоковъ батальонъ; Астраханскаго пѣхотнаго 2 роты гренадеръ, 4 мушкетеръ, егеря; 2) Батурина батальонъ, 4 роты мушкетеръ и въ срединѣ ихъ батальонъ графа Мелина, 3) Астраханскій карабинерный батальонъ; 4) Апшеронскій батальонъ, гренадерская рота въ хвостѣ; 5) всѣ арнауты, что генерала Потемкина и Кашперовыхъ отъ 100 до 150. Оные дѣйствуютъ въ лѣсахъ по ихъ искусству и набѣгами и ни съ кѣмъ не мѣшаются. Командиръ надъ оными Кашперовъ. 6) Ингерманландскій карабинерный полкъ на коняхъ и 160 Леонова казаковъ, на

4 раздѣленія съ нимъ и Сенюшкинымъ. Они и для пикетовъ на той сторонѣ. Между сими отдѣленіями колонны, интервалы шаговъ по 50-ти. Конница дѣйствуетъ сама собою; и для того у Апшеронскаго батальона гренадерская рота въ хвостѣ, да сверхъ того г-ну Фишеру выбрать 48 стрѣлковъ на 4 отдѣленія, въ каждомъ по два урядника или ефрейтора, и у всѣхъ офицеръ. Оные дѣйствуютъ сзади по егерски, а посему г. Фишеръ съ его батальономъ въ аррьергардѣ и резервѣ.

3. Идти на прорывъ, выигрывая прежній хребетъ горы, ни мало не останавливаясь. Голова хвоста не ожидаетъ, оный всегда въ свое время поспѣетъ, какъ прежній благополучный опытъ доказалъ. Командиры частей колонны или раздѣленій ни о чемъ не докладываютъ, но дѣйствуютъ сами собою съ поспѣшностію и благоразуміемъ. Ежели всѣ турки засядутъ или будутъ набѣгать сильною толпою, то деташируютъ на ихъ зарѣзъ роту, двѣ роты. И хотя деташируется самъ частный командиръ со всѣмъ его отдѣленіемъ; но сіе безъ крайней нужды не чинить, а лучше ихъ съ крыльевъ колонны отстрѣливать, прорываясь на хребетъ горы. Буде же они ворвались бы (чего почти быть не можетъ) въ какой интервалъ марширующей колонны, то натурально, слѣдующее отдѣленіе ихъ сейчасъ выжметъ. Не ошибаться на стрѣльбу и нападеніе нашихъ арнаутъ; а онымъ для того надлежитъ кричать безпрестанно сигналъ. Съ кавалеріею придутъ одинъ единорогъ и одна трехъ-фунтовая пушка. Оные доставить въ карре Батурина. При нихъ надлежитъ быть артиллеристовъ для подмоги двойное число, хотя также при нихъ будутъ лошади. Зарядовъ, принадлежностей довольное число, только безъ ящиковъ. Прочія всѣ пушки закрываютъ передовую и разставлены по берегу благоразумно: когда дѣйствіе начнется, то можно изъ нихъ стрѣлять холостыми зарядами, коихъ нарочно посильнѣе и довольно приготовить.

4. Построеніе на хребтѣ горы есть слѣдующее: фронтъ на рѣку, буде изъ верхняго лагеря турки не уйдутъ, съ праваго крыла батальонъ Фишера, батальонъ Астраханскій карабинерный, батальонъ Батурина, батальонъ Ребока. Батальоны Фишера и Ребока— въ 6-ть шереногъ.

Батальоны Астраханскій карабинерный и Батурина, карeями.

Кавалерія позади. Тожъ казаки и арнауты. Чего ради ударить сборъ и играть на трубахъ; построеніе когда мѣсто, съ интервалами, въ каре лучше поставить, съ крыльевъ, по одной только ротѣ, но сильной.

Переправа: первая линія 30 лодокъ; Ребоковъ батальонъ, Батурина съ Мелинымъ батальонами.

Вторая линія: въ 13 мачтовыхъ судовъ; Астраханскій карабинерный батальонъ, арнауты; ежели не будетъ довольно мѣста, то для Апшеронскаго батальона придать чайки, которыя пойдутъ позади того батальона, дабы линію не портить.

Кашперову съ арнаутами тотчасъ идти своею дорогою и вступать въ свое дѣло.

Третья линія четыре чайки: Ингерманландскій карабинерный полкъ, перемѣшиваясь съ 160 Леонова казаками; и при нихъ Леоновъ и Сенюшкинъ.

Судамъ возвращаться съ той стороны весьма поспѣшно. И поелику оныя возвращаться будутъ, то сажать на нихъ поспѣшно Ингерманландскихъ карабинеръ съ казаками смѣся. При карабинерахъ отправить и два выперѣченныя орудія. Вѣстовыя лодки пополамъ на сей и на той сторонѣ.

Аттака на верхній турецкій лагерь, буде изъ онаго турки не уйдутъ, надлежитъ быть—того жъ часу по построеніи на хребтѣ горы.

Первая линія: маіоръ Ребокъ, два эскадрона карабинеръ Ингерманландскаго, казаковъ 40.

Вторая линія: Астраханскій карабинерный, и за нимъ резервъ, Фишеръ съ Апшеронскимъ батальономъ, два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаковъ. Кашперовъ съ арнаутами, дѣйствуетъ по обычаю, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь. На хребтѣ горы останется каре Батурина, одинъ эскадронъ Ингерманландскаго, 50 арнаутъ, 80 казаковъ, изъ нихъ 40 для содержанія пикетовъ.

Аттаковать батареи мужественно, разбить, отнять суда и свесть къ переправѣ на нашъ берегъ. Артиллерію турецкую весьма всю въ цѣлости забрать съ лафетами. Ежели гдѣ кучка турокъ будетъ просить ихъ Аманъ, то давать. Погоню за турками чинить можно

кавалерію, токмо осторожно и недалеко. Впрочемъ возвращаться въ прежнее построеніе на хребтѣ горы.

№ 12.

Переводъ именнаго указа султанскаго, присланнаго въ армію чрезъ меченосца его.

Симъ моимъ именнымъ указомъ объявляю а именно Агѣ-пашѣ, всѣмъ трехбунчужнымъ и 2-хъ бунчужнымъ пашамъ, всѣмъ полковымъ командирамъ, блистательной Порты министрамъ, и всѣмъ желающимъ добра нашему государству. Нѣсколько тому лѣтъ назадъ, какъ я продолжаю войну съ непріятелемъ моимъ, не ради чего инаго, какъ только, дабы оному отмстить, и по сіе время не жалѣлъ моей казны и ничего такого, что бы было потребно для войны; такожъ жаловалъ всѣхъ васъ по сіе время своею высочайшею милостію и чрезъ то надѣялся завсегда отъ васъ поспѣшности къ побѣдѣ непріятеля; но напротивъ того видя васъ всѣхъ несогласныхъ между собою, такожъ и будучи непослушны повелѣнію визиря моего, причиною были всѣ вы разстройкѣ войска моего, почему и допустили непріятеля дойти въ такія мѣста; но со всѣмъ, тѣмъ я, васъ за сіе не отомщая, простилъ васъ, и дабы вы нѣсколько успокоились, согласились до степени, до которой только право наше повелѣвало на миръ. И того ради два раза на конгрессъ своихъ министровъ посылалъ, и уже тому цѣлый годъ какъ объ ономъ старался; но непріятель вѣры нащей будучи побѣдителемъ, противъ всѣхъ правъ нашихъ требованіемъ своимъ хотѣлъ посрамить всю вѣру нашу православную, о чемъ всему свѣту извѣстно, въ такомъ случаѣ какъ вы сіе снести можете? и не понимаете ли, что неимѣющій духа будрости стоять противъ непріятеля будетъ наказанъ отъ Бога.

Нынѣ же повелѣваю вамъ быть послушными моему визирю и исполнять его приказы и во всѣхъ случаяхъ противъ непріятеля стоять, и будьте увѣрены, что завсегда Всевышній, при васъ находясь, помощь вамъ подавать будетъ. А съ моей стороны генерально всѣ безъ полнаго награжденія оставлены не будете.

№ 13.

Росписаніе

Арміи Ея Императорскаго Величества, предводительствуемой генералъ-фельдмаршаломъ и кавалеромъ графомъ Румянцевымъ.

Кордарме,

при которомъ генералъ-фельдмаршалъ и къ главной квартирѣ надлежащіе чины находиться имѣютъ.

	Полки
Командующій онымъ господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Ступишинъ.	Первый, Третій } Гренадерскіе.
Господа генералъ-поручики:	Куринскій.
Ѳедоръ Глѣбовъ при кавал.	Сѣвскій.
Князь Юрій Долгоруковъ.	Второй Московскій.
Господа генералъ-маіоры:	Санктпетербургскій.
Князь Василій Долгоруковъ, дежурнымъ при арміи.	Старооскольскій.
	Первый Московскій при Водянахъ.
Баронъ Игельстромъ.	*Кавалерійскіе.*
Андрей Милорадовичъ.	Кіевскій кирасирскій.
Аполлонъ Волковъ.	*Карабинерные.*
Князь Григорій Волконскій, при кавалеріи.	Сибирскій.
	Рязанскій.
	Ригскій.
	Три эскадрона Венгерскаго гусарскаго полка.
	Донскіе казацкіе.
	Бывшій атамана Сулина, а нынѣ полковн. Константина Сулина.
	Бывшій полковника Зазерскаго, а нынѣ Бузина.
	Малороссійскихъ казаковъ Переяславскаго полка 500.
	Піонерный баталіонъ.
	Понтонная рота съ понтонами.

Правое крыло. Корпусъ подъ командою господина генерала и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова. (2 куры)

	Полки
Господинъ генер.-поручикъ и кавалеръ Михаилъ Каменскій.	Четвертый Гренадерскій.
Господа генералъ-маіоры:	Капорскій.
Петръ Текелли.	Низовскій.
Князь Юрій Трубецкой.	Апшеронскій.
Силимъ Энгельгардъ. } прика-	Архангелогородскій.
Карлъ Камеенъ. } валер.	Ингерманладскій.
Сергѣй Колюбакинъ.	Сибирскій.
	Муромскій.
	Тенгинскій.
	Егерскіе баталіоны:
	Подполковниковъ
	Аршеневскаго.
	Князя Мещерскаго.
	Карабинерные:
	Астраханскій.
	Нижегородскій.
	Вятскій.
	Тобольскій.
	Гусарскіе:
	Сербскій.
	Ахтырскій.
	Днѣпровскій Пикинерный.
	Казацкіе Донскіе:
	Дьячкина.
	Янова.
	Сычова.
	Леонова.
	Навербованный изъ польскихъ жителей.
	Арнауты.

Лѣвое крыло, корпусъ подъ командою господина генерала-поручика и кавалера барона Унгерна. / 3-й корпус

	Полки
Господа генералъ-маіоры:	Кабардинскій.
Викентій фонъ-Райзеръ.	Ширванскій.
Гаврила фонъ-Траубенбергъ, при кавалеріи.	Троицкій.
	Невскій.
	Егерскій баталіонъ подполковника Мекноба.
Николай Чорба.	Московскій, Тверской } Карабинерные.
	Харьковскій гусарскій.
	Донскіе казацкіе:
	Денисова.
	Мартынова.
	Голова.
	Луки Сулина.
	Смоленскій пѣхотный, въ Килiи въ гарнизонѣ.

Корпусъ резервный подъ командою господина генерала поручика и кавалера Потемкина.

Господа генералъ-маіоры:

Александръ Суворовъ.

Николай Каковинскій.

Князь Петръ Галицынъ.

Кирила Хрущовъ, при кавалеріи.

Іосифъ Сатинъ при гусарахъ.

Астраханскій.

Нижегородскій.

Ярославскій.

Орловскій.

Козловскій.

Пермскій.

Егерскій баталіонъ подполковника барона Ферзена.

Новотроицкій кирасирскій.

Ингерманландскій карабинерный.

Гусарскіе:

Острогожскій.

Волохскій.

Елизаветградскій пикинерный.

Донскіе казацкіе.

Бывшій Константина Сулина а нынѣ Устинова.

Агеева или который стоитъ на сторонѣ Ардыша.

Двѣ тысячи запорожскихъ казаковъ при устьѣ Яломицы.

Понтонныя роты, команда съ понтонами тѣмъ числомъ какое до сего состояло.

Безпосредственно подъ ордеромъ генерала-фельдмаршала.

	Полки.	
Господинъ генералъ-поручикъ Павелъ Олсуфіевъ.	Бутырскій. Кіевскій. Навагинскій. } пѣхотные	Въ Бендерахъ. Въ Аккерманѣ. } Въ гарнизонѣ.
	Казацкіе: Донской полковника Карпова. Малороссійскій Лубенскій. Пермскій карабинерный.	Для содержанія обвѣщательныхъ постовъ отъ Аккермана сей стороной до Бендеръ, а той стороной Днѣстра до устья онаго и рѣки Тешаула и замка Гаджибея.
		На подкрѣпленіе казачьихъ полковъ на той сторонѣ Днѣстра въ удобномъ мѣстѣ.

<table>
<tr><td>Господинъ полковникъ комендантъ Борзовъ.</td><td>Ростовскій пѣхотный.
Артиллерійская и инженерная команды.</td><td colspan="2">Въ Браиловѣ въ гарнизонѣ.</td></tr>
<tr><td>Господинъ генералъ маіоръ Римскій-Корсаковъ имѣющій и правленіе въ Молдавіи земскихъ дѣлъ.</td><td>Двуротная команда перваго Московскаго полка.
Хотимскій баталіонъ.
Ясской баталіонъ.
Кіевскаго и Прилуцкаго полковъ.
Тысяча казаковъ.</td><td>Въ Хотинѣ.
Въ Яссахъ и по границѣ Трансильванской.</td><td rowspan="2">Для наблюденія внутренней тишины, прикрытія магазейновъ и безопаснаго препровожденія къ арміи транспортовъ.</td></tr>
<tr><td>Господинъ генералъ-маіоръ Ширковъ.</td><td>Наслѣдниковъ кирасирскій полкъ.
Двадцать пѣхотныхъ ротъ взятыхъ изъ Кіева.
Тысяча пятьсотъ Малороссійскихъ казаковъ.</td><td>Въ Польшѣ между Днѣпра и Днѣстра.</td></tr>
</table>

Полевой артиллеріи, и генеральнаго штаба, инженернымъ, коммисаріатскимъ, провіатнскимъ, и медицынскимъ чинамъ оставаться при тѣхъ же корпусахъ при коихъ до нынѣ находились.